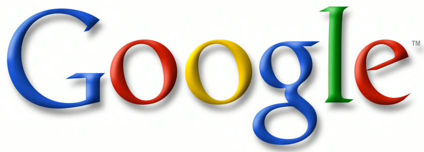

ЗАДУНАЙСКІЕ И АДРІАТИЧЕСКІЕ

СЛАВЯНЕ.

ЗАДУНАЙСКІЕ И АДРІАТИЧЕСКІЕ
СЛАВЯНЕ.

ОЧЕРКИ СТАТИСТИЧЕСКІЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ.

ВИКЕНТІЯ МАКУШЕВА.

Изданіе редакціи «Литературной Библіотеки.»

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. А. Бокрама, по большой Московской, № 4.

1867.

Никто не станетъ отрицать важности для насъ русскихъ изученія славянскаго міра, родственнаго намъ по языку, нравамъ и обычаямъ. Объ этомъ предметѣ разсуждали у насъ довольно много, и еще недавно доказывали, что *изученіе славянства* находится въ тѣсной связи *съ русскимъ народнымъ самосознаніемъ или, что тоже, съ успѣхами русской образованности, гражданственности и внѣшней политики*. Тѣмъ не менѣе знакомство, болѣе или менѣе основательное, съ славянскимъ міромъ составляетъ доселѣ привиллегію незначительнаго числа спеціалистовъ, общество же наше имѣетъ понынѣ весьма неопредѣленное понятіе о братьяхъ нашихъ славянахъ, и въ этомъ нельзя его винить. У насъ нѣтъ ни одного цѣльнаго труда ни по статистикѣ, ни по этнографіи, ни по исторіи славянъ, и только года два тому назадъ изданъ г. Пыпинымъ обзоръ исторіи славянскихъ литературъ. Тотъ, кто не знакомъ съ иностранными языками и славянскими нарѣчіями, принужденъ ограничиваться разбросанными по журналамъ отрывочными замѣтками о славянскихъ краяхъ нашихъ немногочисленныхъ путешественниковъ и ученыхъ, изъ коихъ оказалъ наиболѣе услугъ нашему обществу *А. Ѳ. Гильфердингъ* своими разнообразными трудами по статистикѣ, этнографіи и исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Ученыя изслѣдованія гг. Срезневскаго, Бодянскаго, А. Майкова и нѣк. др., по понятной причинѣ, имѣютъ весьма ограниченный кругъ читателей.

При недостаткѣ оригинальныхъ сочиненій о славянахъ становится еще ощутительнѣе почти полное отсутствіе переводныхъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ О. М. Бодянскій перевелъ *Славянскія древности* и *Славянское народописаніе* (послѣднее уже устарѣло) знаменитаго *Шафарика;* въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ былъ переведенъ трудъ *Мацѣевскаго* по *исторіи славянскихъ законодательствъ;* переводъ бро-

шюры *Коллара о литературной взаимности* былъ напечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ; *Исторія сербскаго возстанія*, *Ранке*, переведена г. Бартеневымъ въ Москвѣ въ 185 г.; наконецъ переводъ краткой *этнографіи Турціи*, *Лежана*, былъ изданъ въ Этнографическомъ сборникѣ, а сочиненія *Дентона* о *Сербіи* въ Русскомъ Вѣстникѣ: вотъ всѣ, сколько мнѣ извѣстно, сочиненія о славянахъ, переведенныя на русскій языкъ. При постоянно возрастающей потребности изученія славянскаго міра, нельзя не удивляться, что у насъ почти не переводится нетолько съ славянскихъ нарѣчій, но даже съ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ — сочиненій по статистикѣ, этнографіи и исторіи славянъ.

При такомъ состояніи нашей литературы славяновѣдѣнія, полагаю, будетъ не безполезенъ издаваемый нынѣ сборникъ статей моихъ о задунайскихъ и адріатическихъ славянахъ. Предназначаясь преимущественно для читателей, мало знакомыхъ съ родственными намъ племенами сербовъ и болгаръ, онъ, надѣюсь, будетъ не излишенъ и для спеціалистовъ, которые найдутъ въ немъ свѣдѣнія, почерпнутыя или изъ личныхъ моихъ наблюденій, или изъ рукописей и рѣдкихъ изданій.

О событіяхъ въ Далмаціи, Черногоріи и Герцеговинѣ съ начала 1862 года я говорю или по личнымъ наблюденіямъ, или на основаніи имѣющихся у меня документовъ, или же наконецъ по разсказамъ такихъ лицъ, которыя не могутъ быть заподозрѣны въ незнаніи или преднамѣренномъ искаженіи истины. Свѣдѣнія о предшествовавшихъ событіяхъ заимствованы мною изъ источника, которому я долженъ былъ довѣрять. Во избѣжаніе упрековъ въ недоброжелательствѣ, я считаю долгомъ своимъ заявить, что о сношеніяхъ *Никифора Дудича* съ Омеръ-Пашею, *предшествовавшихъ* его назначенію *комендантомъ* Герцеговины, я говорю на основаніи этого послѣдняго источника, а потому и слагаю съ себя всякую отвѣтственность за взведенное на него обвиненіе. За достовѣрность сообщенныхъ мною свѣдѣній о проис-

шествіяхъ съ начала 1862 по ноябрь 1865 года включительно могу смѣло поручиться.

Нашлись люди, которые назвали напечатанную мною первоначально въ Русскомъ Вѣстникѣ за мартъ 1866 г. статью о Черногоріи *доносомъ*. Доносъ кому и на кого?! Извѣстно, что всякій мѣритъ на свой аршинъ: высказать правду на языкѣ этихъ господъ значитъ написать доносъ. Я рѣшился сказать правду о Черногоріи потому, что у насъ вѣрятъ еще въ сильное наше вліяніе въ этомъ микроскопическомъ княжествѣ... Но кого мы обманываемъ, если не самихъ себя?—Мой отзывъ о черногорскомъ правительствѣ могутъ подтвердить тѣ немногіе русскіе путешественники, которые были въ Черногоріи съ 1862 по 1865 годъ, — періодъ времени, мною описанный. Тѣ самые люди, которые называютъ мою статью *доносомъ*, внутренно должны сознавать, что я ничего не преувеличилъ, но о многомъ умолчалъ.

Дошли до меня также слухи, что эта самая статья моя произвела *тяжелое впечатлѣніе въ Черногоріи* и что будто бы князь Николай ожидалъ отъ меня опроверженія собственныхъ моихъ словъ. Я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые не умѣютъ обращаться съ словомъ: для меня слово однозначительно съ дѣломъ, а потому я могъ только болѣе развить въ послѣдующихъ статьяхъ высказанное мною кратко въ первой. Высказаться вполнѣ я не могъ: для этого еще не настало время.

Большая часть статей Сборника была напечатана въ «Литературной Библіотекѣ». Статья о Далмаціи была помѣщена въ «Голосѣ» за 1864 годъ № 341, но я значительно дополнилъ и измѣнилъ ее. Статьи о литературной дѣятельности въ Черногоріи и Дубровникѣ нигдѣ еще не были напечатаны.

Статья о «задунайскихъ славянахъ» предназначается для читателей, мало знакомыхъ съ настоящимъ и прошлымъ сербовъ и болгаръ. Въ возможно краткомъ очеркѣ я старался собрать разсѣянныя въ разныхъ сочиненіяхъ

свѣдѣнія статистическія, этнографическія и историческія о задунайскихъ славянахъ. Я указываю только на тѣ сочиненія, которыми я пользовался, не упоминая о тѣхъ, которыя были недоступны для меня. Въ этой статьѣ спеціалисты найдутъ новаго для себя только свѣдѣнія о католической пропагандѣ на Востокѣ, заимствованныя мною изъ одной рукописи францисканской библіотеки въ Дубровникѣ и о княженіи Николая I.

Статьи, бывшія уже прежде напечатанными, я вновь просмотрѣлъ, дополнилъ и измѣнилъ, насколько мнѣ казалось нужнымъ.

Я старался болѣе всего быть безпристрастнымъ: если гдѣ невольно я погрѣшилъ противъ этого правила, то пусть читатель вспомнитъ слова *Вильмена:* «L'entière impartialité, c'est l'oeuvre de l'historien racontant à loisir le passé, mais non la vertu du spectateur qui, fortement agité par ses impressions de joie, d'indignation, de crainte, raconte ce qu'il a vu, ce qu'il a souffert en le voyant».

В. М.

I.

ЗАДУНАЙСКІЕ СЛАВЯНЕ *).

I.

Границы племенъ болгарскаго и сербскаго. *Данныя статистическія*: общая цифра для болгаръ и сербовъ; отношеніе народонаселенія къ территоріи; дѣленіе задунайскихъ славянъ по религіи и религіозная вражда; отношеніе болгаръ и сербовъ къ другимъ народамъ, населяющимъ Турцію; отношеніе задунайскихъ славянъ къ австрійскимъ и русскимъ. Характеристика страны, занимаемой сербами и болгарами. *Свѣдѣнія этнографическія*: жилища; села и города; пути сообщенія; *занятія:* земледѣліе, скотоводство; *бытъ семейный*: свадебные обряды, положеніе женщины, супружеская вѣрность, обычаи при рожденіи дѣтей, воспитаніе, родственныя отношенія, обычай побратимства; *бытъ общественный:* община и родовая вражда, отсутствіе сословій, служилые люди въ Сербскомъ княжествѣ и Черногоріи, тяжесть податей и налоговъ, рабское состояніе христіанъ въ Турціи; состояніе народнаго *просвѣщенія* въ Турціи, Сербіи и Черногоріи; суевѣрія; народные праздники; музыка и пляска, народныя пѣсни; языкъ; характеръ болгарина и серба; одежда.

Въ настоящее время, когда восточный вопросъ такъ озабочиваетъ всю Европу, когда одни съ безпокойствомъ, другіе съ блестящими надеждами, а всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ весны,—намъ, русскимъ, слѣдуетъ поближе ознакомиться съ современнымъ положеніемъ Турціи и состояніемъ различныхъ народностей, ее населяющихъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ единоплеменнымъ намъ славянамъ.

---

*) *Пособія:* А) *Общія*: *П. Шафарикъ*, Slavansky narodopis (съ этнограф. картою), 3 изд. Прага, 1842; — *Лежанъ*, Этнографія Европейской Турціи (съ этнографическою картою Е. Т.), рус. пер. въ VI. вып. Этногр. Сборн. (1864 г.);—*А. Буэ*, La Turquie d'Europe, 4 vol. Paris. 1848; — *его-же* Recueil d'itinéraires de la Turquie d'Europe. 2 vol. Vienne, 1854.; — Cyprien Robert, Les Slaves de la Turquie. Paris,

Два большихъ юго-славянскихъ племени, *болгаре* и *сербы*, превышающіе числомъ 10 милліоновъ, занимаютъ большую часть Балканскаго полуострова, составляя почти $^{2}/_{3}$ населенія европейской Турціи и болѣе $^{1}/_{4}$ всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ. Границею обоихъ племенъ, весьма сходныхъ между собою по языку, нравамъ и обычаямъ, быту семейному и общественному и историческимъ преданіямъ, служатъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, горы, идущія по лѣвому берегу болгарской Моравы, и рѣка Тимокъ, впадающая повыше Виддина: на востокъ отъ этой границы живутъ болгаре, на западъ—сербы.

Область, занятая болгарами, заключается между Дунаемъ, Тимокомъ, горами, лежащими на З. отъ болгарской Моравы, Призреномъ, Охридою, Касторіею, Ніавстою, Солунемъ (Салоники), Адріанополемъ, Сизеболи, Чернымъ моремъ, Бургасомъ, Сливною и Расградомъ. Границы болгарскаго племени прежде были го-

---

1843.; — Ubicini, Lettres sur la Turquie. Paris, 1851—53. 2 vol.; — X. Heuschling, L'Empire de Turquie. Paris. 1860; — V. Reden, Türkei und Griechenland in ihrer Entwickelungsfähigkeit. Francf. a. M. 1854.;— Viquesnel, Voyage dans la Turquie d'Europe. Paris, 1856; — Hippolite Desprez, Les peuples de l'Autriche et de la Turquie. 2 v. Paris, 1850;— *В. С. Караджича* Србски ріечник. У Бечу, 1818,—и *Ригера*, Научный Словникъ: Іигословане и Булгари. — Б) *Частныя*: *Гильфердинга*, Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Спб. 1859;—*Фра Юкича*, Zemliopis i poviestnica Bosne. Zagreb, 1851; — *Гавриловича*, Рѣчникъ географійско-статистичный Србіе. Бѣлградъ, 1846; — *В. Ламанскаго*, Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи. Спб. 1864; — *Гана*, Reise von Belgrad nach Salonik. Wien, 1861 (съ картами); — *Медаковича*, Живот и обичаи Црногораца. У Новом Саду (Neusatz), 1851; — Montenegro und Montenegriner. Stutg. 1837; — *Е. Ковалевскаго*, Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Спб. 1841. — *А. Попова*, Путешествіе въ Черногорію. Спб. 1847;—Kohl, Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro. 2 Bd. Dresd. 1851; — Wilkinson, Dalmatia and Montenegro. Lond. 1848 (съ портретомъ владыки Петра II. Нѣм. обработка В. А. Линдау: Dalmatien und Montenegro, 2 Bd. Leipzig, 1849); — *В. Макушева*, Поѣздка въ Черногорію осенью 1865 г. Русскій Вѣстн. 1866 г. за мартъ мѣсяцъ; — *С. Палаузова*, О болгарскомъ церковномъ движеніи, въ Сѣв. Пчелѣ 1860г. №№ 120, 122, 132, 142, 1861 № 22 и 32, — и нѣк. др.

раздо шире: оно занимало на З. страну между Моравою и Тимокомъ и между Ибромъ и болгарскою Моравою, впослѣдствіи (съ конца XII или начала XIII вѣка) осербившуюся, и доходило до южной Албаніи (Вагенеты); на Ю. оно имѣло поселенія въ Өессаліи (Велигостиче) и Мореѣ (Езерце, Маняки и Мильчаны) и на С. въ Валахіи (Сѣверяне, Мильчаны): мало-по-малу слились болгаре въ этихъ мѣстахъ съ господствующею народностью; впрочемъ кое-гдѣ сохранили они и понынѣ свою народность внѣ предѣловъ, нами обозначенныхъ: въ Валахіи ихъ немного и они быстро обрумыниваются; во Өракіи они живутъ въ колоніи Булгаръ-кой или Руссъ-кой (2.000 душъ) и особенно въ Инджиджисѣ; въ окрестностяхъ Каварны и въ Добруджѣ, вблизи Чернаго моря и озера Разина, находимъ болгарскихъ рыболововъ; по парижскому договору 1856 г. городъ Болградъ (8.000 ж.) и большая часть болгарскихъ колоній въ Буджакѣ или южной Бессарабіи (съ 1829 г.) отошли къ Молдавіи; нѣсколько тысячъ болгаръ поселены издавна въ Малой Азіи въ окрестностяхъ Мраморнаго моря.

Границы сербскаго племени, заселяющаго сплошною массою Сербію, Боснію, турецкую Кроацію, Герцеговину и Черногорію, доходятъ на югѣ до рѣки Бояны въ Албаніи, откуда идутъ по Зетской долинѣ къ Гусинью, Дьякову и Призрену, гдѣ начинается черта, отдѣляющая сербовъ отъ болгаръ. Въ IX стол. сербскія поселенія простирались на югѣ до Дураццо: остатки этихъ поселеній удержались на западной сторонѣ острова Охриды и въ котловинѣ Пресбы, между скипетарами (албанцами), пододвигавшимися постоянно на С. по мѣрѣ удаленія сербовъ въ Австрію (съ начала XV вѣка, но особенно въ 1690 и 1740 годахъ, когда десятки тысячъ выселились въ Австрію подъ предводительствомъ патріарховъ печскихъ Арсеніевъ III и IV). „Сербскій элементъ", по словамъ Лежана (стр. 30), „простирается со стороны Албаніи до рода или общины Зуби близь Дрина; далѣе же встрѣчаются лишь селенія, отдѣльныя

1*

или группами, между албанцами или болгарами. Монастыри, основанные сербскими царями на Аөонской горѣ, представляютъ крайнюю точку поселенія этого племени на юговостокѣ, потому что въ Македоніи сербы исчезли. Въ Валахіи есть нѣсколько сербскихъ селеній, изъ коихъ нѣкоторыя основаны Милошемъ Обреновичемъ, купившимъ тамъ земли и поселившимъ семейства изъ своего княжества". Поселеніе турокъ между сербами и принятіе ислама боснійскимъ и герцеговинскимъ дворянствомъ не нанесло никакого ущерба сербской народности; только малочисленныя поселенія югославянскія въ Апуліи (въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка) поитальянились.

Уже давно было замѣчено, что статистика Турціи находится еще въ младенческомъ состояніи. Сама Порта несмотря на то, что народная перепись была введена еще при Сулейманѣ I въ половинѣ XVI столѣтія, не знаетъ доселѣ съ точностію числа подданныхъ султана: какъ чиновники, такъ и духовенство изъ своекорыстныхъ видовъ показываютъ число христіанъ гораздо ниже дѣйствительнаго. Но и такими недостаточными офиціальными показаніями не могутъ по большей части пользоваться путешественники для опредѣленія числа жителей въ турецкой имперіи: они прибѣгаютъ къ различнымъ соображеніямъ, напр. по количеству подати или домовъ; но и подобныя вычисленія далеко не вѣрны, потому что съ одной стороны отъ платежа податей изъяты женщины, дѣти, старики, больные, бѣдные и духовенство,— съ другой часто одинъ заборъ огораживаетъ нѣсколько домовъ, занятыхъ нѣсколькими семействами.

При такомъ состояніи статистики Турціи, немыслимо точное опредѣленіе цифры задунайскихъ славянъ. Цифра эта различными статистиками опредѣляется различно: такъ Убичини считаетъ *болгаръ* только 3 милліона, Шафарикъ 3.500.000, К. Роберъ, Ами Буэ и Реденъ 4.500.000, а сами болгаре въ прошеніи, поданномъ ими султану въ 1856 году, насчитываютъ до семи съ поло-

виною милліоновъ; столь же разнообразны показанія и о *сербскомъ племени*: по Лежану сербовъ въ Турціи 1.660.000, по Убичини 1.900.000, по Роберу 2.500.000, по Шафарику 2.600.000, по Чернигу 2.633.000 и по Редену 2.950.000. Вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, число болгаръ въ Турціи болѣе извѣстно, чѣмъ число сербовъ: Боснія, Герцеговина, Старая Сербія и Албанія, и даже Черногорія, доселѣ мало изслѣдованы, а потому слѣдуетъ предполагать, что цифра для сербовъ гораздо ниже дѣйствительной. Кромѣ болгаръ и сербовъ, Реденъ насчитываетъ до 250.000 другихъ славянъ; изъ этого числа 70 семействъ *поляковъ*, поселенныхъ послѣ крымской кампаніи Решидъ-Пашею въ его помѣстьяхъ при устьи Саламвріи, а остальные—*русскіе* (малоруссы)—въ Молдавіи, Добруджѣ и въ Малой Азіи: въ Молдавіи въ селеніяхъ и городахъ (особ. въ Яссахъ) живутъ раскольники изъ секты скопцевъ, занимающіеся торговлею; въ Добруджѣ и въ разныхъ мѣстахъ М. Азіи (близь Самсуна, въ Казакли на озерѣ Маныясъ, въ Болатскомъ округѣ) поселены казаки-старовѣры, бѣжавшіе въ Турцію отъ преслѣдованій въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II. Такимъ образомъ число всѣхъ славянъ въ Турціи возрастетъ до 11 слишкомъ мил., изъ коихъ почти $^2/_3$ принадлежитъ къ болгарскому племени.

Эти 11 милліоновъ славянъ занимаютъ пространство приблизительно въ 4.800 кв. геогр. миль (около 2.500 кв. г. м.—болгаре и 2.300 кв. г. м.—сербы), что составляетъ половину всей европейской Турціи; по этому приблизительному расчету приходится на одну кв. геогр. милю 208 человѣкъ болгаръ и 174 чел. сербовъ. Изъ семи слишкомъ милліоновъ болгаръ, половина живетъ въ собственной Болгаріи, а остальные разбросаны по всему пространству, заключающемуся въ вышеобозначенныхъ границахъ, и внѣ ихъ,—то сплошною массою, то смѣшанно съ турками, румынами, греками и албанцами. Три милліона сербовъ распредѣляется такимъ образомъ: въ Серб-

скомъ княжествѣ около милліона, въ Черногоріи 125.000, въ Босніи приблизительно 1 милліонъ, въ Герцеговинѣ до 300.000, а остальные въ Старой Сербіи и Албаніи.

Изъ одинадцати милліоновъ задунайскихъ славянъ, насчитывается болѣе 800.000 магометанъ и 233.000 католиковъ; всѣ остальные принадлежатъ къ православной церкви.

При завоеваніи турками Балканскаго полуострова, часть болгаръ и сербовъ приняла исламъ изъ корыстныхъ видовъ: равнодушные къ исповѣдуемой ими религіи, помаки сохранили свою народность, тогда какъ ихъ земляки въ восточной Болгаріи вмѣстѣ съ религіею приняли и языкъ побѣдителей и совершенно потурчились, такъ что невозможно отличить омусульманившихся болгаръ отъ турокъ; боснійское дворянство, принявшее исламъ (300.000) для сохраненія своихъ помѣстьевъ, нисколько не поддалось турецкому вліянію и удержало до настоящаго времени языкъ и обычаи своихъ предковъ; оно раздражено, и уже не разъ возставало съ оружіемъ въ рукахъ противъ турецкаго правительства, положившаго себѣ за правило мало-по-малу обуздывать эту буйную мусульманскую аристократію постепеннымъ лишеніемъ ея прежнихъ привилегій; вслѣдствіе такихъ отношеній боснійскихъ мусульманъ къ Портѣ, христіане въ случаѣ возстанія могутъ расчитывать на поддержку съ ихъ стороны. Кажется и остальные омусульманившіеся сербы (въ Герцеговинѣ 60.000 и въ Старой Сербіи и Албаніи до 150.000) не отстанутъ отъ своихъ боснійскихъ единовѣрцевъ въ ненависти къ турецкому правительству.

Въ иныхъ отношеніяхъ стоятъ католики къ православнымъ. „Религія безъ пропаганды немыслима", говаривалъ мнѣ одинъ изъ даровитѣйшихъ и образованнѣйшихъ дубровничанъ, графъ Николай Пуцичъ (Pozza): этого правила придерживались искони католики. Если они такъ ревностно, въ продолженіе стольких вѣковъ, проповѣдывали католицизмъ у насъ на Руси, то неуди-

вительно, что они издавна подкапывались и доселѣ подкапываются подъ православіе у славянъ южныхъ.

Современникъ славянскихъ апостоловъ, болгарскій царь Борисъ, недовольный греческимъ духовенствомъ, просилъ папу Николая назначить въ Болгарію особаго патріарха. Съ тѣхъ поръ папы не переставали думать о совращеніи въ католицизмъ православныхъ болгаръ. При царѣ Іоаннѣ I Асѣнѣ, въ первыхъ годахъ XIII вѣка, состоялась временная унія болгарской церкви съ римскою; съ перерывами она продолжалась и послѣ него: остатки болгарскихъ уніатовъ (павликіяне 50.000) живутъ въ окрестностяхъ Филиппополя и Свиштова. Подъ покровительствомъ католическихъ державъ, преимущественно Франціи, католическая пропаганда дѣйствуетъ съ успѣхомъ и въ наше время. Орденъ лазаристовъ и сестры милосердія, пользуясь нерадѣніемъ константинопольскаго патріархата о народномъ просвѣщеніи, открыли свои школы въ главныхъ городахъ имперіи (Константинополѣ, Солунѣ, Смирнѣ, Дамаскѣ, Бейрутѣ): въ 1849 году, по словамъ Убичини *) въ школахъ лазаристовъ въ въ Перѣ и Галатѣ обучалось безвозмездно 600 мальчиковъ; въ ихъ коллегіи въ Бебекѣ, близь Константинополя, находилось 80 интерновъ, обучавшихся, кромѣ наукъ, языкамъ французскому, латинскому, греческому, итальянскому и турецкому; въ домахъ сестеръ милосердія въ Перѣ, Галатѣ и Бебекѣ училось въ томъ же году 700 дѣвушекъ, а въ ихъ институтѣ было 160 воспитанницъ. Выборъ хорошихъ учителей доставилъ извѣстность въ краѣ этимъ католическимъ школамъ **). Для болѣе успѣшнаго дѣйствія, лазаристы завели типографію въ Галатѣ, въ которой печатаются сочиненія, направленныя противъ православія.

---

*) Lettres sur la Turquie, t. II, pg. 207 — 209.

**) „Depuis plusieurs années, говоритъ Гешлингъ, les maisons d'éducation fondées dans les principales villes de la Turquie par les missionnaires lazaristes avec l'assistance des Filles de Saint-Vincent de Paul et

вительство, а потому неудивительно, что они находили много отщепенцевъ между православными славянами, искавшими у нихъ защиты отъ притѣсненій турокъ или бѣжавшими отъ корыстолюбія греческаго духовенства. Любопытныя свѣдѣнія о состояніи католицизма въ Венгріи и смежныхъ съ нею турецкихъ областяхъ, въ XVI вѣкѣ, найдены мною въ донесеніи далматскаго іезуита Варѳоломея Касича папѣ (рукопись францисканской библіотеки въ Дубровникѣ № 219, стр. 69 и слѣд.). Касичъ, посланный вмѣстѣ съ тремя другими іезуитами въ Венгрію и Турцію, „для утѣшенія и посѣщенія тамошнихъ католиковъ (per consolare et visitare li christiani catolici di Buda, Cinque Chiese, Belgradi et altri soggetti al gran Turco in Europa)“, доноситъ папѣ:

1) Въ королевствѣ Славонскомъ, между Савою и Дравою, на тридцать тысячъ католическихъ домовъ имѣется только 8—10 священниковъ, а потому большая часть католиковъ не ходитъ въ церковь и для совершенія бракосочетаній и другихъ таинствъ обращается къ православнымъ священникамъ.

2) Въ округахъ Буды и Пяти Церквей (nel Regno di Buda e intorno a Cinque Chiese), между Дунаемъ и Дравою, нѣтъ ни одного католическаго священника, несмотря на то, что здѣсь насчитывается до пятидесяти тысячъ католическихъ домовъ: многіе изъ католиковъ по 40—50 лѣтъ не были на миссѣ и не исповѣдывались.

3) Въ Темешварскомъ округѣ (di là de li fiumi Danubio, Tibisco et Temisso) живетъ безчисленное множество католиковъ, у которыхъ нѣтъ ни одного священника.

Вслѣдствіе такого бѣдственнаго состоянія католиковъ въ этихъ странахъ, Касичъ предлагаетъ учредить архіепископскую каѳедру въ Бѣлградѣ для всей Турціи и епископскія въ Пожегѣ, Темешварѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, послать до 12 священниковъ, учредить школы въ Бѣлградѣ, Нишѣ и Пяти Церквахъ и семинарію въ Дубровникѣ и обратить вниманіе на корыстолюбіе боснійскихъ фратровъ, вслѣдствіе котораго много

католиковъ совратилось въ кальвинизмъ, православіе и аріанизмъ, а нѣкоторые даже потурчились.

Въ новѣйшее время Австрія, по примѣру Дубровника, занимается католическою пропагандою въ Герцеговинѣ и Босніи, куда ежегодно отправляетъ цѣлые легіоны фратровъ съ церковными книгами и вещами. Эти фратры, обыкновенно хорошо владѣющіе мѣстнымъ языкомъ, распространяютъ вмѣстѣ съ католическими идеями идеи политическія, внушаютъ любовь къ австрійскому императору и ненависть къ единоплеменнымъ схизматикамъ. При монастыряхъ и церквахъ заведены школы, изъ которыхъ лучшіе ученики отправляются въ Австрію и Римъ для довершенія своего ученія: такимъ образомъ они подготовляютъ будущихъ дѣятелей. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, въ Босніи въ 1855 году было 122.865 душъ об. п. католиковъ: у нихъ 8 монастырей, 4 церкви, 13 училищъ, 54 прихода, 92 священника и 283 духовныхъ лица вообще *). О состояніи католицизма въ другихъ турецкихъ областяхъ мы не имѣемъ столь обстоятельныхъ свѣдѣній, и цифры (50.000 для Герцеговины и 60.000 для Болгаріи), которыми обыкновенно обозначаютъ отношеніе католиковъ къ православнымъ, мнѣ кажутся слишкомъ малы.

Масса задунайскихъ славянъ, какъ мы уже сказали, принадлежитъ къ православной церкви и подчинена константинопольскому патріархату. Фанаріотское духовенство, думающее только о томъ, какъ бы нажить побольше денегъ, вовсе не печется о народномъ образованіи и объ укрѣпленіи народа въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, а напротивъ съ умысломъ поддерживаетъ невѣжество и суевѣрія. Злоупотребленія греческаго духовенства побудили болгарскаго царя Бориса, какъ мы

---

*) *Боснія въ началѣ 1858 года*, въ сборникѣ: Герцеговина, Боснія и Старая Сербія. Спб. 1859, стр. 403.

уже видѣли, обратиться къ покровительству папы. Противъ этихъ злоупотребленій возставалъ знаменитый преемникъ Бориса, Симеонъ. При Петрѣ Симеоновичѣ (907—930) Болгарія отпала отъ Царьграда: при немъ, съ согласія императора Романа Лакапина, архіепископъ силлистрійскій Даміанъ былъ возведенъ въ достоинство болгарскаго патріарха. Іоаннъ Цимискій, покоривъ сѣверовосточную Болгарію, низложилъ патріарха Даміана и снова подчинилъ болгарское духовенство константинопольскому патріарху; но на юговостокѣ, въ Охридѣ и Преспѣ, куда удалился царь Самуилъ, продолжало существовать независимое (автокефальное) болгарское духовенство. Въ XIII вѣкѣ при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II учреждено, съ разрѣшенія императора Іоанна Дуки Ватаци, патріаршество въ Терновѣ. Рядъ терновскихъ патріарховъ не прерывается до самаго турецкаго завоеванія: отъ послѣдняго патріарха Евѳимія, наставника кіевскаго митрополита Кипріана, сохранилось много рукописныхъ сочиненій. Со времени турецкаго завоеванія, болгаре лишились права быть избираемыми на высшія духовныя должности, которыя были предоставлены исключительно грекамъ. Съ 1840 по 1860 годъ болгаре неоднократно обращались къ султану съ жалобами на злоупотребленія греческаго духовенства, но безуспѣшно. Объ отпаденіи болгаріи отъ константинопольскаго патріархата было говорено выше.

Тѣ же самыя злоупотребленія греческаго духовенства въ Сербіи вызвали то же самое, какъ мы видѣли, противодѣйствіе въ сербскомъ народѣ. Но уроки исторіи остаются безполезными для фанаріотовъ, и они понынѣ продолжаютъ обирать народъ и поощрять невѣжество и суевѣріе. Симонія вошла въ плоть и кровь фанаріотовъ. Невѣжество православнаго духовенства въ славянскихъ областяхъ Турціи невѣроятно: все знаніе священника ограничивается иногда молитвою Господнею и символомъ вѣры, затверженными кое-какъ наизусть безъ пособія книги; грамотныхъ священниковъ сравнительно мало...

Какое же вліяніе можетъ имѣть подобный пастырь на свою паству? Какъ бороться ему съ католическими патерами и фратрами, вербующими на его же глазахъ сторонниковъ папѣ? Монастыри и церкви въ запустѣніи: старые разрушаются или разоряются турками, новыхъ не воздвигаютъ по недостатку средствъ; церкви, гдѣ онѣ еще уцѣлѣли, лишены всякаго благолѣпія: это просто деревянные сараи съ лубочными образами. О школахъ и говорить нечего: только въ послѣднее время стали заводить ихъ кое-гдѣ. При такомъ бѣдственномъ состояніи одна надежда нашихъ единовѣрцевъ—на Россію; но мы такъ мало и такъ неохотно помогали имъ, что нѣкоторые теряютъ уже и эту послѣднюю надежду.... Пора бы намъ, кажется, взяться за умъ!

Славяне, составляя ²/₃ всего народонаселенія Европейской Турціи, сильнѣе числомъ въ 2½ раза румыновъ (4.300.000), въ 7 разъ скипетаровъ (албанцевъ, 1.500.000), и въ 10 разъ турокъ и грековъ. Казалось бы, что при такомъ численномъ превосходствѣ, славяне должны бы были подчинить своему вліянію меньшія народности; но въ дѣйствительности оказывается противное: славянизаціи другихъ народовъ нѣтъ примѣра, между тѣмъ какъ славяне на С. обрумынились, на В. потурчились, а на Ю. эллинизовались. Изъ исторіи извѣстно, что съ начала VI вѣка славяне переходятъ Дунай и захватываютъ одну область Византійской имперіи за другою: они проникаютъ даже въ Пелопоннисъ и на острова, и византійскій историкъ VIII вѣка, Өеофанъ, съ ужасомъ восклицаетъ: „Вся Греція ославянилась и сдѣлалась варварскою!“ Нѣкоторые ученые хотѣли видѣть въ словахъ византійскаго историка указаніе на дѣйствительную славянизацію Греціи, а Фильмерайеръ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „Geschichte der Halbinsel Morea. Stutg. 1830“ старался доказать, что древніе эллины исчезли, а нынѣшніе греки представляютъ смѣсь иллировъ съ славянами.

Обращаясь отъ гаданій къ положительнымъ фактамъ,

мы видимъ, что даже въ такихъ мѣстностяхъ, которыя сохранили донынѣ славянскія наименованія, какъ напр. Загора, Озеро, Быстрица, славяне совершенно эллинизовались, принявъ языкъ и образъ жизни грековъ. Выше было упомянуто, какъ потурчились болгаре-мусульмане, и какъ обрумынились и обрумыниваются болгарскіе колонисты въ Дунайскихъ княжествахъ. А между тѣмъ румыне, поселившіеся въ Сербскомъ княжествѣ (104.000) и въ Добруджѣ (33.000), греки, живущіе смѣшанно съ болгарами часто въ незначительномъ числѣ, турки, разсѣянные между болгарами и сербами, и даже албанцы, перемѣшанные съ болгарами, сохранили и сохраняютъ свою народность. Фактъ знаменательный! Объясненія его нужно искать въ самомъ характерѣ славянъ, отличающихся, какъ извѣстно, податливостью и переимчивостью, а также въ слабомъ сознаніи идеи національности: вотъ почему такъ легко славяне турчатся, обрумыниваются и эллинизуются въ Турціи, германизуются и мадьяризуются въ Пруссіи и Австріи.

Особыя историческія обстоятельства и различіе вѣроисповѣданій поставили славянъ въ особыя отношенія къ каждому изъ народовъ, населяющихъ Турцію. Соперничество болгарскихъ и сербскихъ царей съ византійскими императорами и постоянное стремленіе грековъ къ игемоніи запечатлѣлись неизгладимо въ памяти турецкихъ славянъ, а потому едва ли возможно соглашеніе между этими двумя народами *). Единство вѣроисповѣданія и отсутствіе историческихъ преданій о непріязненныхъ столкновеніяхъ сла-

---

*) „Une antipathie profonde et ancienne,“ говоритъ *Убичини*, „sépare les deux races et rend toute fusion entre elles impossible. Les Grecs méprisent les Slaves qu'ils traitent de barbares et de kondro-kephalai (tête de bois) comme ils faisaient déjà, en 1261, du temps de Michel Paléologue. D'un autre coté, l'esprit rusé et fourbe des Grecs inspire une violente repulsion aux Slaves, qui les jalousent en se méfiant d'eux (Lettres sur la Turquie, II, 175)“. По послѣднимъ извѣстіямъ, болгаре нетолько не сочувствуютъ кандійскому возстанію, но даже явно принимаютъ сторону турокъ противъ грековъ.

вянъ съ румынами ручается за успѣхъ ихъ союза. Ненависть политическая и религіозная къ туркамъ и исключительно-религіозная къ албанцамъ (частью католики, частью мусульмане) свидѣтельствуетъ о невозможности дружественныхъ отношеній между ними и славянами.

Одинадцать милліоновъ задунайскихъ славянъ опирается естественно на четыре милліона (приблизительно) своихъ братій въ *Австріи* — болгаръ, сербовъ, словинцевъ и хорватовъ, отъ которыхъ они отдѣлены только Дунаемъ и кряжемъ далматскихъ горъ; но насколько сильна эта опора, можно судить по слѣдующимъ соображеніямъ:

Южные славяне въ Австріи раздроблены на нѣсколько племенъ, заселяющихъ нѣсколько провинцій, а именно: 1.400.000 *сербовъ* въ Венгріи, Славоніи, Военной границѣ и Далмаціи; 1,300.000 *хорватовъ* въ Хорваціи (Кроаціи), Военной границѣ, Крайнѣ, Истріи и Приморьи и въ Венгріи; 1,200.000 *словинцевъ* въ Штиріи, Крайнѣ, Истріи и пр. и 20.000 *болгаръ* въ Банатѣ и Седмиградіи. Каждое изъ этихъ племенъ имѣетъ свое нарѣчіе, свою литературу и свои историческія преданія: между ними болѣе вражды, чѣмъ дружбы и согласія. Ихъ раздѣляетъ еще и религія: изъ четырехъ милліоновъ, только одинъ съ небольшимъ (сербы) принадлежитъ къ православной церкви, остальные католики. Наконецъ нужно припомнить, что австрійское правительсто, пуще всего опасающееся соглашенія между славянами, возбуждаетъ и поддерживаетъ между ними племенную вражду и вооружаетъ противъ нихъ мадьяръ въ Венгріи, итальянцевъ въ Истріи и румынъ въ Банатѣ и Седмиградіи.

Изъ четырехъ милліоновъ югославлянъ, турецкіе сербы и болгаре могутъ расчитывать на безкорыстную поддержку только одного милліона *православныхъ* сербовъ, наиболѣе сохранившихъ свою самостоятельность и наименѣе подвергшихся „разлагающему славянскій бытъ вліянію Австріи“. Что-же касается до остальныхъ трехъ милліоновъ католиковъ, то православнымъ сербамъ и болгарамъ Турціи слѣдуетъ болѣе остерегаться ихъ,

чѣмъ надѣяться на нихъ, такъ какъ они дѣйствуютъ въ видахъ австрійскаго правительства, издавна считающаго Боснію и Герцеговину своею добычею.

Еще менѣе могутъ надѣяться задунайскіе славяне на остальныхъ своихъ единоплеменниковъ (11,000.000) въ Австріи, которымъ желательно было бы усилить свой элементъ въ имперіи Габсбурговъ насчетъ Турціи; это не къ добру бы послужило турецкимъ славянамъ.

Остается имъ одна надежда на единовѣрную и единоплеменную Россію, которая слишкомъ сильна и обширна, чтобы дѣйствовать изъ своекорыстныхъ видовъ, и достаточно могущественна, чтобы заставить другихъ принять во вниманіе ея голосъ или замолкнуть.

Страна, занятая болгарами и сербами, изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ горами. Главный кряжъ горъ тянется съ В. на З., достигая до 8.000′ высоты (въ Румеліи и Боснѣ). Къ берегамъ Дуная и къ морямъ Черному, Архипелагу и Адріатическому горы постоянно склоняются. Склоны *Чардага* (до 7.366′), идущаго съ В. на З., покрыты лѣсомъ сосновымъ, еловымъ, дубовымъ и орѣховымъ и представляютъ на В. хорошія пастбища. На С. отъ Чардага тянутся горы южной *Сербіи* (до 5.000′), покрытыя дубовымъ лѣсомъ; въ сѣверной же Сербіи, богатой прекрасными пастбищами, растутъ на высотахъ сосна и букъ, а въ долинахъ дубъ, тополь, орѣшникъ и вишня. Западная Сербія перерѣзана во всѣхъ направленіяхъ горами, представляющими на югѣ голыя скалы а на сѣверѣ покрытыми дубовыми лѣсами. Въ восточной Сербіи дубъ перемѣшанъ съ тополемъ, орѣшникомъ, каштанами и т. п.; то же и во всей *Болгаріи*. Здѣсь *Балканы*, не достигающіе 3.500′, образуютъ горные проходы у Софіи и Шумлы, въ окрестностяхъ которой растутъ дубъ, букъ, орѣшникъ и вишня. Самая роскошная растительность встрѣчается въ македонской долинѣ *Водена* на ЗСВ. отъ Солунскаго залива: здѣсь корабельный лѣсъ перемѣшанъ съ южными фруктовыми деревьями. Ближе всего по обширности и растительности под-

ходятъ къ македонскимъ долинамъ сербскія, между Дунаемъ и Савою (до 180 верстъ длины). Дунайскія долины безлѣсны; лѣса рѣдки уже въ Болгаріи, а долина Добруджи (до 170 верстъ длины и 50—80 ширины) лишена всякой растительности и безплодна.

Въ *бытѣ* задунайскихъ славянъ не произошло почти никакой перемѣны, съ тѣхъ поръ какъ они поселились на Балканскомъ полуостровѣ болѣе двѣнадцати вѣковъ тому назадъ. И теперь, какъ во времена Прокопія и Маврикія (VI в.), они любятъ селиться въ лѣсахъ, на горахъ, у рѣкъ и озеръ, въ мѣстахъ, укрѣпленныхъ самою природою. Къ нимъ и нынѣ вполнѣ примѣнимы слова византійскаго историка VI вѣка *): „живутъ въ *дрянныхъ избахъ, разбросанныхъ* на большомъ одна отъ другой разстояніи". И теперь, какъ во времена западнаго лѣтописца *Гельмольда* (XII вѣка), „они *не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а обыкновенно сплетаютъ себѣ избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды.* Едва раздастся кликъ военной тревоги, они поспѣшно заберутъ весь хлѣбъ, спрячутъ его съ золотомъ, серебромъ и всѣми дорогими вещами въ яму, уведутъ женъ и дѣтей въ надежныя убѣжища... и не останется на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ однихъ избъ, о которыхъ они нимало не жалѣютъ **)."

Въ точно такихъ же, если еще не худшихъ, избушкахъ живутъ въ Босніи многочисленные сельскіе пролетаріи, извѣстные подъ именемъ *колыбарей*. Ихъ *колыбы*— жалкія хаты, сплетенныя изъ прутьевъ и покрытыя древесною корою, — разбросаны въ лѣсу или близь дороги на пустопорожней землѣ. Въ зимнюю непогоду такія колыбы представляютъ ужасную картину страданій отъ голода и холода: „вы можете видѣть тогда въ колыбахъ семьи", говоритъ почтенный нашъ путешественникъ *А. Ѳ. Гильфердингъ* (стр. 448), „гдѣ дѣти буквально голы

*) Procopii Bell. Goth. lib. III, cap. XIV, p. 335 (ed. Bonn).
**) Chron. Slav. lib. II, cap. 13.

и дѣвушки едва покрываютъ себя рубахою въ лохмотьяхъ; гдѣ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ питаются отваромъ кукурузныхъ стеблей и разныхъ дикихъ кореньевъ; гдѣ дѣти мрутъ какъ мухи и взрослые *буквально* умираютъ съ голоду".

Въ странахъ, богатыхъ лѣсомъ, деревянныя, а въ безлѣсныхъ каменныя избы болгаръ и сербовъ кроются чаще всего соломою, рѣдко черепицею. Печей нѣтъ, а огонь разводится на землѣ внутри избы, состоящей обыкновенно изъ одной горницы, куда собирается вокругъ очага вся семья, а на ночь и въ непогоду нерѣдко загоняется и скотъ. Дымъ выходитъ въ двери и въ одно или въ два отверстія въ стѣнѣ, замѣняющія окна: стеколъ не употребляютъ, а мѣсто ихъ занимаетъ масляная бумага, тряпка или доска въ непогоду. Еще и теперь, какъ въ VI вѣкѣ, дѣлаютъ въ избахъ, хотя не вездѣ, два выхода. Дома обносятъ заборомъ, а въ Сербіи, южной Босніи и Болгаріи окружаютъ садомъ. При домѣ не всегда есть помѣщеніе для скота; болгаре прячутъ скотъ отъ корыстолюбія турецкихъ чиновниковъ въ лѣсахъ.

Каждая *семья* живетъ въ особомъ домѣ, и, при раздѣльности семей, дома разбросаны на большомъ пространствѣ; впрочемъ случается, что нѣсколько семей соединяются вмѣстѣ и обносятъ свои дома однимъ заборомъ. Воспоминаніе объ общемъ родоначальникѣ нѣсколькихъ семей сохраняется въ названіи селъ на *ичи* и *овичи*. Древнее семейное устройство уцѣлѣло донынѣ у задунайскихъ славянъ. Отецъ—глава семейства; дѣти его владѣютъ имуществомъ нераздѣльно послѣ его смерти; общими семейными дѣлами завѣдуетъ избранный ими изъ ихъ же среды *староста*. Изъ этихъ семейныхъ старостъ избираются старосты племенъ (*воеводы*) и всей земли (*князь*): такъ у сербовъ, по словамъ Вука Караджича *), еще во время Георгія Чернаго, каждый воево-

*) *Српски рјечник*. У Бечу, 1818, стр. 792.

да былъ старостою своего края, а Георгій былъ старостою всей Сербіи.

Градъ (городъ) удержалъ у южныхъ славянъ древнее свое значеніе мѣста огороженнаго, укрѣпленнаго. Онъ строится на вершинѣ скалы, и въ немъ, по древне-славянскому обычаю, имѣютъ пребываніе мѣстныя власти: здѣсь нѣтъ другихъ построекъ, кромѣ присутственныхъ мѣстъ и мечети. У подошвы скалы расположенъ городъ въ нашемъ смыслѣ—*варошъ*: въ немъ живутъ торговые люди; онъ обнесенъ рвомъ и стѣною; ворота тщательно запираются на ночь. Наконецъ въ *паланкѣ* или пригородѣ живетъ бѣдная райя: и паланка также окружена стѣною или заборомъ. Таково было первоначальное городское устройство у всѣхъ славянъ *).

Сообщеніе между селами и городами въ земляхъ задунайскихъ славянъ производится, какъ и въ древности, *водою* и *лѣсомъ*, на что указываютъ между прочимъ употребительныя у нихъ выраженія—*драга* (дорога)—путь по источнику, и *цѣста* (просѣка) — путь лѣсомъ. Правильныхъ путей сообщенія, какъ извѣстно, въ Турціи почти не существуетъ.

Занятія народа обусловливаются характеромъ страны, ими занимаемой: оттого *болгаринъ* попреимуществу *земледѣлецъ*, а *сербъ—пастухъ*.

Въ Турціи земледѣльцы не имѣютъ никакой недвижимой собственности: земля принадлежитъ или правительству, или духовенству, или же наконецъ мусульманамъ-помѣщикамъ (въ Босніи). Это обстоятельство много вредитъ успѣхамъ земледѣлія: поселянинъ, завися отъ произвола чиновника или помѣщика, дѣлается нерадивымъ и мало заботится объ увеличеніи доходовъ съ земли удобреніемъ и усовершенствованіемъ земледѣльческихъ орудій, зная, что съ этимъ связано увеличеніе податей и грабежа чиновниковъ. Само правительство не прини-

---

**) См. мое разсужденіе: *Сказанія иностранцевъ* (VI—X в.) *о бытѣ и нравахъ славянъ* (Спб. 1861), стр. 112—116.

маетъ никакихъ мѣръ къ улучшенію земледѣлія, а помѣщики-мусульмане довольствуются старинною системою обработки земли, думая только о томъ, какъ бы побольше денегъ собрать съ бѣдной райи. Несмотря на такія неблагопріятныя условія, земледѣліе питаетъ милліоны жителей, благодаря плодородію почвы, не нуждающейся ни въ удобреніи, ни въ хорошихъ орудіяхъ. Лучшія поля встрѣчаются въ Болгаріи, Македоніи и частью въ Сербіи. Въ княжествѣ земля равномѣрно раздѣлена между всѣмъ народомъ; но, при отсутствіи общественнаго землевладѣнія и большихъ собственниковъ, земледѣліе находится на весьма низкой степени развитія *). Въ Черногоріи всякій владѣетъ поземельною собственностью, но каменистая почва далеко не вознаграждаетъ трудолюбиваго земледѣльца: полей чрезвычайно мало, и черногорецъ принужденъ съ большимъ трудомъ обрабатывать маленькіе клочки земли въ ущельяхъ горъ.

Наиболѣе распространенное въ Турціи хлѣбное растеніе—*кукуруза*: ею почти исключительно питаются жители деревень. За нею слѣдуетъ *рисъ* (преимущественно въ Дунайскихъ княжествахъ, Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи). Въ Болгаріи родится также въ изобиліи *пшеница:* значительное количество ея вывозится оттуда за границу черезъ Свиштово. Разведеніемъ *табаку* и *виноградниковъ* занимаются повсюду, хотя не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ: македонскій и требинскій (южно-герцеговинскій) табакъ пользуется извѣстностью; лучшіе виноградники находятся въ Охридѣ и Загорьи въ Македоніи и въ окрестностяхъ Видина, Никополя, Свиштова и Варны въ южной Болгаріи. *Садоводствомъ* и *огородничествомъ* турецкіе славяне занимаются мало: это любимое занятіе грековъ.

Сербы, подобно румынамъ, лучшіе пастухи въ Турціи: они занимаются разведеніемъ лошадей и домашняго ско-

---

*) *В. И. Ламанскаго*, *Сербія* стр. 7.

та. Восточная Болгарія славится *лошадьми*. *Крупный рогатый скотъ* лучшій въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ, откуда онъ вывозится въ значительномъ количествѣ въ Австрію. Сербія и посавская Боснія славятся *свиньями*: извѣстно, что отпускъ свиней въ Австрію доставляетъ Сербскому княжеству половину всѣхъ доходовъ. Лучшія *овцы*, если не ошибаемся, въ Болгаріи: овечья шерсть закупается здѣсь правительственными агентами для фабрикъ въ Селимно, а остальное количество продается въ Шумлѣ и Терновѣ. Огромное большинство овецъ — бѣлаго цвѣта, черныя довольно рѣдки. Важную статью доходовъ составляютъ *буйволы*, которыхъ цѣлыми тысячами гонятъ ежедневно изъ Болгаріи въ Венгрію. *Пчеловодствомъ* занимаются преимущественно въ Сербіи и Босніи.

На *рыболовство* турецкіе славяне обращаютъ мало вниманія, несмотря на обиліе водъ и свободу ловли. Ловля *піявокъ* въ Болгаріи находится въ рукахъ монополистовъ. Въ Болгаріи и Черногоріи водится можество *черепахъ*; но изъ нихъ не извлекаютъ никакой пользы.

Мануфактурная промышленность не существуетъ у задунайскихъ славянъ: каждый самъ приготовляетъ себѣ все нужное для домашняго обихода. *Торговлею* занимаются мало: почти вся она въ рукахъ грековъ, армянъ и жидовъ.

Основаніе семейной жизни, *бракъ*, большею частю *несвободенъ* у задунайскихъ славянъ: обыкновенно родители съ малолѣтства *вѣрятъ* своихъ дѣтей (отсюда женихъ называется *вѣреникъ*, а невѣста *вѣреница*); когда они подростутъ, ихъ, съ особенными обрядами, обозначающими ихъ пожизненное соединеніе, обручаютъ, а потомъ женятъ или выдаютъ замужъ. Изъ множества свадебныхъ обрядовъ особенно замѣчателенъ одинъ, указывающій на древнеславянскій обычай—*купли* невѣсты: когда женихъ съ дружиною придетъ за невѣстою въ ея домъ, долго ея не выдаютъ ему, подставляя вмѣсто нея по нѣскольку разъ старухъ, и это продолжается до тѣхъ

норъ, пока онъ не дастъ выкупа, состоящаго изъ разныхъ подарковъ. Замѣчателенъ также существующій въ Черногоріи, а можетъ быть и въ иныхъ мѣстахъ, обычай *дѣверьства*: избранный изъ ближайшаго родства, *дѣверь* находится безотлучно три дня и три ночи послѣ вѣнчанія при невѣстѣ, и даже спитъ съ ней. Такой странный обычай могъ, по моему мнѣнію, укорениться только тамъ, гдѣ браки совершаются слишкомъ рано: такъ у задунайскихъ славянъ бываютъ случаи, что выдаютъ замужъ дѣвушку лѣтъ 10—12 и женятъ мальчика 14—16 лѣтъ. Свадьба совершается съ особенно-торжественною обстановкою: часто цѣлое село или племя составляютъ дружину жениха; съ пѣснями, пляскою и ружейными выстрѣлами идутъ они къ дому невѣсты; по недѣлѣ длится пиршество, и каждый гость нетолько ѣстъ и пьетъ вдоволь, но и несетъ еще съ собою домой, что можетъ захватить. За столъ садятся въ особомъ порядкѣ, установленномъ *кумомъ* или *старостою*, который составляетъ душу общества; *чаушъ* веселитъ общество шутками и играми.... При входѣ невѣсты въ домъ жениха, подаютъ ей чарку вина и веретено и нѣкоторыя кухонныя снадобья въ знакъ ея будущихъ занятій. Цѣлый годъ молодая жена должна носить воду, топить печь, мыть ноги отцу, дядьямъ и братьямъ своего мужа и вообще служить всѣмъ и поспѣвать всюду, „подобно птичкѣ-ласточкѣ". Бываютъ случаи, хотя и рѣдкіе, *умычки* невѣсты (*отмица*). Напрасно нѣкоторые считаютъ этотъ обычай заимствованнымъ у турокъ: онъ существовалъ у славянъ еще во времена язычества.

Дѣвушка, по выходѣ замужъ, покрываетъ голову платкомъ: этотъ обычай, удержавшійся не у однихъ задунайскихъ славянъ, обозначаетъ зависимость жены отъ мужа. Онъ существовалъ у славянъ издревлѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ арабскаго географа *Казвини* († 1283): „Дѣвушки у славянъ ходятъ съ непокрытою головою, такъ что всякій можетъ ихъ видѣть; кто чувствуетъ наклонность къ какой-либо изъ нихъ,

тотъ набрасываетъ ей покрывало на голову, и она безпрекословно становится его женою *)". Удивительно, какъ удержался этотъ обычай у турецкихъ славянъ, несмотря на то, что женщины — дѣвушки и замужнія безразлично — на всемъ Востокѣ покрываютъ нетолько голову, но и лицо, оставляя отверстія для однихъ глазъ.

Не принялось къ славянамъ и затворничество женщинъ, хотя по турецкому вліянію онѣ не пользуются свободнымъ общеніемъ съ мужчинами: такъ въ церквахъ онѣ помѣщаются на хорахъ или въ преддверіи. Турецкимъ же вліяніемъ я объясняю то служебное, чтобъ не сказать рабское, положеніе, которое занимаетъ женщина въ семьѣ у задунайскихъ славянъ: она не болѣе, какъ работница; на ней лежатъ всѣ хозяйственныя заботы, о которыхъ мужъ и вѣдать не хочетъ: у черногорцевъ — этихъ славянскихъ спартанцевъ, считающихъ унизительнымъ для себя заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ войны, — женщины исполняютъ всѣ полевыя работы и переносятъ за самое ничтожное вознагражденіе разныя тяжести изъ Котора въ Цетинье. Положеніе женщины у задунайскихъ славянъ такъ низко, что мужъ считаетъ долгомъ извиниться предъ гостемъ въ присутствіи жены. Служебныя отношенія женщины къ мужчинѣ выражаются также въ обычаѣ цѣлованія руки: при встрѣчѣ съ мужчиною, кто бы онъ ни былъ, свой или чужой, женщина цѣлуетъ ему руку. Рожденіе дѣвушки считается чуть ли не несчастіемъ для семьи, рожденіе мальчика — благословеніемъ Божіимъ: оттого новорожденнаго привѣтствуютъ ружейною стрѣльбою и иными изъявленіями радости. Не таково было положеніе женщины у древнихъ славянъ, а потому я считаю вышеупомянутые обычаи заимствованными у турокъ.

---

*) Charmoy. Relations de Massoudy et d'autres Arabes въ Mémoires de l'Acad. de Spb. VI Série, t. II, p. 343.

Несмотря на то, что бракъ заключается у задунайскихъ славянъ большею частію по волѣ родителей, а не по личному выбору, *супружеская вѣрность* составляетъ, по единодушному отзыву всѣхъ путешественниковъ, отличительную черту въ характерѣ сербовъ и болгаръ: разводъ, столь обычный у румыновъ, считается у нихъ дѣломъ богомерзкимъ, и только въ Черногоріи, сохранявшей доселѣ бытъ и нравы славянъ въ наибольшей чистотѣ, онъ начинаетъ входить, по вліянію офранцуженнаго князя, въ обычай у высшаго сословія, отъ котораго можетъ современемъ перейдти и къ народу.

Рожденіе дѣтей сопровождается особыми обычаями и празднествами. Если родится мальчикъ, то бабушка прикасается къ нему какимъ-либо земледѣльческимъ орудіемъ, чтобъ былъ онъ хорошій земледѣлецъ, — если же дѣвушка, то клокомъ льна, чтобъ была она искусною хозяйкою. Обычай дарить *на зубокъ* существуетъ и у южныхъ славянъ. *Кумовство* въ большомъ почетѣ и часто переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну: отчего случается, что двѣ семьи съ давнихъ временъ находятся въ отношеніяхъ взаимнаго кумовства. Кумовья покрайней-мѣрѣ разъ въ годъ обдариваютъ другъ друга.

Ребенокъ до извѣстнаго возраста находится на попеченіи матери. Лишь только подростетъ, посылаютъ его въ горы пасти козъ и овецъ: вмѣстѣ съ ними онъ взбирается на вершины крутыхъ скалъ, гдѣ, казалось бы, не бывала и нога человѣческая. Мало-по-малу онъ пріучается и къ другимъ хозяйственнымъ занятіямъ: этимъ обыкновенно и ограничивается его воспитаніе; только весьма немногіе, готовящіеся къ духовному званію, учатся грамотѣ, и то только зимою, забывая часто лѣтомъ за домашними работами то, чему выучились. Послѣ такого воспитанія подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, мальчикъ лѣтъ 14-ти или 15-ти получаетъ оружіе, дѣлающее его *человѣкомъ*: тогда наступаетъ пора женитьбы. Таково же, только кратковременнѣе, воспитаніе и дѣвушекъ.

Ни у одного изъ славянскихъ народовъ, вообще родстволюбивыхъ, не развиты до такой степени родственныя отношенія, какъ у южныхъ, что доказывается между прочимъ ихъ языкомъ, въ которомъ существуютъ слова для обозначенія тончайшихъ оттѣнковъ самаго отдаленнаго родства. Изъ всѣхъ родственниковъ самыми тѣсными узами соединены братъ и сестра. Для сестры братъ дороже мужа: „тако ми брата!" самая сильная клятва для женщины. Братъ гордится сестрою, защищаетъ ее и мститъ за нее. Отношенія брата и сестры могутъ быть перенесены и на людей, не состоящихъ вовсе въ родствѣ: какъ мужчины, такъ и женщины даютъ иногда, при особыхъ обрядахъ, освящаемыхъ даже церковью, клятву жить другъ для друга до могилы. Такой союзъ, называемый *побратимствомъ* и *посестримствомъ*, крѣпче родственнаго. Побратимство заключается нетолько между единовѣрцами и единоплеменниками, но и между людьми, принадлежащими къ различнымъ народностямъ и исповѣдующимъ различную вѣру. Въ Черногоріи былъ особый обрядъ для побратимства христіанина съ туркомъ: тотъ и другой разрѣзывали слегка палецъ и кровь сливали въ одинъ сосудъ, потомъ въ смѣшанную такимъ образомъ кровь оба обмакивали палецъ и клали его въ ротъ *). Есть примѣры въ народныхъ пѣсняхъ, что люди заключаютъ побратимство съ *вилами* (русалками): такъ у Марка Кралевича было *девятьдесять посестримъ вилъ.*

Родственный союзъ легъ въ основаніе *общественнаго быта* задунайскихъ славянъ: *семья*, жившая и владѣвшая имуществомъ нераздѣльно, при постоянномъ размноженіи ея членовъ образуетъ *родъ;* дальнѣйшее развитіе рода представляетъ *племя*. Такимъ образомъ родственныя отношенія охватываютъ весь народъ. Дѣла семейныя вершатся свободно избранными *старѣйшинами*,

*) *Русская Бесѣда* 1859 г. кн. I. Смѣсь, стр. 36.

старшими въ семьѣ не всегда по возрасту, иногда по способностямъ; изъ семейныхъ старѣйшинъ избираются родовые, изъ родовыхъ племенные. Изъ семейной собственности развилась собственность *общинная*. Какъ въ семьѣ, такъ и въ общинѣ личность совершенно затеряна: при господствѣ интересовъ общинныхъ полнѣйшее отсутствіе личныхъ. Для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ собираются народные *поглавари* на сходку (*скупштина* отъ *купити* — собирать, то же что *соборъ*): дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, такъ какъ единогласіе недостижимо при постоянныхъ раздорахъ поглаварей. Эта *родовая вражда*, погубившая болгарское и сербское царства, накликавшая монголовъ на Россію, предавшая западныхъ славянъ въ руки нѣмцевъ, составляетъ коренное зло нашего племени, на которое указывалъ еще въ XI вѣкѣ арабъ Аль-Бекри: „Славяне народъ столь могущественный и страшный, что, еслибы они не были раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, никто бы въ мірѣ не могъ имъ противостоять!“ (*D'Ohsson*, Peuples du Caucase, 287). Противъ этого страшнаго зла (*неслога* — несогласіе) проповѣдуютъ современные сербскіе поэты.

Необходимое условіе общины — равноправность всѣхъ ея членовъ; у славянъ задунайскихъ *сословія не существуютъ*, и даже духовенство совершенно слито съ народомъ, вполнѣ раздѣляя всѣ его заботы: священники не отличаются отъ мірянъ ни одеждою, ни занятіями — пашутъ поля, пасутъ стада и ходятъ на войну (часто они бываютъ *капитанами* и *воеводами*). Только въ сербскомъ княжествѣ и отчасти въ Черногоріи выдѣлилось изъ народа особое сословіе *служилое*, „которое и по своимъ понятіямъ и по своимъ нравамъ таки довольно отдѣляется отъ земства.“ Это сословіе — язва для народа: оно руководится своими личными интересами, а не земскими. Чиновники въ Сербіи заняты постоянными интригами то противъ князя, то противъ министровъ. Объ этой общественной болѣзни Сербіи такъ отзываются са-

ми сербы: „У насъ та бѣда, что каждый сербъ хочетъ быть министромъ, а каждый министръ княземъ.“ *В. И. Ламанскій* замѣчаетъ, что „государственный сербскій организмъ, всѣ почти учрежденія законодательныя, судебныя, административныя и полицейскія сложились въ Сербіи несоотвѣтственно народному быту, скорѣе положены и навязаны ему извнѣ“ *).

Служилое сословіе въ Черногоріи не успѣло еще внести подобную заразу въ народный бытъ; но оно и здѣсь не менѣе гибельно, какъ и въ Сербіи: на него опирается деспотизмъ князя и отца его Мирка Петровича, которые, окруживъ себя *перяниками* (родъ преторіанцевъ), пренебрегаютъ народными законами и обычаями (такъ напр., вопреки черногорскому законнику, отвергающему тѣлесное наказаніе, Мирко часто прибѣгаетъ къ *батогамъ*, какъ мѣрѣ исправительной), своевольно распоряжаются народными деньгами и разоряютъ страну поборами и системою откуповъ. Злоупотребленіе властію влечетъ за собою трусость, а потому неудивительно, что Мирку Петровичу постоянно чудятся заговоры, противъ которыхъ онъ употребляетъ мѣры самыя энергическія: перяники — его шпіоны и палачи.

Въ Босніи до 1851 года было сильное *властельское* сословіе (*спахія* и *беги*), принявшее исламъ для сохраненія своихъ правъ и привиллегій; нынѣ же образуется особое сословіе — *торговое*, большею частію пришлое (изъ Герцоговины): оно составляетъ родъ касты и равно ладитъ съ турецкими властями и греческими владыками.

Турецкое правительство не коснулось общиннаго устройства сербовъ и болгаръ: оставивъ имъ ихъ самоуправленіе, оно озаботилось только *обложеніемъ ихъ податями*, сборъ которыхъ предоставило сельскимъ старостамъ и духовенству. Оно не коснулось и религіи но-

*) *Сербія*, стр. 7.

коренныхъ народовъ. Народъ и духовенство были предоставлены самимъ себѣ. Фанаріотское духовенство обложило народъ разнаго рода сборами на содержаніе школъ, церквей и монастырей, а между тѣмъ совсѣмъ не заботилось о народномъ просвѣщеніи: духовенство богатѣло, а народъ нищалъ. Выгодные приходы и епархіи продавались въ Константинополѣ, такъ сказать, съ аукціона. Чѣмъ дороже владыка купилъ себѣ мѣсто, тѣмъ больше требовалъ отъ народа: такимъ образомъ поборы духовенства постоянно росли. Не отставало отъ него и турецкое правительство: подати и налоги возрастали до невѣроятія. Для довершенія бѣдствій христіанъ, въ областномъ управленіи господствовалъ необузданный произволъ: по мусульманскимъ понятіямъ, христіанинъ — безправная *райя* (стадо); онъ долженъ всю жизнь свою работать на правовѣрнаго, которому принадлежитъ нетолько его имущество, его жена и дѣти, но даже самая жизнь его: фанатики-мусульмане утверждаютъ, что христіанинъ, какъ бы онъ ревностно ни служилъ турку, не достоинъ умереть собственною своею смертію, что ему нужно только одно — не ходить голымъ и не умереть съ голоду, до тѣхъ поръ пока онъ нуженъ своему властелину. Произволъ пашей и ихъ клевретовъ нигдѣ не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ въ областяхъ, наиболѣе удаленныхъ отъ Стамбула,—въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ турецкіе чиновники образовали систематическій грабежъ и разбой. Напрасно вступалась Россія за угнетенныхъ единовѣрцевъ: султанскіе фирманы оставались безъ исполненія, и народъ бѣдствовалъ еще болѣе прежняго. Опытъ доказалъ, что никакими хатти-гумаюнами не улучшишь судьбу христіанъ въ Турціи: они будутъ страдать, до тѣхъ поръ пока турокъ останется туркомъ. Извѣстно, что допущеніе въ мѣстныя судилища (*меджлисы*) представителей отъ христіянъ (*ходжи-баши*) не принесло никакой пользы: ходжи-баши дѣйствуютъ заодно съ турецкими чиновниками и помогаютъ имъ обирать народъ. На опо-

зоренную должность ходжи-баши никогда не пойдетъ порядочный человѣкъ.

При такой системѣ турецкаго управленія и при небреженіи высшаго и невѣжествѣ низшаго духовенства, не могъ народъ развиваться нравственно. *Школы* существуютъ только при весьма немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ турокъ монастыряхъ: въ нихъ обучаютъ грамотѣ большею частію по рукописнымъ часослову и псалтыри; печатныя книги большая рѣдкость. Только въ послѣднее время болгарскіе и сербскіе патріоты стали заводить школы и издавать учебники, а молодые люди изъ задунайскихъ славянъ начали пріобрѣтать болѣе широкое образованіе въ Россіи и Германіи; но собственныя ихъ средства весьма ограничены: имъ необходима братская помощь Россіи, а мы вообще были довольно равнодушны къ нимъ. Такое равнодушіе встрѣтилъ въ нашемъ обществѣ — преимущественно высшемъ — пріѣзжавшій въ прошедшемъ году изъ Герцеговины архимандритъ Житомысличскаго монастыря, о. Серафимъ. Неуспѣхъ свой онъ мнѣ объяснялъ тѣмъ, что не привезъ съ собою мощей и не имѣетъ порядочной рясы: трудно повѣрить, что вслѣдствіе подобныхъ обстоятельствъ могъ не удаться сборъ для учрежденія въ Герцеговинѣ школъ, а между тѣмъ я имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости словъ о. Серафима.

Въ Сербскомъ княжествѣ, по замѣчанію В. И. Ламанскаго, „грамотность развивается хорошо и отношеніе народныхъ школъ и учащихся къ народонаселенію очень благопріятное.“ Въ 1860—1861 г. въ Сербіи было основныхъ школъ муж. и жен. (въ нихъ преподаются законъ Божій, сербскій языкъ, ариѳметика, краткое землеописаніе Сербіи и европейской Турціи, краткая сербская исторія) 359, учащихся въ нихъ 12.079, учителей 246. „Кромѣ этихъ основныхъ школъ, еще находятся въ Сербіи слѣдующія высшія заведенія: два коммерческихъ училища, одно въ Пожаревцѣ, другое въ Бѣлградѣ; пять полугимназій, одна гимназія, военная

школа, семинарія, лицей. Въ 1860—1861 г. въ этихъ 11 заведеніяхъ было учащихся 1.360, преподавателей 37... По отношенію къ народонаселенію, среднимъ числомъ приходится по одной школѣ на 2.935 д. и по одному ученику на 81 жителя *)“.

Черногорское правительство въ послѣдніе годы также стало заботиться о народномъ просвѣщеніи; но число школъ еще весьма незначительно: такъ въ 1865 году было всего 12 школъ (по одной школѣ на 10.000 жителей) **).

Христіанская образованность почти не коснулась быта задунайскихъ славянъ, которые, подобно предкамъ своимъ, занявшимъ двѣнадцать столѣтій тому назадъ Балканскій полуостровъ, крѣпко вѣрятъ въ добрыхъ и злыхъ духовъ, населяющихъ всю природу и управляющихъ судьбою смертныхъ.

Лишь только родится человѣкъ, къ нему являются, по болгарскому повѣрью, двѣ или три *орисницы* и предсказываютъ будущее. Въ другихъ югославянскихъ краяхъ ихъ называютъ *роженицами*, *живицами* (дѣвы жизни) и *судицами* (дѣвы судьбы). Хорутане вѣрятъ, что новорожденный получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою *роjеницу*, которая предсказываетъ ему судьбу его. Воображеніе славянъ рисуетъ роженицъ пряхами, подобно греческимъ мирамъ, римскимъ паркамъ и германскимъ феямъ и норнамъ ***).

Облака, землю и воду населяетъ юго-славянское суевѣріе особыми дѣвами, которыхъ называютъ *вилами*. Вилы облачныя отличаются добротою, водяныя всегда злы, а земныя бываютъ и добрыя, и злыя. Красота ви-

---

*) *Сербія*, стр., 8—10.

**) *Найновіи статистички податци о Црной гори*, въ черногорскомъ календарѣ „*Орлич*“ за 1865 г., стр. 79.

***) Лучшее изслѣдованіе о роженицахъ у славянъ и другихъ языческихъ народовъ принадлежитъ И. И. Срезневскому (*Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи*, изд. Калачова, кн. II, стр. 97—122.)

лы вошла у южныхъ славянъ въ поговорку. Вѣчно-юныя, блѣднолицыя съ расплетенною, длинною до земли косою, въ которой заключается чудодѣйственная сила, съ нѣжными, сверкающими подобно молніи, очами, съ нѣжнымъ, прозрачнымъ, легкимъ, какъ у птицы тѣломъ, съ голосомъ пріятнымъ и звучнымъ, вилы, подобно нашимъ русалкамъ, любятъ забавляться пѣснями и пляскою и нетолько не чуждаются общества людей, но даже заключаютъ съ ними союзъ побратимства. По словамъ народной пѣсни, шелъ однажды Марко Кралевичъ горою, на которой вилы плясали *коло*. По приглашенію вилъ, онъ вступилъ съ ними въ состязаніе въ пляскѣ и, будучи *крѣпокъ ногами*, побѣдилъ ихъ. Побѣжденныя вилы, по уговору, покорились ему и вступили съ нимъ въ побратимство. Съ той поры онѣ ему помогали и въ счастьи и въ несчастьи. На помощь противъ бана Свиданна пришло къ нему *девятьдесять посестримъ вилъ*. Вилы отличаются искуствомъ знахарьства и даромъ пророчества. Имъ извѣстна всякая наука. Онѣ куютъ сабли, которыя перерубаютъ желѣзо и камень; онѣ строютъ чудные замки; ихъ дивные кони не боятся никакой непогоды, никакой опасности *).

Вилъ называютъ болгаре *самодивами* или *самовилами*. У нихъ есть обычай, исполняемый дѣвушками, бросать въ рѣку (жилище вилъ) вѣнокъ, сплетенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Бросаютъ также дѣвушки въ рѣку, въ Ивановъ день утромъ до зари, чучело, сплетенное изъ вѣтвей и называемое *нашляткою*.

Въ связи съ вилами находятся *виленицы* и *вѣдьмы* (вѣштице). Виленицы, въ противоположность вѣдьмамъ, существа добрыя: онѣ находятся въ сношеніяхъ съ вилами, отъ которыхъ научаются искуству лечить людей отъ болѣзней, насланныхъ вѣдьмами. Вѣдьмы находятся

---

*) Изслѣдованіе о вилахъ *Ив. Кукулевича-Сакцинскаго* въ „Arkiv za povestnicu jugo slavensku“, кн. I, стр. 86—104.

въ связяхъ съ чертомъ, которому приносятъ въ жертву дѣтей. Онѣ летаютъ въ образахъ бабочки, курицы и кошки. Сборища ихъ происходятъ обыкновенно, какъ и у насъ, на гумнахъ. Изъ вѣдьмы, по сербскому повѣрью, вылетаетъ во время сна злой духъ, поѣдающій сердца спящихъ людей, особенно же дѣтей. Вѣдьмъ узнаютъ въ ночь на Рождество Христово. Избавляются отъ нихъ натираніемъ тѣла чеснокомъ. Болгаре называютъ вѣдьмъ *магесницами:* по ихъ повѣрью, магесницы крадутъ съ неба луну, превращаютъ ее въ корову и доятъ изъ нея молоко, изъ котораго приготовляютъ масло для излеченія ранъ и другихъ потребностей. Лунное затмѣніе они объясняютъ тѣмъ, что вѣдьма сняла съ неба луну, а потому, чтобъ помѣшать ей доить ее, стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей *).

Къ вѣдьмѣ весьма близка по значенію *мора:* она представляется дѣвою, ходящею ночью по домамъ и душащею людей, особенно же дѣтей.

Сербы разсказываютъ о *ѣдогонѣ* или *вѣдогонѣ*, что изъ него, какъ изъ вѣдьмы, вылетаетъ во время сна злой духъ. Такіе духи собираются въ лѣса, вырываютъ деревья и дерутся между собою: кто побѣдитъ, тотъ несетъ урожай въ свою страну. Черезъ 40 дней по смерти, такой человѣкъ, изъ котораго вылетаетъ злой духъ (*вукодлакъ*), оживаетъ, встаетъ по ночамъ изъ гроба, давитъ спящихъ людей и пьетъ изъ нихъ кровь. Напрасно затворять отъ него двери: онъ входитъ въ самую маленькую щель. Съ сербскимъ сходно болгарское повѣрье о *вампирѣ*, сосущемъ кровь изъ ушей младенцевъ и взрослыхъ. „При первомъ слухѣ о вампирѣ, собираются по нѣскольку семействъ на ночлегъ въ одну комнату, и двое изъ мущинъ съ горящими лучинами поочередно, стоятъ до свѣта на сторожѣ. Если кто изъ спящихъ начнетъ сильно храпѣть или стонать во снѣ, то неспав-

*) *Княжескій*, Болгарскія повѣрья, стр. 208.

шій тотчасъ будитъ всѣхъ, и тогда начинаютъ искать вампира. Если вампиръ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не будетъ пойманъ, то онъ уже принимаетъ на себя какую-то плоть и называется *варколакомъ*, и тогда нападаетъ на женщинъ. Вампиръ (если его не найдутъ), послѣ года принимаетъ на себя человѣческое тѣло, такъ что трудно различить его отъ человѣка“ *).

Задунайскіе славяне вѣрятъ также въ духовъ вѣтра, называемыхъ *стухами*, домовыхъ и иныхъ. Суевѣріе въ славянскихъ областяхъ Турціи держится нетолько въ селахъ, но и въ городахъ, даже самыхъ большихъ. Такъ, по словамъ *А. Ѳ. Гильфердинга* **), „въ самомъ Сараевѣ показываютъ омутъ, въ которомъ являются вилы. Въ самомъ Сараевѣ и теперь живетъ турчанка, которую всякую ночь посѣщаетъ дьяволъ въ видѣ мущины, и весь городъ вѣритъ, что ночной гость дѣйствительно нечистый духъ, а не человѣкъ. Въ самомъ Сараевѣ и теперь есть одна православная женщина, которая умѣетъ, нашептывая что-то надъ тазомъ съ водою, и другими способами, *купить дахиру*, т. е. созывать чертей, и отъ нихъ узнаетъ все, что ей нужно: къ ней часто обращаются въ случаѣ болѣзни или пропажи“. Противъ злой силы покупаютъ различные амулеты и талисманы нетолько отъ турецкихъ ходжей, но и отъ католическихъ фратровъ, которые изъ корыстныхъ видовъ поддерживаютъ суевѣріе въ народѣ. Не даромъ въ Босніи говорятъ, что *фратеръ хитрѣе черта*.

Въ связи съ повѣрьями находятся *народные праздники*, удержавшіе много языческихъ обрядовъ. На *св. Юрія* (*Джюрджевъ данъ*, *Джюрджево*, *Зелени Юрій)* знахари и знахарки собираютъ до зари цѣлебныя травы, а хозяйки обливаютъ скотъ настоемъ изъ особыхъ травъ или кропятъ св. водою; дѣти собираютъ цвѣты *джюрджице*,

---

*) Тамъ же стр. 206—207.
**) *Боснія въ началѣ 1858 года*, стр. 458—459.

придающіе красу дѣвичьему лицу. Съ этого дня начинаются лѣтніе праздники. Накануне *Иванова дня* зажигаютъ вечеромъ купальскіе огни (крѣсы), чрезъ которые прыгаютъ дѣти: этимъ огнямъ придаютъ силу охраненія отъ болѣзней, и потому ходятъ между ними матери съ маленькими дѣтьми. Ночью гадаютъ. Какъ Ивановъ день слился съ языческимъ праздникомъ лѣтняго солоноворота, *купалы*, такъ Рождество Христово слилось съ праздникомъ зимняго солоноворота, коляды. Къ этому празднику заготовляется заранѣе лучшее кушанье и питье, и между прочимъ пекутъ изъ теста *баднячу* на сочельникъ и *льтнячу* на Рождество. Съ самаго утра рубятъ обыкновенно *бадняки* (дубовыя полѣнья), посыпаемые зерномъ; къ вечеру ихъ вносятъ въ домъ, причемъ опять посыпаютъ зерномъ и пьютъ вино съ пожеланіемъ счастливаго *бадняго вечера* (такъ называется сочельникъ); затѣмъ кладутъ бадняки на огонь, поливаютъ виномъ и сожигаютъ. Утромъ въ самый день Рождества *полажайникъ* (гость) приноситъ въ рукавицѣ зерно и посыпаетъ имъ хозяевъ съ обычнымъ поздравленіемъ: „Христосъ родился!“ Ему отвѣчаютъ: „Во истину родился“! Затѣмъ полажайникъ выбиваетъ искры изъ бадняка, произнося при этомъ такое пожеланіе: „Сколько искръ, столько воловъ, столько коровъ, столько козъ, столько овецъ, столько свиней, столько ульевъ, столько счастія и успѣха“! Затѣмъ онъ кладетъ въ золу на огонь нѣсколько монетъ. Перегорѣлый баднякъ обносятъ около ульевъ и потомъ вѣшаютъ на молодой сливѣ или яблони. При чтеніи молитвы передъ обѣдомъ въ день Рождества, вся семья держитъ въ рукахъ восковыя свѣчи, которыя потомъ отбираются хозяиномъ и ставятся въ сосудъ съ зерномъ. Хозяйки кормятъ этимъ зерномъ куръ, чтобы неслись хорошо.

Другіе праздники не представляютъ ничего особенно любопытнаго.

Музыка, *пляска* и *пѣсни* составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ праздниковъ какъ общественныхъ,

такъ и семейныхъ (изъ этихъ послѣднихъ справляются съ особою торжественностью *именины*). У южныхъ славянъ мнѣ извѣстны два музыкальныхъ инструмента — *гусли* и *мѣхъ*, подъ однообразные звуки которыхъ пляшутъ *коло* (родъ хоровода) и *поскочницу* (любимая пляска черногорцевъ: скачутъ, кто выше можетъ). Пляска сопровождается иногда пѣснями (коловодныя и поскочницы).

Народная поэзія сербовъ и болгаръ представляетъ много сходнаго какъ въ содержаніи, такъ и въ самомъ изложеніи, вслѣдствіе сходства исторической судьбы обоихъ племенъ, народнаго быта и мѣстной природы; но есть и различія: сербскій эпосъ, которому такъ справедливо удивлялись еще въ концѣ прошлаго столѣтія Гердеръ и Гете, богаче и цѣльнѣе эпоса болгарскаго, въ которомъ сохранились только темныя воспоминанія о древнѣйшемъ періодѣ сербско-болгарскаго царства и содержаніе котораго взято почти исключительно изъ временъ *гайдучества* (*гайдуки* — удальцы, воюющіе съ турками) 17 и 18-го столѣтій; сербскій эпосъ отличается плодовитостью, мягкостью, нѣжностью, граціозностью, а болгарскій краткостью, суровостью, глубиною, силою. Кромѣ эпическихъ пѣсней, есть у сербовъ и болгаръ еще лирическія и обрядныя.

Различіе, замѣчаемое въ народной поэзіи сербовъ и болгаръ, зависитъ отчасти отъ различія *языка* и *характера* обоихъ племенъ. При всей близости болгарскаго и сербскаго нарѣчій, есть въ нихъ и коренныя отличія: въ первомъ преобладаютъ глухіе гласные и существуетъ членъ, приставляемый къ концу слова, во второмъ господствуетъ полногласіе и особое смягченіе зубныхъ, сближающія его съ благозвучнымъ итальянскимъ языкомъ. Въ характерѣ болгарина нѣтъ стойкости и отважности серба, котораго зато онъ превосходитъ трудолюбіемъ и бережливостью. Гостепріимство обще обоимъ племенамъ.

Одеждою болгаринъ мало отличается отъ серба: и у того и у другаго та же бѣлая рубаха, тѣ же широкія

шаровары, поясъ съ оружіемъ и трубкою, жилетъ, куртка, гуня (родъ сюртука), плащъ, длинные чулки и опанки (родъ лаптей); но сербъ княжества и черногорецъ носятъ на головѣ низенькую черную шапку съ краснымъ верхомъ, шитымъ золотомъ, а болгаринъ и боснякъ — тюрбанъ. Женскій нарядъ одинъ и тотъ же: суконная юбка, корсетъ, бѣлая рубаха, ожерелье изъ бусъ или мелкихъ серебряныхъ монетъ и платокъ на головѣ у замужнихъ.

II.

Первыя поселенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Покореніе мизійскихъ славянъ болгарами урало-чудскаго племени въ VII вѣкѣ. *Очеркъ исторіи болгаръ до покоренія ихъ турками:* первое болгарское царство (679—1019 г.) и причины его паденія; второе болгарское царство (1186—1392 г.). *Очеркъ исторіи сербовъ до покоренія ихъ турками* (636—1483): судьба сербовъ до XIV вѣка; эпоха Стефана Душана; причины паденія Сербіи. *Судьба болгаръ и сербовъ подъ турецкимъ владычествомъ. Борьба черногорцевъ съ турками* за независимость съ XV вѣка до настоящаго времени. *Войны сербовъ съ турками* при Георгіѣ Черномъ и Милошѣ и признаніе Портою автономіи сербскаго княжества. *Народное возрожденіе болгаръ.* Отношенія болгаръ къ русскимъ и сербамъ.

По византійскимъ извѣстіямъ, сѣверный берегъ нижняго Дуная находился во власти славянъ уже въ концѣ V или въ началѣ VI столѣтія; къ этому же времени относится начало мирнаго распространенія славянъ за Дунаемъ. Съ тѣхъ поръ занятіе славянами областей ви-

---

*) По исторіи задунайскихъ славянъ, особенно болгаръ, нѣтъ почти ни одного труда, который вполнѣ удовлетворялъ бы современнымъ требованіямъ науки: исключеніе составляетъ глубоко-ученое произведеніе *Шафарика, Славянскія древности* (русск. перев. *О. М. Бодянскаго,* М. 1848 г.), въ которомъ изложена кратко древнѣйшая исторія сербовъ и болгаръ. Исторія задунайскихъ славянъ должна быть въ настоящее время переработана на основаніи актовъ, изданныхъ Карано-Твртковичемъ, Пуцичемъ, Миклошичемъ, Тейнеромъ, Кукулевичемъ и Я. Шафарикомъ. Укажу на важнѣйшія сочиненія: а) *по исторіи болгаръ*: *Ю. Венелина,*

зантійской имперіи шло безастоновочно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій двумя путями: одни изъ нихъ селились на пустопорожнихъ земляхъ съ разрѣшенія императоровъ, обязываясь имъ данью и военною службою; другіе же, начиная съ первой половины VI столѣтія, отнимаютъ у Византіи одну область за другою послѣ кровопролитныхъ и опустошительныхъ войнъ. Вообще заселеніе славянами византійской имперіи шло очень быстро и въ первой половинѣ VII вѣка они проникаютъ до береговъ Адріатическаго моря, а черезъ сто лѣтъ занимаютъ уже Θессалію, Элладу и Пелопоннисъ, и византійскіе историки въ отчаяніи восклицаютъ: „вся Греція ославянилась и сдѣлалась варварскою“!

Древніе и нынѣшніе Болгаре въ ихъ отношен. къ Россіян. 1-й т. М. 1829 г., 2-й т. М. 1841; изд. 2, М. 1856 (недостатокъ исторической критики);— *С. П. Палаузова*, Вѣкъ болгарскаго царя Симеона. Спб. 1852 г. (прекрасная монографія); — *А. Θ. Гильфердинга*, Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ (до конца XI вѣка). М 1855—1859 г.—*Хр. Даскалова*, Возрожденіе болгаръ или реакція въ Европейской Турціи (*Русская Бесѣда* за 1858 годъ, т. II. ч. 2.). — в) *По исторіи сербовъ*: Gebhardi, Geschichte der mit Hungarn verbundenen Staaten въ Allgem. Weltgeschichte. XXXV Bd. Leipz. 1781;—Max. Schimek, Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama vom J. 864 bis 1741. Wien, 1787;—Engel, Geschichte von Servien und Bosnien, Halle, 1801 (трудъ устарѣлый);—*Юкича*, Zemljopis i poviestnica Bosne (краткая исторія и географія Б.) Zagreb, 1851; — *А. Θ. Гильфердинга*, Письма объ ист. Сербіи (см. выше) и сборникъ: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Спб. 1859; — *А. Майкова*, Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицей, въ связи съ исторіею народа. М. 1857 г. (это ученое сочиненіе можетъ быть значительно дополнено и исправлено по актамъ, позже изданнымъ, и по другимъ источникамъ, которыми авторъ не могъ или не хотѣлъ воспользоваться); — *В. Григоровича*, О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV стол. Казань, 1859 г. (ученая рѣчь съ важными приложеніями);—L. Ranke, Die Serbische Revolution. 2 изд. Berlin, 1844 (рус. перев. Бартенева: Исторія Сербіи. М. 1857: по разсказамъ В. С. Караджича);—*Н. И. Надеждина*, Георгій Черный (по разсказамъ очевидцевъ), въ Русск. Бес. 1856 г., т. IV, ч. 2.;—*М. Медаковича*, Повѣстница Црнегоре (краткая). Земунъ. 1850 г., и *Д. Милаковича*, Исторія Црне Горе. Задаръ, 1856 г. (полнѣе предыдущей); — Записки протоіерея *М. Ненадовича* въ Русск. Бес. 1859, кн. 1.;—*Н. Дубровина*, Сербскій вопросъ въ царствованіе имп. Александра I. (Русск. Вѣстн. 1863 г. №№7 и 8);— *Н. Попова*, Переписка барона Гр. А. Строгонова съ Милошемъ Обреновичемъ въ 1817—26 г. (Моск. унив. Извѣст. 1866—1867, № 21.)

Въ 679 году болгарскій ханъ *Аспарухъ* переправляется черезъ Дунай и занимаетъ Мизію, заселенную славянами, спокойно занимавшимися земледѣліемъ. Эти пришлые изъ-за Дуная завоеватели принадлежали къ урало-чудскому, а не славянскому, какъ думалъ *Венелинъ* *), племени, что доказывается свидѣтельствомъ византійскихъ историковъ, собственными именами болгарскихъ государей и бояръ и ихъ образомъ жизни и обычаями, каковы: „принесеніе людей въ жертву богамъ, священное омовеніе ногъ въ морѣ, множество женъ, падающихъ при видѣ князя ницъ на земь, лицомъ, и славящихъ его, несеніе впереди войска конскаго хвоста вмѣсто знамени, клятва на обнаженномъ мечѣ и разсѣченіе при этомъ собакъ на части, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, біеніе пойманнаго вора дубиной по головѣ и боданіе желѣзными, кривыми крюками въ ребра, ношеніе широкихъ шароваръ по обычаю турокъ, сидѣнье, поджавъ колѣна, а задомъ на пятахъ (по обычаю персовъ), предпочтеніе лѣвой стороны правой, какъ почетнаго мѣста, раннее укорененіе магометанства между подунайскими болгарами, слѣды коего, по словамъ папы Николая, можно было видѣть у нихъ даже и по обращеніи въ христіанскую вѣру (860—866), особенно многоженство, принятіе святыни распоясавшись, покровеніе головы тюрбаномъ въ храмѣ, суевѣрное убіеніе животныхъ, сарацинскія книги, и т. п.“ **).

Славяне, покоренные этими урало-чудскими выходцами и принявшіе ихъ народное имя, сохранили свое внутреннее устройство, нравы и обычаи. „Высшія государственныя должности“, говоритъ *Шафарикъ* ***), „находились одинаково въ рукахъ болгаръ и славянъ, потому что уже въ 811 г. встрѣчаемъ мы славянскихъ вель-

---

*) Древніе и нынѣшніе Болгаре. Т. I. М. 1829. 8.
**) *Шафарикъ*, славянскія древности, Т. II., кн. 1. § 29, стр. 271 и 272.
***) Тамъ же стр. 276.

можъ, пирующихъ заодно съ княземъ Крумомъ, подъ 812 г. болгарскаго посла, называвшагося Драгоміромъ; а событія, случившіяся во второй половинѣ IX вѣка, ясно показываютъ, что болгаре не заботились объ искорененіи славянской народности, напротивъ сами ей охотно поддавались".

Побѣдители мизійскихъ славянъ, болгаре вели безпрестанныя войны съ греками, доходили не разъ до самаго Царьграда и обязывали византійскихъ императоровъ платить имъ дань. Одинъ изъ преемниковъ Аспаруха, *Крумъ* (около 802 г.), овладѣлъ восточною Угріею и Валахіею и воевалъ весьма счастливо съ греками. Въ кровопролитномъ сраженіи въ ущельяхъ Гема онъ убилъ императора Никифора (811 г.) и изъ черепа его приказалъ сдѣлать чашу и оправить ее въ серебро и изъ нея подчивалъ на пиру своихъ славянскихъ бояръ. Позже онъ опустошилъ Ѳракію, разбилъ императора Ѳеодосія (813) г.), доходилъ до самаго Царьграда и, не будучи въ состояніи взять его, разорилъ всю окрестную страну, овладѣлъ Адріанополемъ и увелъ въ плѣнъ множество христіанъ. Въ самый годъ своей смерти (815) онъ опять вторгся во Ѳракію и увелъ съ собою пятьдесятъ тысячъ плѣнныхъ.

Изъ преемниковъ Крума замѣчателенъ *Борисъ* (843—888), принявшій въ 863 году крещеніе съ именемъ Михаила. При немъ къ Болгаріи было присоединено Загорье; окрестности сербской Моравы и Ибра также принадлежали ему. Недовольный греческимъ духовенствомъ и руководимый, быть можетъ, честолюбивыми замыслами, Борисъ отправилъ въ 866 году посольство къ папѣ Николаю съ просьбою о присылкѣ епископовъ и священниковъ, церковныхъ книгъ и вещей. Уже въ это время римское духовенство усиленно старалось о подчиненіи Болгаріи власти папы, а потому неудивительно, что Николай поспѣшилъ исполнить просьбу Бориса *);

---

*) Любопытные вопросы новообращенныхъ болгаръ и отвѣты на нихъ

впрочемъ услужливость Рима оказалась безплодною: въ 870 г. Борисъ примирился съ Царьградскимъ патріархомъ.

Болгарское государство при Борисѣ простиралось отъ Великой Моравы, вдоль по теченію Дуная, до его устья и обнимало все побережье Чернаго моря до Бургаскаго залива, часть сѣверной Ѳракіи, земли верхней Албаніи и почти всю Македонію. Правленіе Борисова сына, *Симеона* (892—927 г.), составляетъ золотой вѣкъ болгарсваго царства. Симеонъ получилъ отличное по тому времени воспитаніе въ Царьградѣ, а потому его называли полугрекомъ. Онъ любилъ просвѣщеніе, покровительствовалъ ученымъ и самъ занимался литературою. Современники называли его *книголюбцемъ*, и не даромъ: отъ него остался переводъ 136 словъ Іоанна Златоуста подъ названіемъ „*Златоструяя;*" при немъ трудились, поощряемые имъ, епископы *Климентъ* и *Константинъ*, ученики Меѳодія, *Іоаннъ Экзархъ болгарскій*, пресвитеры *Григорій* и *Козьма* и черноризецъ *Храбръ*. *Климентъ* былъ замѣчательнымъ по своему времени проповѣдникомъ. Онъ написалъ также житія Кирилла и Меѳодія. Отъ *Константина*, епископа болгарскаго, остался переводъ нѣкоторыхъ поученій отцовъ церкви: Златоуста, Исидора, Аѳанасія и Кирилла. *Іоаннъ Экзархъ болгарскій*, иначе называемый „строитель церковный болгарскія земли," составилъ *Шестодневъ* по Василію Великому, Северіану Гевальскому и Іоанну Златоусту съ собственными дополненіями, писалъ проповѣди и перевелъ Богословіе (Небеса) и грамматику Дамаскина, приноровивъ ее къ славянскому языку и изобрѣвъ грамматическую терминологію, большею частію употребляемую нами донынѣ. *Григорій*, по приказанію Симеона, перевелъ византійскую хронику Іоанна Малалы. *Козьма* писалъ про-

---

папы изложены *А. Ѳ. Гильфердингомъ* въ приложеніи къ IV письму объ исторіи сербовъ и болгаръ.

тивъ ереси богумиловъ, а отъ *Храбра* осталось извѣстное сочиненіе о письменахъ славянскихъ. Произведенія этихъ писателей, вмѣстѣ съ трудами Кирилла и Меѳодія, положили прочное основаніе церковнославянской литературѣ.

Но царьградское воспитаніе Симеона вмѣстѣ съ хорошими плодами принесло и дурные: весь государственный организмъ Болгаріи проникся началами испорченной византійской образованности. „Эти-то начала", говоритъ *С. Н. Палаузовъ*, „не могли не подточить своеобычнаго развитія народа. Начиная съ двора, принявшаго напыщенный и ненужный церемоніалъ византійскихъ кесарей, вся административная часть Болгаріи, насколько сохранились въ этомъ отношеніи слѣды въ древнихъ лѣтописяхъ, приняла характеръ чисто византійскій." Вотъ какъ описываетъ Іоаннъ Экзархъ болгарскій великолѣпіе Симеонова двора: „Акоже смръдь и нищь человѣкъ и страненъ, пришедъ изьдалече къ прѣтворамъ кьнежю двору, и видѣвь е дивитьсе, и приступивъ къ вратомъ чюдитьсе впрашая, и внутрь въшедъ, видить на обѣ странѣ храмы стояще, украшены каменіемъ и древомъ исьпьсаны, и прочее во дворьць въшедъ, и узрѣвъ полаты высоны и црьквы издобрены безгода каменіемъ и древомъ и шаромъ, изутриже мраморомъ и мѣдію, сребромъ и златомъ; таче невѣдомы чесомь приложити ихъ, не бо есть видѣлъ того на своей земли, развѣ хызы сламны убогъ: ти яко и погубивъ си умъ, чюдитьсе имъ. Тунъ аще се прилучить ему и кнеза видѣти, сѣдеща въ срацѣ бисромь покыданѣ, гривну цетаву на выи носеща, и обручи на руку, поясомь вьльрьмитомъ поясана и мьчь златъ при бедрѣ висещь, и оба полы его болѣры сѣдеще въ златахъ гривнахъ и поясѣхъ и обручьхъ; ти аще кто его въпрошаетъ, вьзвращашеся на свою землю, рекы: чьто видѣ тамо? печеть: невѣдѣ како вьсьповѣдати того, свои бисте очи умѣлѣ достоинѣ чюдитесе красотѣ." Византійскія лѣтописи такъ описываютъ отрядъ тѣлохранителей Симеона:

„у иныхъ были золотые щиты и золотыя копья, у другихъ серебряные и мѣдные, иные же были украшены другаго рода оружіемъ и всѣ вообще были покрыты желѣзными доспѣхами.“

Симеонъ не довольствовался тѣмъ, что окружилъ себя великолѣпіемъ византійскаго двора, но и принялъ титулъ царя (imperator): поводомъ къ этому послужила, вѣроятно, присылка ему папою вѣнца. Но любившій науку и царскую пышность, Симеонъ не былъ правителемъ слабохарактернымъ: притѣсненія болгарскихъ купцовъ въ Византіи дали ему поводъ къ войнѣ съ греками, и въ продолженіи десяти лѣтъ онъ четыре раза осаждалъ Царьградъ и дважды бралъ Адріанополь. Когда сербы стали вмѣшиваться въ дѣла грековъ и болгаръ, онъ рѣшился наказать ихъ: въ 923—927 г. онъ опустошилъ всю ихъ землю.

„Долгое и славное царствованіе царя Симеона“, говоритъ *С. А. Палаузовъ* (*Вѣкъ болг. Ц. Сим.*, стр. 33), „есть единственная эпоха въ исторіи болгаръ, на которой можно отдохнуть послѣ безпрерывныхъ войнъ и опустошеній, характеризующихъ предшествовавшія и большею частію послѣдующія правленія. Въ правленіе Симеона государство это, поставленное на перепутьи Востока и Запада, окруженное отвсюду княжествами, раздираемыми внутренними неустройствами и усобицами, безпрерывными политическими интригами и мятежами Византіи, рѣзко выдвигается впередъ своей внѣшней и внутренней силой. Симеонъ, получивши блестящее образованіе въ Царьградѣ, является съ болѣе развитыми понятіями о государственномъ величіи, нежели его предшественники. Отсюда грозныя войны его съ сосѣдями, въ которыхъ можно видѣть, какъ дорожилъ онъ своимъ величіемъ. Съ другой стороны, внѣшняя сила Болгаріи въ правленіе Симеона тѣсно условливалась внутреннимъ устройствомъ государства. Если и нѣтъ никакихъ юридическихъ памятниковъ, которые бы указали на государственное устройство Болгаріи въ это время, то тѣмъ

не менѣе можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о немъ по тѣмъ памятникамъ славяно-болгарской письменности, которые исключительно принадлежатъ эпохѣ Симеона. Широкое поприще книжнаго труда не опиралось ли на гражданскомъ устройствѣ, о которомъ, къ несчастію, славянская наука имѣетъ только отрывочныя данныя, отдѣльные намеки."

Попытки, сдѣланныя Борисомъ и Симеономъ, къ іерархическому отдѣленію Болгаріи отъ Византіи, окончились при *Петрѣ Симеоновичѣ*, какъ извѣстно, учрежденіемъ болгарскаго патріархата. Византія не могла равнодушно смотрѣть на возвышеніе Болгаріи и въ то же время сама была не въ силахъ бороться съ нею, а потому императоръ Никифоръ Фока призвалъ на болгаръ воинственнтго и славолюбиваго русскаго князя Святослава (967), который не замедлилъ нанести рѣшительный ударъ болгарскому царству завоеваніемъ 80 его городовъ, и въ томъ числѣ столицы Прѣславы. Въ 968 году умеръ Петръ Симеоновичъ, оставивъ престолъ своимъ сыновьямъ *Борису* и *Роману*. Вовлеченные въ союзъ съ Святославомъ, ставшимъ врагомъ Византіи, они были вынуждены вступить въ борьбу съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ: въ несчастномъ сраженіи подъ Прѣславою въ 971 году Борисъ былъ взятъ въ плѣнъ, отведенъ въ Царьградъ и тамъ лишенъ царскаго достоинства; братъ его Романъ былъ оскопленъ; Болгарія присоединена къ Греціи.

По смерти І. Цимисхія (976 г.), болгаре возстали подъ предводительствомъ воеводы Шишмана и свергли византійское иго. *Самуилъ*, сынъ Шишмана, убилъ отца и братьевъ и захватилъ всю власть въ свои руки. Столицею его была сначала Преспа, а потомъ (съ 981 г.) Охрида. Самуилу пришлось вступить въ упорную борьбу съ византійскимъ императоромъ Василіемъ, прозваннымъ болгаробойцемъ. Война началась въ 981 г. и сопровождалась неслыханнымъ безчеловѣчіемъ: разсказываютъ, что императоръ послалъ въ 1014 г. къ Самуилу

15 тысячъ ослѣпленныхъ болгаръ, взятыхъ имъ въ плѣнъ, давъ каждой толпѣ проводника съ однимъ глазомъ. Самуилъ не могъ пережить подобнаго безчеловѣчнаго поступка Василія и умеръ съ горя. По смерти его начались междоусобія, облегчившія византійцамъ завоеваніе Болгаріи. Въ 1019 году Василій Болгаробоецъ объявилъ Болгарію византійскою областью и ввѣрилъ управленіе ею своимъ чиновникамъ.

Причины паденія болгарскаго царства *Шафарикъ* *) объясняетъ такъ: „Болгарское царство никогда, даже во время наибольшей его обширности, силы и славы, не имѣло достаточно твердаго основанія, которое бы могло надолго утвердить его политическое существованіе. Находясь въ срединѣ двухъ враждовавшихъ между собою силъ, свѣтской и духовной, имперіей византійской и нѣмецкой, Константинополемъ и Римомъ, будучи возмущаемо сплетнями того и другаго, раздираемо безпрестанными нападеніями иноплеменниковъ, прежде всего грековъ и франковъ, потомъ грековъ, мадьяръ, печенѣговъ и половцевъ, а внутри безпокоимо и разрываемо смѣсью непріязненныхъ одинъ другому народовъ, собственно такъ называемыхъ болгаръ, славянъ, валаховъ, арнаутовъ, грековъ, армянъ и др., царство болгарское должно было наконецъ, особенно по умноженіи въ немъ разврата, безнравственности и греческой низости, обезсилѣть и сдѣлаться добычей сильныхъ своихъ непріятелей".

Господство византійцевъ въ Болгаріи не было прочно. Непрерывный рядъ болѣе или менѣе удачныхъ возстаній закончился возстановленіемъ болгарскаго царства братьями *Асѣнемъ* и *Петромъ* въ 1186 г. Гемъ съ одной стороны, а Дунай съ другой составляли границы ихъ державы. Ихъ преемникъ *Іоаннъ Асѣнь II* возстановилъ въ новой своей столицѣ, Терновѣ, болгарское патріарше-

---

*) Славян. древн., т. II, кн. I, 529, стр. 312—313.

ство въ 1234 г. Византійскій императоръ, изгнанный изъ Царьграда крестоносцами и удалившійся въ Никею, вступилъ въ союзъ съ сильнымъ болгарскимъ царемъ, породнился съ нимъ и легко уступалъ всѣмъ его требованіямъ. Со временъ Іоанна Асѣня II, болгарскіе государи назывались „царями всѣмъ Болгаромъ и Грекомъ.“ Но и это второе болгарское царство, страшное для Византіи въ XIII столѣтіи, было также непрочно, какъ и первое: окруженное сильными сосѣдями, оно подпадало ихъ вліянію, зависѣло нѣсколько лѣтъ отъ татаръ, признало наконецъ надъ собою власть сербовъ и наконецъ въ 1392 году сдѣлалось легкою добычею турокъ. Турки уничтожили терновское патріаршество и подчинили Болгарію константинопольскому патріарху. Съ тѣхъ поръ начинается двойной гнетъ — турецкихъ чиновниковъ и фанаріотскаго духовенства. Фанаріоты заодно съ турками безжалостно обирали народъ и преднамѣренно держали его въ грубомъ невѣжествѣ, преслѣдуя славянское богослуженіе и славянскій языкъ, уничтожая славянскія книги и рукописи и вообще всѣ памятники прежней славной жизни.

О состояніи болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ и о народномъ ихъ возрожденіи въ нынѣшнемъ столѣтіи скажемъ впослѣдствіи, а теперь перейемъ къ племени *сербовъ* и постараемся изложить вкратцѣ судьбу ихъ до покоренія ихъ турками.

Византійскіе историки упоминаютъ о вторженіяхъ сербовъ въ Иллирикъ и Далмацію въ половинѣ VI вѣка; но только около ста лѣтъ позже (636—638) они утвердились въ этихъ краяхъ. Ограниченная рѣками Моравою, Дунаемъ, Савою, Врънбасомъ и Цетиною, Адріатическимъ моремъ, Скадарскимъ озеромъ и рѣками Дримцемъ, Ибаромъ и сербскою Моравою, Сербія съ самаго начала дѣлилась на семь независимыхъ одна отъ другой *жупъ*: собственную Сербію, Боснію, Неретву, Захлумье, Травунію, Конавле и Дуклю. Великій жупанъ Дестницы (въ окрестностяхъ Дрина) былъ, ка-

жется, до первой четверти X вѣка верховнымъ начальникомъ всѣхъ прочихъ жупановъ; но съ 924 г., когда болгарскій царь Симеонъ опустошилъ Сербію, возвысился великій жупанъ дуклянскій, получившій отъ папы корону и титулъ королевскій. Первоначальная исторія сербовъ мало извѣстна. Мы знаемъ только, что въ 640 году они приняли крещеніе отъ римскаго духовенства; но христіанская вѣра, проповѣдуемая на чуждомъ языкѣ, не пустила глубокихъ корней въ народѣ, который попрежнему пребывалъ въ язычествѣ, и потому два вѣка спустя были призваны проповѣдники изъ Византіи, положившіе прочное начало христіанству въ Сербіи. Мы знаемъ, что, несмотря на внутреннія усобицы, сербы счастливо воевали съ болгарами въ IX и началѣ X вѣка, и что они то признавали надъ собою верховную власть Византіи, то жили совершенно независимо. Болгарскій царь Симеонъ, раздраженный дружественными сношеніями сербовъ съ греками, послалъ противъ нихъ сильное войско (924 г.): сербы, не успѣвшіе бѣжать въ Хорватію, были отведены въ Болгарію, а страна ихъ превращена въ пустыню. Эта зависимость сербовъ отъ болгаръ продолжалась впрочемъ не долго: около 934 г. одинъ изъ народившихся въ болгарскомъ плѣну сербскихъ князей, Чеславъ, бѣжалъ изъ Прѣславы въ Хорватію и, съ помощью разсѣянныхъ тамъ своихъ земляковъ и византійскаго императора, возвратилъ себѣ престолъ. Въ началѣ XI вѣка Сербія снова подпала власти болгаръ, а съ 1018 года стали ею управлять греческіе намѣстники. Въ 1040 году Стефанъ Боиславъ прогналъ грековъ, а сынъ его Михаилъ (1050—1080 г.) вошелъ въ сношенія съ Венеціею, императоромъ Фридрихомъ Барбаросою и папою Григоріемъ VII, отъ котораго получилъ титулъ короля. Преемники его воевали то съ болгарами, то съ греками, то съ жупанами боснійскимъ и раскимъ.

Исторія сербовъ начинаетъ проясняться со вступленія на престолъ (ок. 1120 г.) *Уроша*, родоначальника

дома Неманичей. Сыновья Уроша вели несчастливыя войны съ императоромъ Эмануиломъ Комненомъ. Около 1165 г. на сербскій престолъ былъ возведенъ греками раскій жупанъ *Стефанъ Неманя* (родился въ 1144 году въ Рыбницѣ на Зетѣ, умеръ 1200 году на Аѳонѣ, правилъ государствомъ 1159 — 1195 г.): онъ освободилъ Сербію отъ грековъ и старался объ утвержденіи православія и искорененіи ереси патареновъ. Онъ покорилъ въ 1169 г. Боснію и присоединилъ къ Сербіи „часть Поморья (около устья Дрины), отъ Рабна оба Пилоты, отъ Греціи Патково (принадлежавшее прежде болгарамъ), Хвостно, Подримье (окрестности Дрины около Призрена), Кострьцъ, Дрьжковину, Ситницу, Лабъ, Глубочицу, Рѣку, Ушку, Поморавье (край, лежащій на восточномъ или болгарскомъ рукавѣ Моравы), Загрьлату, Лѣвче и Бѣлицы (*Шафарикъ*, т. II, кн. I, стр. 453).“ Старшій сынъ его, *Стефанъ Первовѣнчанный*, принужденъ былъ искать союзниковъ противъ болгаръ, грековъ и мадьяръ — пользовавшихся междоусобіями въ Сербіи для нападенія на нее,—въ Венеціи (онъ женился на внучкѣ дожа Дандоло) и Римѣ (отъ папы онъ получилъ въ 1222 г. королевскій вѣнецъ); младшій же Савва былъ первымъ сербскимъ архіепископомъ (1221 г.).

Изъ сыновей Стефана замѣчателенъ *Стефанъ III*, или *Урошъ Великій*, отбившій въ 1241 г. нападеніе монголовъ на Сербію. При второмъ сынѣ *Уроша*, *Милутинѣ* (1275—1321), искусномъ политикѣ школы Маккіавелли и храбромъ воинѣ, границы сербскаго королевства значительно расширились. Византійскій императоръ и папа ласкали его изъ своекорыстныхъ видовъ; но онъ не увлекался ни дружбою, ни родственными связями, и его планы неограничивались пріобрѣтеніемъ Македоніи, а простирались на всю византійскую имперію: смерть остановила его предпріятія. Сынъ его *Стефанъ Урошъ III Дечанскій* (1321—1336 г.) оставилъ по себѣ память только сооруженіемъ великолѣпной церкви въ Дечанахъ. Противъ него образовалась сильная партія, во главѣ

которой сталъ сынъ его *Стефанъ Душанъ*, прозванный въ послѣдствіи *Сильнымъ*. Изгнанный изъ столицы, Стефанъ Дечанскій искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но былъ настигнутъ и задушенъ боярами.

При *Стефанѣ Душанѣ Сильномъ* (1336—1355 г.) Сербія достигла высшей степени могущества и славы: ей принадлежали Македонія, Ѳессалія, Эпиръ, Этолія, Албанія и Боснія; царь болгарскій былъ ея вассаломъ; Іоаннъ Кантакузенъ, женившій сына своего Матвѣя на сестрѣ Душана, искалъ у него помощи и съ сильнымъ сербскимъ войскомъ возвратилъ себѣ престолъ; Лудовикъ, король угорскій, вторгшійся въ Сербію, былъ разбитъ Душаномъ на голову и искалъ спасенія въ бѣгствѣ... Когда І. Кантакузенъ, тяготившійся союзомъ съ Душаномъ и опасавшійся его могущества, призвалъ противъ него турокъ, сербскій царь, принявшій уже титулъ императора сербовъ, грековъ и болгаръ, задумалъ завоевать Византію, чтобы избавить ее и Европу отъ мусульманъ; но неумолимая смерть воспрепятствовала осуществленію этого плана. Стараясь поддерживать изъ политическихъ видовъ добрыя сношенія съ папою, онъ въ то же время преслѣдовалъ „латинскую ересь" и учредилъ въ 1346 г. сербское патріаршество. Своимъ *Законникомъ* (1349—1354 г.) онъ положилъ прочное основаніе государственному устройству Сербіи. Въ главныхъ чертахъ это устройство было слѣдующее:

Духовенство, принимавшее дѣятельное участіе въ устроеніи внутренняго порядка страны, пользовалось особымъ покровительствомъ правительства. Монастыри и церкви были освобождены отъ государственныхъ повинностей. У каждаго монастыря былъ свой приходъ; при монастыряхъ кормилися нищіе. Священники имѣли свои баштины. Сербскіе цари, находившіе постоянно опору въ духовенствѣ, дарили монастырямъ и церквамъ богатыя земли и пеклись объ ихъ благолѣпіи. Міряне въ духовныхъ дѣлахъ были подчинены духовному суду, а духо-

венство въ гражданскихъ дѣлахъ подлежало общимъ государственнымъ законамъ.

Кромѣ всей земли, называвшейся въ общемъ смыслѣ *царскою*, сербскіе государи имѣли свои частныя владѣнія. Общественною земельною собственностію считались попреимуществу пастбища, лѣса, горы и дороги. Окрестности города составляли общественную городскую землю. Вся сербская земля дѣлилась на *жупы*, въ которыхъ лежали *грады* и *вароши*, т. е. укрѣпленные и неукрѣпленные города. Главный разрядъ земельной собственности составляли *баштины* или наслѣдственныя родовыя владѣнія. Всѣ сословія безразлично могли имѣть баштины, составлявшія полное и неотъемлемое владѣніе, которымъ владѣлецъ могъ распоряжаться по произволу. Баштины были изъяты отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Сербскіе цари жаловали иногда баштины въ вѣчное потомственное владѣніе со всѣми угодьями. Земля, отданная кому-либо въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, называлась *пронія*. *Земледѣліе* и *скотоводство* пользовались особымъ покровительствомъ правителей.

Городское право не получило въ Сербіи полнаго развитія, и среднее или городское сословіе не успѣло еще сложиться по причинѣ недостаточнаго развитія ремесла и торговли: города составляли правительственное средоточіе жупъ: въ нихъ жили жупные намѣстники (*главари* или *кефаліи*); здѣсь же хранилась казна, производился судъ и кое-гдѣ чеканилась монета. Городскіе расходы оплачивались всею жупою. *Главарь* собиралъ съ города доходы и завѣдывалъ судомъ. Города имѣли свою стражу.

Боярское или *властельское сословіе* дѣлилось на большихъ и малыхъ (*властеличичи*) властелей. Нѣкоторые изъ нихъ носили *княжескій* титулъ. Властели были осѣдлыми землевладѣльцами и жили или по жупамъ, или при царскомъ дворѣ. Они отправляли высшія государственныя должности, но не были изъяты ни отъ тѣлес-

наго наказанія, ни отъ личнаго задержанія и смертной казни. Старое боярство пало при Душанѣ.

Средняго сословія, какъ мы уже сказали, не было въ Сербіи: тамъ были только отдѣльныя лица, занимавшіяся ремеслами и торговлею.

Низшее сословіе имѣло нѣсколько подраздѣленій: были свободные земледѣльцы и приписанные къ землѣ, но крѣпостныхъ не было. Землевладѣльцы изъ низшаго сословія назывались *неропхами*, пастухи—*влахами* или *албанцами*, всѣ же люди податнаго состоянія — *людьми*. *Себръ* обозначалъ человѣка низшаго сословія, *отрокъ* и *дѣтичь*—раба.

Важнѣйшими *правительственными лицами* въ Сербіи были *жупаны* и *князья* (*великіе*). Въ собственной Сербіи званіе жупана уже не существовало при Душанѣ: но въ Босніи оно упоминается до конца XV вѣка. Главными правительственными лицами въ Босніи были *баны*. Военные сановники были *воеводы*, *тысячники* и *сотники*. Воевода былъ высшимъ военачальникомъ и замѣнялъ особу царя, въ его отсутствіе, со всѣми его правами. Въ Босніи воеводство было наслѣдственно въ нѣкоторыхъ знаменитѣйшихъ родахъ (*Хряничи*). Правители пограничныхъ областей, имѣвшіе военную власть, назывались *краищниками*. Въ главѣ гражданскаго управленія стояли *кнезы*. При Душанѣ находимъ уже *сельскихъ кнезовъ*. *Кефаліи* или *главари* управляли жупами. Византійское вліяніе отозвалось на государственномъ строѣ Сербіи учрежденіемъ множества чиновниковъ по образцу греческому, каковы: деспоты, севастократоры, цесари, логоѳеты, протовестіаріи (казначеи). Торговыми дѣлами и сборомъ пошлинъ завѣдывали *царинники*. *Судьи* были трехъ родовъ: сельскіе, городскіе (кефаліи) и дворскіе (при царскомъ дворѣ). При судьѣ состояли: *приставъ* или *посланникъ*—главное его орудіе, *глобари*, взимавшіе пѣню, *глобу*, и *сводники*, производившіе сводъ проданнымъ вещамъ. Приставъ вмѣсто жалованья получалъ доходы съ извѣстныхъ земскихъ статей, называвшіеся *издавою*.

Государственные доходы состояли преимущественно изъ прямой подати (*бирь* или *дань*, *данакъ*, *поданакъ*), различныхъ пошлинъ (*царинъ*) и денежныхъ пеней (*глобъ*). Кромѣ денежныхъ податей, были подати натурою, а именно *жировница* (желудями для кормленія свиней), *позобъ* (кормъ для лошадей), *сокъ* (овощами, саломъ и молокомъ) и *чьбрина* (посудою). Подати взимались десятиною.

Земскія повинности были слѣдующія: военная служба (*войско*), постоянная и кормежная повинность (*приселица*), доставка государственныхъ сокровищъ (*ризница*), перевозъ пословъ (*посольство*), провожаніе царя и его властелей отъ одной жупы къ другой (*проводь*), пасеніе царскихъ лошадей (*конь*) и переноска разныхъ вещей (*носъ*, *поносъ*). *Земскія работы* въ Сербіи были тѣ же, что и вездѣ.

Торговое право было слабо развито. Слова *гость*, *латынянинъ*, употребляемыя Законникомъ для обозначенія купца, напоминаютъ, что торговля въ Сербіи была въ рукахъ иноземцевъ. Національная торговля не была обезпечена никакими правами и ограничивалась сырыми произведеніями (хлѣбъ и металлы).

Мѣсто *военнаго права* замѣняло обычное право народа.

Родовое право представляется въ Законникѣ въ измѣненномъ видѣ: древній родъ замѣненъ семьею или домомъ. „Въ Законникѣ видна общность семьи, нетолько живущей на одномъ хлѣбѣ и владѣющей общимъ имѣніемъ, но даже такой, которая *на одномъ огнищѣ* заключаетъ нѣсколькихъ, выдѣлившихся въ хлѣбѣ и имѣніи родичей (*Майковъ*).“ Представителемъ семьи былъ старшина или господарь.

Въ *правѣ наслѣдства*, изложенномъ вообще неполно, видно преобладаніе семьи надъ родомъ. Первоначальными наслѣдниками были дѣти (кажется, только мужскаго пола); за ними слѣдовали братья и племянники. Всякій могъ произвольно распоряжаться своею собственностію. По прекращеніи дома, наслѣдство переходило къ родственнымъ домамъ. Право на наслѣдство не-

движимаго имущества имѣло только мужское колѣно; движимое же имущество могло переходить, въ случаѣ неимѣнія или смерти сыновей, къ дочерямъ и другимъ родственницамъ, но только по прямой линіи, тогда какъ мужское колѣно участвовало въ наслѣдствѣ и въ боковой линіи. Наслѣдство переходило нераздѣльно отъ одной семьи къ другой. Участіе матери въ наслѣдствѣ допускалось только вслѣдствіе особаго распоряженія собственника.

Малолѣтство считалось до 14-лѣтняго возраста. Бракъ признавался законнымъ только тогда, когда былъ освященъ церковью. Бракъ допускалъ жену къ пользованію имуществомъ мужа.

Вообще должно замѣтить, что *гражданское право* сербовъ было болѣе основано на обычаѣ, чѣмъ на письменныхъ постановленіяхъ.

Уголовное право изложено въ Законникѣ подробно. Обычныя преступленія были: убійство, насиліе, безчестіе, обида, блудъ, пьянство, воровство и разбой, поджигательство, поддѣлка денегъ и открытое присвоеніе чужой собственоости. О преступленіяхъ утонченныхъ, наслѣдіи устарѣлаго и испорченнаго общества, нѣтъ и помину. Убійства, совершавшіяся часто открыто и съ наглою смѣлостію, воровство и разбой были весьма обычными у сербовъ преступленіями: воры наказывались ослѣпленіемъ, а разбойники висѣлицею. Поджигателей и дѣлателей фальшивыхъ монетъ сожигали.

Судопроизводство было весьма несложно. Наказанія были одинаковы для всѣхъ сословій. Кто не могъ откупиться отъ наказаній за небольшія преступленія, тотъ подвергался тѣлесному наказанію. Общая порука существовала и у сербовъ. Самоуправство строго преслѣдовалось.

Таково было въ общихъ чертахъ государственное устройство сербовъ при Стефанѣ Душанѣ Сильномъ.

Одну изъ заслугъ Душана составляетъ уничтоженіе удѣловъ и униженіе боярства, игравшаго такую роль

въ родовыхъ спорахъ сербскихъ государей. Вѣнчавъ вмѣстѣ съ собою на царство своего сына *Уроша*, Душанъ назвалъ его королемъ и далъ ему въ управленіе всю собственную Сербію; прочими завоеванными областями управляли севастократоръ, цесари и деспоты; самъ же Душанъ остался верховнымъ главою всего царства. Въ объединенномъ такимъ образомъ государствѣ не могло быть удѣловъ, а въ правленіи, гдѣ господствовалъ законъ и самодержавная воля, не могло быть родовыхъ счетовъ. „Душанъ нанесъ ударъ и боярскому сословію (говоритъ г. *Майковъ*). Явилось новое боярство не въ видѣ сословія и не по праву рожденія, а избранное по личнымъ заслугамъ. Къ Душану стекались служилые люди изъ разныхъ сербскихъ областей и сословій, и онъ награждалъ ихъ саномъ и должностями. Устроивается дворъ по греческому образцу; является цѣлый рядъ должностей, и орденъ св. Стефана учреждается для награды личныхъ заслугъ. Все это противодѣйствовало сословному быту. Въ Законникѣ сословныя отношенія и судопроизводство принимаютъ опредѣленный видъ и бояре подчиняются общественному приговору закона.“

При слабомъ преемникѣ Душана, *Урошѣ*, начались боярскія крамолы, облегчившія туркамъ покореніе Сербіи. Судьба ея была рѣшена въ битвѣ на Косовомъ полѣ (1389 г.): въ ней пали султанъ Амурадъ и царь Лазарь; ихъ преемники Баязетъ и Стефанъ Лазаревичъ заключили договоръ, по которому Сербія была поставлена въ ленную зависимость отъ Турціи. Этотъ договоръ былъ скрѣпленъ родственными узами. Стефанъ Лазаревичъ отдалъ сестру свою въ супруги султану. Сербскій король участвовалъ во всѣхъ походахъ султана Баязета, а именно въ Болгарію (1390—1392), въ Боснію (1392), въ Валахію (1394), противъ Сигизмунда угорскаго (1396) и Тамерлана (1402). Поссорившись съ турками при Сулейманѣ, онъ подчинилъ Сербію Сигизмунду и съ угорскими войсками разбилъ турокъ

(1403); но вскорѣ примирился съ ними. Себялюбивый, недальновидный и перемѣнчивый преемникъ Стефана, *Юрій Бранковичъ* (1427—1456), имѣя въ виду отпаденіе отъ Турціи, призналъ надъ собою покровительство угорскаго короля.

„Это покровительство", говоритъ проф. *Григоровичъ* (*О Сербіи*, стр. 29—30), „ограничившись присвоеніемъ Бѣлграда и дунайскихъ крѣпостей, сдѣлало Сербію позорищемъ кровопролитныхъ войнъ и ознаменовалось вѣронетерпимостью, унижавшею народъ. Казалось, что когда турки разрушали ея матеріальное существованіе, покровительство это подготовило ея духовное рабство. Если попытка Іоанна Палеолога о соединеніи церквей довершила разложеніе византійской имперіи, то по той же причинѣ несчастная Сербія, поучаемая и защищаемая Іоанномъ Капистрономъ вмѣстѣ съ Іоанномъ Гуніадомъ, доведена была до совершеннаго гелотства. Достовѣрно извѣстно, что послѣ флорентійскаго собора, когда Сербія, руководимая своимъ патріархомъ, не признала власти папской, народъ ея былъ поставленъ на ряду съ погибшими еретиками. Этотъ приговоръ, произнесенный главою западной церкви, подтвержденъ былъ ея поборниками и словомъ и дѣломъ. Клятва, тяготѣвшая на союзѣ Сербіи съ ея мнимыми покровителями, выразилась въ презрѣніи къ народу сербскому. Народъ, подавленный темными подвигами своихъ покровителей, метаясь отъ власти къ власти, истомленный, забылъ наконецъ о своей самостоятельности и слѣпо шелъ на встрѣчу своихъ побѣдителей, османовъ. Событія, послѣдовавшія около половины XV столѣтія, касаясь османовъ, венгерцевъ и другихъ народовъ, хотя бы и совершались онѣ на почвѣ Сербіи, не были въ пользу ея. Подвиги Іоанна Гуніада, сраженіе при Варнѣ, вызывая содѣйствіе или сопротивленіе сербскихъ князей, не воздвигнули народа, не охранили цѣлость земли. Очевидно было, что чья ни выиграла бы сторона — османы или

ихъ противники — Сербія должна была служить средствомъ расплаты при заключеніи мира.“

Но германско-венгерское покровительство и интриги Византіи, искавшей своего спасенія въ союзѣ съ турками, только ускорили паденіе Сербіи, которое главнымъ образомъ кроется во внутреннемъ ея состояніи. Византія безспорно имѣла огромное вліяніе на государственную жизнь сербовъ. Исторія Сербіи XIV—XV в. представляетъ тѣ же самыя явленія, какія находимъ и въ исторіи Византіи: лицемѣріе, придворныя интриги, предательство и деспотизмъ. Состояніе Сербіи во второй половинѣ XIV столѣтія мастерски изображено *проф. Григоровичемъ* (стр. 8—11):

„Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и не ясно сознаваемой, потребности охранить свою народность, Византія на политикѣ, вытекающей изъ отвлеченной теоріи о римскомъ владычествѣ, феодализмъ торжествовалъ тамъ, гдѣ нарушалась связь народнаго общенія.

„Славяне, выдержавъ неоднократные удары явныхъ враговъ, въ стремленіи создать самодержавныя государства, опираясь на собственное могущество, были только крѣпки народнымъ единствомъ, сильные духовною самостоятельностію. Но своебытная, юная силами жизнь славянъ, едва успѣвавшихъ ограждать государственную цѣлость отъ явныхъ враговъ, заранѣе поражаема была примѣсью чуждыхъ началъ, пагубно дѣйствовавшихъ въ грозную минуту вторженія османовъ.

„Византія, съ завистью взирая, среди собственныхъ раздоровъ, на усиленіе славянъ, достигала своего преобладанія, дѣйствуя на нихъ своею политикою. Вѣрная темнымъ преданіямъ о Римской имперіи и сознавая свое безсиліе, она нуждалась въ гибели другихъ для собственнаго существованія. Недоступная кореннымъ преобразованіямъ, коснѣя въ самолюбивой мечтѣ о своемъ превосходствѣ, она не дорожила просвѣщеніемъ единовѣрныхъ народовъ, но своимъ вліяніемъ вносила раз-

ладъ въ гражданскую ихъ жизнь, дабы легче распоряжаться ихъ довѣріемъ или возвышаться надъ порождаемыми ею крамолами. Политика ея, не воодушевляясь мужественнымъ самоотверженіемъ, искала только жертвъ и жертвами ея были народности. Потерявъ внутреннюю связь въ государственной жизни, Византія прилагала тѣ же начала внѣшней политики и въ собственной администраціи. Обезсиливъ коренной греческій народъ, она отвлеченному понятію придавала значеніе преимущества, служившаго къ разобщенію, а не къ соединенію ея обитателей. Питая тщеславіе своихъ гражданъ, сохранившихъ античныя прикрасы отъ міра, давно ими отверженнаго, она не внушала имъ также гражданскихъ добродѣтелей. Византійцы не жили общею жизнью, не волновались общимъ чувствомъ, но, образуясь какъ софисты, копировали съ древнихъ участіе къ гражданскимъ доблестямъ, а въ сущности исполнены были отвлеченной премудрости, доводившей до обольстительной способности скрывать корыстолюбивые виды подъ личиною заботливости объ общемъ благѣ. Среди опасностей, угрожавшихъ цѣлости отечества, византійцы не разъ измѣняли его пользамъ, ввѣряя чужимъ защиту его и забывая, что сила государства лежитъ въ сочувствіи собственнаго народа. Отрицаніе слѣдственно народности и усиленіе эгоизма — это главныя черты Византіи въ эпоху водворенія османовъ. Съ этой точки зрѣнія поясняю я предательскую уступку коренныхъ областей чужеплеменникамъ и легкомысленное довѣріе къ османамъ. Съ равнодушіемъ къ участи коренныхъ обитателей, естественно долженъ былъ усиливаться духъ частнаго корыстолюбія, жертвовавшій безъ разбора для личныхъ выгодъ интересами государства. Византіецъ, часто сомнительнаго происхожденія, присвоивая себѣ имя римлянина для тщеславныхъ видовъ, умышленно допускалъ самый разнообразный сбродъ народовъ, разногласіе которыхъ давало возможность господствовать. Немудрено

слѣдственно, что государство имѣло самое отвлеченное основаніе и лишено было жизненныхъ началъ.

„Рядомъ съ такимъ направленіемъ Византіи развился феодализмъ въ ея же областяхъ въ Пелопонезѣ, Гелладѣ и черезъ Ѳессалію и Эпиръ достигалъ славянскихъ земель. Наслѣдіе господства франковъ въ XIII столѣтіи, феодализмъ въ XIV и XV столѣтіяхъ сдѣлался явнымъ союзникомъ Византіи. Не бывъ въ состояніи основать самодержавія на народномъ единствѣ, Византія мало-помалу сживалась съ нимъ. Да, казалось, феодализмъ отвѣчалъ видамъ византійской политики, легко постигшей, что въ дробности, разобщеніи мелкихъ владѣній, легче, пользуясь взаимными раздорами, то враждовать съ ними, то снискивать ихъ содѣйствіе. Византія глубоко сознавала, что феодализмъ, способствуя отчужденію сильныхъ властелиновъ, увеличивалъ безсиліе цѣлаго общества и что личное мужество феодаловъ не всегда противилось приманкамъ корысти.

„Препятствуя возниканію сословій, подавляя свободное развитіе гражданства, феодализмъ тамъ, гдѣ народность отстаивала свое существованіе, дѣйствовалъ косвенно, но не менѣе гибельно. Его-то вліянію приписываю я возниканіе у южныхъ славянъ самовольныхъ властелиновъ, людей мощныхъ своимъ боярствомъ, утверждавшихъ свои притязанія на увѣреніи, что сила есть право и право есть сила. И это притязаніе особенно обнаружилось въ Сербіи во второй половинѣ XIV столѣтія.

„Поставленная между силою, расплавляющею народное общеніе, и силою, раздробляющею государственную цѣлость, между Византіею и феодализмомъ, Сербія не могла не поколебаться, испытывая то явное, то тайное ихъ дѣйствіе. Вотъ почему мы замѣчаемъ, что Сербія, достигнувъ въ XIV столѣтіи значительнаго могущества, съ прекращеніемъ династіи Неманичей, была, несмотря на народное единство, терзаема распрями соперниковъ властелиновъ, посягавшихъ на раздробленіе отечества, ослаблявшихъ мысль дружной охраны самодержавія.

„Среди этихъ распрей Сербія вызвана была на роковую борьбу съ османами.“

Въ 1459 году Сербія обращена въ турецкую область; въ 1463 году покорена Боснія, а въ 1483 Герцеговина.

Судьба болгаръ и сербовъ подъ турецкимъ владычествомъ была одинакова: вся разница состоитъ въ томъ, что въ болгарскихъ земляхъ преобладалъ гнетъ фанаріотовъ, а въ сербскихъ — мусульманъ.

Болгарія, утративъ со смертію послѣдняго своего царя, Шишмана, политическую независимость, удержала духовную въ лицѣ своего патріарха. Національное духовенство поддерживало воинственный духъ въ народѣ, и еще цѣлое столѣтіе продолжалась борьба съ турками: храбрые воеводы удалялись въ горы, собирали смѣлыя дружины, съ помощью которыхъ отнимали у турокъ города, и управлялись или совершенно независимо, или оплачивая дань султану. Со времени завоеванія Царьграда турками, судьба болгаръ значительно ухудшилась: царьградскій патріархъ изъ своекорыстныхъ видовъ внушилъ туркамъ мысль объ уничтоженіи болгарскаго духовенства, возбуждавшаго народъ къ возстанію, а фанаріоты свѣтскіе вступили въ ряды турецкихъ войскъ, усмирявшихъ непокорныхъ болгаръ. По совѣту патріарха, было истреблено все высшее сословіе въ Болгаріи, давшее многихъ героевъ, долгое время боровшихся за независимость. Память объ этихъ герояхъ сохранилась доселѣ въ народныхъ пѣсняхъ. Любимый народный герой — Стоянъ. Заимствуемъ у г. Даскалова весьма замѣчательную пѣсню о немъ, характеризующую отношенія болгаръ къ туркамъ и фанаріотамъ и описывающую истребленіе высшаго сословія въ Болгаріи.

„У матери родился сынъ, названный Стояномъ; она качала его въ золотой колыбели и, качая, приговаривала: спи, мое родное дитя, милый мой Стоянъ, спи и рости скорѣе; когда будешь большой, исторгни собственное царство изъ чужихъ, поганыхъ рукъ, ибо оно твоего отца, твоей матери. Стоянъ сталъ ей говорить:

О, мать моя, старая мать! какъ ты пронзила мое сердце! Но гдѣ же у меня острая сабля, длинное гибкое ружье, пара двуствольныхъ пистолетовъ и старинная отцовская булава, чтобы исторгнуть собственное царство изъ чужихъ, поганыхъ рукъ, ибо оно моего отца, моей матери? На это отвѣчаетъ ему мать: Все есть у тебя, родное дитя мое, мой милый Стоянъ! Осѣдлай только своего коня, встань пораньше въ воскресенье, помолись Богу усердно, собери себѣ войско; но мать твоя заклинаетъ тебя, дитятко: когда поѣдешь, поставь рядомъ войско по холмамъ и долинамъ, и не бойся никого; *берегись только грековъ лукавыхъ, лукавыхъ да предателей*, предавшихъ твоего отца въ великомъ градѣ Адріанополѣ вмѣстѣ съ 72.000 воиновъ. Поѣхалъ Стоянъ, разставилъ рядомъ войско по холмамъ и горамъ, захватилъ ущелья такъ, что некуда и птичкѣ пролетѣть. *Прослышалъ какъ-то объ этомъ патріархъ, цареградскій патріархъ, пошелъ прямо къ царю* и *сталъ говорить ему:* Великій царь-падишахъ! да долгоденствуетъ твое царство! Слышалъ ли ты, царь, узналъ ли ты о Стоянѣ, младомъ воеводѣ, изъ великаго града Тернова, который поднялъ мечъ, чтобы исторгнуть свое царство, говоря, что оно будто бы его отца, его матери? Отвѣчаетъ царь патріарху: О, патріархъ, глава земли! Если это такъ, я пошлю войско противъ Стояна воеводы, 15-тысячное войско! — *И поднялось войско чуть свѣтъ; его повелъ самъ патріархъ;* шли да шли, прошли широкое поле, добрались до зеленаго лѣсу. Чуть завидѣлъ Стоянъ патріарха, Стоянъ, младой воевода, грянулъ его голосъ сквозь мѣдный рогъ, собралъ всѣхъ своихъ воеводъ и сталъ говорить имъ: Воеводы, младые богатыри! распустите кровавыя знамена: мѣсто укажетъ на того, кто храбрѣе изъ храбрыхъ! — Всѣ воеводы заговорили: *мы пойдемъ съ радостью колоть турокъ и приведемъ къ тебѣ патріарха живьемъ.* — Всѣхъ турокъ перекололи, но патріархъ оказался хитрѣе насъ: онъ потихоньку улизнулъ изъ войска. — И вотъ бѣда, великая бѣда: *патріархъ вскорѣ*

прибылъ съ арабами. Стоянъ отступилъ назадъ и скрылся въ густой лѣсъ. *Патріархъ возвратился въ Царьградъ и сталъ говорить царю: О царь, великій падишахъ! развѣ я не говаривалъ тебѣ, чтобы всю ихъ оставшуюся знать обратить въ исламъ, дѣтей ихъ поработить, священниковъ ихъ переколоть, архіереевъ ихъ перевѣшать, церкви ихъ разрушить: тогда только, царь, будешь покоенъ.* — Царь послушался наконецъ патріарха, послалъ переколоть, всѣхъ архіереевъ переколоть, повѣсить всѣхъ священниковъ, обратить въ исламъ младыхъ юношей, разрушить много церквей, а другія обратить въ мечети. Кровь полилась ручьями; дѣятельнѣйшими палачами были сами фанаріоты..... Турокъ можно было обмануть, можно было отъ нихъ откупиться — говорится въ другой пѣснѣ; но отъ фанаріотовъ не было спасенія: „солнце померкло, горы заплакали, трава прослезилась, поле кровью полилось“... *).

Гнетъ фанаріотовъ былъ менѣе чувствителенъ въ сербскихъ областяхъ, хотя и въ нихъ не прошелъ безслѣдно: подъ его вліяніемъ народъ значительно упалъ въ нравственномъ и матеріальнымъ отношеніяхъ и переходилъ въ исламъ и католицизмъ.

Пораженіе мадьяръ и поляковъ подъ Варною (1444 г.) имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу Сербіи. Интриги католиковъ ускорили ея паденіе; она согласилась охотнѣе признать власть османовъ, оставлявшихъ покореннымъ народамъ свободу вѣроисповѣданія, чѣмъ мадьяръ, обнаружившихъ намѣреніе совратить сербовъ въ католицизмъ. По словамъ народной пѣсни, Юрій Бранковичъ однажды спросилъ I. Гуніада: что онъ думаетъ о вѣрѣ въ случаѣ побѣды? Гуніадъ отвѣчалъ, что онъ обратитъ народъ въ католицизмъ; затѣмъ Юрій сдѣлалъ подобный же вопросъ султану, и тотъ отвѣчалъ, что онъ поставитъ возлѣ каждой мечети церковь и предоста-

*) *Русская Бѣседа*, 1858 г. II, ч. 2, смѣсь стр. 7—8.

вить жителямъ свободу вѣроисповѣданія. И народъ предпочелъ покориться туркамъ, чтобъ сохранить свою вѣру. Когда послѣдняя сербская княгиня, Елена Палеологъ, передала свои земли во владѣніе папы, народъ возсталъ и призвалъ Турокъ для занятія крѣпостей, лишь бы избавиться зависимости отъ Рима. По той же самой причинѣ боснійскіе патарены сдали туркамъ безъ боя въ теченіе 8 дней 70 крѣпостей *).

Турки, предоставляя сербамъ свободу вѣроисповѣданія, думали объ одномъ—о порабощеніи народа. „Когда въ 1463 году турецкій султанъ Магометъ Фетхи (Завоеватель) убилъ боснійскаго короля Степана Томашевича и покорилъ своей власти всю Боснію (говоритъ туземный авторъ записки, изданной *А. Ѳ. Гильфердингомъ* въ его сборникѣ: *Боснія*, *Герцеговина* и *Ст. Сербія*), то онъ взялъ въ рабство христіанское юношество, годное къ военной службѣ, числомъ до 30.000, и, причисливъ ихъ къ янычарамъ, увелъ за собою въ Стамбулъ. Въ то же время онъ приказалъ подъ городомъ Яйцемъ умертвить до 10.000 боснійскихъ вельможъ и знатныхъ людей, предавшихся ему на слово. И то и другое сдѣлалъ Магометъ для того, чтобы уничтожить все то, что могло бы сопротивляться въ Босніи новому турецкому управленію. Между тѣмъ часть христіанъ, преимущественно изъ числа знатныхъ людей, бѣжала въ Далмацію, а другіе приняли магометанскую вѣру. Такимъ образомъ отчасти погибла или разсыпалась, отчасти обратилась въ магометанство аристократія боснійская. Простолюдиновъ же христіанъ султанъ-завоеватель оставилъ въ полной свободѣ, замѣнивъ для нихъ военную повинность *харачемъ* и оставивъ имъ владѣніе ихъ имуществомъ и землями, подъ условіемъ платить ему десятину со всего, что родитъ земля. Десятину эту до 1850 года получали именемъ султана беги боснійскіе, обязанные за то къ

*) Исторія Сербіи, стр. 23 и 24.

военной службѣ по первому востребованію. Десятина эта всегда платилась натурою."

Въ 1615 году были присланы въ Боснію султанскіе уполномоченные (*эль-эмены*) для размежеванія земель и внесенія въ государственные акты. Съ 1521 года настали бѣдственныя времена для боснійскихъ христіанъ: полчища мусульмамъ на пути своемъ въ Австрію опустошали и разрушали церкви, монастыри, города и села; народъ бѣжалъ за Дунай и въ Далмацію или скрывался въ горахъ: цѣлыя области (Посавина, Подринье и Крайна) пустѣли. Къ довершенію бѣдствій, чума истребила значительное число христіанъ. Претерпѣвъ пораженіе подъ Вѣною въ 1683 году, Турки выместили свою ярость на боснійскихъ христіанахъ: въ короткое время было разрушено множество церквей и монастырей; жители бѣжали тысячами въ сосѣдніе края. По заключеніи мира между императоромъ Карломъ VI и турками въ 1739 году, боснійскіе христіане стали возвращаться изъ добровольнаго изгнанія и селиться на оставленныхъ ими земляхъ съ согласія *беговъ* и *капетановъ* (окружныхъ начальниковъ), своевольно захватившихъ эти земли и распоряжавшихся на нихъ неограниченными властелинами: они никому не повиновались и, по своему усмотрѣнію, били, убивали, вѣшали и сажали на колъ людей. Христіане, поселившись на захваченныхъ капетанами и бегами земляхъ, обязывались платить имъ девятую часть урожая и полторы оки коровьяго масла за пользованіе пастбищами и сѣнокосами. По мѣрѣ умноженія и дробленія домовъ капетановъ и беговъ, требованія ихъ возростали: мало-по-малу они ввели *ангарію* или *беглукъ* (барщину), отягощавшую поселянъ.

Въ собственной Сербіи повторялись тѣ же самыя явленія, какъ и въ Босніи. „Султаново войско, говоритъ *Ранке* въ своей Исторіи Сербіи (стр. 25—26), „почти ежегодно ходило черезъ эти земли къ венгерскимъ границамъ и не оставляло ихъ въ покоѣ. Крестьяне изъ окрестьостей Бѣлграда отправлялись въ Константино-

поль косить сѣно на лугахъ султанскихъ. Страна подѣлена между спахіями, коимъ жители обязаны были отправлять всякаго рода службу. Они не смѣли носить оружія: при началѣ возстанія все ихъ вооруженіе состояло въ длинныхъ дубинахъ. Они не могли обзавестить лошадьми, коихъ отнимали у нихъ турки. Одинъ путешественникъ XVI вѣка описываетъ ихъ нищими, узниками, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣливался глядѣть прямо. Каждые пять лѣтъ производился наборъ мальчиковъ: цвѣтъ и надежда народа, они уводимы были въ Константинополь для непосредственной службы султану; изъ нихъ выростали ревностные губители христіанства".

Во всѣхъ земляхъ, покоренныхъ турками, господствовала одна и та же система управленія.

По ученію корана, земля составляетъ достояніе Бога и его намѣстника на землѣ, калифа: она принадлежитъ государству, и отдѣльныя лица могутъ только пользоваться ею. Право на такое пользованіе — пожизненное или наслѣдственное—имѣютъ прежде всего правовѣрные воины: между ними-то и была раздѣлена почти вся земля. Райя должна была обработывать землю и платить налоги. Всѣ христіане мужескаго пола, отъ семи лѣтъ до глубокой старости, были обложены подушною податью. Спахіи собирали съ райи десятину отъ всѣхъ полевыхъ плодовъ, отъ виноградника и отъ улья, и небольшую подать съ каждой головы скота. Каждая семья платила имъ кромѣ того подушный оброкъ (*главница*) по два піастра. Случалось, что оброкъ, платимый обыкновенно поселининомъ спахію натурою, замѣнялся денежнымъ (10 піастровъ съ семьи). Получая съ райи оброкъ, спахія не вмѣшивался въ сельское управленіе, которымъ заведывали *кнезы*. Кромѣ того райя обязана была содержать пашу и мѣстную администрацію. Особенно обременительно было и есть для христіанъ содержаніе судей (въ главныхъ городахъ *муллы*, во второстепенныхъ *кадіи*) и полицейскихъ чиновниковъ (*муссел`имы*), кото-

рые изъ корыстныхъ видовъ стараются объ увеличеніи безпорядковъ. На содержаніи же райи находился епископъ-фанаріотъ, безсовѣстно обиравшій свою паству. Паши и епископы постоянно старались наверстать съ лихвою на райѣ потраченныя ими въ Константинополѣ на покупку должностей деньги. Райя, непринимавшая никакого участія въ государственномъ управленіи, существуетъ только для того, чтобы оплачивать государственные расходы. Ей воспрещено носить оружіе, ѣздить верхомъ, одѣваться такъ, какъ одѣваются мусульмане, и т. п. Ея обязанность—безусловая покорность и смиреніе.

Всякій кто былъ недоволенъ системою турецкаго управленія, покидалъ родину *) или бѣжалъ въ горы, гдѣ составлялись шайки удальцовъ (*гайдуки*), ведшихъ партизанскую войну съ своими заклятыми врагами—турками. Изъ такихъ-то удальцовъ образовалась *Черногорское княжество*.

Княжество зетское (такъ называлась первоначально *Черногорія* по главной ея рѣкѣ *Зетъ*) управлялось еще во времена Душана своими *господарями*. Около 1360 года Зетою владѣли *Страшиміръ*, *Юрій* и *Бальша Неманичи*. Бальша признавалъ надъ собою верховную властъ сербскаго царя Лазаря и участвовалъ въ Косовской битвѣ. По смерти Бальши II (1422 г.), изгнанный имъ братъ его, *Стефанъ Черноевичъ*, былъ вызванъ, по желанію народа, изъ Неаполя и поставленъ княземъ. Онъ построилъ Жаблякъ, крѣпость на рѣкѣ Морачѣ, принадлежащую нынѣ туркамъ. Въ союзѣ съ Юріемъ Скендер-

---

*) Такъ въ 1689 году 37.000 семействъ, подъ предводительствомъ патріарха Арсенія Черноевича, выселились въ Австрію. Австрійское правительство посягнуло на вѣру и языкъ сербскихъ поселенцовъ: заступничество Россіи (при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ) не имѣло никакого успѣха. По удаленіи Арсенія Черноевича въ Австрію, турки постановили въ Печѣ (Ипекѣ) новаго патріарха. Послѣ возстанія 1737 года, Порта уничтожила сербское патріашество и подчинила Сербію царьградскому патріарху. Съ тѣхъ поръ появились фонаріоты въ сербскихъ земляхъ.

бегомъ, на дочери котораго онъ былъ женатъ, Стефанъ 24 года воевалъ съ турками. Сынъ его, *Иванъ Черноевичъ*, построившій нынѣшнюю Рѣку и цетинскій монастырь, продолжалъ войну съ турками, которые отняли у него Жаблякъ. Внукъ его, *Юрій*, завелъ типографію въ Рѣкѣ, одну изъ первыхъ по времени въ славянкихъ краяхъ. Съ смертію его, въ 1516 году, пресѣкся домъ Черноевичей, и власть перешла къ владыкѣ Рувиму I и его наслѣдникамъ. Въ это время турки нѣсколько разъ пытались покорить Черногорію, но безуспѣшно.

Въ 1696 году черногорцы, оставшись безъ правителя, на соборѣ въ Цетиньѣ избрали своимъ господаремъ *Даніила Петровича Нѣгоша*, родоначальника нынѣшняго княжескаго дома. Онъ возобновилъ цетинскій монастырь и отразилъ въ 1706 г. нападеніе турокъ. Въ 1711 г. императоръ Петръ 1 отправилъ въ Черногорію Михаила Милорадовича съ грамотою, въ которой призывалъ черногорцевъ къ борьбѣ съ турками. Черногорцы не замедлили вторгнуться въ Герцеговину и Албанію. Въ слѣдующемъ году они разбили шестидесятитысячную армію подъ предводительствомъ Ахметъ-Паши. Преемникъ Даніила, *Савва* (съ 1739 г.), одержалъ блистательную побѣду надъ турками въ Кучахъ. При владыкѣ *Василіѣ* (съ 1750 г.) боснійскій визирь потребовалъ у черногорцевъ дани и, получивъ отказъ, вторгся въ Черногорію съ 40.000 отборнаго войска; но былъ разбитъ наголову. Въ 1766 году, по смерти Василія, появился въ Черногоріи самозванецъ, *Степанъ Малый*, выдававшій себя за императора Петра III. Онъ успѣлъ захватить верховную власть въ свои руки и умнымъ правленіемъ снискалъ любовь народа. Въ 1768 году онъ разсѣялъ 180.000 турокъ, вторгшихся въ Черногорію. Умеръ въ 1774 году. Въ 1782 году вступилъ въ управленіе Черногоріею племянникъ владыки Саввы, *Петръ I Св.* Онъ нѣсколько разъ счастливо воевалъ съ турками (въ 1789 г. взялъ Спужъ, въ 1795 г. разбилъ подъ Спужемъ турокъ, изъ коихъ 3.000 осталось на мѣстѣ, а въ слѣ-

дующемъ году въ одномъ сраженіи погибло 3.500 турокъ и самъ Махмутъ-Паша). Въ 1805 году черногорцы помогали намъ при занятіи Боки Которской и осады Дубровника. Въ 1813 году Черногогцы вторично заняли Которъ. Остатокъ дней своихъ владыка провелъ въ борьбѣ въ турками за единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братій въ Герцеговинѣ и въ заботахъ о народномъ благосостояніи (издалъ *Законникъ* въ 1798г.). Умеръ въ 1830 году.

Тридцатилѣтнее правленіе владыки *Петра II* (1830—1851 г.), обезсмертившаго себя своими поэтическими произведеніями, не ознаменовалось важными внѣшними событіями для Черногоріи: онъ старался жить въ мирѣ съ сосѣдями, турками и австрійцами, заступался передъ турецкими властями за своихъ единовѣрцевъ въ Герцеговинѣ и подъ рукою помогалъ имъ; главнымъ образомъ заботился о внутреннемъ благоустройствѣ Черногоріи и о распространеніи въ ней просвѣщенія. Онъ первый завелъ въ Черногоріи школы иосновалъ въ Цетиньѣ типографію, въ которой печатался между прочимъ альманахъ „Грлица“ подъ редакціею его секретаря, *М. Милаковича*: въ нѣсколькихъ книжкахъ этого альманаха разбросаны весьма важныя статьи объ исторіи, статистикѣ и топографіи Черногоріи.

По смерти его прекратилась ѳеократія въ Черногоріи, и преемникъ его, *Даніилъ I* (1852—1860 г.), сталъ титуловаться княземъ. Первая его война съ турками въ 1852—1853 году, когда Омеръ-Паша вторгся въ Черногорію со стотысячною арміею, была неудачна: Черногорія была спасена на этотъ разъ Россіею; зато въ 1858 году былъ пріобрѣтенъ черногорцами граховскій округъ.

Граховская побѣда, одержанная братомъ Даніила I, Миркомъ Петровичемъ, надъ Хусейнъ-Пашею *), имѣ-

---

*) *Н. Дучича*, Полазак турске войске из Билече у Баняне, бой на Граховцу и славна побѣда (1865 года 1 мая), въ черногорскомъ календарѣ *Орлицъ* за 1856 г., стр. 28—51.

ла еще то важное слѣдствіе, что великія державы признали необходимымъ опредѣлить съ точностью границы Черногоріи (международная коммиссія разграниченія 1859—1860 года) и тѣмъ положить конецъ неосновательнымъ притязаніямъ турокъ и безконечнымъ пограничнымъ ссорамъ. Къ сожалѣнію только, великія державы не обратили вниманія на то, что въ опредѣленныхъ ими границахъ Черногорія существовать не можетъ и что ей необходимъ выходъ къ морю (портъ Спичь): единственныя условія, при которыхъ возможенъ сколько-нибудь прочный миръ между Черногоріею и Турціею. Даніилу I принадлежитъ честь изданія нынѣшняго черногорскаго законника (1855 г.); но исторія должна осудить его за излишнюю привязанность къ Франціи. Преждевременная смерть Даніила, измѣннически убитаго, какъ извѣстно, въ Которѣ, была большимъ несчастіемъ для Черногоріи. Незадолго до своей смерти онъ вызвалъ изъ Парижа племянника, нынѣшняго правителя Черногоріи, *Князя Николая* I, и серіозно занялся его воспитаніемъ, приготовляя его себѣ въ преемники. Недоучившійся юноша со школьной скамьи былъ пересаженъ на княжескій престолъ; а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что его княженіе причинило не мало бѣдъ черногорскому народу.

Князь Николай родился 25 сентября 1841 г. Родители его при послѣднемъ черногорскомъ владыкѣ жили въ бѣдности въ селеніи Нѣгушахъ, и нынѣшній правитель Черногоріи пасъ въ дѣтствѣ козъ и бѣгалъ босикомъ въ рубахѣ до пупа. Даніилъ I Петровичъ, вступивъ въ управленіе Черногоріею, назначилъ брата своего Мирка Петровича великимъ воеводою, а племянника своего, Николая, когда онъ подросъ, послалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими черногорцами въ Парижъ на воспитаніе. Французское правительство не находило нужнымъ, чтобы черногорцы знали что-либо другое, кромѣ языка, исторіи и географіи Франціи. Нашлись добрые товарищи, которые познакомили молодыхъ черногорцевъ

съ парижскою жизнью: ихъ услугами пользовался и Николай Петровичъ Нѣгошъ, не получавшій отъ родителей иныхъ посылокъ, кромѣ чулокъ, вязанныхъ его матерью, — чулокъ, которые немедленно по полученіи выбрасывались въ такое мѣсто, гдѣ не могли найдти ихъ товарищи его. Потерявъ напрасно года два или три въ Парижѣ, онъ былъ вызванъ въ Цетинье, гдѣ Даніилъ I Петровичъ занялся его воспитаніемъ....

Еслибы не палъ Даніилъ отъ измѣннической руки въ Которѣ, то изъ нынѣшняго правителя Черногоріи вышелъ бы иной человѣкъ: въ немъ были задатки, обѣщавшіе многое въ будущемъ; но ихъ развитіе было мгновенно прервано. Со школьной скамьи, изъ-подъ ферулы учителя, носясь мыслями въ Парижѣ, Николай вступилъ въ управленіе княжествомъ: внезапно ослѣпленный неожиданно доставшеюся ему властью, не приготовленный къ серіознымъ занятіямъ, молодой князь предался сладостному far niente и сталъ подражать парижскому образу жизни, предоставивъ заботиться о дѣлахъ своему отцу; а между тѣмъ было о чемъ подумать: тетка, уѣзжая въ Парижъ развѣять скорбь по потерѣ мужа, увезла съ собою все, что могла; молодому князю достался пустой сундукъ отъ денегъ... Былъ слышанъ въ народѣ ропотъ... Мирко не задумывался долго въ выборѣ средствъ къ прекращенію неудовольствій, и подъ его желѣзною рукою умолкъ ропотъ... Забравъ всю власть въ свои руки, онъ обратилъ сенатъ въ послушное себѣ орудіе и издѣвался надъ черногорскими законами. Лучшіе и благороднѣйшіе люди были мало-по-малу удалены, — остались одни льстецы и безгласные слуги... А между тѣмъ заботливая тетушка прислала изъ Парижа въ утѣшеніе молодому князю шута-корсиканца, д-ра Панкрацци, но не такого шута, какихъ держали встарину наши князья, не такого шута, который изъ преданности позволялъ себѣ высказывать князю правду, подвергая свою спину ударамъ: нѣтъ, это былъ шутъ нашего вѣка. Имѣя въ виду одно

—личную корысть, Панкрацци забавлялъ молодаго князя площадными шутками, прислуживался ему и всякому, велъ дипломатическую переписку и лечилъ его: это былъ фактотумъ князя Николая, не умѣвшаго безъ его совѣта слова сказать, шагу ступить... Хитрый Панкрацци въ одно и то же время служилъ Черногоріи, Франціи, Австріи и Турціи.

Цетинье наполнилось искателями приключеній, преимущественно изъ австрійскихъ славянъ: нѣкоторые изъ нихъ успѣли пристроиться, а другіе жили никому невѣдомыми средствами. Иностранные шпіоны, подъ именемъ живописцевъ и путешественниковъ, наводнили Черногорію. Князь Николай ни разу не задалъ себѣ вопроса, зачѣмъ и на какія средства живутъ въ Цетиньѣ эти незваные гости, и нетолько не остерегался ихъ, но даже допускалъ къ себѣ и вообще былъ весьма благосклоненъ къ нимъ, — впрочемъ не ко всѣмъ: русскіе путешественники, хотя бы это были благороднѣйшіе люди и искренно преданные Черногоріи, не пользовались его расположеніемъ. Изъ нѣсколькихъ случаевъ упомяну объ одномъ: одинъ молодой богатый русскій князь пріѣзжалъ года три тому назадъ въ Черногорію, пробылъ нѣсколько дней въ Цетиньѣ и только передъ отъѣздомъ могъ добиться аудіенціи у князя, который подъ предлогомъ важныхъ занятій (упражненій въ фотографическомъ искуствѣ и пусканіи фейерверковъ!) отказывался принять его. А между тѣмъ австрійскіе, французскіе и англійскіе шпіоны были принимаемы съ большими почестями. Для характеристики князя Николая весьма важно еще одно обстоятельство: извѣстно, что князь Даніилъ I, вѣроятно, по совѣту Даринки, учредилъ орденъ „за независимость Черногоріи"; преемникъ его изъ тщеславія придумалъ три степени для этого ордена и сталъ весьма щедро раздавать его иностранцамъ, оплачивая имъ болѣе или менѣе сомнительныя ихъ услуги: послѣдствія оказались одинаково прискорбны для обѣихъ сторонъ....

Самъ князь Николай крайне честолюбивъ и весьма настоятельно добивается иностранныхъ орденовъ. Вмѣстѣ съ честолюбіемъ стала проявляться въ немъ въ началѣ послѣдней войны удивительная самонадѣянность: онъ полагалъ, что очень легко сладить съ турками, а потому изображалъ себя на портретахъ или указывающимъ на пылающія турецкія деревни, или покрывающимъ рукою Стамбулъ! Эта самоувѣренность составляетъ также отличительную черту Мирка Петровича: въ началѣ послѣдней войны съ турками онъ говаривалъ: „Мы шапками забросаемъ турокъ и прогонимъ ихъ въ Стамбулъ!“ Событія однако не оправдали предсказанія Мирка: поле сраженія осталось за турками, и гордые черногорцы должны были согласиться на предписанныя имъ въ Рѣкѣ ренегатомъ Омеръ-Пашею условія.

Несмотря на голодъ, безденежье и недостатокъ военныхъ припасовъ въ Черногоріи, война съ турками не имѣла бы такихъ гибельныхъ послѣдствій, еслибы не были сдѣланы княземъ Николаемъ и его отцомъ, Миркомъ Петровичемъ, двѣ непростительныя ошибки: 1) правитель Черногоріи долженъ былъ скрывать отъ турокъ свое вмѣшательство въ дѣла Герцеговины и Албаніи, отклонять отъ себя всякую отвѣтственность за пограничныя столкновенія, а не возвѣщать всему міру о своихъ побѣдахъ; извѣстно, что телеграмма, отправленная княземъ Николаемъ къ теткѣ его въ С.-Петербургъ, о криницкой побѣдѣ (въ Албаніи $^{11}/_{23}$ марта 1863 г.: по черногорскимъ извѣстіямъ, убито 500 турокъ, взято въ плѣнъ 600), послужила обвинительнымъ противъ него актомъ; 2) рѣшившись вступить въ открытую борьбу съ турками, слѣдовало не вносить ее въ сердце Черногоріи, а вести ее по окраинамъ, въ Герцеговинѣ и Албаніи, какъ это и входило первоначально въ планы черногорскаго правительства; но впослѣдствіи Мирко Петровичъ, опасаясь, чтобы побѣды, одержанныя воеводою Петромъ Вукотичемъ въ Дугѣ надъ Дервишъ-Пашею ($^{4}/_{16}$ апрѣля и $^{5}/_{17}$ и $^{6}/_{18}$ мая), не затмили военной славы,

пріобрѣтенной имъ въ Граховцѣ, отозвалъ черногорскія войска изъ Герцеговины и тѣмъ доставилъ Дервишъ-Пашѣ возможность вторгнуться въ Черногорію и соединиться съ албанскою арміею Омеръ-Паши (въ концѣ мая).

Несмотря на отчаянную храбрость Мирка Петровича и другихъ воеводъ и на воодушевленіе, мгновенно овладѣвшее всѣмъ народомъ (даже старики и дѣти пошли на войну: такъ, при приближеніи турокъ къ Цетинью, ученики тамошней школы отправились воевать съ ними вмѣстѣ съ своимъ учителемъ), черногорская сила была сломлена, и 31-го августа князь Николай подписалъ ультиматумъ Омеръ-Паши, шестымъ параграфомъ котораго предоставлялось туркамъ право провести черезъ всю Черногорію изъ Албаніи въ Герцеговину военную дорогу съ блокгаузами. Вслѣдствіе предстательства Россіи и другихъ великихъ державъ, турки отказались отъ постройки дороги черезъ Черногорію, но зато окружили ее цѣлою цѣпью блокгаузовъ, какъ со стороны Герцеговины, такъ и со стороны Албаніи.

Послѣдняя война доказала черногорцамъ, что, при введеніи въ турецкую армію усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія, старинное ихъ вооруженіе никуда непригодно, а потому князь Николай, по замиреніи съ турками, постарался сблизиться съ австрійскимъ правительствомъ, чтобъ получить чрезъ него штуцера и порохъ,то вполнѣ удалось послѣ поѣздокъ въ Вѣну его и Мирка Петровича. Дружественныя отношенія къ Австріи—хотя они и ненадежны,—крайне необходимы для Черногоріи, какъ это доказала послѣдняя война. Также необходима для Черногоріи дружба съ Сербіею, сближеніе съ которою началось въ концѣ 1864 года и успѣло уже принести хорошіе плоды: черногорское правительство, по примѣру сербскаго, стало заботиться о народномъ просвѣщеніи и обученіи войска. Вообще въ послѣдніе два года Черногорія оказала большіе успѣхи.

Съ конца прошлаго столѣтія начинается народное возрожденіе задунайскихъ славянъ. Счастливыя войны Ека-

терины II съ турками подняли упадшій народный духъ славянъ и грековъ и пробудили въ нихъ мысль о независимости. Возстаніе вспыхнуло въ разныхъ мѣстахъ Турціи; но самымъ важнымъ по своимъ результатамъ было сербское.

Извѣстно, что султанъ Селимъ III, убѣдившись въ превосходствѣ своихъ сосѣдей и невозможности бороться съ ними при тогдашней системѣ турецкаго управленія, рѣшился произвести коренныя преобразованія въ своей имперіи, къ числу которыхъ принадлежала замѣна янычаръ постояннымъ правильно-организованнымъ войскомъ.

Изгнанные изъ бѣлградскаго пашалыка, янычары пристали къ возставшему въ Видинѣ въ 1788 году Осману Пасванъ-Оглу, который съ помощью 10.000 *кирджаліевъ* (людей, уволенныхъ Портою отъ службы и занимавшихся грабежемъ и разбоемъ) прогналъ пашу и овладѣлъ городомъ. Напрасно Порта посылала противъ него избранное войско (1798): онъ согласился только тогда примириться съ правительствомъ, когда оно признало его трехбунчужнымъ пашею и дозволило бѣлградскимъ янычарамъ возвратиться въ Сербію. Съ возвращеніемъ въ Бѣлградъ янычаръ возобновилось прежнее ихъ своеволіе, противъ котораго паша долженъ былъ принять мѣры; раздраженные этимъ, янычары умертвили пашу и стали требовать отъ Порты назначенія новаго; а между тѣмъ захватили въ свои руки управленіе всею Сербіею: весь пашалыкъ былъ раздѣленъ на четыре части между четырьмя янычарскими *дахіями* (предводителями); ихъ клевреты (*кабадахіи* и *субаши*) грабили и убивали жителей по всей странѣ. Янычары отняли у спахіевъ землю и обложили народъ тяжелыми податями. Спахіи искали помощи въ Стамбулѣ. Туда же не замедлили обратиться и сербскіе кнезы: „Дахіи обобрали насъ совершенно (писали они султану): намъ приходится подпоясываться лыкомъ; но имъ и того мало: не оставляютъ въ покоѣ нашу душу, оскорбляютъ честь и вѣру; у мужа отнимаютъ жену, у отца дочерей, у

брата сестеръ; монастыри, церкви, монахи и попы, все предано поруганію. Если ты еще нашъ царь, то приди и освободи насъ отъ злодѣевъ; если же не хочешь спасти насъ, то по крайней мѣрѣ, скажи о томъ; тогда намъ останется бѣжать въ горы и лѣса или топиться въ рѣкахъ.“ Султанъ грозилъ дахіямъ примѣрнымъ наказаніемъ, если они не уймутся. Тогда они рѣшились перерѣзать всѣхъ христіанъ. „Въ февралѣ 1804 года приступили они къ этому кровавому дѣлу, каждый въ своемъ участкѣ (говоритъ *Ранке*, стр. 88). Сначала не встрѣчалось затрудненій. Какъ скоро они сами или сообщники ихъ пріѣзжали въ деревню, жители по обыкновенію встрѣчали ихъ съ ѣдою и питьемъ и принимали лошадей. Тутъ представлялся удобный случай хватать кого угодно. Не довольствуясь кнезами и кметами, они брали всякаго, чѣмъ-нибудь отличившагося, храбростью, умѣньемъ красно говорить или богатствомъ... Ужасъ распространился въ Сербіи. Никто не зналъ, кому именно грозила смерть; но разнеслась молва, что искоренено будетъ все народонаселеніе, и потому самый послѣдній дрожалъ за жизнь. По селамъ турки встрѣчали однихъ стариковъ, да дѣтей; всѣ, кто были въ силахъ, бѣжали въ горы, въ потаенныя убѣжища гайдуковъ.“

Въ числѣ обреченныхъ дахіями на смерть былъ нѣкто *Георгій Черный (Кара Джорджи)*, зажиточный поселянинъ Топола, крагуевскаго округа въ Шумадіи (срединная область Сербіи между Дунаемъ и Савою), пріобрѣвшій себѣ извѣстность въ краѣ отчаянною храбростью и крутымъ характеромъ. „Въ то самое время, когда началось послѣднее кровопролитіе,“ говоритъ *Н. И. Надеждинъ* со словъ очевидцевъ *), „онъ покойно сбирался отправить большое стадо свиней къ австрійской границѣ на продажу. Вдругъ приходятъ къ нему со всѣхъ сторонъ вѣсти, что народъ гибнетъ, что того из-

---

*) *Русская Бесѣда*, 1858, IV, ч. 1, смѣсь, стр. 34.

рубили, другаго застрѣлили, третьяго ищутъ, да не находятъ, тотъ утекъ въ горы къ гайдукамъ, этотъ Богъ вѣсть гдѣ прячется, что наконецъ и за нимъ именно, за его головой, убійцы идутъ уже къ Тополу... Въ первыхъ попыхахъ Георгій распустилъ своихъ свиней, но оставилъ при себѣ всѣхъ чобановъ (пастуховъ), смотрѣвшихъ за свиньями, и пустился съ ними въ знакомыя горы, приказавъ матери, женѣ и дѣтямъ спасаться, какъ сами знаютъ. Тамъ ежечасно приливали новые бѣглецы со всѣхъ концовъ Шумадіи, они сторожили взаимно другъ друга, чтобы погадать и подумать вмѣстѣ, что дѣлать въ общей бѣдѣ. На первый разъ Георгій столкнулся съ двумя лихими молодцами, Янкомъ Катичемъ изъ Рогачи и Васомъ Чарапичемъ изъ Бѣлаго Потока: первый изъ нихъ служилъ булу-башею подъ Хаджи-Мустафой противъ Пасвана-Оглу и пользовался отличнымъ уваженіемъ между ратными людьми; второй былъ родной братъ кнеза Марка Чарапича, уже павшаго жертвою остервѣненія дахіевъ. Какъ тотъ такъ и другой имѣли при себѣ по нѣсколько момковъ, которыхъ тотчасъ присоединили къ чобанамъ Георгія. Такимъ образомъ составилась порядочная шайка, управляемая нераздѣльно всѣми тремя начальниками.“ Къ нимъ постоянно приставали новые бѣглецы, и, когда собралась значительная *чета*, было рѣшено напасть на турокъ. Гайдуки Главашъ и Велько напали среди бѣла дня на село Сибницу въ бѣлградской нахіи, зажгли домъ субаши и перерѣзали всѣхъ турокъ. *Чета*, постоянно увеличиваясь новыми пришельцами, разсыпалась по всей Шумадіи. Жены и дѣти бѣжали въ лѣса и горы, а всякій способный носить оружіе, приставалъ къ четѣ, а кто уклонялся, того преслѣдовали, какъ турка: у него жгли домъ, грабили его пожитки, а самаго били. Такимъ образомъ возстаніе въ продолженіе нѣсколькихъ дней охватило всю Шумадію. Героемъ и руководителемъ возстанія былъ Георгій Черный.

Онъ родился въ 1760 — 1770 г. въ селѣ Вишевцѣ,

около Крагуевца. Слѣдующее обстоятельство первой его молодости рѣшило судьбу его: однажды, возвратившись съ поля домой, онъ засталъ у себя турка, насиловавшаго его жену; турокъ былъ немедленно убитъ, а Георгій бѣжалъ отъ наказанія въ горы и сдѣлался гайдукомъ. Въ 1787 году, въ началѣ австрійско-турецкой войны, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ многими другими своими земляками въ Австрію и поступилъ въ сербскій полкъ, формированный полковникомъ Михалевичемъ. Разсказываютъ, что отецъ Георгія, Петроній, сопротивлялся бѣгству на чужбину и за это сопротивленіе былъ убитъ своимъ сыномъ: этимъ преступленіемъ объясняютъ обыкновенно прозвище Георгія *Черный*. Обойденный наградою, онъ покинулъ австрійскую службу и ушелъ въ горы, а по заключеніи мира въ Шистовѣ, поступилъ въ лѣсничіе въ богатомъ Крушедольскомъ монастырѣ на Фрушкой горѣ въ Сирміи. Въ правленіе кроткаго Хаджи-Мустафа-Паши онъ вернулся на родину и поселился въ Тополѣ, гдѣ десятилѣтними трудами успѣлъ составить себѣ порядочное состояніе.

Примѣру Шумадіи послѣдовала и остальная Сербія: въ восточной ея части поднялись Миленко Стойковичъ изъ Кличевца и Петръ Тодоровичъ изъ Добриня, люди зажиточные и миролюбивые, — а въ западной — Яковъ Ненадовичъ и попъ Лука Лазаревичъ, братья которыхъ были убиты турками; къ нимъ присоединился страшный гайдукъ Чюрчія. Турки были изгнаны изъ всѣхъ деревень, а небольшіе города *(паланки)* сожжены. На общемъ совѣтѣ *четобашей* Георгій Черный былъ избранъ старѣйшиною всей сербской земли. Дахіи, засѣвшіе въ Бѣлградѣ, призвали къ себѣ на помощь тысячу кирджаліевъ подъ предводительствомъ Гушанцъ-Алія и Алибега Видаша изъ Босніи; но босняки были частью прогнаны, частью истреблены.

Ободренные успѣхомъ, сербы рѣшились овладѣть крѣпостями. Сдался сначала Шабацъ, а потомъ Пожаревацъ и Смедерево. Тогда всѣ силы (около 3.000 воиновъ)

были двинуты къ Бѣлграду. Въ это время подоспѣлъ къ нимъ на помощь боснійскій паша Бекиръ. „Его прибытіе не удивило сербовъ“,—говоритъ *Ранке* *); „ибо какъ ни мало они знали общественныя отношенія, однако понимали, что притѣснители ихъ вовсе не были друзьями султана. Напротивъ, изгнанные спахіи безпрестанно извѣщали ихъ, что султанъ доволенъ ихъ возстаніемъ. Они уже приняли въ ряды свои нѣсколько турокъ; бывшій бимбаша Хаджи-Мустафы завѣдывалъ у нихъ аммуниціею и училъ прицѣливать такъ, чтобы ни однимъ выстрѣломъ не давать промаху. Въ ихъ станѣ появился даже одинъ старикъ изъ турецкаго духовенства, и ему приписываютъ сочиненіе распространившагося между сербами подложнаго фирмана, въ которомъ одобрялось ихъ возстаніе. Хотя диванъ еще не рѣшился на такое прямое объявленіе, но разумѣется онъ ясно постигалъ всю важность этой борьбы для османской державы, и видѣлъ, что она представляла возможность сокрушить могущество янычаръ, столь противное намѣреніямъ султана. Великій визирь возымѣлъ весьма благоразумную мысль придать видъ законности народному возстанію, подчинивъ его высшей власти, и затѣмъ покончить дѣло. Дозволивъ Азамъ-бегу, все еще жившему въ Константинополѣ и хлопотавшему за изгнанныхъ спахіевъ, собрать сихъ послѣднихъ, назначивъ кнеза Ивана Рашковича, который также жилъ въ столицѣ, начальникомъ бѣлградской таможни и поручивъ ему закупить провіантъ для сербскаго войска, визирь въ то же время послалъ приказъ боснійскому пашѣ Бекиру принять главное начальство надъ всѣмъ краемъ, выгнать дахіевъ и возстановить спокойствіе“. Бекиръ не замедлилъ занять Бѣлградъ, изъ котораго устрашенные его прибытіемъ дахіи бѣжали въ Оршову, гдѣ были убиты, по требованію сербовъ.

---

*) *Ист. Сербіи*, стр. 99—100.

Но сербы не могли быть спокойны до тѣхъ поръ, пока южныя крѣпости оставались въ рукахъ *субашей и кабадахіевъ* и пока держались еще въ Бѣлградѣ *кирджаліи*; поэтому Черный Георгій осадилъ Карановацъ, а Яковъ Ненадовичъ Ужицу: послѣдняя вскорѣ сдалась, но Карановацъ отбилъ нападенія Георгія.

Въ то же время было отправлено посольство въ С. Петербургъ съ просьбою о заступничествѣ. По совѣту нашего правительства, сербы отправили въ Царьградъ уполномоченныхъ съ требованіемъ, чтобы имъ были сданы всѣ крѣпости и уплочено военныхъ издержекъ 2.000.000 піастровъ. Султанъ приказалъ взять подъ стражу сербскихъ пословъ и обезоружить райю. Послѣднее порученіе было возложено на нишскаго пашу Афиза. Узнавъ объ этомъ, сербы укрѣпились на границахъ пашалыка и отбили Афизъ-Пашу.

Умерщвленіе турками въ Смедеревѣ окружнаго воеводы Гюши Вуличевича вызвало месть сербовъ: Смедерево было взято приступомъ и занято ими. Турки, опасаясь мщенія со стороны сербовъ, призвали босняковъ и укрѣпились въ Шабцѣ и Ужицѣ. Около новаго 1806 года началась война за независимость: боснійскій визирь Бекиръ и скадарскій паша Ибрагимъ получили приказаніе усмирить сербовъ. Сербы приготовились дать имъ отпоръ.

Другъ Георгія Чернаго, австрійскій капитанъ Радичъ-Петровичъ поднялъ южныхъ горцевъ. Миленко заперъ плаванье по Дунаю, овладѣвъ островомъ Порѣчьемъ. Петръ Добриняцъ заложилъ укрѣпленіе Делиградъ на правомъ берегу болгарской Моравы, по дорогѣ изъ Ниша. Позади его Младенъ занялъ Крушевацъ.

Первыя нападенія босняковъ были отбиты.

Главныя боснійскія силы (30.000) появились лѣтомъ въ Мачвѣ. Турки грабили села, убивали старшинъ, уводили въ плѣнъ женъ и дѣтей. Яковъ Ненадовичъ, имѣя слишкомъ мало войска для открытаго боя, прибѣгъ къ переговорамъ. Турки, задержавъ пословъ, требовали,

чтобы сербы срыли построенныя ими укрѣпленія. Неудача переговоровъ поселила въ сербахъ недовѣріе къ вождямъ. Народъ сталъ роптать и расходиться по домамъ. Многія села покорились туркамъ.

Турки направились къ Бѣлграду. Ибрагимъ-Паша съ 40.000 албанцевъ появился близь Ниша.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Георгій Черный отправилъ Катича съ 1.500 человѣкъ остановить движеніе босняковъ, а самъ съ такимъ же отрядомъ, разбивъ Хаджи-бега, шедшаго изъ Сокола, перешелъ черезъ горы въ покоренные босняками округа и здѣсь увеличилъ свой отрядъ. Онъ успѣлъ распространить возстаніе повсюду.

Турки стянулись къ Шабцу. Георгій Черный настигъ ихъ въ двухъ часахъ отъ него, у Мишара. У него было 7.000 пѣхотинцевъ, 2.000 всадниковъ, три пушки и одна бомба, и, несмотря на столь незначительныя силы, онъ рѣшился дать сраженіе. „Это было (говоритъ *Ранке*, стр. 122) въ послѣднихъ числахъ іюля 1806 года. Въ ночь передъ битвою Кара Георгій послалъ свою конницу въ ближайшій лѣсъ: по первому его выстрѣлу она должна была ударить непріятелю въ тылъ. Въ самыхъ окопахъ онъ запретилъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока турки не подойдутъ ближе, чтобы ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ. На разсвѣтѣ сераскиръ со всею силою двинулся изъ лагеря; храбрѣйшіе боснійскіе беги шли впереди, неся знамена: спокойно, съ заряженнымъ оружіемъ дожидались ихъ сербы. Какъ скоро турки подошли къ окопамъ на довольно близкое разстояніе, Кара Георгій подалъ знакъ: всѣ стоявшіе впереди подняли ружья и всѣ до одного угодили, какъ говорится у стрѣлковъ, прямо въ мясо: знамена попадали; раздавшіеся за тѣмъ пушечные выстрѣлы поколебали толпы турокъ. Въ это самое время сзади стремительно ударила сербская конница, а самъ Кара Георгій во главѣ пѣхоты вышелъ изъ окоповъ и ворвался въ непріятельскіе ряды:

въ одно мгновеніе турки смѣшались и потерпѣли рѣшительное пораженіе“.

Главные турецкіе вожди, и въ томъ числѣ самъ сераскиръ Кулинъ, были убиты. Потери сербовъ были ничтожны. Турки отступили съ большимъ урономъ.

Въ то самое время, когда главныя силы сербовъ были заняты борьбою съ босняками, Добриняцъ въ продолженіе шести недѣль отбивалъ Ибрагимъ-Пашу отъ Делиграда. Появленіе Георгія Чернаго на восточной границѣ въ концѣ лѣта 1806 г. и предстоявшій разрывъ съ Россіею побудили Ибрагимъ-Пашу просить мира. Порта обѣщала сербамъ отдать всю страну въ исключительное ихъ владѣніе, дозволить имъ имѣть собственное правительство и даже занять крѣпости, предоставляя себѣ въ знакъ продолжающагося господства держать въ Бѣлградѣ мухазила съ 150 турками, и ограничиться ежегодною податью въ 900.000 піастровъ для удовлетворенія изгнанныхъ изъ Сербіи спахіевъ.

Побѣды Наполеона уменьшили опасенія Порты относительно Россіи, и она отказалась отъ исполненія данныхъ ею сербамъ обѣщаній. Тогда Георгій Черный рѣшился на отважное предпріятіе — овладѣть Бѣлградомъ: онъ окружилъ городъ войсками и съ помощью хитраго Конды овладѣлъ имъ 12 декабря 1806 года. Гушанцъ-Али, запершійся въ крѣпости, принужденъ былъ голодомъ сдаться, и отплылъ къ Видину въ концѣ того же мѣсяца. Въ теченіе двухъ дней сербы перерѣзали всѣхъ турокъ въ Бѣлградѣ, оставивъ въ живыхъ только нищихъ и убогихъ, которые были отправлены въ Видинъ. Въ февралѣ 1807 сдался Шабацъ, а въ іюнѣ Ужица: съ ними было поступлено также, какъ съ Бѣлградомъ. Турки были изгнаны изъ Сербіи; сербы владѣли не только собственно сербскими землями и крѣпостями, но и двумя боснійскими округами, Ядромъ и Радевиною, горою Мирочемъ и Црною рѣкою, завоеванною отважнымъ и хитрымъ Велькомъ.

Такимъ образомъ de facto прекратилось турецкое господство въ Сербіи.

Сербія представляется въ это время раздѣленною на множество *господарствъ*, полновластно управляемыхъ вождями возстанія, безпрестанно ссорившимися между собою и не хотѣвшими признавать надъ собою власти Георгія Чернаго. Тогда болѣе здравомыслящіе люди стали требовать учрежденія прочнаго центральнаго правительства. Пріѣхавшій изъ Россіи съ сербскими послами (1805г.), угорскій сербъ Ѳеодоръ Филиповичъ (называвшійся въ Сербіи Божою Груіовичемъ) представилъ проектъ учрежденія „Правительствующаго совѣта сербскаго.“ Проектъ этотъ съ утвержденія старѣйшинъ былъ приведенъ въ исполненіе въ концѣ 1805 года. Каждая изъ нахій имѣла своего представителя въ этомъ совѣтѣ (всего 12). Враги и соперники Георгія Чернаго видѣли въ учрежденіи сената или совѣта средство ограничить власть ненавистнаго имъ старѣйшины. „Въ назначенный день открылось торжественное засѣданіе, въ которомъ съ сенаторами заняли мѣста и прочіе народоначальники (говоритъ *Н. И. Надеждинъ*, стр. 42). Прота, митрополитъ и Груіовичъ предложили свой планъ. Начались разсужденія и толки. Георгій между тѣмъ вышелъ потихоньку, кликнулъ своихъ момковъ, велѣлъ окружить домъ, въ которомъ происходило совѣщаніе, и вдругъ, по данному знаку, уставить заряженныя ружья въ окна. Сенаторы и всѣ присутствующіе всполошились. „Эй вы, к...!“ кричалъ имъ Георгій, „хорошо вамъ судить да рядить здѣсь, въ теплой конурѣ! Какова-то будетъ у васъ прыть завтра, въ полѣ, какъ ударятъ турки! Ну-ка, неугодно ли сюда? Мы посмотримъ!“ Исторія выходила плохая. Всякому было очень хорошо извѣстно, что Черный шутить не любитъ. „Что ты, Богъ съ тобой, Джюро! что ты это!“ заговорилъ ему пріятельски Катичъ; „или ты одурѣлъ совсѣмъ? Ступай къ намъ! Вѣдь здѣсь всѣ свои, всѣ за тебя!“ Но Георгій былъ неупросимъ. Надо было бросить все дѣло съ концами въ воду. Скупштина раз-

сѣялась. Георгій попрежнему остался старѣйшиной, безотчетнымъ и полновластнымъ."

Учрежденіе сената имѣло благодѣтельныя послѣдствія для страны: недвижимыя имущества турокъ были проданы; учрежденъ сборъ десятины на содержаніе войска; назначены подати и опредѣлена плата за церковныя требы; во всѣхъ округахъ заведены школы, а въ Бѣлградѣ *великая школа*; каждый округъ получилъ свой магистратъ.

Впослѣдствіи (въ началѣ 1811 г.), для обузданія строптивыхъ *поглавицъ*, Георгій Черный предложилъ на утвержденіе *скупштины* или народнаго собранія два постановленія: 1) о подчиненіи всѣхъ второстепенныхъ окружныхъ начальниковъ, находившихся дотолѣ подъ вліяніемъ главныхъ господарей, непосредственно сенату и верховному вождю, и 2) объ учрежденіи при сенатѣ *попечительствъ* (министерствъ) военнаго, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, духовнаго, финансовъ и юстиціи. Этими постановленіями, восторженно принятыми народомъ, былъ нанесенъ рѣшительный ударъ соперникамъ и врагамъ Георгія.

Сербія не долго наслаждалась миромъ. Съ вступленіемъ на престолъ Махмуда, прекратились въ Турціи смуты и безпорядки, и Порта вознамѣрилась возстановить прежнее свое господство въ Сербіи: въ 1809 г. война возобновилась.

Весною 1809 года Георгій Черный вторгся въ Боснію, разбилъ пашу у Сувадола, взялъ Сеницу и вступилъ въ васоевичскую и дробняцкую нахію, чтобы открыть сообщеніе съ черногорцами. Боснія и Герцеговина возстали. Георгій Черный осадилъ Новый Пазаръ.

Между тѣмъ турки вторгнулись въ Сербію и, пользуясь раздорами сербскихъ вождей, заняли все пространство до Пожаревца; но переходъ русскихъ черезъ Дунай (въ августѣ того же года) спасъ на этотъ разъ Сербію: турецкія войска были изъ нея отозваны.

Начало сношеній нашихъ съ Сербіею относится къ

1806 году, когда главнокомандовавшій днѣстровскою арміею, генералъ отъ кавалеріи Михельсонъ, отправилъ тайно чиновника къ Георгію Черному съ обѣщаніемъ покровительства Его Величества. Въ слѣдующемъ 1807 году д. ст. сов. Родофиникинъ былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ при Георгіѣ Черномъ, согласно просьбѣ самихъ сербовъ *). При заключеніи 24 августа 1807 года перемирія въ Слабодзейскомъ замкѣ, близь Джурджева, Михельсонъ обязалъ турокъ прекратить военныя дѣйствія противъ сербовъ, но сераскиръ рущукскій, Мустафа Байрактаръ не исполнилъ этого обязательства, что подало новому нашему главнокомандующему кн. Прозоровскому поводъ потребовать отъ него объясненій, грозя разрывомъ. Хитрый и полновластный Мустафа Байрактаръ, сдѣлавшись, по низверженіи султана Мустафы IV, верховнымъ визиремъ, старался отдѣлить отъ насъ сербовъ и войдти съ ними въ прямыя сношенія; но это ему не удалось. Послѣ свиданія императора Александра съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ въ сентябрѣ 1808 г., кн. Прозоровскій получилъ полномочіе къ заключенію мира съ Турціею на слѣдующихъ трехъ условіяхъ: 1) опредѣленіе нашей границы по Дунай, 2) признаніе независимости сербскаго народа подъ покровительствомъ Россіи и Турціи и 3) признаніе зависимости Грузіи, Имеретіи и Мингреліи отъ Россійской имперіи. Князь Прозоровскій, желая окончательно устроить положеніе Сербіи, поручилъ Родофиникину представить ему подробную записку о нуждахъ и потребностяхъ сербскаго народа. Записка Родофиникина вмѣстѣ съ замѣчаніями на нее кн. Прозоровскаго была доставлена императору Александру, который одобрилъ мысль объ учрежденіи верховнаго совѣта или сената, согласился на призывъ Георгія Чернаго въ главную квартиру, на отправленіе

---

*) Въ то же время имъ были доставлены 100.000 піастровъ, 4.500 ружей, порохъ и свинецъ.

сына его и дѣтей другихъ главарей въ Россію для воспитанія и на удаленіе изъ Сербіи ненавистныхъ народу Младена и Милы,—но не иначе какъ съ согласія и одобренія сербскаго правительства. Тогда Младенъ и его сообщникъ Юговичъ рѣшились изъ корыстныхъ видовъ уронить Георгія Чернаго въ глазахъ Россіи, а потому поселили въ немъ недовѣріе къ нашему главнокомандующему, оклеветали Родофиникина и убѣдили правителя отправить депутацію къ императору Александру. Но происки враговъ Георгія Чернаго не удались: проницательный кн. Прозоровскій понялъ ихъ планы, и депутація должна была возвратиться изъ Яссъ въ Сербію *).

Въ началѣ 1809 года возобновилась война между Россіею и Турціею. Сербы незадолго передъ тѣмъ получили отъ насъ денежное пособіе; русскій инженеръ укрѣпилъ главные стратегическіе пункты Сербіи; генералъ-маіоръ Исаевъ, уже прежде помогавшій сербамъ въ войнѣ съ турками, лѣтомъ 1809 г. вмѣстѣ съ сербскимъ отрядомъ въ 1.000 челов. осадилъ Кладово, но безуспѣшно. Гораздо болѣе успѣха имѣлъ графъ Цукато, который, перейдя въ маѣ 1810 года черезъ Дунай съ 7.500 человѣкъ и соединившись съ сербами, отнялъ у турокъ крѣпости Дуду и Брзу-паланку. Въ августѣ на подкрѣпленіе графу Цукато былъ посланъ главнокомандующимъ графомъ Каменскимъ полковникъ графъ Орурвъ. Онъ, взявъ крѣпость Баню, соединился съ Георгіемъ Чернымъ и разбилъ визиря Ахмедъ-Рушида и пашу Измаилъ-бея у Ясика; затѣмъ построилъ въ Сербіи сильный редутъ, отъ котораго нѣсколько разъ отбивалъ нападенія визиря. Полковникъ Заесъ, посланный въ подкрѣпленіе Орурку, взялъ крѣпость Кладово. Русскія войска, отправляясь на зимовку въ Малую Валахію, отняли у турокъ крѣпостцу Гургусовацъ и передали ее

*) *Н. Дубровина*, Сербскій вопросъ при императ. Александрѣ I, въ Русск. Вѣстн. 1863 г. №№ 7 и 8).

сербамъ *). Такимъ образомъ и эта война окончилась счастливо для сербовъ, и ихъ границы значительно разширились: отъ видинскаго паши имъ достались Краина, Ключь и Црнарѣка; отъ нишскаго—Алексинацъ и Баня со всѣми селами; отъ лесковацкаго—Паратинъ и Крушевацъ; отъ ново-пазарскаго древній знаменитый монастырь Студеница, по имени котораго они назвали нахію; наконецъ въ Босніи имъ принадлежали округи по сю сторону Дрины, Ядаръ и Радевина **).

При заключеніи мира съ Турціею, Россія не забыла Сербіи, права которой были опредѣлены 8 статьею бухарестскаго договора: „Взирая на участіе, какое сербы принимали въ дѣйствіяхъ сей войны, признано за приличное постановить нарочныя условія о ихъ безопасности. Они никоимъ образомъ не могутъ быть обезпокоиваемы. Блистательная Порта даруетъ сербамъ по ихъ просьбамъ тѣ же самыя выгоды, коими пользуются подданные острововъ архипелажскихъ и другихъ мѣстъ, и даетъ имъ возчувствовать дѣйствіе великодушія ея, предоставивъ имъ самимъ управленіе внутреннихъ дѣлъ ихъ, опредѣливъ мѣру ихъ податей, получая оныя изъ собственныхъ ихъ рукъ, и она распорядитъ наконецъ всѣми сими предметами обще съ народомъ сербскимъ“. Но лишь только русскія войска возвратились въ предѣлы имперіи, Порта не хотѣла болѣе и слышать о какихъ бы то ни было уступкахъ Сербіи и стала требовать не только сдачи всѣхъ крѣпостей и всего оружія, но также возвращенія въ Сербію изгнанныхъ изъ нея турокъ. На послѣднее условіе Георгій Черный никакъ не могъ согласиться. Война была неизбѣжна.

Узнавъ о приближеніи непріятеля, Георгій обратился

---

*) *Михайловскаго-Данилевскаго*, Описаніе турецкой войны съ 1809 до 1814 года (изъ него перепечатанъ Бартеневымъ въ I прил. къ ист. Сербіи Ранке отрывокъ о сношеніяхъ Россіи съ Сербіею).

**) *Ранке*, Ист. Сербіи, стр. 171—172.

къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: „Мы нашли себѣ покровителя, который заключилъ миръ съ турками и взялъ съ нихъ обѣщаніе не возвращаться въ наши города и паланки. Царь турецкій не хочетъ нарушать своего слова, но его не слушаются спахіи и янычары, изгнанные горожане и прежніе жители нашей земли. Они хотятъ снова завладѣть нашимъ достояніемъ и положили избить всѣхъ мущинъ до семилѣтняго возраста, отвести въ плѣнъ и отуречить женъ и дѣтей и поселить въ здѣшнихъ мѣстахъ другой народъ. Но намъ ли бояться ихъ? Развѣ это не тѣ же самые враги, которыхъ мы побѣждали въ самомъ началѣ, когда у насъ ничего не было, кромѣ голой души? Теперь у насъ 150 полевыхъ пушекъ, 7 каменныхъ отличныхъ крѣпостей, 40 окоповъ, на которыхъ турки столько разъ напрасно проливали кровь свою; да самаго народа стало вдвое больше, съ тѣхъ поръ какъ пришли къ намъ наши единоплеменные братья. Нѣтъ! мы можемъ воевать цѣлыя десять лѣтъ безъ чужой помощи; но увидите, что не пройдетъ и полгода, какъ союзники придутъ пособлять намъ. Надобно только всѣмъ единодушно взяться за оружіе и не щадить своей крови!“ Неемотря на прежнее воодушевленіе народа, несмотря даже на то, что Георгій Черный дѣйствовалъ теперь обдуманнѣе, чѣмъ прежде, эта война окончилась неудачно: причина такой неудачи заключается въ томъ, что мѣсто прежнихъ вождей заступили клевреты Георгія, — остался одинъ только гайдукъ Велько. Ему было поручено защищать дунайскія укрѣпленія.

Лѣтомъ 1813 года 18.000 турокъ осадили Велька въ Неготинѣ. Онъ оборонялся долго и упорно, и только со смертью его палъ Неготинъ. Затѣмъ турки безъ всякаго сопротивленія овладѣли Кладовомъ, воевода котораго спасся бѣгствомъ. Турки излили всю свою ярость на тамошнихъ жителяхъ: „мущинъ сажали на колъ, а дѣтей, въ насмѣшку надъ таинствомъ крещенія, окунали

въ кипятокъ.“ Безъ всякаго сопротивленія турки дошли до Смедерева. Жители при ихъ приближеніи бѣжали въ Австрію.

Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали турки и на Моравѣ и Колубарѣ. Одна за другою сдались имъ крѣпости: Делиградъ, Лѣшница, Равань и Шабацъ.

Георгій Черный жилъ въ бездѣйствіи то въ Тополѣ, то въ окрестностяхъ Бѣлграда. Отчаяніе до такой степени овладѣло имъ, что онъ рѣшился бѣжать въ Австрію (въ октябрѣ 1813 г.).

Турки овладѣли Смедеревомъ и Бѣлградомъ, а затѣмъ и всею страною. Бывшіе вожди сербскаго народа бѣжали въ Австрію, гдѣ были заключены въ крѣпости. Въ Сербіи остался одинъ Милошъ Обреновичъ, начальникъ рудницкаго округа. Онъ предпочелъ покориться туркамъ, чѣмъ бѣжать въ Австрію, и бѣлградскій паша Солиманъ призналъ его главнымъ княземъ рудницкимъ, пожежскимъ и крагуевацкимъ.

Изгнанные спахіи возвратились въ Сербію и стали вымещать свою злобу на жителяхъ. Введена прежняя система турецкаго управленія. Подати были увеличены. Народъ гибъ при постройкѣ крѣпостей. По всей Сербіи были разосланы сердари для обезоруженія жителей. Народъ волновался; но Милошъ, считая ли возстаніе преждевременнымъ или по какимъ-либо другимъ побужденіямъ, помогалъ туркамъ водворять въ краѣ спокойствіе, для чего Солиманъ прибѣгалъ къ весьма крутымъ мѣрамъ: такъ изъ принявшихъ участіе въ возстаніи Хаджи-Продана 150 человѣкъ было разстрѣляно, а игуменъ трновскій съ 36 другими лицами былъ посаженъ на колъ. Мало-по-малу покорившіеся туркамъ сенаторы и воеводы были казнены: дошла очередь до Милоша.

Милошъ (род. 1780 г.), успѣвшій еще до начала возстанія Георгія Чернаго составить себѣ хорошее состояніе, принадлежалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Младеномъ къ вліятельнѣйшимъ сербскимъ вождямъ. При об-

щемъ бѣгствѣ въ Австрію, онъ остался въ Сербіи и тѣмъ усилилъ свое вліяніе нетолько въ Рудникѣ, Пожегѣ и Ужицѣ, главнымъ кнеземъ которыхъ онъ былъ признанъ Солиманъ-Пашею, но и во всей странѣ. Когда турки рѣшились умертвить и его, по примѣру прочихъ вождей, онъ прервалъ всѣ сношенія съ ними, собралъ въ вербное воскресенье 1815 года народъ въ Таковѣ и сталъ увѣщевать его забыть распри и идти на войну съ турками. Изъ пещеръ и лѣсовъ достали оружіе. На границахъ ввѣренныхъ управленію Милоша округовъ воздвигли укрѣпленія.

10.000 турокъ шло на Милоша. Усиливъ свое войско бѣглецами изъ валевской и бѣлградской нахіи, онъ напалъ на турокъ и разбилъ ихъ наголову. Преслѣдуя ихъ, онъ взялъ, послѣ упорнаго боя, Пожаревацъ; важное укрѣпленіе близь Крановца сдалось безъ большаго сопротивленія. Турки бѣжали къ Новому Пазару.

Султанъ, въ виду вѣнскаго конгресса, на которомъ первое мѣсто принадлежало покровителю сербовъ, Императору Александру, не рѣшился употребить противъ нихъ силу и вступилъ съ ними въ переговоры: имъ самимъ было предоставлено собираніе податей; кнезы были допущены къ участію въ окружныхъ судахъ, а въ Бѣлградѣ была учреждена народная канцелярія, по образцу прежняго сената: она принимала отъ кнезовъ подати и вручала ихъ пашѣ; она была также верховнымъ судилищемъ.

Милошъ сталъ главою сербскаго народа; но для достиженія этого онъ принесъ три кровавыя жертвы — Петра Малера, предсѣдателя народной канцеляріи, спископа Никшича и Георгія Чернаго. Пользуясь своимъ положеніемъ, какъ турецкаго чиновника, Милошъ взялъ на откупъ казенныя имущества и сборъ податей и захватилъ въ свои руки таможни и перевозы на Савѣ, Дунаѣ, Моравѣ и Колубарѣ: этими средствами онъ составилъ себѣ такое богатство, о какомъ прежде и не слыхивали въ Сербіи.

Милошъ принялся за внутреннюю организацію Сербіи. По селамъ и округамъ были учреждены суды; верховный судъ (народная канцелярія) былъ подчиненъ непосредственно Милошу. Стали заводить школы и строить церкви, не спрашивая разрѣшенія паши. Стремленіе Милоша къ единовластію встрѣчало нерѣдко сопротивленіе въ окружныхъ начальникахъ, и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ также круто, какъ Георгій Черный: строптивые кнезы были смѣщаемы съ своихъ должностей и замѣняемы его клевретами; онъ прибѣгалъ даже къ смертной казни. Такимъ образомъ мѣсто независимыхъ господарей заняли послушные Милошу чиновники. Были недовольные управленіемъ Милоша и въ самомъ народѣ: подати не уменьшились; въ окружномъ управленіи господствовалъ полнѣйшій произволъ... Началась гражданская война въ Сербіи: поселяне вступили въ борьбу съ Милошемъ и его чиновниками, но должны были уступить ему... Кровь сербовъ полилась рѣкою.

Одержавъ рѣшительную побѣду надъ своими врагами и соперниками, Милошъ сталъ помышлять объ утвержденіи за собою и за своими наслѣдниками княжеской власти и объ обезпеченіи независимаго существованія Сербіи. Съ этою цѣлію онъ въ одно и то же время велъ лично переговоры съ бѣлградскимъ пашею, сносился съ Константинополемъ и переписывался съ нашимъ посланникомъ барономъ Гр. А. Строгоновымъ. Сношенія его съ турецкими властями только портили то, что предпринималъ баронъ Строгоновъ. Увлекаясь своекорыстными видами, Милошъ поддался обѣщаніямъ бѣлградскаго паши выхлопотать у Порты признаніе наслѣдственности княжескаго достоинства въ родѣ Обреновичей, если онъ сдѣлаетъ уступки въ правахъ, которыя должна была признать Турція за сербами. Раздраженный такимъ поступкомъ Милоша, Строгоновъ писалъ ему (отъ 1 декабря 1819 г.): „Порта видитъ сильное желаніе ваше получить наслѣдственный санъ княжескій; она

рѣшилась воспользоваться симъ благопріятнымъ для нея обстоятельствамъ, дабы, лаская видамъ вашимъ, посредствомъ васъ совершенно поработить Сербію и лишить всѣхъ способовъ къ улучшенію жребія угнетенныхъ. Ужели вы мыслите, что она сдержитъ все обѣщаемое вамъ, когда приметъ отъ васъ требуюмую присягу? ужели вы согласитесь купить княжество цѣною счастія своихъ соотечественниковъ?.... Должно прежде всего устроить дѣла общественныя, а потомъ уже ласкаться успѣхомъ своихъ собственныхъ: безъ того послѣдуютъ однѣ неудачи и позднее раскаяніе"... Вслѣдствіе увѣщаній барона Строгонова, Милошъ перестало хлопотать о наслѣдственности своего званія; но впалъ въ другую крайность: онъ поспѣшно снарядилъ особую депутацію въ Константинополь съ настоятельнымъ требованіемъ исполненія 8-й статьи бухарестскаго договора и хотѣлъ немедленно прекратить уплату податей. Вслѣдствіе безтактности и своекорыстія Милоша, сербскія дѣла подвигались весьма медленно, несмотря на все усердіе нашего посланника въ Константинополѣ: турки то ласкали Милоша, то грозили ему, а между тѣмъ принятыхъ на себя въ Бухарестѣ обязательствъ не исполняли... *).

Насталъ 1825 годъ. Императоръ Николай потребовалъ отъ Порты дарованія сербамъ выговоренныхъ имъ въ бухарестскомъ договорѣ правъ. Порта должна была уступить настоятельнымъ требованіямъ нашего двора. Но отъ обѣщанія до исполненія еще было далеко: аккерманская конвенція была исполнена только тогда, когда побѣдоносныя войска наши перешли Балканъ и грозили столицѣ султановъ... Въ Адріанополѣ Порта обязалась (1829 г.) исполнить требованія сербовъ „безъ малѣйшаго отлагательства, съ добросовѣстною точностью" и не позже мѣсяца представить нашему двору фирманъ,

*) *Н. А. Попова.* Переписка Барона Гр. А. Строгонова съ Милошемъ Обреновичемъ въ 1816—1826 годахъ—въ Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1866—1867. № 2).

въ которомъ заключались бы ея распоряженія по этому предмету.

Хатти-шерифомъ 1830 года султанъ Махмудъ предоставилъ все внутреннее управленіе Сербіи Милошу, который съ тѣхъ поръ сталъ называться княземъ; за турками были оставлены только крѣпости, вся же остальная Сербія была очищена турками и ихъ владѣнія проданы; сербскому правительству предоставлено право выдавать паспорты; мѣсто всѣхъ податей заняла дань, собираемая самими сербами; имъ было дозволено избирать изъ среды своей епископовъ и митрополитовъ....

25 мая 1833 г. русскіе и турецкіе коммиссары опредѣлили съ точностью границы Сербіи.

Признаніе султанскимъ бератомъ 1830 г. наслѣдственности княжеской власти въ семействѣ Милоша повело къ различнымъ злоупотребленіямъ со стороны этого послѣдняго. „Онъ бралъ себѣ въ собственность все, что ему нравилось, луга, дома, мельницы, платя за нихъ владѣльцамъ цѣну, какую ему было угодно. Разъ, ни съ кѣмъ не спросясь, онъ велѣлъ сжечь одно бѣлградское предмѣстіе, потому что намѣревался выстроить тамъ новыя зданія. Попрежнему онъ отягощалъ народъ работами. Ужицкіе поселяне ходили подъ Крушевацъ на его сѣнокосъ; бѣлградскіе мелочные торговцы запирали свои лавки и отправлялись убирать княжеское сѣно.—Между тѣмъ какъ турецкіе татары (курьеры) уже начинали платить за постой, сербскіе гонцы попрежнему требовали, чтобы имъ все давалось даромъ... Милошъ одинъ завладѣлъ самымъ обильнымъ источникомъ доходовъ, торгомъ щетиною. По лѣсамъ, которые доселѣ считались общественною собственностью, были учреждены заставы, ибо тамъ паслись княжескія свиньи. Одно весьма странное распоряженіе, которымъ затруднялись, если даже вовсе не уничтожались торговые обороты, повело къ толкамъ, что онъ мѣшаетъ всякому сообществу, дабы забрать въ свои руки всю сербскую торговлю.“ *)

*) *Ранке*, Ист. Сербіи, стр. 282—283.

Чиновники сдѣлались рабами Милоша: онъ возвышалъ и уничтожалъ ихъ по произволу; награждалъ палочными ударами и сажалъ въ сенатъ; личныя достоинства нетолько не уважались, но даже преслѣдовались. Надѣлъ поселянъ землею, отнятою у спахіевъ, вооружилъ противъ Милоша его приближенныхъ, расчитывавшихъ на награжденіе ихъ помѣстьями....

Открытіе обширнаго заговора, охватившаго всю Сербію, заставило Милоша перемѣнить образъ своихъ дѣйствій. На скупштинѣ въ Крагуевцѣ 2 февраля 1835 г. Милошъ „обѣщался ограничить свое правленіе нетолько законами, но и учрежденіями. Положено было сочинить уставъ, въ которомъ бы опредѣлялись права сербовъ, именно право личной свободы и неприкосновенности имущества.... Милошъ обязывался составить министерство изъ шести лицъ, которыя бы завѣдывали общественными дѣлами, представляли дѣла на усмотрѣніе сената, получившаго значеніе государственнаго совѣта, и были бы отвѣтственны какъ передъ нимъ, такъ и передъ народомъ. Себѣ самому онъ повидимому оставлялъ только право высшаго надзора и подтвержденія.“ *)

Составленный въ этомъ духѣ, сербскій уставъ (въ 14 главахъ и 122 статьяхъ) былъ принятъ восторженно; но не былъ приведенъ въ исполненіе Милошемъ, который, лишь только миновалась гроза, продолжалъ править Сербіею попрежнему. Онъ захватилъ въ свои руки всю внѣшнюю торговлю и продажу соли (около 30 милліоновъ окъ ежегодно вывозится изъ Валахіи), и выручаемыя деньги отправлялъ за границу или употреблялъ на покупку богатыхъ помѣстьевъ въ Валахіи.

Недовольные Милошемъ (въ главѣ ихъ былъ Абрамъ Петроніевичъ) жаловались на него Портѣ, которая не замедлила потребовать отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ и призвала въ Царьградъ сербскихъ уполномоченныхъ

*) Тамъ же, стр. 288—289.

для составленія вмѣстѣ съ турецкимъ правительствомъ устава сербскаго княжества, цѣлію коего было ограниченіе власти князя.

Уставъ, утвержденный султаномъ въ декабрѣ 1838 года, оставилъ за княземъ только исполнительную власть; законодательная власть была предоставлена исключительно сенату изъ 17 членовъ по числу нахій. Сенаторы назначались княземъ на всю жизнь: безъ доказательствъ преступности и согласія Порты, ни одинъ изъ нихъ не могъ быть смѣненъ. Министры обязывались ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ представлять отчеты въ своемъ управленіи.

Въ главѣ правленія стали враги Милоша. Возбужденное имъ возстаніе поселянъ было усмирено Вучичемъ.... Обвиненія на Милоша посыпались со всѣхъ сторонъ, и 19 іюня 1839 года онъ принужденъ былъ подписать актъ отреченія отъ княжеской власти въ пользу своего старшаго сына и удалиться въ Австрію.

Но наслѣдникъ Милоша, *Миланъ*, въ это время былъ опасно боленъ, а потому Сербіею, съ согласія Порты, управляли Вучичъ, Петроніевичъ и братъ Милоша, Ефремъ. Когда же вскорѣ послѣ того Миланъ умеръ, сербы избрали своимъ княземъ младшаго сына Милоша, *Михаила*. Непродолжительное правленіе Михаила ознаменовалось внутренними раздорами. Враги Обреновичей соединились съ турками и мутили народъ. Наплывъ австрійскихъ сербовъ (*швабовъ*)—чиновниковъ и купцовъ и увеличеніе подати (съ 5 на 6 австр. талеровъ) подали поводъ къ народному возстанію, въ главѣ котораго сталъ Вучичъ. Михаилъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ своими приверженцами бѣжать въ Австрію. Въ преемники ему былъ избранъ въ 1842 г. сынъ Георгія Чернаго, *Александръ* (род. въ 1806 г.). Раздоры и интриги народныхъ главарей продолжались и при немъ. Въ 1858 году снова былъ призванъ въ Сербію на княженіе *Милошъ Обреновичъ*, которому, по его смерти въ 1860 году, наслѣдо-

валъ сынъ его, *Михаилъ III*, нынѣшній правитель княжества (род. въ 1825 году въ Крагуевцѣ).

Мы довели нашъ очеркъ судьбы сербовъ до настоящаго времени. Посмотримъ теперь, что дѣлалось у *болгаръ* въ то время, какъ единоплеменные имъ сербы завоевывали себѣ независимость.

Съ XVIII вѣка, когда побѣды русскихъ за Дунаемъ заставили опасаться за существованіе оттоманской имперіи, гнетъ фанаріотовъ усилился. Они рѣшились уничтожить славянскую іерархію и огречить болгаръ. Въ 1767 году терновскій патріархатъ былъ переименованъ въ экзархатъ всея Болгаріи. Въ церквахъ былъ введенъ греческій языкъ. „Учредили кое-гдѣ училища на счетъ самихъ же болгаръ, въ которыхъ молодые люди изучали одинъ только эллинскій языкъ, исторію и миѳологію древнихъ, теряя на это отъ 5 до 10 лѣтъ (говоритъ *г. Даскаловъ*); болгарскій языкъ преслѣдовали жестоко, и отрекшійся отъ него удостоивался ихъ благосклонности и благословенія; такихъ огреченныхъ болгаръ употребляли, какъ орудіе, противъ неогреченныхъ, почитаемыхъ за людей, дѣйствующихъ по навѣтамъ злаго духа. Чтобы спасти заблудшихся отъ погибели, архіереи обратили свое пастырское вниманіе на древне-болгарскія рукописи духовнаго и свѣтскаго содержанія и истребляли ихъ повсюду; присвоили себѣ право, на основаціи какихъ-то преданій, толковать нѣкоторые уставы Церкви въ пользу своихъ неимовѣрныхъ доходовъ, напр. разводъ за извѣстную плату, право вѣнчать самимъ и пр. и пр., тоже за деньги. Убѣждали народъ, что нужно поддерживать патріарха константинопольскаго деньгами, такъ-какъ онъ единственный ходатай предъ Портою за право ношенія христіанскихъ главъ на раменахъ и за удержаніе вѣры, и съ этою цѣлію установили знаменитые *воиѳіи* (денежныя пособія). Подъ предлогомъ, что шайки турокъ и разбойниковъ могутъ ворваться въ церкви и грабить ихъ, мѣстные іерархи отбирали всѣ старинныя серебряныя и золотыя вещи у церквей на со-

храненіе въ своихъ митрополіяхъ, а иногда, для большей безопасности, отсылали ихъ въ патріархію; на самомъ же дѣлѣ онѣ попадали въ руки армянскихъ константинопольскихъ банкировъ, которые платили за нихъ наличными деньгами, идущими Богъ вѣсть на что. Оставшіеся болгарскіе монастыри, несмотря на то, что огромными суммами покупали себѣ право читать по-славянски, не избѣгали однако тяжкихъ податей, налагаемыхъ на нихъ мѣстными іерархами, помимо патріарха; при малѣйшемъ же сопротивленіи, послѣдніе прибѣгали къ турецкой полиціи, строго и безчеловѣчно наказывая славянскихъ монаховъ. Алчность ихъ повредила даже цѣли патріархата: вопреки его предписаніямъ, они не препятствовали болгарамъ по селамъ вступать въ духовное званіе, потому что съ каждаго болгарскаго священника, при посвященіи его и въ продолженіе всей его жизни, взимаются извѣстныя суммы, а по мѣрѣ увеличенія числа священниковъ, увеличиваются слѣдовательно и доходы ... Принадлежа къ тайной полиціи Турціи, іерархи глазами Аргуса слѣдили за дѣйствіями всякаго неогреченнаго еще болгарина, который осмѣливался замолвить слово въ пользу своихъ; заподозрѣвали его предъ турками, впутывали въ раздоры съ огреченными, вымогали изъ него деньги, и, при дальнѣйшей съ его стороны настойчивости, доносили на него туркамъ, какъ на человѣка упорнаго, строптиваго, волнующаго народъ, и требовали его казни"... *)

Эпоха возрожденія болгаръ начинается съ 1829 года, когда появился I-й томъ сочиненія *Венелина*: „Древніе и нынѣшніе болгаре". Онъ первый заговорилъ имъ о прежней ихъ славѣ и нынѣшнемъ бѣдственномъ ихъ состояніи и тѣмъ пробудилъ въ нихъ мысль о ихъ національности, а потому неудивительно, что имя его сдѣлалось популярнымъ въ Болгаріи. Примѣръ его нашелъ послѣ-

---

*) *Русская Бесѣда*. 1858 г. II, ч. 2, стр. 11—14.

дователей между самими болгарами: въ 1835 г. рыльскій монахъ *Неофитъ*, съ помощію зажиточныхъ одесскихъ болгаръ, В. Априлова и Н. Палаузова, открылъ первую народную школу въ селѣ Габровѣ въ балканскихъ горахъ. Огромный успѣхъ побудилъ *Сапунова* основать другую подобную школу въ селѣ Трявнѣ.

Вскорѣ по пробужденіи народности у болгаръ (1836 г.) *Георгій Сафели* составилъ обширный заговоръ противъ турокъ и фанаріотовъ (заговорщиковъ насчитываютъ до 40.000 чел.): въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, при первыхъ словахъ: „Христосъ Воскресе!" было положено произвести всеобщее возстаніе... Планъ возстанія былъ составленъ превосходно: все обѣщало успѣхъ; но терновскій архіерей-фанаріотъ узналъ случайно объ этомъ заговорѣ отъ одного изъ соучастниковъ и немедленно донесъ туркамъ.... Начались пытки и истязанія, но признанія турецкія власти не добились.

Попытки къ возстанію возобновлялись и послѣ того— въ Браиловѣ (1841 г.), въ окрестностяхъ Видина (1849 г.) и въ терновской епархіи (1857 г.); но безъ всякихъ послѣдствій.

Сѣмена, брошенныя Венелинымъ, Неофитомъ и Сапуновымъ, не пропали даромъ. Болгаре стали серіозно думать о народномъ образованіи и о противодѣйствіи фанаріотамъ. Стали заводить школы—даже въ такихъ городахъ, какъ Филиппополь (по-болгарски Пловдіовъ, — въ 1859 г.), населенный совершенно огреченными болгарами. Молодые люди отправлялись на воспитаніе въ Россію и Сербію и по возращеніи на родину посвящали себя народному образованію. Народное возрожденіе болгаръ подвигается быстро, и съ каждымъ годомъ все меньше становится грековъ въ Болгаріи и все больше возрастаетъ число болгаръ: успѣхи фанаріотской пропаганды остановлены навсегда, и огреченные болгаре мало-по-малу возсоединяются съ своимъ народомъ.

Съ тридцатыхъ годовъ оживляется литературная дѣятельность въ Болгаріи: *Неофитъ* переводитъ на бол-

гарскій языкъ Новый Завѣтъ (изданъ въ Смирнѣ въ 1840 г. американскимъ библейскимъ обществомъ) и издаетъ катихизисъ и болгарскую грамматику (1835 г.); *В. Априловъ* въ 40-хъ годахъ печатаетъ въ Одессѣ нѣсколько педагогическихъ книжекъ; *Христаки-Дупничанинъ* составляетъ болгарско-греческій словарь (1835 г.)...

За ними выступаетъ цѣлый рядъ писателей, посвящающихъ труды свои народному образованію... Появляются переводы русскихъ сочиненій и наконецъ собственные поэтическіе опыты (напр. *Герова* и *Славейкова*). Въ то же время начинается и журнальная дѣятельность: въ Лейпцигѣ въ 1845 г. издается первая болгарская газета „Болгарскій Вѣстникъ;" затѣмъ, съ учрежденіемъ типографіи въ Константинополѣ, появляются: „Цареградскій Вѣстникъ," „Българскы книжици (изд. Мутіевымъ съ 1858 г.)" „Болгарія"... Въ Москвѣ въ 1860—1862 г. издавался „Братски Трудъ."

Знаніе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ болѣе распространено между болгарами, чѣмъ между сербами, что объясняется и географическимъ положеніемъ Болгаріи и особыми историческими обстоятельствами.

Начало сношеній нашихъ съ болгарами относится къ первымъ временамъ русскаго государства. Полагаютъ, что славянскія богослужебныя книги стали проникать къ намъ изъ Болгаріи еще до Ольги. Извѣстны походы Святослава въ Болгарію и его любовь къ Переяславу, который онъ намѣревался сдѣлать своею столицею; извѣстно также, что болгарскій царь Самуилъ (981—1019) прислалъ къ Владиміру Св. ученыхъ священниковъ и много книгъ.... Въ XII и XIII вѣкахъ связи русскихъ съ болгарами нетолько не ослабѣли, но еще усилились: русскіе предпринимаютъ походы на Дунай; они становятся въ это время ближайшими сосѣдями болгаръ, ибо часть Бессарабіи и Молдавіи принадлежала галицкому князю; болгарскій царевичъ Іоаннъ Асѣнь, въ половинѣ XIII вѣка, возвращаетъ себѣ престолъ съ помощію русской дружины; болгарскій деспотъ I. Святославъ, во вто-

рой половинѣ XIII вѣка, посылаетъ Кіевскому митрополиту Кириллу славянскій переводъ Кормчей. Въ XIV вѣкѣ мы находимъ русскихъ воиновъ на службѣ болгарской. До второй половины XV вѣка мы получали изъ Болгаріи нетолько славянскія рукописи, но и духовныхъ отцовъ, писателей, художниковъ, пѣвцовъ... Со времени паденія болгарскаго царства отношенія наши къ болгарамъ измѣняются: „они являются на Русь уже не носителями просвѣщенія, а съ просьбою о помощи, покровительствѣ и защитѣ." И не напрасно болгаре ждали помощи отъ Россіи: мы нетолько сочувствовали ихъ бѣдствіямъ, но и дѣйствовали въ пользу ихъ, сколько могли. Зная, сколько терпятъ задунайскіе славяне отъ фанаріотовъ, патріархъ Іоакимъ, въ концѣ XVII вѣка, задумалъ отторгнуть болгаръ и сербовъ отъ цареградскаго патріархата и присоединить къ московскому. Болгаре сочувствовали подобной мысли и составили въ Терновѣ заговоръ; но возстаніе не удалось вслѣдствіе предательства одного грека. Это сочувствіе русскихъ къ болгарамъ было заявлено позже дѣятельностью Паисія Величковскаго и Барскаго. Наконецъ въ наше время русскіе были виновниками народнаго возрожденія болгаръ... *)

Въ заключеніе остановимся еще на одномъ вопросѣ, особенно важномъ въ настоящее время, на вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ сербовъ и болгаръ.

Изъ представленнаго нами краткаго историческаго очерка сербовъ и болгаръ читатель могъ замѣтить, что между этими двумя племенами существовалъ до XIV вѣка антагонизмъ за первенство: одно племя старается захватить у другаго какую-либо пограничную область или даже подчинить его своей власти; но никогда оба племени не признавали государей изъ одного дома. Кро-

---

*) *В. И. Ламанскаго*, О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическими и историческими примѣчаніями. Спб. 1864, стр. 115–119.

мѣ исторических преданій, раздѣляютъ оба племени языкъ, бытъ и характеръ, и въ этомъ отношеніи между ними гораздо больше разницы, чѣмъ между великоруссами и малоруссами. У нихъ нѣтъ и общаго народнаго имени. Не маловажное препятствіе къ соединенію обоихъ племенъ составляетъ и численное ихъ отношеніе: болгаре въ Турціи превышаютъ сербовъ числомъ болѣе чѣмъ въ два раза, а потому, помимо другихъ причинъ, не захотятъ быть подъ сербами; сербы же не подчинятся болѣе многочисленному племени болгаръ уже потому, что они, покрайности нѣкоторые, купили себѣ независимость цѣною собственной своей крови. Общее дѣло—освобожденіе отъ туроиъ—можетъ временно соединить ихъ, но не надолго: лишь только они достигнутъ желаемой цѣли, немедленно же раздѣлятся. Прочная федерація болгаръ и сербовъ немыслима, какъ это доказывается всею ихъ исторіею. Вотъ что писалъ объ этомъ предметѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный нашъ славянистъ *А. Ѳ. Гильфердингъ*: *) „Славянскіе народы, повидимому, способны къ единству только въ большихъ размѣрахъ. Имъ нужно полное, цѣльное соединеніе на широкомъ просторѣ. Федеративное сочетаніе мелкихъ обществъ для нихъ невозможно; такого сочетанія (любимаго преимущественно германскимъ племенемъ, также какъ въ древности греками) они не выдерживаютъ; они въ немъ чахнутъ, и, при первомъ толчкѣ, союзъ распадается. Есть тому много примѣровъ въ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Такъ было и въ тогдашней Болгаріи. Образовать цѣльное единство народное, цѣльное государство, невозможно было для племенъ, разселившихся между Дунаемъ и Мореею, между Адріатическимъ и Чернымъ морями, въ странѣ, перерѣзанной вдоль и поперекъ цѣпями горъ, почти лишенной внутреннихъ со-

---

*) Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ. Выпускъ 3. М. 1859 г., стр. 125—126.

общеній, и гдѣ къ тому же славяне перемѣшаны были съ чужими народами, албанцами, валахами, греками. Возможна была въ такой странѣ только федерація славянскихъ племенъ, сочетаніе отдѣльныхъ славянскихъ группъ, придунайской, охридской, черногорской, македонской, ѳессалійской, морейской и т. д. подъ однимъ верховнымъ предводителемъ. Общій порывъ противъ иностраннаго ига породилъ такую федерацію въ концѣ X вѣка; но не долго устояла она. Византія была ничтожна, дряхла, поражена смертельною порчею; славяне были свѣжи, бодры, еще почти неиспорчены. Но Византія несла съ собою въ борьбу крѣпкое начало безусловнаго единства государственнаго, и передъ этимъ началомъ рушилось слабое и условное начало славянской федераціи... Цѣлыя области славянскія покидали знамя своей независимости и покорялись государственному началу Византіи. Черезъ нѣсколько столѣтій мѣсто Византіи займутъ турки, и мы увидимъ повтореніе того же самаго явленія. Судьба Самуиловой Болгаріи есть первое приложеніе общаго закона, который проходитъ черезъ всю исторію задунайскихъ славянъ: *славяне задунайскіе, вслѣдствіе условій мѣстныхъ и племенныхъ, не могутъ сами изъ себя выработать единство и сдѣлаться цѣльнымъ народомъ, способнымъ къ долговѣчной политической самостоятельности; въ порывахъ къ независимости, они могутъ составить только мелкія единицы, слагающіяся на время въ болѣе или менѣе обширныя федераціи; но всякій разъ эти федераціи распадаются передъ началомъ государственнымъ, приносимымъ извнѣ.* До сихъ поръ это государственное начало приносилось къ задунайскимъ славянамъ только врагами, и ихъ историческая жизнь была, я думаю, несчастнѣе, чѣмъ жизнь какого бы то ни было народа на свѣтѣ.“

II.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЛУКѢ ВУКАЛОВИЧѢ

И ПОСЛѢДНЕМЪ ГЕРЦЕГОВИНСКОМЪ ВОЗСТАНІИ.

Давно ли имя Луки Вукаловича перестало появляться на столбцахъ газетъ нетолько славянскаго міра, но и всей Европы, — давно ли оно переходило изъ устъ въ уста, возбуждая въ однихъ несбыточныя надежды, а въ другихъ опасенія, — давно ли умолкли хвалебные въ честь его гимны сербовъ и хорватовъ и пасквили турокъ? Давно ли?!... а ужъ никто болѣе о немъ и не думаетъ, и говорить о немъ считается анахронизмомъ. Такова участь всѣхъ тѣхъ народныхъ героевъ, дѣятельность которыхъ вызывается временными потребностями страны, вся заслуга которыхъ состоитъ въ томъ, что они вѣрно угадали эти потребности и съ непреклонною волею, отчаянною рѣшимостью стремились къ ихъ удовлетворенію, но силы и кругъ дѣятельности которыхъ были слишкомъ ограниченны, чтобы оставить по себѣ вѣчную память. Дайте этимъ народнымъ героямъ болѣе обширное поле дѣятельности, поставьте ихъ на высшій уровень образованія, — и выйдутъ изъ нихъ Аттилы и Тамерланы или Александры Македонскіе и Наполеоны-Бонапарты... Жизнь этихъ мелкихъ, эфемерныхъ героевъ, поприще коихъ ограничивалось маленькимъ клочкомъ земли, можетъ быть столь же поучительна, какъ и жизнь великихъ, вѣковыхъ героевъ, подъ ногами которыхъ колебалась вселенная: вся разница — въ размѣрахъ, которые принимаютъ ихъ достоинства и недостатки. Къ такимъ мелкимъ народнымъ героямъ принадлежитъ и Лука Вукаловичъ. Мнѣ суждено было столкнуться съ нимъ лицомъ къ лицу, войдти съ нимъ въ

близкія отношенія и узнать довольно коротко какъ его самаго, такъ и его сподвижниковъ, а потому, полагаю, мои воспоминанія не будутъ лишены интереса для тѣхъ, кого занимаютъ судьбы нашихъ единоплеменниковъ, особенно же южныхъ.

Лука Вукаловичъ родомъ изъ пограничнаго съ Черногоріею округа Зубцевъ, Требинскаго санджаката, Герцеговинскаго пашалыка *).

*) Для читателей, мало знакомыхъ съ мѣстностью, бывшею поприщемъ дѣятельности Вукаловича, считаю не лишнимъ сказать о ней два слова. Хотя въ послѣднее время появилось нѣсколько описаній и картъ Герцеговины, однако любознательный читатель напрасно будетъ искать положительныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній статистическихъ и топографическихъ объ этой странѣ: ихъ не имѣетъ само турецкое правительство, и путешественники принуждены довольствоваться сбивчивыми и невѣрными показаніями мѣстныхъ властей или же писать по наслышкѣ; топографической съемки еще не было произведено въ Герцеговинѣ, и существующія у насъ карты составлены не на мѣстѣ, а въ кабинетѣ, по описаніямъ путешественниковъ или по разсказамъ туземцевъ. Обыкновенно принимаемое пространство Герцеговины въ 400 кв. геогр. миль слишкомъ недостаточно. Общій характеръ страны—суровый и мрачный. Отроги Балкановъ, перерѣзывающіе ее во всѣхъ направленіяхъ, достигаютъ наибольшей высоты (7000') у границъ Босніи; чѣмъ ближе къ З., къ далматскому прибрежью, тѣмъ отложе становится поверхность. Горы Герцеговины большею частію голыя скалы сѣроватаго цвѣта. Лѣсовъ мало. Въ долинахъ растутъ свойственныя теплому климату фруктовыя деревья (броджянское и мостарское вина пользуются въ странѣ заслуженною извѣстностью). Требинскій табакъ считается однимъ изъ лучшихъ въ Турціи. Рисъ и кукуруза составляютъ обычную пищу жителей. Крупный рогатый скотъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій и политическихъ обстоятельствъ, въ послѣднее время упалъ и въ качествѣ и въ количествѣ; тѣмъ не менѣе Далмація доселѣ кормится герцеговинскимъ мясомъ. Гористая и по большей части безплодная мѣстность благопріятствуетъ только разведенію козъ и барановъ. Самая большая рѣка въ Герцеговинѣ — Неретва (Narenta), протекающая у Мостара, судоходна только при устьи, за предѣлами Турціи. Жители по происхожденію славяне и говорятъ на сербскомъ нарѣчіи, съ нѣкоторыми мѣстными видоизмѣненіями. Большая ихъ часть православнаго исповѣданія (полагаютъ 180 тысячъ), католиковъ (преимущественно въ сѣверной Герцеговинѣ)—50 тысячъ; магометане, число коихъ принимаютъ обыкновенно въ 60 тысячъ, живутъ въ городахъ, а въ средней Герцеговинѣ и въ деревняхъ смѣшанно съ христіанами; весьма рѣдко можно встрѣтить селеніе, обитаемое исключительно магометанами.

Школою его была жизнь со всею ея мрачною обстановкою. Уже около четырехъ-сотъ лѣтъ стонетъ Герцеговина подъ турецкимъ игомъ: она уже успѣла забыть о тѣхъ славныхъ временахъ, когда имѣла своихъ князей, управлялась по своимъ законамъ, воевала и торговала съ богатымъ Дубровникомъ *); однѣ развалины напоминаютъ ей о давноминувшемъ, невозвратномъ благосостояніи: мѣсто закона заступило своеволіе корыстолюбивыхъ и развратныхъ пашей, не уважавшихъ правъ собственности, презиравшихъ и гнавшихъ несчастную райю; города пустѣли, монастыри и церкви превращались въ груды развалинъ, торговля прекращалась, просвѣщеніе стало излишнею роскошью; цвѣтъ народонаселенія бѣжалъ въ далматское приморье...

Но особенно стало тяжело бѣднымъ нашимъ единовѣрцамъ со временъ Али-Паши. Извѣстно, что въ 1832—1834 г. босняки возстали, прогнали визиря Муралію и на его мѣсто поставили Гусейнъ-Пашу, муселима Градца. Возстаніе впрочемъ было вскорѣ потушено Махмудъ-Пашею, и босняки принуждены были снова подчиниться прежнимъ порядкамъ турецкаго управленія. Въ этомъ возстаніи нетолько не принималъ никакого участія муселимъ Столца (въ Герцеговинѣ), Али-ага-Ризванбеговичъ, но даже употребилъ всѣ свои усилія для

Въ административномъ отношеніи Герцеговина раздѣляется на три санджаката (Фочанскій — восточный, Мостарскій—сѣверный и Требинскій — южный), подраздѣленныхъ на 15 нахій. Главный городъ Мостаръ (18 тысячъ жителей) у подошвы горы Вележа.

*) Большая часть нынѣшней Герцеговины называлась въ средніе вѣка *Рамою*, меньшая же (нынѣшній Требинскій санджакатъ) *Захлуміею*. Первоначально каждая изъ нихъ управлялась своими князьями; но въ 1154 г. боснійскій банъ Баричъ завоевалъ Захлумію, а Твртко присоединилъ къ своему банату и Раму. Отъ боснійскихъ королей Рама и Захлумія перешли въ ленное владѣніе рода Храничей, за которымъ онѣ оставались до 1483 года, до времени завоеванія ихъ Баязетомъ II. Одинъ изъ Храничей, Стефанъ Казача, получилъ въ 1443 году отъ императора Фридриха III титулъ герцога, и съ тѣхъ поръ подвластная ему страна прозвалась Герцеговиною.

усмиренія мятежниковъ: за такую вѣрность султанъ пожаловалъ ему титулъ визиря Герцеговины съ прозвищемъ „галитъ (непобѣдимый)." Герцеговинскіе христіане много помогли Али-Пашѣ въ его борьбѣ съ возмутившимися мусульманами Босніи и Герцеговины, въ надеждѣ получить какое-либо облегченіе въ своей участи. И самъ Али-Паша, пока имѣлъ въ нихъ нужду, торжественно обѣщалъ имъ, отъ имени султана, что они будутъ сравнены въ правахъ съ турками; но лишь только установилось въ странѣ спокойствіе, онъ перемѣнилъ образъ своихъ мыслей и дѣйствій и сталъ страшнымъ бичемъ несчастной райи. Въ 17 лѣтъ управленія Герцеговиною онъ погубилъ болѣе тысячи христіанъ. Страху ради сажалъ ихъ на колъ, рубилъ имъ головы и разстрѣливалъ; по два-три дня не дозволялъ хоронить мертвыхъ, и по истеченіи этого срока христіанинъ за право погребенія платилъ кавас-баши (начальнику полиціи) по 10—20 окъ кофе. Али-Паша и его кавас-баши, Ибрагимъ-Сарайлія изъ Никшича, захватывали все, что имъ нравилось, и такимъ образомъ противозаконно отняли у христіанъ огромныя земли, на которыхъ строили себѣ дворцы. Цѣлая область работала на нихъ безвозмездно.

По словамъ современника Али-Паши, мостарскаго архимандрита Іоанникія Памучины, герцеговинскій визирь принялъ слѣдующую систему въ обращеніи съ христіанами: „Со всякаго влаха (христіанина) слѣдуетъ ежегодно брать по 9 драхмъ чистаго серебра въ царскую казну, да еще не просто — пришелъ и взялъ, — нѣтъ, нужно схватить его за шапку, да ударить трижды оземь и сказать: подавай харачъ (подать)! а при этомъ въ глаза ему поносить крестъ. Пусть влахъ вѣрно служитъ 99 лѣтъ турку, да и тогда слѣдуетъ убить его, чтобъ не умеръ своею смертію. Влахамъ нужно только, чтобъ не голодали; они должны ходить наги и босы, какъ ослы, работать на всѣхъ турокъ и повиноваться имъ."

Вслѣдствіе безпрестанныхъ гоненій со стороны кле-

вретовъ Али-Паши, Никшичская Жупа, Грахово, Зубцы, Дробняки и Шаранцы не разъ отпадали отъ него и переходили подъ покровительство черногорскаго владыки; но Петръ II не могъ облегчить ихъ участи своимъ заступничествомъ. Одновременно съ Али-Пашею свирѣпствовалъ въ Герцеговинѣ Измаилъ-ага-Ченгичъ, муселимъ гацкій, пивскій и дробняцкій, пока не убилъ его, по наущенію черногорскаго владыки, Новица Церовичъ въ 1840 г.

Въ іюлѣ 1850 года прибылъ въ Сараево сераскиръ Омеръ-Паша для введенія въ Босніи и Герцеговинѣ танзимата и нуфуса (народная перепись). Онъ привелъ съ собою 15 тысячъ низама (регулярное войско), рѣшившись въ случаѣ надобности употребить силу противъ ослушниковъ султанской воли. Али-Паша, врагъ нововведеній, приготовилъ вооруженное возстаніе въ Герцеговинѣ; но мятежники были вскорѣ усмирены, и Али-Паша убитъ (1851 г.). Во всей Босніи и Герцеговинѣ былъ введенъ новый порядокъ вещей, и съ турокъ собраны рекруты для низама. Поставивъ губернаторомъ въ Мостарѣ албанца, Измалъ-Пашу, сераскиръ приказалъ ему въ 1852 г. взять подъ стражу все христіанское духовенство и отобрать у райи оружіе; но въ то же время образовалъ новыя судилища (меджлисы), на которыя допустилъ и представителей отъ христіанъ (ходжи-баши); этимъ ходжи-башамъ было поручено также собирать съ райи подати. При новыхъ порядкахъ поборы и притѣсненія удесятерились и наконецъ вывели христіанъ изъ терпѣнія: въ декабрѣ 1857 года вспыхнуло въ пограничныхъ съ Черногоріею округахъ возстаніе, вызванное свирѣпостью требинскаго мудира Ходжи-бега-Ресулбеговича, организовавшаго въ своемъ округѣ систематическій грабежъ и постоянно подстрекавшаго мусульманъ къ преслѣдованію райи.

До начала возстанія Лука Вукаловичъ жилъ мирно въ Дубровникѣ, занимаясь ружейнымъ мастерствомъ. Доморощенныя ружья онъ продавалъ своимъ землякамъ,

пригонявшимъ скотъ въ Дубровникъ или занимавшимся контрабандною торговлею требинскимъ табакомъ, до котораго такъ лакомы дубровничане. Мнѣ неизвѣстно, когда именно и вслѣдствіе какихъ причинъ выселился Вукаловичъ въ Дубровникъ. Близость родины (до Требинья всего часовъ шесть пути) и ежедневныя сношенія съ земляками, навѣщавшими его скромную лавочку въ предмѣстьи Плочахъ, давали ему возможность слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось за горою Бергатомъ. Мрачныя впечатлѣнія молодости постоянно подновлялись разсказами земляковъ о свирѣпости Ходжи-бега-Ресулбеговича, и, лишь только разнесся слухъ о возстаніи банянъ подъ начальствомъ воеводы Ивана Бачевича, — онъ бросаетъ свое мастерство, покидаетъ жену и дѣтей и присоединяется къ поднявшимъ оружіе землякамъ. По смерти храбраго Ивана Бачевича, Лука Вукаловичъ былъ избранъ народомъ въ воеводы.

Первымъ его дѣломъ было распространить, какъ можно шире, возстаніе, направить дѣйствія отдѣльныхъ главарей къ одной цѣли и составить общій планъ войны. Распространить возстаніе на всю Герцеговину не было никакой возможности: католики Мостарскаго и Фочанскаго санджаката, подъ вліяніемъ фратровъ и Австріи, нисколько не сочувствовали дѣлу, начатому православными; кромѣ того, эти санджакаты ближе къ административному центру, чѣмъ Требинскій, а потому тамъ менѣе шансовъ на успѣхъ возстанія, чѣмъ въ округахъ, пограничныхъ съ Черногоріею, отъ которой наши единовѣрцы ожидали не одного только сочувствія, но и дѣйствительной помощи въ случаѣ надобности.

Въ округахъ, принявшихъ участіе въ возстаніи, насчитываютъ до 17 тысячъ жителей, изъ числа коихъ до 5 тысячъ въ Фочанскомъ санджакатѣ (племена: Дробнякъ и Пива) и до 12 тысячъ въ Требинскомъ (племена: Гацко, Рудинье, Баняне, Зубцы, Крушево, Драчевица, Шума и Попово). Къ самымъ многочисленнымъ племенамъ принадлежатъ: Дробнякъ—до 4000 душъ, По-

ново—до 1700, Шума — болѣе 1300 и Зубцы — около 1300 душъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что при поголовномъ возстаніи, наши единовѣрцы не могли никоимъ образомъ выставить въ поле болѣе 4000 воиновъ на пространствѣ отъ австрійской границы до Колашина. При такихъ ничтожныхъ силахъ, только крайняя необходимость могла заставить нашихъ единовѣрцевъ отважиться на борьбу съ турками, располагавшими значительнымъ войскомъ. Къ тому же у возставшихъ христіанъ не было ни съѣстныхъ, ни военныхъ припасовъ: все нужно было добывать съ оружіемъ въ рукахъ. Правда, ихъ обнадеживали обѣщаніемъ помощи черногорцевъ и заступничества великихъ державъ. Но при всемъ томъ, они не рѣшились бы на открытую борьбу съ турками, еслибы была какая-либо возможность жить съ ними въ мирѣ: имъ предстоялъ выборъ смерти — или рабской, сопряженной съ продолжительными мученіями, или же свободной, съ оружіемъ въ рукахъ, и они избрали послѣднюю.

Несмотря на малочисленность и недостатокъ провіанта и военныхъ снарядовъ, наши единовѣрцы имѣли на первыхъ порахъ громадный успѣхъ. Лука Вукаловичъ съумѣлъ организовать систематическое вооруженіе: партизанскіе отряды (*четы*) разсыпались одновременно по всему краю, отрѣзали у турокъ всѣ пути сообщенія и не разъ овладѣвали турецкимъ обозомъ. Призадумался не одинъ султанъ, но и императоръ австрійскій, на границѣ коего пылало возстаніе, грозившее принять еще большіе размѣры, и вотъ они рѣшились дѣйствовать заодно. Построеніе Вукаловичемъ шанцевъ въ Суторинѣ, препятствовавшихъ будто бы сообщенію Новаго (Castelnuovo) съ Дубровникомъ, было удобнымъ предлогомъ для вооруженнаго вмѣшательства австрійскаго правительства въ дѣла Герцеговины: бригадный генералъ Родичъ получилъ въ исходѣ 1861 года приказаніе изъ Вѣны выступить изъ Дубровника съ необходимыми силами и разрушить суторинскіе шанцы. За этотъ подвигъ, достой-

но воспѣтый сербомъ Милошемъ Милисавлѣвичемъ въ его „Гусляхъ“ (изд. въ Панчовѣ въ 1862 г.), баронъ Родичъ (православный сербъ) былъ прозванъ народомъ Свинскимъ воеводою (воевода одъ Свинье—мѣсто, на которомъ были построены шанцы).

Разрушеніе суторинскихъ шанцевъ открыло туркамъ сообщеніе съ Герцеговиною со стороны Которской бухты, куда они, съ дозволенія австрійскаго правительства, успѣли подвезти военные и съѣстные припасы и десантъ. Это былъ первый ударъ для Вукаловича, за нимъ слѣдовалъ другой еще тяжелѣе: оклеветанный передъ черногорскимъ княземъ въ неисполненіи приказаній. онъ былъ вызванъ въ Цетинье, гдѣ осмѣлился открыто высказать князю Николаю I свое мнѣніе о нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ и задѣть даже княжескаго отца, Мирка Петровича; за такую смѣлость князь, по настоянію своего отца, разжаловалъ Вукаловича и назначилъ на его мѣсто „командантомъ герцеговачкимъ“ дужскаго монаха Никифора Дучича, воспитывавшагося въ бѣлградской семинаріи, человѣка хитраго и честолюбиваго...

Нѣкоторымъ изъ моихъ читателей можетъ показаться страннымъ назначеніе монаха на должность военачальника; но я долженъ замѣтить, что у турецкихъ славянъ и черногорцевъ духовенство мало чѣмъ отличается отъ мірянъ, и только черное носитъ рясы, бѣлое же, безбородое, одѣвается также, какъ и весь народъ, и живетъ одною съ нимъ жизнію, такъ что нерѣдно священники занимаютъ должности капитановъ, сердарей и воеводъ.

Назначеніе Никифора Дучича произвело въ средѣ возставшихъ христіанъ расколъ: партія Вукаловича не хотѣла признавать его своимъ вождемъ и видѣла въ немъ интригана, думавшаго только о томъ, какъ бы выйдти въ люди. Раздоры главарей много вредили народному дѣлу: прежнія позиціи были оставлены, и туркамъ открылось свободное сообщеніе съ моремъ. Народъ требовалъ возвращенія Вукаловичу прежней власти и смѣны Дучича, скомпрометировавшаго себя сношеніемъ съ турецкимъ

главнокомандующимъ, Омеръ-Пашею: черногорскій князь, вопреки Мирку Петровичу, принужденъ былъ возвратить Вукаловичу воеводство; но уже трудно было поправить дѣла: всѣ важные стратегическіе пункты были заняты турками, гарнизоны усилены, а съ моря постоянно подвозили свѣжія войска и продовольствіе. Раздоры главарей, поддерживаемые турецкими и австрійскими агентами, не скупившимися на золото, продолжались. Голодъ и недостатокъ денегъ въ Черногоріи не позволяли надѣяться на скорую ея помощь.

Положеніе Вукаловича, тѣснимаго со всѣхъ сторонъ турками, становилось весьма затруднительнымъ; но его выручило Криницкое дѣло: князь Николай, упоенный блистательною побѣдой, одержанною 11 марта 1862 года надъ турками въ Криницѣ на Скутарскомъ озерѣ, рѣшился открыто вмѣшаться въ герцеговинское возстаніе и въ апрѣлѣ послалъ въ ущелье Дугу сначала воеводу ускоковъ, Илью Джюканова, а потомъ своего тестя, Петра Вукотича, воеводу чевскаго и начальника гвардіи, съ четырмя тысячами черногорцевъ: пораженіе Дервишъ-Паши въ Дугѣ 5 и 6-го мая имѣло своимъ слѣдствіемъ вторженіе турокъ въ черногорію сначала со стороны Албаніи, а потомъ и со стороны Герцеговины; въ концѣ мая обѣ турецкія арміи, несмотря на всѣ усилія черногорцевъ, успѣли соединиться, а въ началѣ августа Омеръ-Паша былъ уже въ Рѣкѣ Черноевича, откуда послалъ свой ультиматумъ къ князю Николаю, собравшемуся уже оставить Цетинье и удалиться въ Нѣгуши къ австрійской границѣ. 31-го августа былъ подписанъ княземъ Николаемъ постыдный для Черногоріи миръ, однимъ изъ условій котораго было проведеніе военной дороги черезъ Черногорію изъ Герцеговины въ Албанію, съ турецкими блокгаузами, а другимъ—немедленное оставленіе герцеговинцами черногорской территоріи.

Предоставленный собственнымъ силамъ, значительно истощеннымъ продолжительною борьбою съ турками, Лука Вукаловичъ, слѣдуя совѣту князя Николая и своихъ

сподвижниковъ, рѣшился примириться съ своими заклятыми врагами. По приглашенію турецкаго консула Персича и окружнаго начальника Решетаря, онъ прибылъ въ Дубровникъ, гдѣ и заключилъ съ губернаторомъ Герцеговины, Хуршидъ-Пашею, миръ на слѣдующихъ выгодныхъ условіяхъ: 1) всѣ, участвовавшіе въ возстаніи, герцеговинцы, получаютъ полную амнистію; 2) даруется имъ право самоуправленія; 3) они обязаны избрать изъ среды своей 500 пандуровъ для охраненія границы и путей сообщенія и для поддержанія порядка внутри страны; каждый пандуръ получаетъ 80 грошей ежемѣсячнаго жалованья и по три фунта хлѣба въ день изъ турецкой казны; и 4) отвѣтственность за сохраненіе мира возлагается на Луку Вукаловича. Дней черезъ пять-шесть онъ получилъ, въ видѣ испытанія, приказаніе Хуршидъ-Паши проводить обозъ въ Никшичъ. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Вукаловичъ возвращался въ свое племя, чтобъ распустить по домамъ воиновъ; но на пути узнаетъ, что Петко Ковачевичъ получилъ приказаніе изъ Цетинья разстрѣлять его: удивленный такимъ приказаніемъ, онъ удаляется въ Суторину, откуда посылаетъ въ Цетинье вѣрнаго своего сподвижника, Луку Петковита, освѣдомиться обо всемъ обстоятельно и донести князю о заключеніи имъ мира съ турками. Правитель Черногоріи выразилъ Петковичу удовольствіе по поводу примиренія Вукаловича съ турками и объявилъ, что онъ и не думалъ отдавать приказанія объ его разстрѣляніи и ничего объ этомъ не знаетъ. Это было въ ноябрѣ 1862 года, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ было возобновлено покушеніе на жизнь Луки Вукаловича, и на этотъ, какъ и въ первый разъ, по наущенію Мирка Петровича, поклявшагося въ непримиримой къ нему враждѣ.

Въ то самое время, когда Мирко подсылалъ къ Вукаловичу убійцъ, турки нарушили дубровницкій договоръ: они заняли вооруженною рукою всѣ округа и стали возводить въ нихъ укрѣпленія; о самоуправленіи же и пан-

дурахъ не было болѣе и рѣчи. А между тѣмъ австрійскіе и турецкіе агенты продолжали сѣять раздоры между главарями и вербовать сторонниковъ нѣкоему Михаилу Спаичу, человѣку бездарному и низкому, выдвинутому ими на сцену еще во время черногорской войны въ качествѣ соперника Вукаловича. Въ январѣ 1863 года возобновились примѣры турецкаго насилія: одинъ пастухъ изъ Зубцевъ былъ страшно избитъ; сынъ попа Бѣлетича изъ Рудинья и Филиппъ Мандичъ изъ Гацка были убиты. Народъ сталъ волноваться...

Положеніе Луки Вукаловича было крайне затруднительно. Въ концѣ февраля онъ созвалъ скупштину въ монастырѣ Коссіеревѣ: на ней было рѣшено отправить двухъ довѣренныхъ лицъ въ Мостаръ съ жалобою на притѣсненія и насилія и съ просьбою объ исполненіи дубровницкаго договора. Эти посланцы, потерявъ много времени въ Мостарѣ, вернулись ни съ чѣмъ. Губернаторы Герцеговины, Абди-Паша, и Далмаціи, баронъ Мамула, приглашали Вукаловича въ Мостаръ; но онъ, помня еще недавнія неистовства турокъ въ Требиньи и Таслиджѣ, видѣлъ въ этомъ приглашеніи одну западню для себя и не рѣшался покинуть Зубцы. Отношенія его къ Черногоріи нисколько не улучшились: Мирко Петровичъ обвинялъ его въ совершенномъ отпаденіи отъ черногорскаго правительства, въ желаніи прервать съ нимъ всякія сношенія; оправданія Вукаловича оставлялись безъ вниманія; снова были подосланы убійцы къ нему (въ мартѣ 1863 г.) и къ его вѣрному слугѣ, Лукѣ Петковичу. Нашлись даже между его родственниками измѣнники, обѣщавшіе за извѣстную сумму денегъ полонить или убить его, и онъ съ нѣсколькими, оставшимися ему вѣрными, главарями и своимъ семействомъ принужденъ былъ покинуть свою резиденцію въ Убли, въ Суторинѣ, близь Новаго, и удалиться на Бѣлую гору, къ границѣ черногорской. Здѣсь онъ держался еще долго, отбиваясь отъ турокъ и терпя страшную нужду: мнѣ разсказывали, что дѣти питались иногда древесны-

ми кореньями. Изрѣдка приходила къ нему помощь; но на нее трудно было надѣяться, потому что турки устроили вокругъ Бѣлой горы облаву, поджидая, когда попадется въ ихъ руки добыча, на которую они навѣрно расчитывали.

Изъ этого безъисходнаго положенія былъ выведенъ Вукаловичъ весною 1865 года, когда Государю Императору благоугодно было дать ему и двѣнадцати его сподвижникамъ убѣжище въ Россіи.

Вотъ краткій очеркъ дѣятельности Луки Вукаловича. Друзья считали его героемъ, какіе встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ,—враги—турки—простымъ *гайдукомъ* (разбойникомъ),—черногорцы—трусомъ, лежебокою, честолюбцемъ и пьяницей,—австрійцы — человѣкомъ презрѣннымъ, изъ котораго славянофилы сдѣлали героя. Ни тѣ, ни другіе не были къ нему справедливы. Вукаловичъ — не сказочный герой, не рыцарь безъ пятна и порока; но человѣкъ весьма почтенный. Ему нельзя отказать въ патріотизмѣ: иначе онъ не промѣнялъ бы спокойную, хотя и скромную, жизнь въ Дубровникѣ на сопряженное съ лишеніями и опасностями *четованіе* въ Герцеговинѣ. Честолюбивыхъ стремленій нѣтъ и тѣни въ его поступкахъ: онъ ничего не домогался для себя, не интриговалъ ни противъ кого, а если и принялъ воеводство, то потому только, что сознавалъ необходимость въ общемъ руководителѣ возстанія и чувствовалъ себя настолько способнымъ, чтобъ повести народное дѣло къ успѣшному окончанію.

Черногорцы, а во главѣ ихъ Мирко Петровичъ, обвиняли его въ сепаратическихъ стремленіяхъ, въ желаніи создать для себя на границѣ Черногоріи особое княжество: обвиненіе это основывается на томъ, что онъ противился черногорской *глобѣ* (собиранію подати), не ѣздилъ по замиреніи съ турками въ Цетинье и приказалъ снять съ шапокъ черногорскіе гербы; но Вукаловича оправдываютъ обстоятельства и состояніе страны: ему тяжело было видѣть, что черногорцы, по приказа-

нію Мирка, готовы снять послѣднюю рубаху съ герцеговинца; не ѣздилъ онъ на поклонъ въ Цетинье не потому, чтобы не любилъ и не уважалъ или не считалъ своимъ *господаремъ* князя Николая, а потому, что избѣгалъ всякихъ нареканій со стороны турокъ, обвиненій въ нарушеніи договора; по этой же самой причинѣ онъ, обѣщавъ вѣрность султану, приказалъ снять съ шапокъ черногорскіе гербы.

Что онъ былъ не трусъ, доказываетъ долговременная борьба его съ турками, сопряженная съ большими опасностями и лишеніями; трусостью никто не назоветъ благоразумную осторожность и чувство самосохраненія. Лежебокою также нельзя назвать его, потому что онъ постоянно проявлялъ неусыпную дѣятельность и бдительность; но былъ сдержанъ и избѣгалъ безполезной траты скудныхъ народныхъ силъ.

Обвиненіе Вукаловича въ пьянствѣ также неосновательно: пьютъ вино всѣ герои сербскихъ народныхъ пѣсенъ, даже владыки черногорскіе; но Вукаловичъ въ Убли или Бѣлой горѣ имѣлъ менѣе возможности пить, чѣмъ всѣ безъ исключенія черногорцы, проводящіе цѣлые дни въ бездѣйствіи въ кабакахъ.

Обвиняютъ Вукаловича оставшіеся въ Герцеговинѣ его сподвижники въ томъ, что онъ бросилъ ихъ на произволъ судьбы; но онъ не могъ всѣхъ ихъ забрать съ собою въ Россію, да и для насъ было бы накладно.

Турки называютъ его *гайдукомъ*; но онъ не убивалъ безоружныхъ жителей, а воевалъ, какъ воюютъ всѣ, и наиболѣе образованныя, націи; по праву войны онъ захватывалъ турецкіе обозы, въ чемъ представлялась ему крайняя необходимость при отсутствіи всѣхъ средствъ къ существованію.

Но онъ не былъ, какъ я уже сказалъ, рыцаремъ безъ пятна и порока. При всемъ своемъ самопожертвованіи, онъ не бросался, очертя голову, въ огонь и воду; онъ любилъ свое семейство, но любилъ менѣе, чѣмъ родину: иначе онъ не покинулъ бы его въ Дубровникѣ и

не бѣжалъ бы въ горы воевать съ турками; онъ ненавидѣлъ своихъ враговъ, особенно Мирку, роптал на нихъ; но готовъ былъ примириться съ ними, лишь только замѣчалъ въ нихъ перемѣну; онъ любилъ выпить, но не пьянствовать. Вся заслуга Вукаловича состоитъ въ томъ, что онъ, ставъ во главѣ возстанія, съумѣлъ поддержать между главарями доброе согласіе, объединить ихъ дѣйствія, общій планъ которыхъ былъ имъ удачно составленъ.

Вотъ что говорилъ онъ мнѣ объ образѣ своихъ дѣйствій по замиреніи съ турками: „Я всегда избѣгалъ подавать поводъ къ раздорамъ, а теперь забочусь о поддержаніи добрыхъ сношеній съ Черногоріею, объ излеченіи ранъ, нанесенныхъ послѣднею войною, и о подготовленіи народа къ новому возстанію, въ случаѣ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Но я бы желалъ, чтобы наши дружественныя сношенія съ черногорцами были тайны, а не явны, какъ они того хотятъ, потому что явный союзъ принесъ бы намъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Я полагаю, если не ошибаюсь, что какъ мы, герцеговинцы, съ нашей, такъ и черногорцы съ ихъ стороны, если желаемъ успѣха, должны, сколько возможно, скрывать отъ свѣта наши намѣренія. Черногорцы хотѣли бы, чтобы я чаще приходилъ въ Цетинье, чтобы мы носили ихъ гербы,—однимъ словомъ, они хотѣли бы, чтобы между нами и ими продолжались тѣ же сношенія, какія были во время войны; но возможенъ ли такой образъ дѣйствій безъ ущерба для народныхъ интересовъ?“

III.

ПОѢЗДКА ВЪ ЧЕРНОГОРІЮ ВЪ СЕНТЯБРѢ 1865 г.

Въ пятницу, 3-го сентября 1865 года, я отправился на пароходѣ австрійскаго Ллойда изъ Гружа (Gravosa), порта Дубровника (Ragusa), въ Которъ (Cattaro) съ намѣреніемъ посѣтить Черногорію. Намѣреніе это было во мнѣ не ново. Проживъ около четырехъ лѣтъ въ Дубровникѣ, имѣвъ случай близко познакомиться съ дѣлами Черногоріи, съ ея прошлымъ и настоящимъ, зная лично почти всѣхъ сенаторовъ, воеводъ и другихъ приближенныхъ къ князю лицъ, бывъ свидѣтелемъ, не безучастнымъ, послѣдней героической борьбы черногорцевъ съ турками, я желалъ, естественно, уже давно заглянуть въ этотъ полный для меня дива уголокъ славянскаго міра: но особенныя обстоятельства препятствовали исполненію моего желанія. И сами черногорцы, знавшіе меня лично, не мало удивлялись такому, по ихъ мнѣнію, равнодушію моему къ ихъ странѣ. Вдовствующая княгиня, Даринька, которую я знавалъ еще въ С.-Петербургѣ, не разъ выражала свое удивленіе насчетъ такого недостатка любознательности съ моей стороны, а отецъ князя, Мирко Петровичъ, съ которымъ я дважды видѣлся въ Дубровникѣ, сказалъ какъ-то въ шутку, что если я еще разъ буду въ Которѣ (я бывалъ тамъ три раза), онъ пошлетъ за мной перяниковъ (жандармовъ) привести меня силою въ Цетинье. И такъ меня влекло въ Черногорію, съ одной стороны, желаніе провѣрить лично на мѣстѣ слышанное и читанное мною объ этомъ микроскопическомъ славянскомъ княжествѣ, столько вѣковъ отстаивающемъ свою независимость отъ посягательствъ Турокъ, а съ другой, оправдать себя пе-

редъ черногорцами, доказавъ имъ, что не трудности путешествія по ихъ горамъ удерживали меня сиднемъ въ Дубровникѣ, а особенныя, не отъ меня зависѣвшія, обстоятельства. Я ждалъ первой возможности осуществить свое желаніе, ждалъ долго, въ твердой рѣшимости посѣтить Черногорію во что бы то ни стало, до отъѣзда изъ Дубровника, и наконецъ дождался столь давно ожиданной минуты.

Отдавъ послѣдній прощальный поклонъ пріятелямъ, возвращавшимся въ Дубровникъ, я помѣстился на палубѣ, занялся созерцаніемъ *ненаглядного* (по выраженію одного моего хорошаго знакомаго) моря, безоблачнаго ярко-лазуреваго неба и съ удовольствіемъ глядѣлъ, какъ скрывались отъ насъ мирный Гружъ (Gravosa), живописная Рѣка (Ombla), зеленый Лападъ и скалистая Дакса. Въ двухъ шагахъ отъ меня сидѣлъ дубровницкій бригадный генералъ (нынѣ намѣстникъ Далмаціи), Филипповичъ, человѣкъ безхарактерный и недальновидный, лишенный всякихъ способностей военныхъ и административныхъ, просто баловень фортуны. Онъ не замедлилъ вступить со мною въ разговоръ о цѣли поѣздки, о литературныхъ моихъ занятіяхъ, о которыхъ онъ зналъ по наслышкѣ, и т. п. Между тѣмъ подали обѣдъ, окончившійся у самаго входа въ Которскую бухту.

Во время Крымской кампаніи, австрійское правительство объявило Которскую бухту *военнымъ портомъ* (porto di guerra) и возбранило съ тѣхъ поръ входъ въ нее военнымъ судамъ иностранныхъ державъ. Съ того времени оно потратило огромныя суммы на укрѣпленіе Пунты д'Остро и на сооруженіе новыхъ фортовъ, хотя вовсе не достигло своей цѣли: воздвигнутыя укрѣпленія, по сознанію моряковъ и артиллеристовъ, не въ состояніи возбранить входъ въ бухту нетолько цѣлой эскадрѣ, но даже одному, хорошо вооруженному фрегату, который въ нѣсколько минутъ можетъ разрушить всѣ эти карточныя укрѣплелія.

Узкая полоса земли, вдающаяся въ море и принад-

лежащая туркамъ, Суторина, отдѣляла нѣкогда Дубровницкую республику отъ Венеціянской Албаніи (нынѣ Bocche di Cattaro). Здѣсь въ началѣ герцеговинскаго возстанія были сооружены Лукою Вукаловичемъ шанцы, разрушенные предмѣстникомъ Филипповича, барономъ Родичемъ, въ концѣ 1861 года.

За Сутториной тянется по берегу бухты предмѣстье Новаго (Castel-nuovo), Топла, въ приходской церкви коего (Вознесенія Господня) было найдено мною, въ февралѣ 1865 года, старое пергаменное четвероевангеліе съ изображеніями Апостоловъ, въ богатомъ серебряномъ окладѣ, неизвѣстное дотолѣ ни одному изъ славянскихъ ученыхъ. По дорогѣ изъ Новаго въ Мелинье, въ живописной рощѣ находится старосербскій монастырь, Савина, въ которомъ между рукописями позднѣйшаго времени я тщетно отыскивалъ житіе Кирилла и Меѳодія, изъ коего въ 1843 году профессоры Прейсъ и Срезневскій сдѣлали выписки: оно погибло невозвратно, вмѣстѣ съ другими древностями, по небрежности монаховъ.

Солнце было уже низко, когда мы прибыли въ скучный Которъ, и я не замедлилъ отправиться въ гостинницу сдѣлать нужныя распоряженія для поѣздки въ Черногорію.

На другой день я поднялся на зарѣ, къ удивленію услужливаго княжескаго агента, Петра Рамадановича, обязавшагося разбудить меня, когда будетъ все готово къ путешествію. Еще въ Дубровникѣ я рѣшился идти пѣшкомъ въ Цетинье: до того страшила меня верховая ѣзда; но какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ Которѣ мнѣ представляли, что путешествіе пѣшкомъ въ Черногорію не по моимъ силамъ, что нужно для этого быть черногорцемъ и носить *опанки* (родъ нашихъ лаптей). Мнѣ обѣщали самую смирную лошадь и хорошихъ проводниковъ; увѣряли, что дорога до границы—превосходное шоссе, что опасности нѣтъ никакой, что проводники будутъ беречь меня больше зѣницы своего ока, что вскорѣ взойдетъ солнце и что при солнцѣ путешествовать въ гору ве-

сьма утомительно,—и я наконецъ согласился. Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня подъемъ на гору, вышиной по крайней мѣрѣ въ 1.500 футовъ, верхомъ на лошади въ первый разъ въ жизни. Къ тому же стремена не были достаточно подтянуты, и я безпрестанно пошатывался съ одной стороны на другую на самодѣльномъ сѣдлѣ, покрытомъ огромною *струкою* (родъ пледа, которымъ покрываются въ непогоду черногорцы и далматинцы). Вся живописная Которская бухта, съ ея городами и селами, была у меня подъ ногами, а далѣе синева моря, усѣяннаго скалистыми островами, сливалась съ лазурью безоблачнаго неба, озареннаго багровыми лучами восходящаго солнца; но признаюсь, мнѣ было не до вида, и животный инстинкъ самосохраненія вполнѣ овладѣлъ мною. Но вотъ и черногорская граница! Не радостью въ сердцѣ моемъ отозвался видъ ея: тутъ прекращалась австрійская дорога, начиналась черногорская, но, Боже мой, какая! По нерасчищеннымъ каменьямъ, въ видѣ ступеней, вилась тропинка, по которой въ иныхъ мѣстахъ не могли пройдти двѣ лошади, а внизу зіяла пропасть, отъ одного вида которой кружилась голова. Но подъемъ еще не конченъ: намъ предстоитъ взобраться на гору Крстацъ еще выше той, на которой мы находились (2.000 фут.). Солнце было уже высоко, потъ лился съ меня ручьями, и напрасно проводники утѣшали меня великолѣпіемъ вида: говорили мнѣ, что видна значительная часть Черногоріи и Скутарское озеро. Я имъ охотно вѣрилъ, но не довѣрялъ лошади. Медленно, шагомъ подвигались мы впередъ. Къ моему горю, на пути встрѣчалось мнѣ множество черногорцевъ и черногорокъ, спѣшившихъ на базаръ въ Которъ: была суббота. При встрѣчѣ со всякимъ нужно было снять шляпу и сказать: „Помагай Богъ!“, чтобы получить въ отвѣтъ: „Добра ви срѣтя!“ Затѣмъ начинались докучливые распросы, откуда я, зачѣмъ ѣду въ Черногорію; одни, видя, что меня поддерживаетъ проводникъ, освѣдомлялись, не боленъ ли я; другіе при-

нимали меня за англичанина.... „Нѣсамъ инглезъ“, отвѣчалъ я имъ. „Я самъ братъ вашъ, русъ.“ — „Богами!“ слышался затѣмъ возгласъ со стороны черногорцевъ и начинались снова вопросы, которые я оставлялъ безъ отвѣта. Сниманье шляпы, привѣтствія (черногорецъ не кланяется первый) и докучливые распросы мнѣ крайне надоѣли и еще болѣе утомили меня, и безъ того разбитаго дорогой.

Я успокоился только тогда, когда мы спустились съ Крстца въ Нѣгушскую долину; тогда только я вздохнухъ свободно и сталъ внимательнѣе къ окружавшимъ меня предметамъ. Я съ удивленіемъ глядѣлъ, какъ легко и ловко взбирались по скалистымъ, безлѣснымъ пригоркамъ черногорцы и черногорки, которые для сокращенія пути не шли по дорогѣ, а перепрыгивали какъ дикія козы съ камня на камень. Во всѣхъ направленіяхъ мелькали передо мною ихъ черныя, съ краснымъ верхомъ, шитымъ золотомъ, *шапки* *), ихъ бѣлыя *гуни*, съ красными, также шитыми золотомъ, *жилетами*, ихъ синіе *шаровары* и бѣлыя *накольнницы*. Всѣ, даже самые бѣдные, носятъ *опанки*, у всѣхъ за поясомъ пистолетъ и ножъ, а за плечами длинное албанское ружье. Съ оружіемъ черногорецъ никогда не разстается, точно также какъ и съ трубкой. У черногорокъ на головѣ тѣ же шапки, какъ и у мущинъ, но только шитыя золотомъ посрединѣ, а не съ боку; замужнія покрываютъ голову бѣлымъ, а въ случаѣ траура чернымъ платкомъ. Бѣлая длинная рубаха и нѣчто въ родѣ гуни составля-

---

*) До Петра II черногорцы носили фески. Значеніе цвѣтовъ на своихъ шапкахъ черногорцы толкуютъ такъ· красный верхъ обозначаетъ кровь сербскую, пролитую на Косовомъ полѣ, шитье золотомъ есть знакъ побѣды славянъ надъ турками, а черный шелковый околышекъ — скорбь по утраченной свободѣ. Шитье золотомъ постоянно должно увеличиваться, и когда христіане окончательно восторжествуютъ надъ мусульманами и изгонятъ ихъ изъ Европы, должно покрыть весь верхъ шапки.

етъ весь незатѣйливый нарядъ черногорки. Всякому встрѣчному черногорцу она цѣлуетъ руку. По всему видно, она не болѣе какъ слуга черногорца: она несетъ на себѣ тяжелое *бремя*, а онъ знаетъ только тянуть изъ трубки свой доморощенный табакъ. Мнѣ случалось встрѣчать по дорогѣ черногорокъ, гнувшихся подъ тяжестію бремени; отъ усталости онѣ испускали какой-то пронзительный, раздирающій сердце, стонъ. Далѣе я видѣлъ по дорогѣ черногорокъ, работавшихъ на полѣ, и ни одного черногорца. Черногорецъ считаетъ позоромъ для себя заниматься полевыми и другими хозяйственными работами или ремеслами (это, по его мнѣнію, дѣло цыганъ); все дѣлаетъ черногорка: она настоящая работница, черногорецъ же не работникъ, а господинъ. Получая все готовое отъ жены или ближайшей родственницы, онъ связанъ съ ними только однимъ обязательствомъ—защищать честь ихъ, и въ этомъ случаѣ не жалѣетъ жизни своей. Оскорбленіе женщины считается въ Черногоріи великимъ преступленіемъ, и куда не можетъ безопасно пойдти черногорецъ, туда посылаютъ черногорку. Во время войны она спокойно носитъ своему мужу или родственнику на поле битвы съѣстные припасы и военные снаряды и въ случаѣ болѣзни ухаживаетъ за ними. Однимъ словомъ, на ней лежатъ всѣ хозяйственныя и семейныя заботы, черногорецъ же умѣетъ только воевать,—и онъ воинъ по-преимуществу, онъ славянскій спартанецъ и, подобно древнимъ спартанцамъ, считаетъ унизительнымъ для себя заниматься какимъ-либо другимъ дѣломъ, кромѣ военнаго. Рожденіе черногорца, этого будущаго защитника родины и вѣры, составляетъ большое торжество нетолько въ семьѣ, но даже въ цѣломъ племени; рожденіе же черногорки проходитъ незамѣченнымъ. Еще юношей начинаетъ черногорецъ носить оружіе и не разстается съ нимъ до смерти. Съ малолѣтства пріучается онъ лазить по горамъ, пася козъ и овецъ, и мнѣ случалось видѣть малолѣтнихъ черногорскихъ па-

стуховъ на неприступныхъ скалахъ, надъ зіяющею пропастью, и я невольно удивлялся ихъ отважности и ловкости. Съ дѣтства привыкнувъ къ своимъ скаламъ, черногорецъ считаетъ ненужными для себя дороги и даже возстаетъ противъ ихъ проведенія, утверждая, что дороги только облегчатъ врагамъ вторженіе въ неприступныя доселѣ для нихъ твердыни. Происхожденіе своихъ милыхъ родныхъ горъ черногорцы объясняютъ такъ: когда Богъ, при созданіи міра, носясь надъ землей и надѣляя ее горами, прибылъ на мѣсто нынѣшней Черногоріи, мѣшокъ, въ которомъ у него были камни, прорвался, и всѣ камни упали на землю: оттого такъ неровно надѣлена Черногорія полями и долинами, и представляетъ сплошную массу голыхъ скалъ. И дѣйствительно, въ Черногоріи поля большая рѣдкость, за исключеніемъ развѣ Дрничской нахіи, которая по справедливости можетъ назваться житницей Черногоріи; и зато черногорецъ дорожитъ всякимъ клочкомъ земли, нерѣдко въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, и старается обработать его. Такихъ клочковъ земли въ ущельяхъ горъ я встрѣтилъ много по дорогѣ изъ Котора въ Нѣгуши: на нихъ сѣютъ кукурузу, капусту и картофель, сѣмена котораго вывезены были впервые въ Черногорію изъ Россіи владыкою Петромъ I. Первое по дорогѣ поле въ Нѣгушахъ. Это мѣсто замѣчательно, такъ какъ отсюда ведетъ родъ свой нынѣшняя княжеская фамилія.

Въ 1696 г. черногорцы, оставшись безъ правителя, избрали на соборѣ въ Цетиньѣ своимъ владыкою Данiила Петровича Нѣгоша. При немъ начались сношенія наши съ Черногоріей. Въ 1711 году, императоръ Петръ I отправилъ въ Черногорію полковника Михаила Милорадовича съ грамототой, въ которой призывалъ черногорцевъ къ участію въ освобожденіи отъ турецкаго ига единокровныхъ и единовѣрныхъ имъ братій. Черногорцы не замедлили опустошить Герцеговину и Албанію и одержали въ слѣдующемъ году блистательную побѣду надъ Ахметъ-Пашой, вторгшимся въ Черногорію съ ше-

стидесятитысячною арміей. Съ тѣхъ поръ сношенія наши съ Черногоріей продолжаются донынѣ. Преемникъ Даніила, владыка Василій, прибылъ въ 1752 году въ Россію ходатайствовать по дѣламъ своего народа; въ 1754 г. онъ издалъ въ Москвѣ краткую исторію Черногоріи, а въ 1766 г. умеръ въ С.-Петербургѣ. Во время пребыванія его въ Россіи, Императрица Елизавета Петровна послала въ пособіе черногорцамъ 1.000 червонцевъ при грамотѣ, нынѣ хранящейся въ Цетиньѣ. Отъ Императрицы Екатерины II сохранилось пять грамотъ. Первая изъ нихъ написана по случаю смерти владыки Василія, въ 1766 г.,—вторая тремя годами позже: этою послѣднею Екатерина призываетъ черногорцевъ къ борьбѣ съ турками. Въ самый годъ смерти владыки Василія, при преемникѣ его, Саввѣ, появился въ Черногоріи самозванецъ Степанъ Малый, выдававшій себя за Императора Петра III. Онъ успѣлъ захватить въ свои руки верховную власть и побѣдами надъ турками, равно какъ и заботами о благосостояніи страны, успѣлъ снискать себѣ такую любовь народа, что усилія князя Долгорукова свергнуть его не имѣли никакого успѣха. Онъ умеръ въ 1774 году въ монастырѣ Брчели, гдѣ провелъ послѣдніе четыре года своей жизни въ бездѣйствіи, потерявъ въ 1770 году зрѣніе. Третья грамота Екатерины II относится къ 1788 году и написана черезъ три года послѣ поѣздки въ Россію наслѣдника Саввы, Петра I Св.: этою грамотой Императрица снова призываетъ къ борьбѣ съ турками черногорцевъ, которые въ слѣдующемъ же году овладѣли крѣпостью Спужемъ въ Албаніи. Четвертая грамота была привезена въ Черногорію графомъ Ивеличемъ, коему было поручено поднять противъ турокъ нетолько черногорцевъ, но и герцеговинцевъ. Въ слѣдующемъ году Императрица особенною грамотой благодарила черногорцевъ за содѣйствіе противъ общаго врага. Императоръ Павелъ I былъ особенно расположенъ къ черногорцамъ: въ 1798 году, онъ пожаловалъ владыкѣ Петру I орденъ св. Алексан-

дра Невскаго, а въ слѣдующемъ году въ грамотѣ своей обѣщалъ черногорскому народу покровительство и помощь для устроенія у нихъ государственнаго порядка. Разрывъ съ Черногоріей, происшедшій въ началѣ царствованія Императора Александра I (1804 г.), продолжался недолго: въ 1805 году послѣдовало примиреніе. Въ 1805 и 1807 годахъ, черногорцы воевали вмѣстѣ съ нами противъ французовъ въ Бокѣ, Дубровникѣ и Герцеговинѣ. Дружественныя сношенія наши съ Черногоріей продолжались и по смерти Петра I (1830 г.), при его преемникахъ, владыкѣ Петрѣ II и князѣ Даніилѣ I, при которомъ произошелъ однако кратковременный разрывъ. Кромѣ денежныхъ субсидій, Черногорія обязана Россіи также точнымъ опредѣленіемъ своихъ границъ (международная коммиссія 1859—1860 годовъ), чѣмъ отнята у турокъ возможность захватывать самовольно черногорскія земли. Благоволеніе Россіи къ Черногоріи неоднократно было выказано и при нынѣшнемъ князѣ Николаѣ I (съ 1860 г.) посылкой денежныхъ субсидій и хлѣба и защитой ея интересовъ противъ посягательствъ Порты.

Въ исходѣ послѣдней черногорско-турецкой войны, въ августѣ 1862 г., когда Омеръ-Паша занялъ Рѣку Црноевича и угрожалъ самому Цетинью, всѣ драгоцѣнныя вещи изъ дворца и монастыря были перенесены въ Нѣгуши, куда собиралось переселиться, при первой опасности, все княжеское семейство; но пріѣздъ въ Черногорію княгини Дариньки далъ другой оборотъ дѣлу, и былъ заключенъ постыдный для Черногоріи миръ.

Въ Нѣгуши я прибылъ въ одиннадцать часовъ утра и остановился позавтракать въ корчмѣ. До 1840 года не было въ Черногоріи ни одной корчмы, и путешественникъ отправлялся въ первый попавшійся домъ, гдѣ, по старому славянскому гостепріимству, его радушно принимали и угощали, чѣмъ Богъ послалъ. Нынѣ Черногорія покрыта сѣтью корчемъ, гдѣ приходится платить втридорога за всякую бездѣлицу. Вы взяли, на-

примѣръ, два-три яйца, кусокъ кастрадины, рюмку водки, стаканъ црническаго вина и чашку кофе, и спрашиваете, что стоитъ; вамъ отвѣчаютъ: „сколько пожалуете", съ явнымъ расчетомъ на вашу щедрость, и при этомъ корчмарица разсказываетъ вамъ, что у нея останавливался такой-то консулъ или такой-то путешественникъ и заплатилъ столько-то, что самъ князь черногорскій съ княгиней былъ у нея, благодарилъ ее за то, что она хорошо принимаетъ путешественниковъ, и подарилъ ей столько-то... и вамъ становится совѣстно ударить себя въ грязь лицомъ, и вы даете 5—10 франковъ.

Молодая корчмарица, родомъ изъ Котора, видѣла городскую жизнь, и при пріѣздѣ путешественниковъ надѣваетъ европейское платье. Она была очень озадачена, когда я замѣтилъ ей, что не надѣялся найдти въ Черногоріи корчмарицу одѣтую по-европейски, и что не слѣдуетъ стыдиться своей народной одежды. Зато мужъ ея, старикъ лѣтъ семидесяти, истый черногорецъ. Съ нимъ я долго бесѣдовалъ о русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Черногорію, и онъ охотно разсказывалъ мнѣ о нихъ, весьма мѣтко характеризуя каждаго.

Изба, въ которой помѣщается корчма, постройкой мало отличается отъ другихъ черногорскихъ избъ: она построена изъ камня, а цементомъ служитъ глина, смѣшанная съ пескомъ; кровля изъ соломы; передъ избой низкій деревянный навѣсъ, немного выше двери, ведущей во внутренность избы; внизу очагъ; узенькая каменная лѣстница ведетъ въ свѣтелку съ однимъ крошечнымъ окошечкомъ; по угламъ двѣ самодѣльныя постели, крытыя струками.... все это по-черногорски; но коммодъ, уставленный посудой, указываетъ на слѣды европейской цивилизаціи. Эта свѣтелка служитъ пріемною для путешественниковъ. Къ избѣ пристроенъ, нѣсколько ниже ея, каменный, крытый соломой хлѣвъ.

По этому способу строятся въ Черногоріи дома всѣхъ болѣе зажиточныхъ людей; у бѣдныхъ же изба ниже и состоитъ изъ одной только горницы, посреди которой

разводится очагъ; дымъ, за неимѣніемъ трубъ, выходитъ въ двери; такая горница служитъ и пріемною, и столовою, и спальнею, иногда нетолько для хозяевъ, но и для скота. Длина избы 4—10, а ширина 3—4 сажени, и при такой тѣснотѣ помѣщается въ ней иногда до 30 человѣкъ. Мебели обыкновенно нѣтъ никакой; всѣ сидятъ по-турецки кругомъ очага, и постелью служитъ сырая земля и струка. Въ корчмѣ, впрочемъ, есть для сидѣнія низенькая скамеечка, подобная тѣмъ, какія ставятся у насъ подъ ноги, и столикъ, нѣсколько выше скамеечки.

Съ Нѣгушскаго поля мы должны были опять подняться на гору, чтобы спуститься къ Цетинью.

Я пріѣхалъ въ Цетинье въ третьемъ часу пополудни, и, къ удивленію моему, нашелъ нетолько нарочно приготовленную для меня квартиру, но даже и барскій завтракъ. Нужно сказать, что передъ отправленіемъ изъ Котора я просилъ письменно одного изъ моихъ цетинскихъ пріятелей, архимандрита Н. Дучича, приготовить мнѣ къ пріѣзду приличную комнату, но встрѣченный мною въ Которѣ адъютантъ князя Николая, Машо Врбица, помимо меня и противъ моего желанія, извѣстилъ о моей поѣздкѣ его свѣтлость, который приказалъ немедленно отвести мнѣ квартиру и послать завтракъ.

Кто не бывалъ въ Черногоріи, тотъ представляетъ себѣ Цетинье городомъ; но едва ли его 20—30 домовъ заслуживаютъ названія даже деревни; впрочемъ дома построены по-европейски и образуютъ правильныя двѣ-три улицы. Княжескій дворецъ—длинное, одноэтажное зданіе, съ башнями по угламъ, построенъ княземъ Даніиломъ I, по совѣту и внушеніямъ его супруги, Дариньки, привыкшей къ европейскому комфорту, а дотолѣ правители Черногоріи жили въ монастырѣ. Дѣйствительно, княжескій дворецъ представляетъ всѣ удобства европейскихъ построекъ; но онъ оказывается малъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда проживаетъ въ

немъ все семейство правителя Черногоріи; для вдовствующей княгини, наѣзжающей изрѣдка въ Цетинье, понадобилось построить особенный двухъ-этажный домъ, чуть ли не больше княжескаго, на что потрачено уже нѣсколько десятковъ тысячъ австрійскихъ гульденовъ. Пристрастіе къ комфорту распространяется съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе въ Черногоріи и грозитъ серіозною опасностію этому гнѣзду *сербскихъ соколовъ*, какъ называютъ себя черногорцы. Владыки, довольствовавшіеся скромнымъ помѣщеніемъ въ монастырѣ, охотно жертвовали удобствами жизни народнымъ интересамъ: когда требовали того свобода и честь страны, безъ печали и сокрушенія сердца, они покидали свою резиденцію, дважды преданную пламени турками, и удалялись въ горы, не переставая бороться съ врагами до послѣдней крайности. Нынѣ не то, и молодой князь рѣшился скорѣе подписать постыдный миръ, чѣмъ предать свою резиденцію въ руки турокъ. Самъ Омеръ-Паша, извѣщавшій султана, что онъ будетъ завтракать въ Цетиньѣ, не ожидалъ такого малодушія отъ правителя Черногоріи: онъ думалъ, что въ такую трудную минуту князь Николай одушевится чувствами своихъ предковъ и пожертвуетъ Цетиньемъ, чтобы спасти Черногорію и уничтожить врага....

На полянѣ передъ дворцомъ мнѣ указали на *пирамиду* въ честь героевъ Граховской битвы (1858), преимущественно же Мирка Петровича, великаго воеводы Граховца. Въ воспоминаніе объ этой побѣдѣ выбита была, по приказанію Даніила I, медаль, а нынѣшній князь Николай, кромѣ помянутой пирамиды, соорудилъ церковь св. Вознесенія Христова на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ шатеръ турецкаго военачальника, Хусейнъ-Паши.

Въ ожиданіи обѣда, я сходилъ также посмотрѣть новую *гостинницу* и недавно учрежденную *Заложницу*.

Въ Цетиньѣ доселѣ не было гостинницы, и путешественникъ, не имѣвшій доступа къ князю, долженъ былъ останавливаться въ грязной, дымной корчмѣ и спать на

нарахъ рядомъ съ невзыскательными черногорцами: о кушаньяхъ уже нечего и говорить. Въ послѣднее время вздумалъ бывшій княжескій поваръ французъ открыть нѣчто въ родѣ гостиницы: завелъ постели и кое-какую мебель, обѣщалъ порядочный обѣдъ, но спился, и вы напрасно будете искать у него нетолько чего-либо горячаго, но даже простой закуски. А между тѣмъ въ Цетиньѣ бываетъ много иностранцевъ, особенно въ Петровъ и Духовъ день; а потому нужно пожелать, чтобъ акціонеры (большею частію которскіе православные купцы, акція по 100 гульденовъ) поскорѣе окончили постройку гостинницы, обѣщающей большія удобства путешественникамъ и, конечно, немалыя выгоды ея содержателямъ.

Заложница, подъ управленіемъ Ильи Рамадановича, брата княжескаго агента въ Которѣ,—учрежденіе чрезвычайно важное и крайне необходимое для Черногоріи: прежде черногорецъ, имѣвшій нужду въ деньгахъ, закладывалъ оружіе или одежду по большей части въ Которѣ, платилъ страшные проценты и, если не могъ выкупить свои вещи въ срокъ, терялъ ихъ за ничтожную цѣну, а теперь съ него берутъ незначительные проценты и даютъ три отсрочки, и только по истеченіи этихъ отсрочекъ вещи продаются съ аукціона, и излишекъ вырученной суммы возвращается должнику, — условія для него весьма благопріятныя.

Тотъ же Рамадановичъ открылъ въ Цетиньѣ лавку, въ которой по австрійскимъ цѣнамъ можно получать колоніальные товары и мануфактурныя издѣлія, тогда какъ прежде всякую бездѣлицу нужно было закупать въ Которѣ.

По возвращеніи домой мнѣ не долго пришлось ждать обѣда: въ 7 часу явился ко мнѣ княжескій адъютантъ, Станко Радоничъ, съ приглашеніемъ пожаловать къ его свѣтлости. Зная, что правитель Черногоріи не прочь разыгрывать роль нѣмецкаго князька, я, чтобы доставить ему удовольствіе, явился къ нему въ мундирѣ.

Князь ожидалъ меня въ гостиной и, послѣ краткаго моего привѣтствія по-сербски, просилъ меня сѣсть съ нимъ на диванъ и сталъ весьма дружески бесѣдовать со мной. Черезъ четверть часа вошли въ гостиную княгини Даринька и Милена: первую я знавалъ еще въ С.-Петербургѣ, а потому она встрѣтила меня какъ стараго знакомаго; что же касается до Милены, то она играетъ при Даринькѣ роль служебную и остается въ ея присутствіи совершенно безгласна. Вдовствующая княгиня обратилась ко мнѣ съ привѣтствіемъ на французскомъ языкѣ; но я не замедлилъ заговорить по-сербски, зная, что Милена не понимаетъ другаго языка.

Подали обѣдъ. За столомъ, какъ и всюду, княгиня Даринька занимаетъ первое мѣсто; по правую ея руку сидѣлъ князь, по лѣвую было назначено мѣсто для меня. Противъ Дариньки сидѣла Милена; остальныя мѣста были заняты: отцомъ князя, Миркомъ Петровичемъ, его матерью Станою, сестрою Гордою (въ просторѣчіи Бѣша), мужемъ ея сердаремъ Саввою Пламенцемъ, адъютантомъ Станко Радоничемъ и бывшимъ княжескимъ агентомъ въ Скутари, чехомъ Вацликомъ *).

---

*) Ограничившись характеристикою наиболѣе влiятельныхъ правительственныхъ лицъ въ Черногоріи, я не счелъ нужнымъ говорить о Вацликѣ, лишенномъ въ то время мѣста агента въ Скутари и проживавшемъ въ Цетиньѣ безъ дѣла, и то по милости Дариньки. Нѣкоторые видѣли въ этомъ молчаніи моемъ о Вацликѣ пристрастіе къ нему. Во избѣжаніе подобныхъ нарѣканій, позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Вацликъ родомъ чехъ. Неудачи на родинѣ и честолюбіе заставили его искать счастія въ Черногоріи. Покойный князь Даніилъ I и Даринька ласкали его, особенно послѣ того, какъ онъ издалъ брошюру: La souveraineté du Monténégro et le droit des gens. Чтобы польстить князю Даніилу, Вацликъ издалъ еще въ Прагѣ карту Черногоріи (по Карачаю), на которой обозначилъ проектированный его свѣтлостью Даниловъградъ. Пользуясь благорасположеніемъ Дариньки, хитрый Вацликъ успѣлъ добиться назначенія своего въ секретари князя. Это мѣсто онъ занималъ до окончанія послѣдней войны съ турками. Онъ сопровождалъ въ Константинополь въ качествѣ драгомана воеводу Матановича и ѣздилъ въ Вѣну для заключенія телеграфной конвенціи. При учрежденіи

Зная, что изъ присутствовавшихъ никто, кромѣ князя и Дариньки, не понимаетъ французскаго языка, я старался говорить больше по-сербски и даже установить разговоръ на этомъ языкѣ, чего мнѣ и удалось наконецъ достичь. Я спросилъ княгиню, говоритъ ли она по-русски. „Я совсѣмъ забыла“, отвѣчала мнѣ Даринька по-сербски, „потому что не съ кѣмъ говорить и нѣтъ русскихъ книгъ“. — Если ваша свѣтлость желаете не забывать нашего языка, возразилъ я, то легко найдти и книги, и лица, съ кѣмъ вы могли бы говорить по-русски: кромѣ книгъ, имѣющихся въ княжеской библіотекѣ, можно доставить вамъ всѣ какія пожелаете, а для облегченія занятій русскимъ языкомъ, позвольте мнѣ предложить свои услуги: „прикажите, и я останусь въ Цетиньѣ, сколько вамъ угодно времени“. Мое предложеніе, повидимому, озадачило княгиню, и она, поблагодаривъ меня весьма любезно, замѣтила, что у меня есть болѣе важныя занятія, отвлекать меня отъ которыхъ было бы съ ея стороны непростительно.

За обѣдомъ соблюдался большой этикетъ, установленный княгинею Даринькой и соблюдаемый только въ ея присутствіи. Ради нея также приготовляется французскій обѣдъ и подаются французскія вина; когда же ея не

черногорскаго агенства въ Скадрѣ, онъ былъ назначенъ княземъ Николаемъ на этотъ постъ; но не умѣлъ держать себя съ консулами великихъ державъ, особенно же съ нашимъ, и былъ смѣненъ. Ему былъ возбраненъ даже въѣздъ въ Черногорію, куда онъ успѣлъ однако возвратиться въ свитѣ Дариньки; но никакого мѣста не получилъ и долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что его терпѣли въ Цетиньѣ. Мирко его ненавидитъ и позволяетъ себѣ всячески издѣваться надъ нимъ; но Вацликъ все сноситъ, лишь бы остаться въ Черногоріи, гдѣ присутствіе его положительно вредно, такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ австрійскій шпіонъ, въ чемъ убѣждаетъ переписка его съ начальникомъ Которскаго округа и съ интернунціемъ въ Константинополѣ. Своими корреспонденціями въ нѣмецкихъ (Wanderer) и чешскихъ газетахъ онъ успѣлъ возвысить себя въ глазахъ своихъ соотечественниковъ: онъ, не стѣсняясь, величалъ себя статсъ-секретаремъ и выставлялъ себя при всякомъ удобномъ случаѣ, нерѣдко приписывая себѣ то, что дѣлали другіе. Таковъ Вацликъ.

бываетъ въ Цетиньѣ, князь и все его семейство ѣдятъ по-черногорски и запиваютъ црничскимъ виномъ, не уступающимъ, впрочемъ, Бордо.

Послѣ обѣда, избранныя лица отправляются въ гостиную вдовствующей княгини, гдѣ засиживаются до полуночи; но я, извинившись усталостію, оставилъ общество, вопреки установленному этикету, и пошелъ на свою квартиру.

Былъ воскресный день, и я отправился къ обѣднѣ въ монастырскую церковь, гдѣ почіютъ мощи владыки Петра I Св. (1782—1830). Церковь тѣсна и темна, и за большимъ стеченіемъ народа нельзя было ее разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ. Послѣ обѣдни слѣдовалъ сытный завтракъ у князя, мало уступавшій обѣду. По окончаніи завтрака я поторопился сдѣлать визиты духовнымъ и гражданскимъ главарямъ, начавъ съ митрополита.

Высокопреосвященный Иларіонъ Рогановичъ, съ которымъ я видался прежде въ Дубровникѣ, истый черногорецъ, безъ всякихъ претензій; любимый его разговоръ— православная Россія, ея благочестіе и благоустройство, ея войско и народъ; съ особеннымъ жаромъ онъ разсказываетъ о томъ, какъ ласково его принялъ и какъ милостиво съ нимъ бѣсодовалъ русскій Царь, весьма заботливо освѣдомлявшійся отъ него о нуждахъ Черногоріи. Въ заключеніе разговоровъ онъ показываетъ обыкновенно панагію и другія принадлежности архіерейскаго облаченія, которыя были подарены ему въ Россіи и которымъ онъ приписываетъ баснословную цѣну. Его доброта и любовь къ народу, для котораго онъ готовъ всѣмъ жертвовать и которому удѣляетъ послѣдній свой грошъ, заслужили ему добрую славу въ Черногоріи, гдѣ онъ безспорно имѣетъ болѣе вліянія, чѣмъ князь: тѣмъ сильнѣе и прочнѣе это вліяніе, что оно пріобрѣтено не интригами, на которыя Иларіонъ неспособенъ, а прямотой и заботливостью о паствѣ. Въ два года, протекшіе со времени его посвященія въ С.-Петербургѣ, онъ успѣлъ уже многое сдѣлать для

Черногоріи: исправилъ церкви, разрушенныя турками, снабдилъ ихъ необходимыми богослужебными принадлежностями, доставленными святѣйшимъ синодомъ, издалъ циркуляръ, которымъ воспрещается духовнымъ лицамъ носить оружіе и предписывается отпускать бороду, въ отличіе отъ свѣтскихъ; по его внушенію, заведены во всѣхъ приходахъ книги для записыванія числа родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся, но особенное вниманіе митрополитъ обратилъ на образованіе духовенства, поставивъ за правило посвящать въ духовный санъ только лица, окончившія курсъ въ главной цетинской школѣ, и то неиначе, какъ по доброй волѣ, а не по принужденію: этой мѣрой онъ надѣется предупредить на будущее время возможность существованія такихъ священниковъ, каковы нынѣшніе, изъ коихъ весьма многіе не знаютъ даже грамоты. Заботясь объ образованіи духовенства и воспрещая ему предаваться мірскимъ занятіямъ, Иларіонъ, какъ мнѣ сказывали, намѣренъ стараться объ увеличеніи содержанія священниковъ, не обременяя народа новыми поборами, чего легко достигнуть болѣе правильнымъ распредѣленіемъ приходовъ. Въ Черногоріи, кромѣ трехъ протопресвитеровъ, нѣгушинскаго, бѣлопавличскаго и васоевичскаго, около 400 священниковъ (по одному на 300 душъ): но число это, весьма достаточное для страны, распредѣлено чрезвычайно неправильно: есть мѣста, особенно въ Црничской нахіи, гдѣ приходится по одному священнику на 50 домовъ, тогда какъ въ Цуцахъ (около 3.000 душъ) одинъ священникъ на цѣлое племя. Вслѣдствіе такого неправильнаго распредѣленія приходовъ, одни священники живутъ въ довольствѣ, а другіе бѣдствуютъ. Къ числу благотворныхъ для края распоряженій Иларіона должно отнести также мѣры, принятыя имъ противъ разводовъ, такъ часто повторяющихся въ Черногоріи. Кромѣ того, онъ усердно заботится объ искорененіи въ народѣ предразсудковъ, суевѣрій и безнравственныхъ обычаевъ, на-

примѣръ кровной мести, случаи которой стали въ послѣднее время особенно часто повторяться.

У митрополита я засталъ его сотрудника, архимандрита цетинскаго, Никифора Дучича, съ которымъ я еще прежде былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Дучичъ стоитъ по образованію гораздо выше самоучки Иларіона: онъ воспитывался въ бѣлградской семинаріи. Дѣятельность его направлена преимущественно къ распространенію въ народѣ просвѣщенія: благодаря ему, завелись въ Черногоріи правильно устроенныя школы, въ Цетиньѣ главная съ 4 классами и 11 меньшихъ съ 2 классами. въ Цекличахъ, Цеклинѣ, Врчелахъ, Лимлянахъ,Градцѣ, Орьой Лукѣ, Острогѣ, кельѣ Пиперской, монастырѣ Морачѣ, Конюхахъ и Требчѣ; кромѣ того, вскорѣ будутъ открыты еще три школы: въ Нѣгушахъ, Чевѣ и Граховѣ. Дучичъ завѣдываетъ также хозяйственнымъ управленіемъ митрополіи. Вообще онъ человѣкъ весьма полезный и необходимый для Черногоріи; жаль только, что ему много мѣшаетъ его честолюбіе: онъ ищетъ почестей всѣми возможными путями. Такъ, по возвращеніи изъ Бѣлграда въ монастырь Дужи (въ Требинскомъ округѣ), гдѣ его дядя, отецъ Евстаѳій, былъ игуменомъ (а нынѣ архимандритомъ), онъ не ужился мирно въ обители, а происками и интригами добился того, что князь Николай, послѣ ссоры Луки Вукаловича съ Миркомъ въ концѣ 1860 года, назначилъ его „комендантомъ Герцеговины"; но его комендантство было непродолжительно. Вукаловичу возвратили воеводство, а Дучичъ долженъ былъ удалиться въ Цетинье. Здѣсь онъ долго терся во дворцѣ, заискивая расположенія князя и княгини Дариньки, и въ одинъ прекрасный вечеръ его свѣтлость, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, назначилъ его архимандритомъ; но этимъ онъ не довольствовался и сталъ домогаться епископской митры. Было такъ: года два тому назадъ, предъ отправленіемъ Иларіона въ Россію для посвященія, пріѣхала въ Цетинье княгиня Даринька. Дучичъ сталъ ей представлять,

что Иларіонъ человѣкъ простой и необразованный, что управленіе митрополіей будетъ ему не по силамъ, что лучше было бы назначить на этотъ важный постъ человѣка, болѣе свѣдущаго и опытнаго; словомъ, указывалъ прямо на себя; къ тому же онъ убѣждалъ ее, что было бы удобнѣе и полезнѣе для Черногоріи послать избранное лицо для посвященія не въ Россію, а въ Австрію, къ сербскому патріарху въ Карловцахъ. Интрига Дучича удалась бы, еслибы князю и Даринькѣ не воспротивился Мирко, прямо объявившій, что пока онъ живъ, не бывать Дучичу митрополитомъ, что онъ далъ слово Иларіону и долженъ сдержать его, и Иларіонъ немедленно былъ отправленъ въ Россію. Не успѣвъ такимъ образомъ достичь епископской митры, Дучичъ сталъ искать литературной славы изданіемъ въ Цетиньѣ и Задрѣ различныхъ своихъ статей. Пожелаемъ ему успѣха на этомъ поприщѣ!

Отъ митрополита я отправился къ главнокомандующему черногорскимъ войскомъ и предсѣдателю сената, Мирку Петровичу, отцу князя. По смерти его брата, Даніила I, ему слѣдовало быть черногорскимъ княземъ, но онъ уступилъ свои права сыну своему Николаю, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшему изъ Парижа и пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ княгини Дариньки. Къ чести покойнаго князя Даніила нужно сказать, что онъ, не надѣясь имѣть вскорѣ сына и зная, что братъ его, по недостатку образованія, не можетъ, въ случаѣ его смерти, занять его мѣсто, вызвалъ своего племянника изъ Парижа и сталъ серіозно готовить его въ свои наслѣдники; въ немъ было предчувствіе, что жить ему недолго, а оставить народъ безъ правителя онъ не хотѣлъ, сознавая всю гибель анархіи. Предчувствіе близкой смерти было такъ сильно у Даніила, что княгинѣ Даринькѣ стоило большаго труда убѣдить его спуститься съ Черныхъ горъ въ Перцаньо, гдѣ медикъ совѣтовалъ ей принимать морскія ванны. Предчувстіе Даніила сбылось: предательская пуля прекратила его

жизнь, столь необходимую для Черногоріи (1860 г.). Княгиня поспѣшила въ Цетинье возвѣстить народу послѣднюю волю своего мужа—назначеніе княземъ сына Мирка, Николая. Это было чрезвычайно важно для княгини, ибо она очень хорошо понимала, что при молодомъ князѣ, обязанномъ ей властью, можетъ разыгрывать роль еще большую, чѣмъ при покойномъ мужѣ, который не любилъ, чтобъ жена вмѣшивалась въ государственныя дѣла. Мирко Петровичъ заявилъ всенародно, что онъ уступаетъ свои права сыну, и Николай былъ признанъ черногорцами княземъ. Молодой князь, ослѣпленный блескомъ власти и мало приготовленный къ государственнымъ дѣламъ, предался болѣе прежняго бозпечности, а управлять Черногоріей предоставилъ своему отцу. Все семейство князя переселилось во дворецъ, гдѣ полнымъ хозяиномъ былъ Мирко, а Николаю остались только княжескія почести. Управляя самовластно Черогоріей и безконтрольно распоряжаясь народною кассой, Мирко успѣлъ внушить къ себѣ страхъ, любви же Черногорцевъ не заслужилъ. Онъ постоянно преслѣдовалъ отца княгини Милены, Петра Стефанова Вукотича, осмѣлившагося, въ поѣздку его въ Вѣну, доказывать сенату и князю необходимость завести въ Черногоріи какой-либо государственный порядокъ и отчетность въ расходованіи народныхъ суммъ. Разсказываютъ даже, что въ прошлую войну побѣды Вукотича въ Дучѣ возбудили въ Миркѣ Петровичѣ, боящемся, чтобы кто-нибудь не затмилъ его военной славы, добытой въ Граховѣ, — такую зависть, что онъ не замедлилъ поставить Вукотича въ весьма затруднительное положеніе, не посылая ему ни съѣстныхъ, ни военныхъ припасовъ, ни подкрѣпленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мирко имѣетъ и хорошія качества: онъ неустрашимо храбръ, честно держитъ свое слово и обладаетъ большимъ тактомъ, изумлявшимъ записныхъ дипломатовъ. Вотъ въ чьихъ рукахъ была власть въ Черногоріи до послѣдняго времени, когда князь самъ сталъ заниматься дѣлами; впрочемъ не думаю, чтобъ это продолжилось дол-

го, и, вѣроятно, по отъѣздѣ изъ Цетинья княгини Дариньки, Мирко будетъ господствовать попрежнему.

Посѣтилъ я также секретаря его свѣтлости, священника Іоанна Сундечича, бывшаго профессора въ задарской православной семинаріи. Сундечичъ извѣстенъ, какъ сербскій поэтъ и далматинскій патріотъ. Послѣ десятилѣтней службы въ семинаріи, онъ былъ лишенъ намѣстничествомъ каѳедры (въ 1863 г.) и долженъ былъ искать новыхъ средствъ къ жизни въ Сербіи или Черногоріи. Въ посвященіи поэмы *Крвава Кошуља* князю Николаю онъ умѣлъ очень искусно польстить ему. Князь не замедлилъ предложить Сундечичу мѣсто своего секретаря, съ жалованьемъ въ 1.000 гульденовъ, и опредѣлилъ его сыновей на свой счетъ въ дубровницкую школу. Въ это время былъ еще въ Цетиньѣ корсиканецъ, докторъ Панкрацци, исправлявшій нѣсколько лѣтъ должность княжескаго секретаря. Панкрацци, подъ покровительствомъ княгини Дариньки, успѣлъ вкрасться въ неограниченную довѣренность къ князю, которому онъ нравился своимъ веселымъ характеромъ и своею находчивостью. Князь повѣрялъ ему всѣ государственныя тайны и ничего не предпринималъ безъ его совѣта, а онъ, говорятъ, продавалъ эти тайны нетолько своему правительству, но даже Австріи и Турціи: Кромѣ хорошаго жалованья онъ получалъ отъ князя все содержаніе для своего семейства и различныя милости для своего сына, воспитывавшагося въ военной школѣ въ Парижѣ. Съ такимъ человѣкомъ, само собою разумѣется, не могъ сойдтись Сундечичъ, и между ними началась борьба, окончившаяся, благодаря отсутствію княгини Дариньки, разоблаченіемъ поступковъ Панкрацци и изгнаніемъ его изъ Черногоріи. Сундечичъ, оставшись одинъ секретаремъ князя, надѣялся дать другой оборотъ дѣламъ—въ пользу славянскихъ интересовъ; но тщетно: княгиня Даринька смотритъ на него косо, считая его виновникомъ удаленія Панкрацци, и при всякомъ удобномъ случаѣ старается набросить тѣнь на его поступки, выставляя его

русскимъ партизаномъ; не помогли Сундечичу и его сонеты въ честь Дариньки. Въ послѣднее время его почти совсѣмъ устранили отъ политическихъ дѣлъ, предоставивъ ему завѣдываніе типографіей и изданіе календаря и учебниковъ для школъ.

Цетинская типографія была заведена, если не ошибаюсь, владыкой Петромъ II. При Даніилѣ I здѣсь былъ напечатанъ только *Законикъ Черногорскій*, а во время герцеговинскаго возстанія народная пѣснь *Хрватъ - баша Црногорски*, въ которой воспѣвается освобожденіе изъ тюрьмы капитана черногорцевъ, проживающихъ въ Константинополѣ, бывшимъ посланникомъ нашимъ княземъ А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ, и *Воззваніе къ Босиякамъ*. Такимъ образомъ, до пріѣзда въ Цетинье Сундечича, типографія оставалась въ бѣздѣйствіи и разстройствѣ. Онъ убѣдилъ князя выписать изъ Праги новые шрифты и намѣревался издавать газету *Орловъ Кршъ*. Изданіе этой газеты не состоялось, а были напечатаны: 1) безцвѣтныя пѣсни Мирка Петровича о послѣдней войнѣ черногорцевъ съ турками (*Црнгорски споменикъ*); 2) *Орличь*, черногорскій календарь за 1865 г., въ которомъ кромѣ пѣсенъ князя Николая и Сундечича, любопытны статья Н. Дучича *О граховской битвѣ* и Сундечича *Статистическія данныя о Черногоріи*, которымъ, впрочемъ, не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія, *) и наконецъ. 3) *Низъ бисера югословенскога*,

*) Хотя статистическія свѣдѣнія, сообщаемыя Сундечичемъ, носятъ на себѣ характеръ quasi-офиціальный, но довѣрять имъ нельзя: Мирко Петровичъ съ намѣреніемъ приказалъ увеличить почти вдвое число народонаселенія и войска. Такъ жителей въ Черногоріи показано 196.238 душъ обоего пола, а войска 25 000 чел. въ мирное и 35.000 въ военное время. Если въ послѣднюю войну, при самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ, черногорцы не могли выставить въ поле болѣе 20.000 воиновъ, то кто же повѣритъ, чтобы нынѣ было на готовѣ 25 000? Собиравшій на мѣстѣ статистическія данныя о Черногоріи, поручикъ корпуса топографовъ П. Д. Быковъ, увѣрялъ меня, что численность народонаселенія не превышаетъ 100.000, изъ коихъ 10.000 могутъ всегда выйдти въ поле. Войскомъ командуютъ воеводы, сердари и капитаны, стотинаши и десечари.

сборникъ нравоучительныхъ пѣсенъ Сундечича, предназначенный для черногорскаго юношества и посвященный дочери Дариньки, княжнѣ Ольгѣ. Учебниковъ же для школъ, въ которыхъ такъ нуждается Черногорія, не издано, къ сожалѣнію, ни одного.

Здѣсь не мѣсто разсуждать о поэтическихъ произвеніяхъ Сундечича; замѣчу только, что, по моему крайнему разумѣнію, лучшія изъ нихъ — пѣсни, написанныя имъ въ Задрѣ, съ цѣлію сближенія сербовъ-католиковъ съ православными и проникнутыя духомъ вѣротерпимости и сознаніемъ необходимости общенія между различными славянскими племенами. Что же касается послѣднихъ его произведеній, написанныхъ въ Черногоріи, то въ нихъ Сундечичъ почти исключительно воспѣваетъ князя Николая и его тетку: въ этихъ похвальныхъ одахъ и сонетахъ не узнаешь свободномыслящаго задарскаго поэта, считавшагося далматинскимъ намѣстничествомъ человѣкомъ опаснымъ за его непоколебимый патріотизмъ. Я неоднократно замѣчалъ Сундечичу, что меня крайне удивляетъ перемѣна, происшедшая въ немъ со времени поселенія его въ Черногоріи, гдѣ онъ изъ поэта-гражданина сдѣлался придворнымъ пѣвцомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что самъ раскаивается въ тѣхъ похвалахъ, которыя онъ расточалъ князю черногорскому вначалѣ, когда еще видѣлъ въ немъ идеалъ свободнаго сербскаго властителя; что же касается позднѣйшихъ его произведеній (напримѣръ, *Петровъ данъ на Цетинью*), вызванныхъ обстоятельствами, то въ нихъ онъ касается только внѣшности князя, величаваго будто бы его вида,

---

Корпусъ жандармовъ (перяники) состоитъ изъ 100 человѣкъ, подъ начальствомъ своихъ капитана и вице-капитана. Въ гвардіи 400 человѣкъ, подъ начальствомъ шефа Петра Вукотича. Вся Черногорія раздѣлена въ административномъ отношеніи на 7 нахій (Катунскую, Рѣчкую, Црничскую, Лешанскую, Брдскую, Морачскую и Васоевичскую), подраздѣленныхъ на племена (исключая Лешанской: горняя и дольняя нахія): въ Катунской 12 племенъ, Рѣчской 4, Црничской 7, въ Брдахъ 19. Всякое племя управляется своимъ капитаномъ.

искуства его ѣздить верхомъ и т. п. „Я попалъ въ такую среду," говаривалъ мнѣ Сундечичъ, „гдѣ позволено говорить неиначе какъ языкомъ лести; это тяготитъ меня, и долго такой пытки я не могу снести, а потому подумываю уже о томъ, какъ бы мнѣ пристроить семейство, обременяющее меня, и искать убѣжища и занятій въ Сербіи." Такое искреннее признаніе Сундечича убѣдило меня, что онъ остался тѣмъ же самымъ, какимъ я знавалъ его прежде, и мнѣ стало жаль, что Черногорія должна лишиться такого честнаго дѣятеля, вполнѣ посвятившаго себя славянскому дѣлу и ясно сознающаго, что для славянъ безъ Россіи нѣтъ будущаго...

За обѣдомъ у князя я не замѣтилъ ничего особеннаго, кромѣ черногорскаго наряда на княгинѣ Даринькѣ, который она надѣваетъ только по праздничнымъ днямъ. Послѣ обѣда, по обыкновенію, отправились пить кофе въ гостиную вдовствующей княгини, чрезъ посредство которой я не замедлилъ испросить у князя позволеніе осмотрѣть имѣющіяся въ Цетиньѣ старыя рукописи. Я зналъ еще прежде, что для полученія чего-либо отъ князя необходимо обратиться къ нему чрезъ посредство княгини Дариньки: такъ я и сдѣлалъ, и съ полнымъ успѣхомъ. Мнѣ было позволено нетолько осмотрѣть, но и взять на домъ все, что пожелаю.

Къ сожалѣнію, слухи о существованіи въ Цетиньѣ пергаменнаго Евангелія, чуть ли не современнаго Остромірову, не оправдались: я не нашелъ ни одной древней рукописи. Самая старая рукопись есть пергаменное *Четвероеванȣеліе* in 8°, писанное красивымъ уставомъ, при молдавскихъ господаряхъ, Стефанѣ и сынѣ его Богданѣ, до 1504 г.; оно было занесено въ Черногорію, какъ значится въ припискѣ, однимъ молдавскимъ купцомъ и оковано владыкою Даніиломъ въ 1732 г. Другое такое же *Четвероеванȣеліе*, съ предисловіемъ Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, писано при патріархѣ печьскомъ Герасимѣ, а третье—скорописное, времени патріарха Арсенія. Въ ризницѣ хранятся также царскія грамоты и разныя пись-

ма XVIII—XIX вв., а также архіерейскія облаченія и ордена, жалованныя нашимъ правительствомъ черногорскимъ владыкамъ.

Осмотрѣвъ ризницу и взявъ съ собой болѣе старыя рукописи, я возвратился въ гостиную проститься съ княземъ и его семействомъ и попросить въ то же время дозволенія отправиться на слѣдующій день на Рѣку и Виръ-Базаръ. Князь Николай охотно согласился на мою просьбу и далъ приказаніе Вацлику сопутствовать мнѣ и сдѣлать нужныя для путешествія приготовленія *).

Часовъ въ семь утра, мы пустились въ путь на мулахъ, снабженные достаточнымъ запасомъ провизіи. Дорога на Рѣку Црноевича, отстоящую отъ Цетинья часа на четыре, если не живописнѣе и не удобнѣе цетинско-которской, то по крайности представляетъ болѣе растительности: здѣсь больше полей и попадаются даже фруктовыя деревья жаркихъ странъ. На отдыхъ мы остановились въ Добрскомъ селѣ. Подъ большимъ деревомъ мы пріютились отъ солнца и попросили воды. Около

*) Я самъ просилъ у князя дозволить Вацлику сопутствовать мнѣ и тѣмъ предупредилъ тайное желаніе его свѣтлости приставить ко мнѣ шпіона. Я зналъ очень хорошо Вацлика, а потому предупрежденія моихъ цетинскихъ пріятелей были излишни. Будучи увѣренъ, что Вацликъ зорко слѣдитъ за мною и что всякое мое слово будетъ передано его свѣтлости, я, показывая видъ, что ничего не подозрѣваю, позволилъ себѣ высказать моему спутнику много такого, что было неудобно лично передавать князю. Такъ между прочимъ я указалъ на вредъ, проистекающій для Черногоріи отъ слишкомъ щедрой раздачи иностранцамъ его свѣтлостью ордена Даніила. Я обратилъ при этомъ вниманіе на два случая такой раздачи: 1) награжденіе орденомъ „за независимость Черногоріи" лицъ, которыя не могутъ получить отъ своего правительства дозволенія носить этотъ орденъ, и 2) подписываніе княземъ Николаемъ безъименныхъ грамотъ на черногорскій орденъ, по просьбѣ иностранныхъ консуловъ. Навязчивость князя въ первомъ случаѣ и податливость во второмъ одинаково компрометируютъ черногорское правительство: отказъ отъ ордена долженъ также оскорблять его свѣтлость, какъ и ношеніе ордена такими лицами, которыя нетолько не оказали никакихъ услугъ Черногоріи, но даже знаютъ о ней только по имени. По возвращеніи въ Цетинье я имѣлъ случай узнать о томъ, въ какую ярость пришелъ князь Николай, убѣдившись въ своей оплошности.

насъ собралось все село. Мальчикъ 6—7 лѣтъ грызъ гранатъ (*шипака* по-черногорски), и я попросилъ его принести мнѣ одинъ изъ этихъ плодовъ, славящихся въ Черногоріи своею необыкновенною величиной. Онъ сначала отказывался, говоря, что мать его ушла на базаръ въ Которъ и пересчитала всѣ гранаты, но потомъ, вслѣдствіе настояній Вацлика и сопровождавшаго меня перяника, онъ исполнилъ мою просьбу, и я далъ ему 1 цванцигъ. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня мальчикъ и сказалъ, прыгая отъ радости: „Еслибы всѣ платили такъ щедро, какъ вы, то матери моей ненужно было бы ходить на базаръ въ Которъ.“ Мнѣ понравился этотъ развязный мальчикъ, и я спросилъ его, знаетъ ли онъ г. Быкова (нашъ топографъ, исходившій всю Черногорію и пользующійся въ ней популярностью). „Да како не, отвѣчалъ онъ, я га познамъ врло добро: онъ е руски официрь.“ „А слышалъ ли ты что-нибудь о русскомъ народѣ и о русскомъ Царѣ?“ — „Руси су братя наша, а Царъ руски е велики пріятео нашега господара и безъ нѣга нашъ господаръ ништа не ради.“ Слова эти, изъ которыхъ я видѣлъ, какія чувства питаетъ къ намъ черногорецъ еще съ пеленокъ, меня крайне удивили и порадовали, и я съ удовольствіемъ далъ мальчику еще одинъ цванцигъ. Озадаченный моею щедростью, онъ рѣшился наконецъ спросить меня, кто я и откуда. „Я принадлежу къ тѣмъ вашимъ братьямъ, отвѣчалъ я, о которыхъ только что ты мнѣ говорилъ.“ Съ этими словами я тронулся въ путь. Разговоръ съ добрско-сельскимъ мальчикомъ убѣдилъ меня въ искренности неоднократно слышанныхъ мною отъ черногорцевъ словъ: „Да би Русіе ніе било, не би било крста одъ три прста.“ Въ этихъ немногихъ словахъ ясно выражается взглядъ черногорца на Россію и отношенія ея къ нашимъ единовѣрцамъ на Востокѣ: по его понятіямъ, соплеменники наши сохранили свою вѣру, благодаря заступничеству Россіи, а сохранивъ вѣру, сохранили и народность.

Рѣка Црноевича названа такъ въ память построившаго на этомъ мѣстѣ крѣпость *Ободъ*, впослѣдствіи разрушенную, князя черногорскаго Ивана Црноевича († 1490). Сынъ и наслѣдникъ его, Георгій, женатый на дочери венеціянскаго дожа Мочениго, основалъ на Рѣкѣ первую югославянскую типографію (1492). Въ новѣйшее время Рѣка пріобрѣла извѣстность тѣмъ, что отсюда Омеръ-Паша, угрожая Цетинью, предписалъ князю Николаю извѣстный ultimatum (1862). Сожженная и разоренная въ послѣднюю войну, Рѣка уже обстроилась такъ, что и слѣдовъ не осталось столь недавняго погрома. Если какое-либо мѣсто въ Черногоріи заслуживаетъ названія города, то это Рѣка, центръ черногорской промышленности и торговли. Здѣсь бываетъ еженедѣльно, по субботамъ, базаръ, на который съѣзжаются купцы, попреимуществу изъ Албаніи. Городъ расположенъ на берегу мелкой рѣки, впадающей въ Зету, поросшей камышемъ и служащей, повидимому, причиной господствующихъ здѣсь лихорадокъ. Позавтракавъ и отдохнувъ въ княжескомъ домѣ, мы сѣли въ лодку, чтобы спуститься внизъ по Зетѣ въ Скутарское озеро (*Скадарско блато*). Чрезвычайно оригинальна постройка черногорскихъ лодокъ: длинныя и узкія, съ высокимъ носомъ и кормой, онѣ сидятъ весьма низко въ водѣ; скамеекъ нѣтъ, и нужно было расположиться на днѣ лодки, покрытомъ ковромъ. Съ помощью шести добрыхъ гребцовъ и кормчаго, лодка шла быстро. Передъ нею безпрестанно ныряли дикія утки, а по берегамъ въ камышахъ сидѣли длинноногія цапли, которыхъ черногорцы называютъ своею пограничною стражей и считаютъ за грѣхъ убивать. Погода намъ благопріятствовала, озеро было какъ зеркало, и къ вечеру мы прибыли безъ особыхъ приключеній на Виръ-Базаръ, небольшое торговое селеніе Црничской нахіи, въ которомъ бываетъ всякую пятницу базаръ. Въ дымной и грязной корчмѣ я не могъ долго оставаться, а потому, не дождавшись ужина, отправился на ночлегъ въ только-что отстроен-

ный, но еще не меблированный домъ сердаря Саввы Пламенца, единственный европейскій домъ во всемъ селеніи.

Утромъ на другой день мы должны были пуститься въ обратный путь, чтобы поспѣть въ Цетинье къ вечеру, наканунѣ храмоваго праздника въ тамошнемъ монастырѣ. Спутникъ мой, Вацликъ, предложилъ мнѣ заѣхать по дорогѣ на островъ *Лессендрію* и осмотрѣть тамъ турецкую крѣпость, комендантъ которой былъ его хорошій знакомый. Я тѣмъ охотнѣе принялъ это предложеніе, что мнѣ не случалось дотолѣ быть на турецкой территоріи, хотя турокъ я насмотрѣлся вдоволь въ Дубровникѣ. Италіянецъ Джустиніани, католикъ, въ одно и то же время и докторъ и комендантъ крѣпостей Лессендріи, Жабляка и Спужа, принялъ насъ весьма ласково, показалъ намъ всю крѣпость, въ настоящее время значительно расширяемую, сводилъ насъ въ госпиталь, содержимый довольно исправно, и наконецъ пригласилъ насъ къ себѣ на чашку кофе. По-турецки сидѣть я не умѣлъ, а потому мнѣ подали табуретъ; пить горячій кофе изъ турецкихъ чашекъ безъ блюдечекъ и безъ ручекъ мнѣ также было необычно, зато съ большимъ наслажденіемъ я выкурилъ трубку хорошаго турецкаго табаку, какого мнѣ не удавалось достать въ Дубровникѣ, гдѣ продаютъ требинскій табакъ какъ контрабанду. Джустиніани говорилъ съ нами по-французски и по-италіянски, для того чтобъ его чубукчи не понимали нашего разговора. По всему видно, что особо-крутыя обстоятельства принудили его вступить въ турецкую службу, и онъ весьма откровенно разсказывалъ намъ о вновь воздвигаемыхъ турками на черногорской границѣ укрѣпленіяхъ, о числѣ рабочихъ и гарнизона, о числѣ и качествѣ пушекъ (въ то время онъ поджидалъ изъ Скутари 45 нарѣзныхъ орудій большаго калибра для подвѣдомственныхъ ему крѣпостей) и т. п. Онъ подсмѣивается надъ турками, и когда я отказывался отъ второй чашки кофе, онъ мнѣ замѣтилъ, что по турецкому обы-

чаю слѣдуетъ пить двѣ чашки кофе, потому что человѣкъ ходитъ на двухъ ногахъ. Еще болѣе куріозное замѣчаніе пришлось мнѣ впослѣдствіи слышать отъ турецкаго офицера-босняка въ пограничной съ Дубровникомъ таможнѣ — Царина. На мое предложеніе выпить стаканъ вина, Боснякъ отвѣчалъ, что имъ не дозволено пить вино, и прибавилъ: еслибы капля вина упала на землю, и на этомъ мѣстѣ выросла трава, и корова съѣла эту траву, то воспрещается пить даже молоко отъ этой коровы.

Простившись съ Джустиніани и поблагодаривъ его за гостепріимство, мы пустились въ дальнѣйшій путь и къ вечеру были въ Цетиньѣ.

На слѣдующій день, 8-го сентября, лишь только я всталъ, пришли навѣстить меня княжескій адъютантъ Машо Врбица и сердарь Перо Матановичъ, пріѣхавшіе къ празднику изъ Котора, гдѣ занимались пріемкой и отправленіемъ въ Цетинье штуцеровъ, заказанныхъ княземъ Николаемъ въ Вѣнѣ (если не ошибаюсь, пять тысячъ штукъ). Машо Врбица учился въ Россіи и считается первымъ въ Черногоріи артиллеристомъ; въ послѣднюю войну онъ осаждалъ турецкую крѣпость Медунъ, но безуспѣшно. Онъ любимецъ Мирка, занимается въ компаніи съ нимъ торговлей и держитъ на откупу таможни. Перо Матановичъ, сердарь цекличскій, человѣкъ не глупый, но весь преданъ торговымъ интересамъ: онъ и братъ его, воевода цекличскій, Георгій (Дьюро), люди самые состоятельные въ Черногоріи и ведутъ торговлю заодно съ Миркомъ. Года два тому назадъ они построили въ Которѣ большой домъ, приносящій имъ значительный доходъ. По предложенію Пера Матановича, я навѣстилъ брата его воеводу, личность, мнѣ хорошо извѣстную. Дьюро Матановичъ не пользуется въ Черногоріи уваженіемъ, и всѣ смотрятъ на него, какъ на созданіе Мирка. Его имя стало нѣсколько извѣстно въ послѣднее время: онъ ѣздилъ по порученію князя въ Константинополь, по дѣлу о турецкихъ блок-

гаузахъ на черногорской границѣ; изъ Константинополя онъ отправился въ Крымъ, представлялся Государю Императору и исходатайствовалъ у Его Величества въ даръ черногорцамъ значительное количество жита и кукурузы. Онъ устроилъ также дѣло о назначеніи черногорско-турецкой коммиссіи для разграниченія спорныхъ участковъ земли, коммиссіи, которая нетолько не принесла Черногоріи никакой пользы, но еще болѣе запутала ея дѣла и не разъ приводила къ непріятнымъ столкновеніямъ съ Портой. Матановичъ и Врбица задержали меня такъ долго, что я поспѣлъ въ церковь только къ шапочному разбору. Послѣ завтрака у князя, я навѣстилъ митрополита и архимандрита, а потомъ отправился на поле смотрѣть пробу новыхъ штуцеровъ. На весьма значительномъ разстояніи, въ концѣ поля была положена на скалѣ черногорская струка, въ которую стрѣляли князь и нѣкоторые изъ главарей. Князь считается хорошимъ стрѣлкомъ, и ему было пріятно показать при мнѣ свое искуство; но мнѣ было пріятнѣе взглянуть, какъ веселится народъ, а потому я поспѣшилъ отправиться на другой конецъ поля, гдѣ были раскинуты шатры.

Черногорецъ, албанецъ, боснякъ, герцеговинецъ и австрійскій поморецъ сошлись на этотъ праздникъ, кто съ торговою цѣлію, кто поклониться мощамъ св. Петра, почитаемаго даже мусульманами, а кто и такъ просто— себя показать и другихъ посмотрѣть. Еслибы не различіе одеждъ и говоровъ, то несвѣдущій путешественникъ принялъ бы ихъ всѣхъ за земляковъ: такъ мирно и дружески бесѣдовали они, сидя по-турецки, съ трубкой во рту, съ чашкой кофе въ рукѣ. Всякій разсказывалъ про свое житье-бытье, про свои удачи и неудачи, про новости въ своемъ краѣ, и нерѣдко въ ихъ дружеской бесѣдѣ слышалось: *побре* (побратимъ, черногорцы братимятся даже съ турками, и всегда честно держатъ свое слово). Нерѣдко слышится и пѣсня о герояхъ старосербскихъ или юнакахъ черногорскихъ, и турокъ не

оскорбляется, а въ отвѣтъ затянетъ и свою пѣсню про своихъ лихихъ наѣздниковъ... а потомъ, глядишь, подъ звуки гуслей, подъ монотонный и протяжный напѣвъ *поскочницы*, два „юнака" пустились скакать, прищелкивая пальцами и по временамъ взвизгивая.

Любимая черногорская поскочница:

О ябуко зеленико,
Зеленъ ти си родъ родила:
На двѣ гране двѣ ябуке,
А на третю соко сѣди:
Соко глѣда равно поле,
Де кошута воду пије,
Поврхъ не се соко вије,
Бѣжь, кошута, ядна била,
Ето ловци Херцеговци:
Живу тье те уватити,
Цару тье те поклонити,
Цар тье теби даровати
Орахово и Грахово
И све равно Сарајево.
Сарай — трава до колѣна:
[illegible] ньой пасу два елена
И три титя паюнчитя
Ньихъ ми чува дѣвойчица
Една божья лѣпотица:
На ню ми е доламица
Права кроя скадарскога,
Ситна шава мисирскога.
Одтудъ иду три делiе,
Три делiе у димiе;
Еданъ одъ ньихъ проговара:
«Я бихъ волій шъ ньомъ чувати,
Него съ царомъ вечерати!»
Други одъ ньихъ проговара:
«Я бихъ волій шъ ньомъ чувати,
Но надъ Босномъ везиръ бити!»
Они третьи проговара:
«Луда листе, братьо моя!
Я бихъ волій шъ ньомъ чувати,
Но стамболскимъ царемъ бити!»

Собираніемъ черногорскихъ народныхъ „поскочницъ" занимается архимандритъ Дучичъ; въ *Орличѣ* за 1865 онъ напечаталъ восемь прекрасныхъ поскочницъ.

За обѣдомъ у князя я встрѣтилъ, къ своему удивленію, шестнадцатилѣтняго сына воеводы Милана Раевича, извѣстнаго мнѣ изъ Дубровника, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возобновить не очень пріятный для княгини Дариньки и случившагося тутъ же секретаря-драгомана французскаго консульства въ Скутари, Моро (Моравскій), разговоръ о русскомъ языкѣ, начавъ, впрочемъ, издалека.

— Прочли вы книги, которыя я далъ вамъ въ Дубровникѣ? спросилъ я молодаго Раевича.

— Да, и очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ онъ.

Князь не замедлилъ полюбопытствовать, о какихъ книгахъ идетъ рѣчь.

— Ваша свѣтлость, сказалъ я,—познакомившись съ сыномъ Милана въ Дубровникѣ и удивляясь его способностямъ и легкости, съ какою онъ научился въ Ниццѣ въ короткое время такъ правильно говорить по-французски, я невольно спросилъ его, учился ли онъ своему родному языку и читалъ ли исторію Черногоріи. „Сербской грамматикѣ, отвѣчалъ онъ, меня не учили,— а только французской; черногорской же исторіи у насъ нѣтъ." И мнѣ жаль стало, что такой способный молодой черногорецъ, сынъ такого знаменитаго воеводы, не умѣетъ правильно написать двухъ-трехъ строкъ на своемъ родномъ языкѣ и не читалъ исторіи своихъ славныхъ предковъ. Будучи убѣжденъ, что для всякаго человѣка нужнѣе прежде всего знать *свое собственное*, а потомъ приниматься за *чужое*, я и подарилъ Раевичу черногорскую исторію Милаковича, сербскую грамматику Даничича и еще нѣсколько другихъ книгъ о южныхъ Славянахъ.

Княгиня Даринька, понимая, что я бросаю камешки въ ея огородъ, поспѣшила замѣтить мнѣ, что свой родной языкъ всякій знаетъ по природѣ, правописанію мож-

но научиться чтеніемъ, а черногорскую исторію сынъ Милана можетъ узнать изъ устъ живаго народа въ его пѣсняхъ.

—Трудно, ваша свѣтлость, возражалъ я Даринькѣ,— самому помощію чтенія усвоить правила правописанія, въ пѣсняхъ же часто недостаетъ исторической правды; потому я остаюсь при своемъ мнѣніи, что черногорцу необходимѣе и полезнѣе учиться языку и исторіи своего народа, чѣмъ какого бы то ни было другаго, даже французовъ.

— Я вижу, вамъ не нравится, замѣтила княгиня, — что въ Черногоріи есть люди, говорящіе по-французски, и вамъ пріятнѣе бы было, еслибы говорили по-русски?

— Наши языки такъ близки, ваша свѣтлость, что для насъ все равно, говорятъ ли по-сербски или по-русски; но если въ Цетиньѣ проживаетъ профессоръ французъ, то отчего бы не быть и русскому, — и едва ли не съ большею пользою для черногорцевъ. Черногорцы немного бы потеряли, еслибъ они не знали салоннаго французскаго языка, географіи и исторіи Франціи, а вмѣсто того познакомились бы съ прошлымъ и настоящимъ своихъ братій по крови и вѣрѣ, а по прошлому научились бы судить и о будущемъ, общемъ для всѣхъ насъ, научились бы, какими путями стремиться къ этому общему будущему, узнали бы средства и способы, пріучились бы отличать настоящихъ друзей отъ ложныхъ....

Я зашелъ слишкомъ далеко и ожидалъ, что княгиня и Моро потребуютъ у меня объясненія: но князь, сидѣвшій рядомъ со мною, перемѣнилъ разговоръ и спросилъ меня, доволенъ ли я путешествіемъ въ Виръ-Базаръ.

—Я вынесъ изъ этого путешествія самыя отрадныя впечатлѣнія, отвѣчалъ я,—я убѣдился, что историческія обстоятельства не испортили вашего народа, что его продолжаютъ одушевлять любовь къ родинѣ и вѣрѣ и преданность нашему царю: народъ, столь стойкій въ своихъ чувствахъ и убѣжденіяхъ, достоинъ самой лучшей

участи. Отрадно также видѣть, какъ распространена грамотность въ народѣ: я встрѣчалъ мальчиковъ, весьма бойко читавшихъ по-сербски и по-церковно-славянски.

Между тѣмъ обѣдъ кончился, и мы отправились, по обыкновенію, въ гостиную княгини Дариньки; но я сидѣлъ здѣсь не долго, и вслѣдъ за княземъ пошелъ въ билліардную, гдѣ были собраны всѣ имѣвшіеся налицо въ Цетиньѣ духовные и гражданскіе главари. Увидавъ въ числѣ ихъ воеводу васоевичскаго, Милана Раевича, я спросилъ его, отчего онъ не былъ за столомъ у князя вмѣстѣ съ своимъ сыномъ?

—Сына моего приглашаетъ иногда къ столу княгиня Даринька, отвѣчалъ мнѣ Миланъ.

—А отчего онъ ходитъ въ чамаркѣ, а не въ черногорской одеждѣ? продолжалъ я допытывать его.

—Такъ желаетъ ея свѣтлость, которая сама изволила заказать ему это платье, было мнѣ отвѣтомъ.... И такъ, подумалъ я, первый по своимъ подвигамъ воевода сидитъ чуть ли не въ передней, а шестнадцатилѣтній сынъ его красуется въ чамаркѣ за столомъ у князя!

Между сенаторами я замѣтилъ также воеводу граховскаго Антона Даковича, извѣстнаго друга Луки Вукаловича. Жаль мнѣ было, что недоставало между ними умнѣйшаго воеводы, Петра Стефанова, и героя дробнячскаго, Георгія Церовича. Пожалѣлъ я также, что не пришлось мнѣ увидѣть воеводу нѣгушскаго, Ивана Ракова Радонича, извѣстнаго мнѣ за человѣка продажнаго и благопріятеля Австріи. Нѣкоторые изъ главарей играли на билліардѣ, другіе въ карты: такъ обыкновенно проводили они вечера у князя. засиживаясь за полночь, днемъ же прогуливаются по Цетинью съ трубкой въ рукахъ или сидятъ въ корчмахъ. Если случится какое дѣло, позоветъ ихъ Мирко, сядутъ они скрестя ноги по-турецки на травѣ подъ большимъ деревомъ, или въ княжескомъ дворцѣ; не выпуская трубокъ изо рту, слушаютъ молча, какъ судитъ Мирко, и потомъ расходятся; иногда присутствуетъ и князь, сидя на пушкѣ, въ своемъ

голубоватосѣромъ плащѣ. Говоря собственно, сенатъ черногорскій—Мирко, а законы—его произволъ; хотя и есть „Законникъ“ Даніила, но для Мирка законы не писаны, и кто не хочетъ лишиться ста талеровъ въ годъ и попасть въ опалу, тотъ безгласный и покорный его слуга. Обыкновенно прежде чѣмъ отправиться въ сенатъ, двѣ тяжущіяся стороны собираются на сходку и выбираютъ свидѣтелей; судьи, выслушавъ обѣ стороны, рѣшаютъ, которая изъ нихъ права и которая виновата, и, сообразно винѣ, опредѣляютъ наказаніе по „Законнику“. Черногорскій законникъ весьма несложенъ и ясно опредѣляетъ за всякую вину соотвѣтствующее наказаніе, а потому судить по немъ можетъ легко самый простой главарь. За проступки меньшей важности взимаютъ пеню (*глоба*), одна половина которой поступаетъ въ государственную казну, а другая въ пользу судей. Тѣлесныхъ наказаній de jure въ Черногоріи не существуетъ, но de facto Мико позвол яетъ себѣ наказывать черногорцевъ палками. За смертоубійство разстрѣливаютъ, за прелюбодѣяніе изгоняютъ изъ Черногоріи и конфискуютъ имущество. Заподозрѣнныхъ въ преступленіи, но еще не уличенныхъ, сажаютъ въ тюрьму. За несовершеннолѣтнихъ дѣтей отвѣчаетъ отецъ, за жену мужъ; только въ случаѣ смертоубійства наказываютъ женщину позорною казнію — побіеніемъ камнями (*подъ гомилу*). Въ сенатъ аппеллируютъ въ такомъ случаѣ, когда недовольны рѣшеніемъ мѣстнаго главаря, и это бываетъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ тяжущихся сторонъ расчитываетъ на покровительство Мирка. Приговоръ Мирка, какъ водится, одобряется сенаторами, и только изрѣдка князь даетъ иной оборотъ дѣлу.

Кромѣ *глобы*, половина которой, какъ я уже замѣтилъ, идетъ въ казну, черногорскіе доходы состоятъ изъ *порѣза*, или подати по 60 паръ съ дома, собираемой главарями ко дню Рождества Богородицы, и недавно установленнаго *таможеннаго сбора*, который впрочемъ, отягощая народъ, обогащаетъ только откупщиковъ. Сумма

всѣхъ доходовъ простирается до 100.000 гульденовъ, расходуемыхъ частію на содержаніе главарей (самые большіе оклады митрополита 2.000 гульд. и вице-президента сената 1.200), частію же на потребности и прихоти князя и Мирка, которые также безконтрольно распоряжаются доходами, какъ и *субсидіями*, получаемыми отъ нашего правительства.

Побесѣдовавъ съ сенаторами и митрополитомъ, я хотѣлъ оставить билліардную, но князь Николай предложилъ мнѣ прослушать пѣснь о Граховской битвѣ. Явился гуслярь и затянулъ на извѣстный черногорскій монотонный и протяжный напѣвъ длиннѣйшую пѣсню о побѣдѣ Мирка въ Граховѣ. Всѣ сидѣли молча и курили трубки. Князь Николай держалъ въ рукѣ тетрадь, гдѣ что-то записывалъ: это была, какъ я узналъ послѣ, его трагедія *Вукашинъ*. Князь охотно занимается поэзіей, и его лирическія пѣсни (*На гробу Петра II*, *Цетинско звоно*) не лишены достоинства, хотя и трудно ожидать, чтобъ онъ былъ въ состояніи написать что-либо подобное *Горскому вѣнцу* и *Степану Малому* покойнаго владыки Петра II, какъ бы ни молилъ объ этомъ своего дядю:

«Но наслѣдство пѣснотворства
Тайне книге, іошъ ми треба;
Пуна ли е благородства!
Спусти ми е стрико съ неба!»

На другой день, часовъ въ 9 утра, я отправился изъ Цетинья на княжескомъ конѣ, въ сопровожденіи двухъ перяниковъ, въ Которъ, куда прибылъ въ пятомъ часу пополудни и, сдавъ вещи на пароходъ, пошелъ въ гостинницу. Въ числѣ другихъ знакомыхъ не замедлилъ ко мнѣ явиться нѣкто Степанъ Бѣладиновичъ, человѣкъ услужливый до приторности. Онъ былъ долгое время княжескимъ агентомъ въ Которѣ; не получая никакого жалованья и служа Черногоріи, какъ онъ любилъ выражаться, изъ патріотизма (родолюбія), онъ съумѣлъ однако составить хорошее состояніе и въ знакъ своего

безкорыстія построилъ огромный домъ, чуть ли не лучшій во всемъ городѣ. Какъ австрійскій подданный, нуждаясь въ мѣстныхъ властяхъ, онъ служилъ имъ усердно, сообщая нерѣдко даже такія вещи, о которыхъ не знали въ самомъ Цетиньѣ. Не вздумай строить себѣ палаццо, онъ держался бы доселѣ на своемъ мѣстѣ, но на постройку палаццо нужны деньги и большія; откуда же онѣ взялись? Полагали, что изъ золотыхъ рудниковъ Черногоріи, и онъ былъ смѣщенъ.

— Остались ли вы довольны путешествіемъ? спрашивали меня знакомые, когда я 10-го сентября въ 2 часа пополудни былъ уже въ Дубровникѣ.

— Путешествіемъ я остался доволенъ, потому что оно дало мнѣ возможность убѣдиться, что Цетинье не Черногорія, что Черногорію нужно искать въ горахъ за Цетиньемъ; что называть столицей и центромъ Черногоріи Цетинье, гдѣ все въ рукахъ Мирка и княгини Дариньки,—значитъ издѣваться надъ черногорскимъ народомъ... Ступайте въ горы, къ озеру: тамъ найдете вы живыхъ людей, съ сердцемъ и даромъ слова, честныхъ и великодушныхъ, отмѣнно храбрыхъ, неизмѣнившихъ вѣковымъ преданіямъ, непоколебимо намъ преданныхъ... Ступайте къ нимъ, они съ нетерпѣніемъ ждутъ дорогаго гостя, и въ ихъ братскихъ объятіяхъ забудьте Цетинье!

ВОЗЗРѢНІЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ НА РОССІЮ И РУССКИХЪ.

(По личнымъ наблюденіямъ и народнымъ пѣснямъ).

Въ предыдущей статьѣ о Черногоріи (напечатанной въ мартовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1866 годъ), я имѣлъ случай упомянуть о преданности черногорскаго народа Россіи—преданности, которую не могутъ поколебать ни иностранныя интриги, ни франкофильство князя Николая: черногорцы въ этомъ отношеніи составляютъ противоположность съ своимъ правительствомъ, которое чаетъ своего спасенія только отъ Франціи, низкопоклонничаетъ передъ нею и перенимаетъ ея моды. И чего не дѣлалось въ Черногоріи въ послѣднее время для упроченія французскаго вліянія: выписывали изъ Франціи и докторовъ-секретарей, и гувернеровъ, и поваровъ; посылали избранное юношество въ Парижъ, гдѣ оно на скудныя народныя средства училось французской географіи и исторіи и заражалось утонченными пороками представительницы европейской образованности; тетка его свѣтлости, вдовствующая княгиня Даринька, для которой такъ нездоровъ черногорскій климатъ и такъ дешевы черногорскія деньги, возила съ собою на воды въ Ниццу сына храбрѣйшаго воеводы Милана Раевича, учила его по-французски, внушала ему свѣтскія приличія, сняла съ него одежду дикихъ черногорцевъ и одѣла его въ европейское платье; мало того, она образовала въ Цетиньѣ княжескій дворъ, ввела при немъ этикетъ и французскій языкъ. А князь, помнящій еще, какъ онъ бѣгалъ ребенкомъ въ Нѣгушахъ за козами, босоногій, въ рубахѣ до пупа, помнящій, что первый цванцигъ былъ полученъ имъ отъ воспитывавшагося въ нашемъ пажескомъ корпусѣ племянника покойнаго владыки, Цуцы, того самаго, котораго онъ принудилъ года два тому

назадъ бѣжать изъ Черногоріи, за его привязанность къ Россіи, — князь и думаетъ, и ѣстъ, и спитъ не по-черногорски. Не забывали посѣщать Черногорію и сладкорѣчивые официальные и тайные агенты французскаго правительства. Но крѣпка черногорская натура: несмотря на столько соблазновъ, черногорецъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ со временъ Петра Великаго: смотритъ подозрительно на иновѣрцевъ и иноплеменниковъ, не вѣритъ ихъ щедрымъ обѣщаніямъ, не открываетъ имъ своего сердца, полагая всю надежду на родственнаго ему по вѣрѣ и языку *сильнаго* русскаго Царя, безъ помощи и защиты котораго всѣ христіане на Востокѣ давно бы уже потурчились: „еслибы Россіи не было, не было бы трехперстнаго креста," говоритъ черногорецъ, и разубѣдить его въ этомъ никто не можетъ. Не посвященный въ тайны политики своего правительства, простой черногорецъ увѣренъ, что и нынѣшній ихъ *господарь*, подобно своимъ предкамъ, не предпринимаетъ ничего безъ совѣта съ русскимъ Царемъ, который, по ихъ понятіямъ, также любитъ братьевъ черногорцевъ, какъ и своихъ подданныхъ (*онъ брачу Црногорце люби, као свое Русе на Русіи*: 44 пѣсня въ IV кн. Сборника сербскихъ народныхъ пѣсенъ Вука Стеф. Караджича, стр. 337): чего бы только ни пожелали черногорцы, все исполняетъ Царь, и если что случится не по ихъ желанію, они сваливаютъ всю вину или на министровъ, невѣрно служащихъ Царю, или же на иновѣрческихъ государей, на которыхъ смотрятъ, какъ на наемниковъ султана. „Еслибы не англичанинъ и французъ," говаривали мнѣ черногорцы, намекая на Крымскую кампанію, „русскій Царь давно бы освободилъ христіанъ изъ-подъ власти турокъ и прогналъ султана изъ Стамбула." Понятіе черногорцевъ о непріязненномъ къ нимъ расположеніи *царскихъ слугъ* основано на особыхъ историческихъ обстоятельствахъ: вспомнимъ о недружелюбномъ пріемѣ владыки Петра I въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1785 г., о ссорѣ нашего комиссара

графа Ивелича съ тѣмъ же владыкою въ 1794 г. изъ-за разстриги архимандрита Степана Вучетича, о послѣдовавшемъ въ 1814 году непріятномъ для черногорцевъ приказаніи нашего Двора сдать Которъ австрійцамъ и, наконецъ, о причинахъ разрыва нашего съ Черногоріею при покойномъ князѣ Даніилѣ I...

Русскому Царю въ народныхъ черногорскихъ и вообще сербскихъ пѣсняхъ постоянно придаются эпитеты „сильный", „великій", „православный", а *русской землѣ* (земля Московска, Москва, Московія, Русія, царство Русинско)—„сильная", „пространная". Россія, по понятіямъ черногорца, обнимаетъ полъ-свѣта: „полгода ей свѣтитъ солнце, полгода ужъ остальному свѣту", говоритъ новѣйшая пѣсня (1859 г.), *Хорватъ-баша черногорскій*. Она находится *далеко* отъ Черногоріи *) за *Дунаемъ—рѣкою холодною*, и граничитъ съ одной стороны съ Азіею, съ другой съ Молдавіею и Валахіею, какъ видно изъ пѣсни *Походъ босняковъ на Москву*:

«Полетѣло два ворона-гайворона
Отъ Азіи изподъ Московіи,
. . . .
Три-четыре земли пролетѣли:
Валахію и Малдавію,
Скендерію и Румелію,
Прилетѣли въ Герцеговину,
Долетѣли до ровнаго Загорья...» **)

Въ Россіи Черногорецъ знаетъ два *моря*—ледяное и южное ***), три *города*: *Петербургъ*, *Кіевъ* и *Одессу* ****). *Россія сильнѣе всей Европы*: Императоръ Николай, идеалъ

*) Сборникъ Караджича, кн. V, № 1, стр. 3.
**) Сб. К. III. № 88, стр. 561.
***) *Низъ Русіе*. Сб. черног. и герцег. пѣсн. Чубра Чойковича (Милутиновича). Лейпцигъ, 1837, № 55, стр. 88.
****) Петриборъ, бѣлъ-градъ Петроградъ, бѣлый Петарбургъ, Петровъ градъ столичный; бѣлая Одесса. Сборн. Ч. Чойковича, стр. 84, № 55; Сб. Караджича. пп. №№ 1 и 4, стр. 83 и 188.

русскаго Царя, по понятіямъ черногорскимъ, пишетъ къ султану:

«Повѣрь мнѣ: не помогутъ тебѣ подкупы;
И если дашь всѣ твои дукаты,
И купишь всѣхъ королей Европы,
И тогда ни изъ-за кого не прощу тебя,
Но всѣмъ имъ объявлю войну.
Бѣдный! ты узнаешь меня
И поклонишься мнѣ, или я тебѣ голову откину.
Порожній кошель! изъ *песочныхъ* странъ!
Не шутка—милліонъ русскихъ
Подъ ружьемъ, копьями и саблями:
Всю Европу я прошелъ бы съ ними,
А не то что бѣдную Турцію».

Россія страшнѣе для турокъ всей Европы: пѣвецъ влагаетъ въ уста пашей, созванныхъ султаномъ на совѣтъ, слѣдующую рѣчь:

«Если всѣ короли соединились,
Легко разорвать ихъ союзъ...
. . . .
Но если Русскій объявилъ войну,
То намъ не мило ни одному.
Богъ знаетъ, что будетъ!
Напрасно намъ воевать съ нимъ:
Съ тѣхъ поръ какъ воцарился Петръ,—
Во всякой войнѣ съ Русскимъ,
Во всякомъ бою мы погибали,
Мы дали ему половину своего царства,
И остальную онъ теперь отъ насъ отниметъ».

Шестидесяти-четырехлѣтній старецъ, испытанный въ бояхъ, Насраддинъ, совѣтуетъ султану

«Подписать всѣ старые фирманы,
Поклониться русскому Царю до земли,
Подписать и новый фирманъ;
Иначе—клянусь моею грѣшною душею,
Которая вскорѣ переселится въ вѣчность,—
Поруганный, ты подпишешь ему

И фирманъ, и еще сверхъ фирмана.

. . . .

Я весь вѣкъ воевалъ съ русскими,
И отъ ихъ страшнаго вида и храбрости
Падали мои сѣдые волосы.
Такъ было до Петра,
А съ тѣхъ поръ, какъ явился въ Россіи Петръ
И мы стали воевать съ русскими,
Три раза перемѣнились мои волосы,
И всякій разъ выростали кровавые;
Но и Петра я могъ перетерпѣть,
Пока не родилась *великая каурка* *)
И стала русскою Царицей:
Когда мы были въ одномъ бою,
Изъ страха отъ нея и генерала
Кутузова... изъ-за Дуная...
Всѣ мои зубы повыпали
И изъ верхней, и изъ нижней челюсти,
Но меня спасли быстрыя ноги».

Другая народная пѣсня **) приписываетъ освобожденіе Вѣны отъ турокъ русскому царевичу Михаилу, который съ трехсот-тысячнымъ войскомъ и союзными поляками прогоняетъ визиря Чуприлію за Дунай. Султанъ при видѣ русскихъ знаменъ говоритъ своему визирю:

«Это русскія знамена.
Я воевалъ съ ними три раза,
И три раза бѣжалъ передъ ними,
А ихъ никогда не обращалъ въ бѣгство».

Такою грозною силою представляется черногорцамъ и всѣмъ сербамъ Россія. Она располагаетъ, по народнымъ пѣснямъ, громадными *военными силами*: царевичъ Михаилъ ведетъ подъ Вѣну трехсот-тысячную армію, которая кажется ему еще недостаточно сильною.

«И онъ идетъ въ землю ляшскую,
И подымаетъ ляховъ и поляковъ;

---

*) Кауръ, кавуръ, гяуръ — христіанинъ. Здѣсь разумѣется Екатерина II.
**) Сб. К. III, № 8.

русская Царица посылаетъ противъ Турокъ 600.000 конницы *); у Императора Николая былъ милліонъ солдатъ. Народныя пѣсни различаютъ сухопутныя и морскія силы (флота, ладже, корабле) Россіи. Сухопутное войско состоитъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; тяжелая кавалерія (панцырная) отличается отъ легкой (казаковъ). Вотъ какъ поэтически описываетъ пѣвецъ войско Дибича:

«Впереди пѣхота, а позади конница,
Между ними пушки и мортиры,
Около всѣхъ по обѣимъ сторонамъ
Отборное панцырное войско:
На всякомъ конѣ по богатырю,
Панцыри вѣсомъ въ пятдесятъ окъ **),
Всѣ изъ лютаго каленаго желѣза,
Ничто имъ не можетъ повредить,
Ни повредить имъ, ни устоять противъ нихъ.
Съ ними еще доблестные казаки,
Которые могутъ нагнать и убѣжать
И копьями посрамить пищали».

Вооруженіе русскаго войска состоитъ изъ сабель, мечей, палашей, копій и огнестрѣльнаго оружія (ружей, пушекъ и мортиръ). За войскомъ слѣдуетъ обозъ. Первое столкновеніе русскихъ съ турками подъ Варною такъ описываетъ пѣсня:

Когда близко сошлись оба войска,
Чертъ возьми, какая произошла суматоха!
Палитъ ружье, числа нѣтъ сколько разъ,
Ревутъ пушки и гремятъ мортиры,
Тучею сыплются картечи,
Въ воздухѣ текутъ рѣки
Сильнаго огня и свѣтлаго дыму,
Небеса обратились въ пламень.
Черная земля упилась кровью;
Кровь льется изъ коней и воиновъ,

---

*) Сб. К. III, № 88, стр. 564.
**) Ока=3 ф. 12 зол.

Какъ волны изъ разбитой ладьи.
Отъ стрѣльбы ничего не слышно,
А отъ дыма ничего не видно.
Когда утихла пушка и ружье умолкло,
Принялась сильная конница
За свѣтлыя сабли и копья,
Зашумѣли мечи и палаши,
Заломались сабли и копья,
Закричали сильные воины...
Бой огненный три часа горѣлъ,
И еще бы больше длился,
Но ударили царскіе панцырліи (тяжелая кавалерія)
И казаки, извѣстные храбрецы (на гласу юнаци):
Не устояли султанскіе богатыри
И, обративъ плечи,
Пустились бѣжать безъ остановки;
Ими предводительствовали три визиря
И шестнадцать пашей;
Бѣгутъ паши, за ними визири,
За визирями все войско,
А за ними русскіе въ погоню,
Взяли у нихъ пушки и знамена,
Порохъ, пули и палатки,
Тридцать тысячъ человѣкъ полонили,
Между ними великаго визиря
И четырехъ пашей съ бунчугами.
Но что позорнѣе всего
И грѣшнѣе по турецкому закону —
Мимо Варны турки пробѣжали,
Въ Варну свернуть не посмѣли,
Но непріятелю Варну оставили,
Оставили, — злое имъ да будетъ счастіе!
Но не бѣжитъ храбрый Юсуф-паша,
Не оставляетъ, себя не щадя, Варну,
Но соколъ въ Варнѣ заперся
Съ тридцатью тысячами арановъ,
Сталъ защищать городъ отъ русскихъ
Тысячью городскихъ пушекъ;
Защищался ровно три недѣли;
Когда четвертая наступила недѣля,
Напрасною оказалась вся мука.

Больше города защищать онъ не могъ,
Одолѣлъ его огонь
Отъ московскихъ пушекъ,
Отъ горящихъ бомбъ,
Летавшихъ по воздуху;
Ждалъ онъ помощи изъ Стамбула,
Ждалъ, но не дождался
Отъ султана, своего государя:
Онъ самъ не имѣлъ съ кѣмъ дома быть,
Стамбулъ его пустымъ остался».

. . . .

Народныя пѣсни называютъ обыкновенно нашихъ солдатъ *смертоносными* *); кромѣ того, казакамъ придается эпитетъ *доблестныхъ* (врли) и *отчаяннѣйшихъ храбрецовъ* (на гласу юнаци): имъ особенно сочувствуетъ какъ черногорецъ, такъ и всякій сербъ. Храбрость нашего войска вошла въ поговорку: *Московъ одъ Москова* равносильно у черногорца выраженію *юнакъ одъ юнака* (храбрецъ изъ храбрецовъ), а у турокъ *кауръ одъ каура* (самый скверный человѣкъ). Начальники сухопутнаго войска называются въ народныхъ пѣсняхъ *генералами, воеводами, капитанами* и *фельдмаршалами* (мудрые), а флота—*адмиралами* (армиранти).

Имена нѣкоторыхъ нашихъ полководцевъ сохранились въ пѣсняхъ: такъ пѣсни упоминаютъ о Саввѣ Владиславлевичѣ—графѣ Рагузинскомъ, о Кутузовѣ, о Сенявинѣ, о Дибичѣ и Паскевичѣ. Изъ дипломатическихъ чиновниковъ пѣсни знаютъ *посланниковъ* Милорадовича, князя Меньшикова (старца) **) и князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго (*Хорватъ-баша черногорскій), совѣтника посольства* Новикова и *генеральнаго консула* Стремоухова. Общее названіе въ пѣсняхъ для всѣхъ лицъ, находящихся у

*) Убойни. Сб. К. IV. № 44, стр. 337.

*) Пѣсня „Хорватъ-баша черногорскій“ приписываетъ особую силу сѣрому плащу (*кабаница*) *Меньщикова старца*, который одѣваетъ князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, отправляясь къ султану.

насъ на государственной службѣ,—*царскіе слуги*, а для близкихъ къ Царю—*господа* *).

Съ понятіемъ объ обширности и могуществѣ Россіи черногорецъ, какъ и всякій сербъ, соедняетъ другое—объ ея *богатствѣ*. Пѣсня № 15, по Сборнику Вука Стефановича Караджича (стр. 78), разсказываетъ о дарахъ, посланныхъ *великимъ царемъ Московскимъ* султану Муезиту:

«Самому султану золотой столъ,
На столѣ золотая мечеть,
Около нея сплетена змѣя,
На головѣ ея драгоцѣнный камень,
При которомъ видно ходить
Посреди темной ночи безъ мѣсяца,
Какъ днемъ, когда грѣетъ солнце;
Ибрагиму сыну султанову
Двѣ сабли острыя,
На сабляхъ двѣ рукоятки золотыя,
На рукояткахъ два камня дорогихъ;
Старшей султаншѣ
Золотую колыбель,
На колыбели—соколъ птица сивая.
Дары султану понравились,
Но султанъ измучился,
Придумывая, чѣмъ бы отдарить:
У него не было достойнаго дара.
Кто бы къ султану ни пришелъ,
Всякому султанъ похваляется
Дарами великаго царя московскаго,—
Не научитъ ли кто его,
Что бы послать въ землю московскую».

По варіанту этой пѣсни (стр. 83), московская царица „Госпа Елисавка" пишетъ султану Сулейману, чтобы онъ послалъ ей ея наслѣдство (золотую корону царя Симеона и т. д.), обѣщая быть въ мирѣ съ нимъ

*) Сб. К., III, № 89; IV, № 44, стр. 336, и №№ 88 и 89, V, № 1.—Сб. Чойковича, №№ 4, 55, 64 и 140.

30 лѣтъ и дать ему пшеницы для войска на 9 лѣтъ, и кромѣ того слить ему изъ золота мечеть,

«На мечети тридцать минаретовъ,
Всѣ куполы изъ чистаго золота,
И изъ золота двѣнадцать яблоковъ,
И во всякомъ безцѣнный камень дорогой:
Такъ велика золотая мечеть,
Что въ ней могутъ молиться 12 турокъ,
Такъ сіяетъ среди Царьграда
Въ полночь золотая мечеть,
Какъ яркое въ полдень солнце».

Пѣсня № 8 (стр. 48) такъ описываетъ знамена русскихъ войскъ, ходившихъ подъ Вѣну съ царевичемъ Михаиломъ:

. . . . «святыя знамена,
На знаменахъ золотые кресты,
На крестахъ дорогіе каменья,
При коихъ видно было войску идти
Въ полночь, какъ въ полдень.
Ведетъ (царевичъ) войско къ Вѣнѣ бѣлой.
Когда была ночи половина,
Засіяли дунайскіе берега,
А то видятъ султановы визири
И призываютъ Султана Отманина:
«Государь-царь Отманинъ!
Клянемся Богомъ и святымъ Мухамедомъ!
Народилось солнце съ Запада!
Съ тѣхъ поръ какъ мы Вѣну потурчили
И невѣрную землю завоевали,
Два намъ народилось солнца!»

Пѣсня „Хорватъ-баша черногорскій" говоритъ, что мундиръ бывшаго нашего посланника въ Константинополѣ, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, былъ весь шитъ золотомъ и украшенъ такимъ множествомъ орденовъ, осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями, что освѣщалъ дорогу въ полночь также ярко, какъ она бываетъ освѣщена солнцемъ въ полдень.

Россія представляется по пѣснѣ № 15 страною преимуществу *хлѣбною*: ей нипочемъ содержать на своемъ

хлѣбѣ цѣлыхъ девять лѣтъ все турецкое войско. Другая пѣсня называетъ Россію *зеленою* (№ 19, стр. 32 Сборника Чубра Чойковича) въ смыслѣ плодородной.

На Россію смотритъ черногорецъ и сербъ вообще какъ на *представительницу православнаго міра* и преемницу Византіи и старой Сербіи: къ ней перешли *символы православія* (хришчанска зламенья, — Сб. К. III, № 15, стр. 80):

. . . . . . «Посохъ Неманича Саввы,
Одежда святаго Іоанна,
Крестовое знамя сербскаго князя Лазаря.

А по другой пѣснѣ (тамъ же, стр. 83):

«Золотая корона царя Симеона,
Одежда святаго Іоанна,
Крестовое знамя царя Константина,
Золотой посохъ отца Саввы,
Острая сабя Сильнаго Стефана
И икона отца Димитрія». (Солунскаго) *).

Царевичъ Михаилъ только тогда обѣщаетъ спасти Вѣну отъ турокъ, когда *императоръ австрійскій* приметъ православіе и *будетъ „поститься пятницу и середу и четыре поста въ годъ“* (стр. 48).

Благодаря только Россіи, по понятіямъ черногорца, какъ я замѣтилъ выше, православіе удержалось донынѣ въ Турціи. Народная пѣсня идетъ далѣе: она приписываетъ Россіи обращеніе мусульманъ въ православную вѣру: *московска господа* не дозволяетъ черногорскому владыкѣ Саввѣ Черноевичу отсѣчь голову плѣнному боснійскому агѣ, Осману, говоря (стр. 566):

«Онъ еще дитя, и глупъ, и молодъ,
Онъ долженъ еще у насъ поучиться».

Затѣмъ пѣсня прибавляетъ:

«Тогда Османъ крестился

---

*) Пѣсни №№ 18 и 19 Сб. Ч. Чойк. упоминаютъ о „славномъ знамени славнаго Лазаря“, „одеждѣ св. Николая“, „Евангеліи св. Іоанна“ и „золотой шапкѣ Деспотовича Юрія“.

И московскія науки изучилъ,
А потомъ вступилъ въ монастырь».

Не силою, а *милостью* и *убѣжденіемъ* обращаетъ „московска господа“ въ свою вѣру Османа: изученіе наукъ (*книге*) приводитъ его нетолько къ крещенію, но и ко вступленію въ монастырь. Судя по такому результату, мы видимъ, что, по понятіямъ народнаго пѣвца, эти „московскія науки“ состояли главнымъ образомъ въ ученіи о вѣрѣ христіанской: такимъ образомъ сербу представляется наше образованіе попреимуществу *богословскимъ*.

Царь, по народнымъ пѣснямъ, управляетъ Россіею *самодержавно:* онъ призываетъ къ себѣ генераловъ и прочую *господу* только затѣмъ, чтобы раздать имъ приказанія; о совѣщаніяхъ нѣтъ и рѣчи: онъ самъ ведетъ дипломатическую переписку; воля его рѣшаетъ — быть миру или войнѣ. Но, при всей неограниченности своей власти, онъ *справедливъ* и *милостивъ:* сознавая свое назначеніе — быть защитникомъ и покровителемъ угнетенныхъ нашихъ единовѣрцевъ, питая непримиримую вражду къ ихъ гонителю — турецкому султану, онъ въ то же время щадитъ его: онъ пишетъ ему о преслѣдованіи турецкими властями христіанъ и требуетъ удовлетворенія ихъ справедливыхъ жалобъ; и только тогда объявляетъ ему войну, когда видитъ, что переговоры ни къ чему не поведутъ: надменный и хвастливый отвѣтъ султана возбуждаетъ въ немъ и *смѣхъ* и *гнѣвъ*, и онъ немедленно посылаетъ сильное войско нетолько за Дунай, но и въ Азію—къ Меккѣ и Мединѣ—*перетрясти кости Мухамеда*. Подъ покровительствомъ русскаго Царя находятся всѣ православные христіане въ Турціи—румыны, греки, болгаре и сербы; но онъ особенно любитъ Черногорію, *на которую*, по выраженію народной пѣсни (Сб. К. V, № 5, стр. 188), *наслонилъ свою руку:* когда на просьбу Петра I Петровича-Нѣгуша прислать ему военныхъ припасовъ и „москова убойнихъ солдата“ русскій генералъ замѣчаетъ, что онъ не можетъ этого

сдѣлать безъ разрѣшенія Царя Александра, отвѣчаетъ ему владыка:

«Побратиме, московъ-генерале!
Ты не бойся, братепъ,
Славнаго Царя Александра,
Царь все дастъ, что проситъ владыка:
Онъ, вѣдь, любитъ братьевъ черногорцевъ,
Какъ своихъ руссовъ на Руси» *).

Сношенія наши съ Черногоріею начались, какъ извѣстно, *при Петрѣ Великомъ*. Въ 1711 году, по совѣту находившагося въ русской службѣ герцеговинца Саввы Владиславлевича, величавшаго себя графомъ Рагузинскимъ, Петръ отправилъ въ Черногорію съ грамотою полковника Михаила Милорадовича (также герцеговинецъ), для возбужденія тамошнихъ жителей къ войнѣ съ турками: черногорцы не заставили себя долго просить и немедленно же вторглись въ Герцеговину и Албанію.

Пѣсня № 4 Сб. Ч. Чойк. такъ разсказываетъ о началѣ сношеній нашихъ съ Черногоріею:

«Когда Россія вступила въ войну съ Турціею,
Петръ Первый Императоръ русскій
Отправилъ своего посланника
Михаила Милорадовича
Изъ стараго рода герцеговинскаго,
Съ грамотою въ Черногорію
Къ владыкѣ Даніилу Петровичу
И народнымъ старѣйшинамъ;
Въ грамотѣ ласково ихъ привѣтствуетъ
И такъ говоритъ имъ:
«Вотъ ужъ нѣсколько времени,
Какъ мы воюемъ и бьемся
Съ еретикомъ королемъ Швеціи,
Защищая короля польскаго
Отъ короля шведскаго,

*) Сб. К. IV, № 44, стр. 337.

Но онъ мнѣ измѣнилъ
И передался врагу своему,
Врагу своему и моему;
Еще одного имѣю я измѣнника —
Проклятаго Мазепу Ивана,
Воеводу Малороссіи,
Какъ сербы Бранковича Вука!
Но не это меня досадило
И ратниковъ моихъ затруднило:
Съ Богомъ шведовъ мы прогнали,
Подъ Полтавой страшно побѣдили,
А Мазепу живаго схватили
И польскаго короля воротили,
Да онъ кается въ томъ, что учинилъ;
Но Турокъ объявилъ мнѣ войну
И обратилъ на меня всю свою силу
Изъ мести за короля Щвеціи.
Говоритъ мнѣ вѣрный мой слуга,
Вѣрный Савва Владиславлевичъ
Изъ Попова въ Герцеговинѣ,
Что вы, славные черногорцы вольные,
Съ турками мира никогда не имѣете
И что мнѣ помочь вы можете.
Вотъ и посылаю посланника моего,
И надѣюсь на Вышняго Бога
И на мышцы сербскаго народа,
Особенно славныхъ черногорцевъ,
Что будутъ они мнѣ въ помощь,
Что христіанскій народъ избавимъ
И славянское имя прославимъ,
Что сломимъ ярмо агарянское,
Благочестія воздвигнемъ храмы,
Смоемъ поруганія, нанесенныя
Туркомъ, общимъ врагомъ.
Вы съ русскими одного рода,
Одной вѣры, славянскаго языка:
Бо̀льшаго сродства и быть не можетъ;
Вы храбры, подобно русскимъ;
Возстаньте же, если вы черногорцы,
Подымите сосѣднихъ христіанъ,
Богатырей старыхъ временъ,

И на турецкую землю нападите;
Наше войско уже ударило,
Турокъ бьетъ, никогда не перестаетъ!»
Тотъ посланникъ пришелъ на Цетинье,
Владыка дружески его встрѣтилъ,
Черногорцевъ на вѣче созвалъ,
Такую имъ рѣчь сказалъ:
«Вотъ, братья, грамота изъ Руси!
Вотъ грамота, а вотъ посланникъ
Славнаго Царя православнаго!
Грамота пишетъ и посланникъ говоритъ,
Что Турокъ объявилъ Царю войну;
Ну, теперь, братцы, если Бога знаете,
Всѣ будемъ исправны и готовы!»
Черногорцы, когда то уразумѣли,
Всѣ воскликнули единогласно:
«Хвала Богу великому!
Увидали мы грамоту
Отъ нашего Царя славянскаго,
Славянскаго, православнаго,
О коемъ другаго не слыхивали,
Какъ только, что онъ есть гдѣ-то на свѣтѣ,
Гдѣ онъ о насъ и слышать не можетъ,
А когда услышалъ и о насъ онъ знаетъ, —
Вотъ наши сабли при поясѣ,
Вотъ наши ружья въ рукахъ,
Теперь и всегда исправны и готовы,
Всѣ одинаково съ веселымъ сердцемъ
Тотчасъ же ударимъ на турокъ,—
Чѣмъ скорѣе, тѣмъ намъ милѣе,
Чѣмъ прежде, тѣмъ намъ сладче!»
Владыко это выслушалъ,
Царскую грамоту переписать далъ,
Потомъ списки отправилъ
При своемъ письмѣ на всѣ стороны,
Во всю Боснію и Герцеговину,
Во всѣ Берда *) и Зету **) плодородную,

---

*) Берда — часть Черногоріи, правитель которой называется *княземъ свободной Черногоріи и Бердовъ*.
**) Зета—рѣка въ Черногоріи, текущая въ Скутарское озеро.

Чтобъ христіане подняли оружіе
И съ Черною горою соединились.
По тому призыву старѣйшины,
И старѣйшины войско подняли,
И на турецкую землю ударили,
Сожгли села и города
Около бѣлаго Никшича *) града,
Около Спужа, около Подгорицы
И около крѣпости Жаблячской **).
Затворились въ крѣпостяхъ турки,
А христіане миловались-цѣловались.
О, еслибъ ты видѣлъ, побратиме,
Какъ ихъ войско умножилось!
Какъ спѣшатъ бердскіе витязи,
Герцеговинцы и молодые зетчане,
Подъ знамена Царя русскаго,
Не сказалъ бы ты, дорогой побратиме,
Что идутъ съ турками бой бить,
Но на пиръ холодное вино пить
И веселыя пѣсни распѣвать.
Но веселье это продолжалось
Не болѣе, ни менѣе, какъ два мѣсяца,
И вскорѣ превратилось
Въ сербскую жалость и несчастье:
Дошли дурные слухи,
Что Петръ съ турками примирился
Не по волѣ, а по злой неволѣ,
Что турки его окружили
Близко Прута, холодной рѣки,
Такъ что помощь не могла къ нему прійти,
Ни остальное, что войску нужно.
Когда эти слухи услыхали
И владыка, и всѣ черногорцы, —
Расплакался и малый, и великій,
Всякъ жалѣлъ Царя православнаго.
Михаилъ пошелъ въ Россію

*) Пограничная съ Черногоріею турецкая крѣпость въ Герцеговинѣ.
**) Спужъ, Подгорица и Жаблякъ — пограничныя турецкія крѣпости Албаніи.

И оставилъ въ рати черногорцевъ.
Какъ тогда, такъ и теперь
Вино пьютъ, съ турками бьются,
И будутъ биться до послѣдняго
Со всякимъ, а нетолько съ туркомъ.
Не пустое слово—вольность черногорская!
Нѣтъ никого, кромѣ самаго Бога,
Кто бы наложилъ ярмо на черногорцевъ,
Развѣ только истребилъ бы всѣхъ до одного,
Но и это дѣло не легкое».

Пѣсни №№ 8, 11 и 140 того же сборника служатъ продолженіемъ вышеприведенной: упомянувъ о посольствѣ Милорадовича, онѣ разсказываютъ о вторженіи въ Черногорію въ 1712 г. Ахметъ-паши съ шестидесятитысячнымъ войскомъ и объ его пораженіи.

Въ пѣснѣ № 89 по Сб. К. III, 568, упоминается русскомъ *капитанѣ*, *Іовѣ* (Иванъ) *Влайсавлевичѣ*: сходство фамилій и происхожденіе изъ Герцеговины не позволяютъ намъ сомнѣваться, что здѣсь идетъ рѣчь о Саввѣ Владиславлевичѣ. Вотъ переводъ этой пѣсни:

«Бога молитъ *русійнска господа*,
Да имъ Богъ дастъ въ воскресенье солнце
Вывесть плѣнниковъ на солнышко
И предъ ними плѣннаго Хасан-пашу
И спросить у него, что онъ помнитъ
Во всей Босніи и Герцеговинѣ:
Какой городъ лучше всѣхъ,
Въ какомъ самые храбрые воины,
Въ какомъ самыя красивыя дѣвицы?
Помолились они Богу,
И Богъ далъ имъ въ воскресенье солнце;
Они ведутъ рабовъ на солнышко
И предъ ними плѣннаго Хасан-пашу;
Говоритъ *русійнска господа*:
«Скажи по-правдѣ, плѣнный Хасан-пашэ,
Скажи по-правдѣ, да будетъ тебѣ во здравіе!
Какой городъ наилучшій
Во всей Босніи и Герцеговинѣ?
Въ какомъ самые храбрые воины?

Въ какомъ самыя красивыя дѣвицы?»
Отвѣчаетъ плѣнный Хасан-паша:
«Клянусь Богомъ, *московска господа!*
Во всей Босніи и Герцеговинѣ
Сараево городъ наилучшій,
А мостарцы самые храбрые воины,
А фочанки самыя красивыя дѣвицы:
Когда настанетъ лѣтній Юрьевъ день,
Выйдутъ гулять фочанскія дѣвицы
По полямъ и заведутъ *коло*,
Одѣнутся, какъ можно лучше,
Припѣваютъ пѣсни всякія....
Клянусь вамъ моею вѣрою турецкою,
Фочанки такія дѣвицы,
Что сведутъ съ ума небожителей,
А нетолько земныхъ богатырей».
Случись тутъ *Влайсавлевичъ Іово.*
Говоритъ *московска господа*:
«*Капитане*, *Влайсавлевичъ Іово*!
Веди насъ, да возьмемъ Фочу,
Да полонимъ фочанокъ-дѣвицъ»!
Засмѣялся капитанъ Іово
И такъ имъ отвѣтилъ:
«Съ ума сошли вы, *русійнска господа*!
Не въ прокъ намъ красота фочанокъ,
Не легко, вѣдь, Фочу взять.»
Но говоритъ плѣнный Хасан-паша:
«Не дури же, капитане Іово!
Фоча—мѣсто ровное, не имѣетъ крѣпости,
Такъ легко ее они возьмутъ».
Говоритъ же капитанъ Іово:
«Не дури же, плѣнникъ-Хасан-паша!
У Фочи три крѣпости твердыхъ:
Одна—Дрина, другая—Джіотина,
А третья Черная гора,
И онѣ къ Фочѣ приступить не даютъ».

Память объ Императрицѣ *Елисаветѣ Петровнѣ*, пославшей въ 1758 году въ даръ черногорскому народу тысячу червонцевъ при грамотѣ, доселѣ находящейся въ Цетиньѣ,—сохранилась въ двухъ пѣсняхъ.—Въ варіан-

тѣ къ № 15 Сб. К. III, 83—84, разсказывается о посольствѣ московской Царицы, *Елисавки*, къ султану Сулейману за извѣстною уже намъ ея *отчевиною*; султанъ смиренно отвѣчаетъ, что ея отчевина находится уже не у него, а „въ Крыму, у татарскаго хана.“ *Госпа Елисавка* снаряжаетъ новое посольство къ Татарину, проситъ у него свою отчевину и обѣщаетъ ему еще болѣе, чѣмъ султану. Ханъ отвѣчаетъ грубо и надменно, что онъ не отдастъ ей ея отчевины, но соберетъ войско, сровняетъ Петербургъ съ землею и полонитъ и потурчитъ дѣтей ея и ее самое. Начинается война, оканчивающаяся покореніемъ Крыма: событіе царствованія Екатерины II отнесено народнымъ пѣвцомъ ко времени Елисаветы Петровны. Пѣсня № 19 Сборника Ч. Чойковича описываетъ то же самое событіе, не называя по имени Царицу русскую.

«Султанъ Отмановичъ пишетъ грамоту
И шлетъ ее въ зеленую Россію,
А въ руки московской Царицы:
«Послушай, московская Царица!
Заплати мнѣ дань со всей Россіи
По семи червонцевъ со всякаго молодца,
По четыре пуна со всякой дѣвицы.
Если же ты мнѣ дани не заплатишь,
Клянусь тебѣ и даю честное слово,
Соберу я сильное войско,
Покорю я всю Россію
И напослѣдокъ полоню тебя
И возьму къ себѣ въ вѣрныя подруги».
Но не бывать тому, если Богъ не попуститъ!
Когда грамоту получила Царица,
Не понравилась Царицѣ грамота,
Хуже ея и быть не могло.
Пишетъ мелкую (грамоту) на колѣнѣ
И шлетъ Отмановичъ-Султану:
«Послушай, Султанъ-Отмановичъ!
Слышалъ ли ты, сказывалъ ли кто тебѣ,
Что, когда погибло сербское царство,
Вы взяли три сербскія святыни:

Знамя славнаго Лазаря,
Одежду святаго Іоанна
И золотой скипетръ деспота Юрія.
Отдай мнѣ ихъ, если не хочешь ссоры»!
Когда султанъ получилъ эту грамоту,
Самъ султанъ отъ нея испугался,
Испугался, изъ руки выронилъ
И вымолвилъ султанъ такое слово:
«О, проклятая московская Царица!
Святыни—въ землѣ татарской,
У того хана татарскаго;
Ханъ себѣ взялъ сербскія святыни».
Когда дошла до Царицы вѣсть,
Какъ говоритъ Султанъ-Отмановичъ,
Не въ терпежъ ей стало,
Пишетъ тотчасъ на колѣняхъ грамоту
И шлетъ ее въ землю татарскую
А въ руки татарскому хану,
И когда ханъ получилъ грамоту:
«Слышишь», говоритъ, «Татар-ханъ!
И слышалъ ты, и сказывали,
Что вы взяли сербскія святыни.
Подай мнѣ ихъ безъ бою»!—
И когда ханъ грамоту просмотрѣлъ,
По душѣ пришлась ему грамота,
И вотъ онъ спѣшно написалъ другую,
И послалъ ее русской Царицѣ:
«Ну, только держись русская Царица!
Сильное соберу я войско
И ударю на зеленую Русь».
По душѣ пришлась Царицѣ эта грамота,
Смотритъ грамоту—слезы проливаетъ,
И тотчасъ же собираетъ всю Русь,
Поджидаетъ татарина-хана.
Ждала его и дождалась.
О, еслибы, другъ, ты видѣлъ,
Какъ встрѣтились двѣ силы,
Встрѣтились и столкнулись!
Тутъ кололись два бѣлыхъ дня,
А когда былъ третій около полудня,
Хотѣла-было Царица плечи обернуть,

Но на ея доброе счастье —
Малая ей помощь подоспѣла,
Малая помощь—двѣнадцать тысячъ
Волоховъ и молдаванъ,
И татарамъ впоперекъ ударила,
Впоперекъ ударила погибельно.
Такъ хана сломила Царица,
Сломила—въ море согнала,
И море пореполнилось
Отъ мертвыхъ коней и воиновъ.
Такъ говорятъ и сказываютъ люди:
По мертвымъ переходили живые.
Отъ насъ пѣсня, а отъ Бога помощь
Всякому брату православному».

Другая пѣсня (Сб. К. № 88) говоритъ о побѣдѣ московской *крамицы*, по имени „госпы Елисавки," надъ турками. Въ числѣ плѣнныхъ попадаются боснійскій паша Бечиръ и сынъ его Осман-бегъ. Паша встрѣчается въ Россіи съ своимъ герцеговинскимъ пріятелемъ (иронически), *Саввою Черноевичемъ*.

«И пашѣ было не мило,
Когда сталъ ему Савва говорить:
«Ты погубилъ пятерыхъ моихъ братьевъ,
Ты нанесъ смертельную рану моему сердцу,
Ты отнялъ у меня земли и владѣнья,
Мою землю въ Герцеговинѣ.
Гдѣ моя земля и владѣнья?
Гдѣ мои волы-кормилицы?
Гдѣ мои кони-богатыри?
Гдѣ тысяча моихъ овецъ?
Гдѣ моихъ братьевъ пятеро?
Все ты отъ меня отнялъ
И меня ты хотѣлъ погубить,
Но я бѣжалъ въ московскую землю».
Хотѣлъ паша передъ нимъ оправдываться,
Не далъ ему Савва слова вымолвить,
Махнулъ мечемъ—отсѣкъ ему голову».

Исторической правды въ этой пѣснѣ только то, что дѣйствительно при Елисаветѣ Петровнѣ черногорцы вое-

вали съ босняками—но очень счастливо, и что владыка черногорскій былъ въ Россіи (1752—1766 г.); но онъ не былъ принужденъ спасаться бѣгствомъ въ Россію, а пріѣзжалъ по дѣламъ своего народа. Черногорскаго владыку пѣсня называетъ Саввою Черноевичемъ: изъ исторіи извѣстно, что Савва (съ 1739 г.) происходилъ изъ фамиліи не Черноевичей, прекратившейся въ 1696 г., а Петровичей-Нѣгошей, что онъ не выѣзжалъ изъ Черногоріи и что въ Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ былъ его преемникъ (съ 1750 г.), *Василій Петровичъ-Нѣгошъ*, издавшій въ 1754 г. въ Москвѣ краткую исторію Черногоріи и умершій въ С.-Петербургѣ въ 1766 г.

Событіе, описанное въ пѣснѣ Сб. К. № 15, относится, какъ мы уже замѣтили, къ царствованію *Екатерины II*. Пѣсня Сб. К. № 8 смѣшала освобожденіе Вѣны Иваномъ Собѣскимъ съ войною Екатерины II въ союзѣ съ австрійскимъ императоромъ противъ Турокъ: царевичъ Михаилъ — лицо миѳическое, а *краль московскій*, *пріятель цесаря*—Екатерина II. Эту самую войну Екатерины II съ турками воспѣваетъ пѣсня № 15 Сборн. Чойк. Она начинается описаніемъ нападенія на Черногорію скадарскаго (скутарскаго, албанскаго) визиря Махмутъ-паши Бушатліи (по пѣснѣ визиря Чуприлича и Мустаф-Аги скадарскаго) въ 1785 г. во время пребыванія въ Россіи владыки Петра I Святаго.

«Турки Черную гору полонили,
Въ полонъ взяли малаго и великаго,
Спасся бѣгствомъ одинъ только монахъ»,

говоритъ пѣсня. Этотъ монахъ отправляется просить помощи у австрійской императрицы, польскаго короля Ивана, короля англійскаго и наконецъ приходитъ въ землю московскую

»Во дворецъ московской Царицы.
Когда пришелъ во дворецъ Царицы,
Поцѣловалъ ея руку и одежду
И подалъ ей, преклонивъ колѣно, письмо.
Глядитъ въ письмо—слезы проливаетъ:

«О инокъ, лютая моя змѣя!
Правда ли, что говоритъ письмо?»
«Правда, о моя свѣтлая корона!
Твоя Черная гора въ полонъ взята,
Ее попрала турецкая сила,
Полонила нѣсколькихъ плѣнниковъ».
И когда она, молодая, это услышала,
Призвала преданнѣйшаго слугу,
По имени Божа-генерала:
«О мой вѣрный слуга, генералъ Божо!
Вотъ дошла до меня вѣсть:
Черная гора въ полонъ взята.
Собирай сильное войско,
Сильное войско во сто тысячъ,
И пойдемъ къ твердому Бѣлграду!»

Русское войско отправляется въ походъ; по пути присоединяются къ нему англичане, поляки и австрійцы. Обложили Бѣлградъ съ четырехъ сторонъ. Бѣлградскій визирь пишетъ султану:

«Гдѣ ты, о султанъ, наше солнце красное?
Четыре змѣи около меня,
И одна изъ нихъ змѣя лютая,
Змѣя лютая Царица русская.
Она ведетъ войска сто тысячъ,
Полонить хочетъ Бѣлградъ.
Съ нею пушка боевая.
На другіе города и смотрѣть не хочетъ,
А когда отниметъ отъ меня Бѣлградъ,
Отъ тебя отниметъ стольный Царьградъ.
Шли ко мнѣ безчисленное войско».

Царица нападаетъ на Бѣлградъ съ четырехъ сторонъ,

«И ударила, молодая, на Турка,
Живымъ огнемъ его спалила,
И турецкое войско побѣдила,
Пригнала его къ рѣкѣ Рабѣ,
И почала, молодая, сказывати:
«Дай, дружокъ, на тебя наглядѣться!....
Какъ рѣка перемостилась
Отъ турокъ и турецкихъ коней,

И турецкихъ шапокъ и доламовъ».
Полонила весь твердый Бѣлградъ,
И отомстила за Черную гору,
А плѣнныхъ отвезла въ Россію.
Она въ полонъ взяла тогда больше,
Чѣмъ турки когда и откуда-либо!
Да будетъ такъ,—самъ Богъ ей помогалъ!»

Удивительно, что несмотря на частыя сношенія наши съ Черногоріею при Екатеринѣ II, имя ея не сохранилось въ народныхъ пѣсняхъ.

О славныхъ временахъ Императора Александра I, когда мы вмѣстѣ съ черногорцами осаждали Дубровникъ (въ 1806 г.) и защищали Которъ отъ французовъ (1805—1807 г.), сохранилось нѣсколько пѣсней. О занятіи русскими войсками Боки Которской (Bocche di Cattaro) въ 1805 г. говоритъ пѣсня № 64 Сб. Чойк.: Юрій Княжевичъ пишетъ, отъ имени бокезовъ, письмо адмиралу Сенявину (*Армиранти Принципъ Сенявину*) въ Корфу:

«Что не слышишь ты иль объ насъ не думаешь?
Вотъ уже четыре сотни лѣтъ,
Какъ сербы потеряли царя
На ровномъ полѣ Косовомъ;
Все, что было въ Герцеговинѣ,
Въ прекрасномъ сербскомъ Банатѣ,
Все, что было сербовъ-дворянъ,
Все убѣжало въ Жупное *) Приморье,
Подъ защиту дожа венеціанскаго.
Дивно принималъ ихъ дожъ:
Отецъ не бережетъ болѣе дѣтей;
Но вотъ ужъ девять лѣтъ,
Какъ мы, несчастные, себя перепродали
Австрійскому императору,
И онъ не былъ для насъ отцомъ;

---

*) Жупа — значитъ область, правитель которой назывался жупанъ. *Банатъ*, отъ слова *банъ*—воевода,—то же, что воеводство.

Потомъ настали проклятые якобинцы,
Перепродали насъ и императора
Тому своему пріятелю,
Бонапарту, королю французскому.
Но Сенявинъ, славный генерале!
Если ты твердо держишься русской вѣры,
Спѣши, какъ можно, скорѣе:
Тебя желаютъ бокезскіе сербы,
Желаютъ тебя, какъ сыновья отца».

Сенявинъ, прочитавъ письмо, спѣшитъ на корабляхъ въ Боку.

«Откуда ни возьмись, тутъ же и король Бонапартъ;
Но счастіе повезло Сенявину:
Онъ занялъ прежде его Боку,
Теперь поютъ православные бокезы:
«Боже милостивый, во всемъ Тебѣ хвала!
Когда Русскій сталъ нашимъ государемъ:
Свой своему и помощь и слава», и т. д.

Пѣсня № 48 того же Сборника описываетъ занятіе Боки Которской черногорцами при нашемъ содѣйствіи.

Пѣсня Сб. К. IV, № 44 описываетъ одинъ изъ эпизодовъ дубровницко-которской кампаніи, именно походъ къ Никшичу, турецкой крѣпости въ Герцеговинѣ, близъ черногорской границы, въ 1807 г.

«Пьютъ вино два побратима
На Цетиньѣ у бѣлой церкви:
Одинъ изъ нихъ Петровичъ владыка,
А другой московскій генералъ,
По имени его Бригадиромъ звали.
Когда выпили краснаго вина,
Повели рѣчь о томъ и другомъ,
Тогда говоритъ Петровичъ владыка:
«Побратиме, московъ-генерале!
Мнѣ, братъ, надоѣли турки:
Окружили со всѣхъ четырехъ сторонъ,
Полонятъ, жгутъ и сѣкутъ головы;
Вправду Турція ужъ слишкомъ расширилась,
А Черная гора стѣснилась,
Отъ турокъ житья намъ нѣтъ.
Но прошу тебя, милый побратиме,

Дай мнѣ пороху и оружія
И московскихъ смертоносныхъ солдатъ,
И ударимъ съ четырехъ сторонъ:
Съ однимъ отрядомъ нападемъ на Никшичъ,
Съ другимъ на Жаблякъ, городъ бѣлый,
Съ третьимъ, братецъ, на крѣпость Подгорицу,
А съ четвертымъ на Колашинъ *) твердый.
Если, братецъ, побѣдимъ турокъ,—
Черногорія будетъ о тебѣ помнить,
Ты оставишь въ ней воспоминаніе,
Пока есть солнце и пока есть мѣсяцъ».

Отвѣтъ русскаго генерала и возраженіе владыки уже извѣстны читателямъ.

«Уговорились оба побратима
Никшичъ отнять отъ турокъ.
Собрали все войско,
Бригадиръ двинулъ солдатъ,
А владыка молодыхъ черногорцевъ
Прямо на бѣлый Никшичъ.
И вотъ подошли къ большому мосту,
Что ведетъ къ бѣлому Никшичу.
Турки укрѣпились въ шанцахъ,
Не даютъ турокъ вступить на мостъ,
Тутъ бились ружейнымъ огнемъ,
Нѣсколько погибло богатырей».

Затѣмъ владыка вызываетъ охотниковъ изъ черногорцевъ занять мостъ; никто не рѣшается принять вызовъ; но вотъ приходитъ изъ Рудинья барякτаръ **) Белъ, врывается на мостъ и прогоняетъ турокъ къ Никшичу; городъ готовъ сдаться.

«Но гдѣ счастье, тамъ же и несчастье:
Поссорился цетинскій владыка
Съ московомъ своимъ побратимомъ.
Такъ ему говорилъ московъ:

---

*) Въ Старой Сербіи, недалеко отъ черногорской границы.
**) Прапорщикъ; *барякъ* значитъ, подобно древне-русскому *прапоръ*, знамя.

«Побратиме, цетинскій владыка,
Сколько выбудетъ у меня изъ строя солдатъ,
На всякаго ты мнѣ дашь по два черногорца».
А владыка сказалъ генералу,
Что не дастъ ему ни одного.
Тутъ—раздоръ, да Богъ его убьетъ!
Оставили бѣлый Никшичъ
И возвратились на цетинское поле».

Изъ исторіи извѣстно, что русскіе вмѣстѣ съ черногорцами дѣйствительно предпринимали въ 1807 г. походъ въ Герцеговину—въ Никшичу и Клобуку; но ихъ предпріятіе было остановлено французами.

Я уже имѣлъ случай говорить, что черногорцы считаютъ Императора Николая I идеаломъ русскаго Царя: его отважность и любовь къ черногорскому народу будутъ передаваться изъ рода въ родъ; память о немъ уже увѣковѣчена народными пѣснями. Покойный владыка, Петръ II, написалъ превосходную, сдѣлавшуюся народною, пѣсню о войнѣ русскихъ съ турками въ 1828 году: она напечатана въ сборникѣ Чойковича, № 55, стр. 81—90.

«Въ 1828 году (говоритъ пѣсня)
Мелкописная грамота полетѣла
Изъ пространнаго царства россійскаго,
Изъ бѣлаго Петрова града,
Отъ сильнаго Царя Николая,
Николая Павлова сына;
Летитъ грамота по землѣ и свѣту;
Такъ скоро она полетѣла,
Что было бы чудомъ, побратиме,
Еслибы несъ ее соколъ подъ крылами,
А не то, что русскій на ногахъ:
Пролетѣла землю безъ остановки,
Пока дошла къ султану Махмуту
Въ Стамбулъ великій градъ,
Гдѣ сидитъ султанъ на своемъ диванѣ.
Даетъ гонецъ султану грамоту,
Лѣвою рукою подавалъ,
А правою держался за саблю,

И султану такъ говорилъ:
«На эту грамоту дай мнѣ отвѣтъ
Острою саблею и мышцами крѣпкими
На первомъ полѣ сраженія,
Сраженія двухъ нашихъ силъ».
И тотчасъ гонецъ вернулся.
А когда султанъ прочелъ грамоту,
Почалъ изучать кровавую грамоту;
Султанъ учитъ, лихорадка его мучитъ;
Грамота задала ему страху.
Вотъ что пишетъ ему Царь кауровъ:
«Послушай меня, Султанъ-Отмановичъ!
Вотъ ужъ цѣлыхъ три года,
Какъ скончался мой братъ,
Скончался и передалъ мнѣ корону.
Жалобы отвсюду мнѣ надоѣли,
Отъ Сербіи и отъ Болгаріи,
Валахіи и Молдавіи,
Отъ всей Греціи и Анатоліи,
Все это плачется предо мною непрестанно
На проклятыхъ турокъ гонителей,
Отъ которыхъ житья имъ нѣтъ:
Ты все это видишь и ни о чемъ не думаешь».

Затѣмъ описываются самыя жалобы: 500 сербовъ изъ Шумадіи (княжества), у каждаго изъ которыхъ виситъ камень на горлѣ, жалуются, что турки убили ихъ князя, Георгія Чернаго, полонили ихъ цѣлыми тысячами и Сербію предали огню; три тысячи грековъ и болгаръ жалуются, что турки въ Свѣтлое Христово Воскресенье во время литургіи погубили патріарха, а съ нимъ 12 владыкъ, 360 монаховъ и 900 священниковъ; что они предали его живаго жидамъ, которые волокли его четыре часа по улицамъ Царьграда и потомъ утопили въ морѣ.

«Когда, султане, я увидѣлъ посланцевъ
И услышалъ о неволѣ,
Какую они терпятъ отъ турокъ,
Когда узналъ о гоненіи вѣры православной
И о посрамленіи и гибели патріарха,
Я объявилъ тебѣ войну черезъ грамоты

И сталъ собирать мое сильное войско
И посылать его черезъ землю валашскую,
Валашскую и молдавскую,
Къ Дунаю рѣкѣ холодной,
Чтобъ оно разрушило дунайскія крѣпости
Жестокимъ огнемъ пушечнымъ
И другіе города въ Турціи,
Чтобъ сравняло ихъ съ черною землею
И чтобъ быстро шло къ Стамбулу,
Чтобъ и его разорило и сожгло
Жестокими минами и бомбами,
А всѣхъ визирей турецкихъ
Живыхъ въ полонъ взяло
И послало вмѣстѣ съ тобою въ Россію,
Чтобъ вы знали, какая она подруга
Нашей матери церкви православной;
А ту силу въ тѣхъ турецкихъ странахъ,
Восемьдесятъ тысячъ солдатъ,
Я ввѣрилъ, съ Божьею помощью, Дибичу;
Еще другое я послалъ къ тебѣ войско,
Войско ровно въ сто тысячъ,
Подъ начальствомъ сильнаго фельдмаршала
Паскевича храбраго,
Чтобъ онъ покорилъ всю твою Азію
И перетрясъ кости Мухамеда
Въ проклятой Меккѣ и Мединѣ;
Но ты не посмѣлъ выйдти на бой—
Струсилъ — да будетъ тебѣ стыдно!
Подкупилъ христіанскихъ королей,
И они тебя вымолили у меня:
Я послалъ грамоты въ арміи
И воротилъ ихъ опять въ Россію,
Не хотѣлъ съ тобой ссоры заводить,
Понадѣясь на тебя, султанъ,
Что ты прекратишь злодѣйства,
Что турки перестанутъ тѣснить христіанъ,
Твои турки, сущіе волки,
И простилъ тебѣ всѣ свои раны,
Мы остались въ мирѣ попрежнему.
Но все это ни къ чему не повело:
Ты попралъ дружбу

Фирманомъ, что написалъ
И разослалъ по всей Турціи
Къ визирямъ, пашамъ и кадіямъ,
Чтобъ они потурчили всю бѣдную райю,
А кто не потурчился бы,
Тому саблею голову отсѣкали.
Я болѣе выносить не могу,
Но, если вправду говорятъ люди,
Что туркиня тебя родила, —
Собери войска какъ можешь болѣе,
Выходи съ войскомъ въ поле широкое —
Въ бою дѣлить царства;
Не скажи, что это—скрытно,
Не надѣйся ты болѣе на подкупъ», и т. д.

Султанъ созываетъ визирей и пашей на совѣтъ, собираетъ войско со всей Турціи и пишетъ отвѣтъ Царю:

«Николай, Царь со вчерашняго дня!
Ты пишешь мнѣ и въ грамотѣ говоришь,
Что тебѣ надоѣли жалобы христіанъ
На моихъ соколовъ турокъ,
Что турки угнетаютъ христіанъ.
Да, угнетаютъ! и будутъ угнетать!
Не спрашиваемъ у тебя, гяуръ,
Какъ намъ управлять райею,
Которыхъ сабля Орханова
Въ геройскомъ бою добыла
На Косовомъ и другихъ поляхъ
Отъ христіанскаго рода невѣрнаго,
Отъ Лазаря и другихъ царей;
Никогда тебя не спрашивалъ,
Какъ намъ царствомъ управлять;
Но ты вызываешь меня на бой,
На это отвѣчаю тебѣ, Царь:
Если тебя родила православная
И если ты почтенный московъ
И правнукъ Петра усатаго,
То приходи на богатырскій бой
Подъ бѣлой Варной на равнинѣ.
Теперь, клянуся, хочу засвидѣтельствовать
Твоею смертію—смерть короля Владислава,
И подъ Варною вырою тебѣ могилу,

На могилѣ поставлю мечеть и минареты.
Но довольно говорить, — выходи на бой
Со всей силою земли московской
На край поля широкаго,
Гдѣ мы, Царь, прежде всего встрѣтимся.
Если же ты не придешь подъ Варну,
Я приду къ твоему городу Петербургу».

Императоръ, получивъ это посланіе, *громко разсмѣялся* и двинулъ войска за Дунай и въ Азію. Описаніе пораженія турокъ подъ Варною приведено выше. Плѣнный Юсуфъ-Паша со всѣми *арапами* былъ отправленъ въ Петербургъ, а Варна разрушена.

Въ 1851 году скончался замѣчательный поэтъ и умный правитель Черногоріи, владыка Петръ II. Ему наслѣдовалъ Даніилъ I: онъ не чувствовалъ влеченія къ строгой жизни монашеской, а потому рѣшился искать *княжества* у сильнаго Царя Николая. Покойный Императоръ согласился исполнить его просьбу, но при этомъ, по словамъ народной пѣсни (Сб. К. V, № 1, стр. 31), справедливо замѣтилъ ему:

«Князь—титулъ очень важный;
Что значитъ князь, когда у него нѣтъ княжества;
Князю нужны большія издержки,
А у тебя рѣшительно ничего нѣтъ,
Кромѣ камней въ твоей Черной горѣ,
И я боюсь, молодой черногорецъ,
Что, если поставлю тебя княземъ
И ты вернешься въ Черногорію,
Ты совсѣмъ оберешь народъ
И разоришь твоихъ черногорцевъ,
А они и безъ того не могутъ жить.
Будутъ проклинать тебя черногорцы,
Проклинать и меня, и тебя,
Когда будешь собирать съ нихъ подать.
Боюсь я еще болѣе,
Что скажутъ остальные короли,
Особенно Султанъ-Отмановичъ:
Онъ говоритъ, что ты его райя
И что Черная гора его собственность».

Мужественно отвѣчаетъ ему Данило:
«Пожалуй меня, сильный мой Царь!
Пожалуй меня, поставь княземъ,
Я прошу тебя, славный мой Царь!
Правда, мѣсто бѣдное,
Бѣдна моя Черная гора.
Но я буду беречь моихъ черногорцевъ,
Беречь ихъ, какъ свою голову;
А что говоришь о другихъ короляхъ,—
Почему бы имъ было супротивно:
Я не ищу ничьихъ владѣній,
А только то, что мое отъ старины;
А что говоришь о султанѣ турецкомъ,
Что султанъ сказываетъ, будто я его райя,—
Вотъ уже болѣе двухсотъ лѣтъ,
Какъ я ему никогда не былъ райя,
Дань же ему платилъ
И всегда обдаривалъ его хорошо,
Когда онъ съ войскомъ нападалъ на меня,
Горькими грушами ружейными.
Много силы я у него позбавилъ,
Губилъ пашей и визирей,
Когда онъ съ ними прежде воевалъ,
И опять буду (воевать), если Богъ дастъ;
Пока есть у меня молодые черногорцы,
Не боюсь я царства его».
Когда Царь Николай услышалъ,
Что ему говоритъ Петровичъ-Данило,
Что ему говоритъ мудро и умно,
Громко Царь размѣялся,
На плечо положилъ ему десницу
И такое слово вымолвилъ:
«Зравствуй, князь, будь здоровъ,
Счастливъ будь для всей Черной горы,
Счастливъ будь и будь къ нимъ добръ!
Но послушай меня, князь Петровичъ!
Еслибы султанъ разсердился
И на тебя послалъ войско,
Сколько ты можешь выдержать?»
А князь Данило ему отвѣчаетъ:
«У меня войска только двадцать тысячъ,

Что носитъ у меня оружіе,
Отъ мальчика пятнадцати лѣтъ
До старика семидесятилѣтняго:
Вотъ все мое войско,
Но оно отчаянно-храбро:
Сто тысячъ можетъ выдержать,
И съ нимъ можно всегда воевать,
Былъ бы только порохъ и пули».
Царю это понравилось:
«Ну, прощай, князь Петровичъ!»
Далъ ему грамоту на княжество,
Подписалъ ее царскою рукою
И приложилъ царскую печать:
«Поклонись моимъ черногорцамъ!
Полагаю на тебя мою десницу,
На всякаго твоего черногорца,
И даю тебѣ честное слово:
Еслибы султанъ поднялся
И ударилъ на тебя съ войскомъ,
Пусть шлетъ сто тысячъ войска,
Обороняйся самъ съ помощью Божіею;
Если же онъ двинетъ больше,
Я самъ объявлю войну султану.»
Князь схватилъ царскую руку,
Поцѣловалъ ее, поклонился до земли
И поблагодарилъ своего государя».

Пожалованіе Даніила княземъ произвело неописанный восторгъ въ Черногоріи:

«И запѣли малый и великій
По горамъ и долинамъ:
«Все во славу Бога великаго
И во здравіе Царя россійскаго,
Который пожаловалъ намъ князя,
И во здравіе нашего свѣтлаго князя!»

Вернувшись въ Черногорію, Даніилъ I началъ войну съ турками, но былъ остановленъ въ своемъ неблагоразумномъ предпріятіи Императоромъ Николаемъ; когда же позже (въ 1852—1853 г.) Омеръ-Паша напалъ на Черногорію, она была спасена нами (п. № 4, стр. 188—189).

Кончина Императора Николая I произвела тяжелое впечатлѣніе въ Черногоріи:

«Мы лишились нашего солнца,
Милостиваго Царя Николая»,

говоритъ пѣсня (I, 53).

«Воцарился Александръ
И, узнавъ о соболѣзнованіи
Храброй Черной горы,
Послалъ къ нимъ своего консула,
Стремоухова генеральнаго-консула,
Съ приказаніемъ идти на Цетинье ровное
Благодарить князя и народъ
За ихъ горячее соболѣзнованіе;
Но пришелъ онъ не въ добрый часъ,
Поссорился за что-то съ княземъ,
Не знаютъ, за что и какъ,
Разошлись сердитые;
А когда увидѣлъ то Юрій Петровичъ,
Призвалъ къ себѣ генерала,
Отвелъ его въ свою горницу,
И здѣсь онъ переночевалъ,
А на другой день всталъ утромъ рано,
Юрій досталъ ему проводниковъ,
И консулъ отправился въ Дубровникъ».

Услужливые черногорцы истолковали князю пребываніе нашего консула у Юрія Петровича такъ:

«Иль не видишь, милостивый государь,
Гдѣ останавливается русскій генералъ,—
У Юрія, у твоего дяди;
Они всю ночь тайно совѣщались,
Чтобы тебя очернить предъ Царемъ,
Они тебѣ измѣнятъ,
А что можетъ послѣ быть,—
Могутъ тебѣ голову стереть;
Но дѣйствуй мудро и умно».
То было князю очень тяжело.
И такъ онъ имъ отвѣтилъ:
«Увы! никакъ не могу отдохнуть
Отъ этого моего домашняго несчастья:

Я думаю, что это правда».
Тогда вскочилъ онъ на легкія ноги
И такое слово вымолвилъ:
«Пусть дѣлаютъ, что хотятъ;
Я и не думаю о Царѣ русскомъ:
Онъ меня ни кормитъ, ни отъ зла хранитъ;
Пойду въ царю французскому,
Пусть ведетъ меня къ султану турецкому,
Чтобъ онъ далъ мнѣ мою старину,
Старину Иванбеговину *),
Я ему буду дань давать съ Черной горы,
Расширю мою Черногорію,
А когда достаточно ее порасширю
И когда соберу запасы,
То-есть военные запасы,
Устрою дивное войско,
О султанѣ тогда и не подумаю,
А противъ него же оборочу дуло,
А тамъ—что Богъ дастъ и военное счастіе!»
На то говорятъ ему черногорцы,
Особенно Петровичъ Юрій:
«Ради Бога, милостивый государь,
Не отпадай отъ Царя русскаго:
Не было бы креста трехперстнаго,
Еслибъ не было великаго орла,
Великаго Царя россійскаго». **)
Но тайно шепчутъ ему черногорцы:
«Ты теперь видишь, милостивый государь,
Что Юрій хлопочетъ объ измѣнѣ:
Ужь слишкомъ придерживается Царя русскаго.
Иль не видишь, что приключилось?»
Князь взаправду повѣровалъ,
Всталъ на ноги легкія,
Взялъ съ собою княгиню Дариньку
И пошелъ прямо въ Которъ».

---

*) Родоначальникъ князей черногорскихъ—Иванъ Черноевичъ—умеръ въ 1490 г. Его столицею былъ Жаблякъ.

**) Здѣсь кстати упомянуть, что въ Цетиньѣ доселѣ хранится завѣщаніе владыки Петра I Св., въ которомъ онъ предаетъ проклятію всякаго черногорца, который отступился бы отъ Россіи.

Въ Которѣ, какъ извѣстно, погибъ князь Даніилъ I отъ измѣннической руки въ 1860 году: на его мѣсто былъ поставленъ нынѣшній правитель Черногоріи, *Николай I*, его племянникъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ Парижа.

Къ послѣднему (1859) году княженія Даніила I относится изданная въ Цетиньѣ въ 1862 г. пѣсня „*Хорватъ-баша черногорскій:*" въ ней воспѣвается освобожденіе изъ турецкой тюрьмы „хорватъ-баши (старѣйшины)" черногорцевъ и поморцевъ,—отправляющихся ежегодно сотнями на заработки въ Константинополь, — бывшимъ нашимъ посланникомъ, княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, и его совѣтникомъ

...... «вѣщимъ Новиковымъ,
Знающимъ по-турецки и арабски
И разумѣющимъ двадцать языковъ».

Это — послѣдняя черногорская пѣсня во славу Россіи. Офранцуженный молодой князь Николай I любитъ слушать только о подвигахъ своего отца, Мирка Петровича, и уже давно изгнаны изъ цетинскаго дворца пѣсни, которыя пѣлись

«Во имя Бога великаго,
А во здравіе Царя россійскаго!»

ПРОБУЖДЕНІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Съ искреннимъ братскимъ сочувствіемъ привѣтствуемъ пробужденіе литературной дѣятельности въ Черногоріи! „Черногорія“—повторимъ слова извѣстнаго далматинскаго патріота и поэта Сундечича — „достаточно прославилась своимъ оружіемъ; но ей нужно теперь и умственное развитіе, дабы не отстать отъ остальныхъ просвѣщенныхъ странъ и народовъ. Хороша храбрость, но знаніе еще лучше. Знаніе составляетъ нынѣ силу цѣлаго свѣта и источникъ всякаго успѣха. Горе народу, отстающему въ знаніи отъ другихъ, ибо онъ дышетъ чужимъ духомъ, живетъ чужою жизнію, а въ этомъ заключается гибель народная.“

И дѣйствительно, Черногоріи недоставало доселѣ умственнаго развитія: успѣхи европейской образованности почти еще не проникали за эти скалы, политыя турецкою кровью; черногорцамъ, занятымъ постоянно въ теченіе почти пяти вѣковъ упорною борьбою съ врагами креста, было не до науки, и они остались внѣ всеобщаго движенія: но ихъ патріархальный бытъ можетъ приводить въ восторгъ только отчаяннаго археолога, ничего не видящаго изъ-за своихъ древностей.

Дважды пыталась-было Черногорія выступить на поприще умственной дѣятельности; но оба раза особыя обстоятельства останавливали въ самомъ началѣ эти попытки.

Юрій Черноевичъ, женившись на венеціанкѣ, вызвалъ изъ Венеціи типографщика, добылъ кирилловскій шрифтъ и началъ печатать въ Ободѣ (нынѣ Рѣка) церковныя книги: это была первая по времени типографія на славянскомъ югѣ. Въ ней былъ напечатанъ въ 1491 г.

Осмогласникъ, одинъ экземпляръ котораго хранится доселѣ въ цетинскомъ дворцѣ. Увлеченный женою, Юрій Черноевичъ промѣнялъ Венецію на Черногорію; Ободъ потурчился, и его типографія прекратила свою дѣятельность.

Владыка Петръ II, лучшій сербскій поэтъ эпохи славянскаго возрожденія, завелъ-было (около 1835 г.) вторую типографію въ Цетиньѣ; но ея дѣятельность ограничилась изданіемъ двухъ-трехъ книжекъ альманаха „Горлица" секретаря владыки, Милаковича, книжки сербскихъ пѣсенъ Караджича и поэмы Милутиновича „Черногорская слава."

При преемникѣ Петра II, князѣ Даніилѣ I, напечатанъ въ цетинской типографіи только краткій черногорскій „Законникъ."

При Николаѣ I, во время герцеговинско-черногорской войны, напечатаны: воззваніе (Сѣкулича) къ братьямъ боснякамъ и пѣсня „Хорватъ-баша черногорскій."

Виновникъ новаго литературнаго движенія въ Черногоріи—поэтъ *Иванъ Сундечичъ*. Претерпѣвъ разныя невзгоды въ Далмаціи, онъ удалился въ 1864 году со всѣмъ своимъ семействомъ въ Черногорію, гдѣ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны князя Николая. „И вотъ привела меня," говоритъ онъ, „звѣзда моя въ свободную землю, въ землю героевъ, гдѣ почти всякій камешекъ политъ кровью за независимость и сохраненіе святыхъ народныхъ правъ, въ землю, въ которой сынъ отечества смѣетъ и можетъ свободно, какъ въ кровавомъ бою, такъ и на поприщѣ умственной дѣятельности, трудиться на пользу дорогой его народности и общаго отечества. Отчасти насиліемъ злобы и зависти, а болѣе всего самовольною неправдою злыхъ враговъ, пораженныхъ уже хулою общественнаго мнѣнія, меня, гонимаго съ родительскаго порога, не оставило и на этотъ разъ небесное провидѣніе. Оно указало мнѣ пріятельскую руку, руку отеческую, которая въ тяжкую минуту жизни твердо удержала меня отъ паденія, отчаянія

и, что хуже всего, отъ униженія передъ моими гонителями. Эта добродѣтельная рука была свѣтлаго государя скалистой Черногоріи; эту руку я буду всегда съ благодарнымъ сердцемъ осыпать горячими поцѣлуями, не какъ проданный рабъ, а какъ настоящій сынъ, который не смѣетъ быть подлымъ, но чувствуетъ, что всегда долженъ быть благодаренъ за полученныя имъ благодѣянія."

Проникнутый такими чувствами, уже закаленный въ бою съ врагами славянскаго племени, горячо принялся Сундечичъ за новую дѣятельность въ Черногоріи. „Признаюсь," говоритъ онъ, „я не владѣю ружьемъ и мечемъ; но я могу немножко двигать перомъ и тѣмъ приносить нѣкоторую пользу народу. Желаю успѣха дѣйствующимъ мечемъ и ружьемъ: мое оружіе—перо, и я буду дѣйствовать имъ, сколько силы позволятъ; воинъ пусть попрежнему защищаетъ въ случаѣ нужды домашній кровъ, а я съ этихъ горъ буду провозглашать все, что могу и что заслуживаетъ вниманія. А чтобы начать поскорѣе — пока обстоятельства дозволятъ мнѣ расширить мою дѣятельность —вотъ посылаю вамъ, братья, горную пташку, сиваго „Орлича." Онъ увидѣлъ свѣтъ посреди крутыхъ черногорскихъ скалъ, и въ такое короткое время не успѣли еще подрости ему крылья; но я твердо уповаю, что все-таки примутъ и приголубятъ его братья, какъ своего и отъ своего. Съ Божьею помощью окрѣпнутъ современемъ и разширятся его крылья, и онъ не станетъ понапрасну летать съ своихъ горъ къ братьямъ; но, подобно ноевой голубицѣ, онъ будетъ приносить вѣтвь за вѣтвью братскаго примиренія, наиболѣе нужнаго намъ въ настоящее время, — братскаго примиренія, которое великій духъ, коего смертные останки почіютъ на вершинѣ славнаго Ловчена *, первый съ этихъ горъ сталъ распространять своими див-

*) Здѣсь разумѣется владыка Петръ II, погребенный на вершинѣ Ловчена.

ными и вдохновенными пѣснями, вытекавшими изъ его мудрой головы и горячаго патріотическаго сердца. Дай Боже, чтобы я могъ, хотя издалека, слѣдовать за его величественнымъ шествіемъ и служить вѣрнымъ сыномъ общему нашему отечеству отъ Триглава до Балкана. Черная гора—отголосокъ нашей воинственной славы — пусть будетъ отнынѣ отголоскомъ братской любви и согласія.“

Въ этихъ немногихъ словахъ очерчена программа литературной дѣятельности Сундечича и его сотрудниковъ въ Черногоріи; но прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію, какъ она была исполнена, мы должны сказать, что Сундечичъ получилъ въ одно время два назначенія въ Черногоріи — секретаря князя Николая и управляющаго типографіею,—что, ни въ чемъ не успѣвъ въ первой должности, онъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ во второй: онъ убѣдилъ князя выписать изъ Праги новые шрифты, привелъ въ порядокъ типографію и напечаталъ въ ней сначала пѣсни Мирка Петровича „Црногорски споменикъ“ (Черногорскій памятникъ: такъ названы безъискуственныя пѣсни о послѣдней войнѣ съ турками), а потомъ три книжки „Орлича“ и „Степеникъ изъ Кормчіе са славено-русскога езика и изъ србуляхъ“ (степени родства по кормчей славяно-русской и сербской редакцій) архимандрита Никифора Дучича. Сундечичъ намѣревался издавать въ Черногоріи газету „Орловъ кршъ (Орловая скала)“; но князь Николай призналъ подобное предпріятіе неудобоисполнимымъ.

Въ 1865 году, когда начался издаваться черногорскій календарь „Орличь“, у Сундечича было только два сотрудника — *князь Николай* и архимандритъ *Н. Дучичъ;* въ 1866 году онъ пріобрѣлъ еще двухъ сотрудниковъ—извѣстнаго далматинскаго патріота и писателя *Павлиновича* и тріестинца *Бастіана;* въ 1867 году къ нимъ присоединились еще трое—*Мирко Петровичъ*, *Ристо Ковачичъ* и личанинъ *Францъ Туричъ*. Пріобрѣтеніе сотрудниковъ между далматинцами свидѣтельствуетъ объ ихъ сочув-

ствіи направленію „Орлича,“ направленію *славянофильскому*, строго преслѣдуемому австрійскимъ правительствомъ: стихотворенія и статьи этихъ далматинскихъ сотрудниковъ проникнуты одинаковою ненавистью какъ къ нѣмцамъ, такъ и къ туркамъ, и надеждою на неминуемую перемѣну въ судьбѣ южныхъ славянъ въ близкомъ будущемъ. Самымъ ревностнымъ сотрудникомъ „Орлича“ сталъ католическій священникъ *Михаилъ Павлиновичъ*, гонимый, подобно Сундечичу, далматинскими властями за его патріотическія стихотворенія и статьи.

Программа „Орлича“ есть вмѣстѣ съ тѣмъ программа всей литературной и политической дѣятельности Сундечича: онъ неуклонно слѣдовалъ ей и прежде, какъ въ своихъ стихотвореніяхъ, такъ и въ недолговѣчной своей газетѣ. Изъ-за нея онъ лишился профессорской каѳедры въ задарской семинаріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ къ существованію; она загнала его въ „ломну“ Черногорію. Сущность этой программы заключается въ слѣдующемъ положеніи: численная сила славянъ парализуется ихъ племенною и религіозною враждою; для блага общаго мы должны забыть наши домашнія распри и дружно соединиться—безъ различія вѣроисповѣданій — въ общемъ дѣлѣ и общими силами завоевать себѣ будущность: еслибы славяне дѣйствовали согласно, то были бы сильнѣйшимъ народомъ въ мірѣ. Не упуская изъ виду всего славянскаго племени, Сундечичъ обращается съ призывомъ къ единодушію преимущественно къ южнымъ славянамъ: „Сюда, братья съ Дравы до Балкана, съ Дуная до Адріатическаго моря, которымъ судьба опредѣлила жизнь и смерть, славу и неволю, въ одномъ и томъ же союзѣ!“ взываетъ поэтъ къ сербамъ, хорватамъ и болгарамъ. „Гдѣ не гнѣздится братская любовь, развѣ тотъ народъ идетъ къ счастью!.. Развѣ онъ, находясь въ неволѣ, можетъ на что надѣяться?... Зачѣмъ разлучаетъ вѣра, которая ясно учитъ людей, что они всѣ до одного сыновья единаго Бога. Родные братья не всѣ ли одинаково милы своему отцу? Приба-

вимъ еще ту же самую чистую кровь, что насъ согрѣваетъ, одно имя, одно племя и одинъ кровъ подъ небомъ. Ну, кто тогда смѣетъ сказать, что вовсе не постыдно, что такіе братья другъ друга ненавидятъ, что они могли бы быть сильны, какъ любой народъ, считающійся первымъ по могуществу, когда бы только были согласны и слились въ одинъ духъ, въ духъ любви къ отечеству, плодотворной всякимъ успѣхомъ въ народномъ движеніи къ самостоятельному развитію? Пусть всякій почитаетъ свою вѣру, держится ея, любитъ и бережетъ ее, пока одобряетъ его совѣсть, что его вѣра истинная. Но гдѣ касается того, чтобы на пользу своей родины мы дышали однимъ духомъ, горѣли однимъ чувствомъ, то будемъ единодушны и всѣ послушны одному голосу!... голосу, что громко призываетъ каждаго изъ насъ отважно стремиться изъ пресмыканія къ солнцу вѣчной жизни."

Такъ говоритъ Сундечичъ въ своемъ стихотвореніи *Вршидба*, написанномъ имъ, когда онъ еще былъ профессоромъ въ Задрѣ: ту же самую мысль проводитъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ и статьяхъ, напечатанныхъ въ „Орличѣ" 1865 –1867 г.

Въ статьѣ „Славяне и славянство" (*Орличъ* 1865 г. стр. 52—62), доказывая необходимость народнаго самопознанія и сообщая свѣдѣнія этнографическія и историческія (не всегда впрочемъ вѣрныя) о различныхъ славянскихъ племенахъ, Сундечичъ останавливается на южныхъ славянахъ и призываетъ ихъ забыть племенныя и вѣроисповѣдныя распри и жить въ мирѣ и согласіи:

„Различіе вѣры до сихъ поръ отдѣляло брата отъ брата. Изъ-за вѣры мы презирали другъ друга, какъ какіе-то враги. Въ этомъ болѣе всего виноватъ вѣроисповѣдный фанатизмъ, это исчадіе средняго вѣка, въ который схоластическія начала наводнили всю религію и съ помощью пропаганды заразили сердца людей. Въ религіозной борьбѣ востока съ западомъ мы приняли на себя самые сильные удары, и чѣмъ болѣе мы отставали

въ просвѣщеніи, тѣмъ легче увлекались духомъ партій. Такимъ образомъ братъ отдалился отъ брата,—явились между нами несогласіе и презрѣніе, и они-то породили нашу гибель.“

„Оставимъ то, что было прежде! Но и теперь еще, къ сожалѣнію, видны у насъ слѣды вѣроисповѣдной вражды: мы еще продолжаемъ обвинять другъ друга, хотя обѣ стороны виноваты.“

„Вѣра есть дѣло совѣсти, и всякій самъ отвѣчаетъ предъ Богомъ за свою вѣру. Иное дѣло — народность: какъ всѣ мы составляемъ народъ, такъ всѣ мы безъ различія должны поддерживать народъ и народность, какой бы мы ни были вѣры, какъ бы мы ни крестились и молились.“

„И нѣмцы различной вѣры; но, умудренные знаменитою своею вѣроисповѣдною борьбою, они не спрашиваютъ нынѣ другъ друга о вѣрѣ, а общими силами отстаиваютъ свои нѣмецкіе, хотя бы и самые ничтожные, интересы; они также единодушно дѣйствуютъ и въ своемъ смѣшномъ стремленіи онѣмечить цѣлый свѣтъ.“

„И для насъ нѣтъ другаго исхода. Нужно и намъ опомниться, и не презирать другъ друга изъ-за вѣры, а почитать вѣру каждаго, какъ святыню души. Такимъ образомъ мы положили бы прочное основаніе нашего согласія, а согласіемъ стали бы сильны и страшны врагу.“

„Къ несчастію, мы раздвоены еще азбукою, и не имѣемъ общаго литературнаго языка. Но, Богъ дастъ, дѣйствуя единодушно, мы придемъ къ соглашенію и въ этомъ важномъ дѣлѣ.“

„Нынѣ, кромѣ 100.000 душъ въ свободной Черногоріи подъ управленіемъ дома Петровичей и милліона душъ подъ султанскимъ сюзеренствомъ въ княжествѣ Сербіи, весь нашъ югъ находится подъ чужою властію. Его силы чужеземецъ тратитъ на свою пользу; его жизнью располагаетъ для защиты своей жизни; его кровавымъ трудомъ питаетъ свою утробу и поддерживаетъ свое господство. Не позорна ли эта неволя нашего народа?“...

„Но какъ живо небо, простирающееся надъ нашимъ югомъ, такъ живъ и народъ нашъ, обитающій подъ этимъ небомъ. Еслибы когда-нибудь этотъ народъ, у котораго достаточно и головъ и рукъ, могъ развиваться по своимъ собственнымъ началамъ, у него бы конечно и науки, и искуства, и промышленность, и торговля пріобрѣли свои блестящія свѣтила, которыя бы нетолько намъ, но и всему человѣчеству были на славу. Но доколѣ не будемъ *свои*, невѣжество сильно будетъ насъ давить, и рѣдкія звѣзды будутъ появляться на нашемъ небѣ, но и ихъ вражескій туманъ будетъ закрывать, помрачать ихъ блескъ, угашать ихъ свѣтъ"....

„О преобладаніи однихъ надъ другими не будемъ бороться. Кто больше послужитъ кресту и народу, за тѣмъ народъ, конечно, и признаетъ первенство.... Одинъ только искренній союзъ нашихъ племенъ составляетъ самое прочное основаніе нашего зданія; въ одномъ только согласіи заключается спасеніе нашего юга; только черезъ наше побратимство можетъ воскреснуть новое народное бытіе наше; только съ помощью нашего настоящаго просвѣщенія сокрушится гора нашихъ предразсудковъ, подъ давленіемъ которой мы едва дышемъ; только такими средствами можетъ народъ нашъ достигнуть величія и силы."

Вотъ та первая *вѣтвь братскаго примиренія и союза, которую принесъ намъ „Орличъ" съ своихъ горъ;* въ слѣдующіе два года онъ принесъ намъ еще двѣ такія же вѣтви.

Въ напечатанной въ „Орличѣ" за 1866 годъ (стр. 59—63) статьѣ: „Будущность—наша," Сундечичъ доказываетъ, что народъ будущаго—славяне, превосходящіе и числомъ и пространствомъ, ими занимаемымъ, и наконецъ внутренними качествами племена романское и германское. Выставляя наши преимущества, Сундечичъ не забываетъ и нашихъ недостатковъ:

„Правда, что чужеземство кое въ чемъ измѣнило и попортило нашъ народъ, кое въ чемъ запугало его. Правда, что народъ нашъ имѣетъ свои тяжкіе смертные

грѣхи, между которыми два главныхъ — *небратство* и *раздоръ*. Правда, что нашему народу много сѣтей разставлено, много затворовъ повѣшено, много путей пресѣчено. Но всѣ эти преграды должны пасть; обманы и страхи исчезнуть; братство и согласіе между нами водворится; адскія сѣти и западни опрокинутся. Народъ познаетъ свои грѣхи, увидитъ свои глубокія раны: въ грѣхахъ покается, ранамъ лекарства поищетъ, изцѣлится и душею и тѣломъ и выступитъ въ бой со всякою змѣею, которая покусилась бы пожрать его.“

„И романское и германское племена далеко насъ опередили въ просвѣщеніи; но все-таки мысль у нашего народа проще (не такъ сложна: *едноставнія*), чувство горячѣе, сердце цѣльнѣе, душа чище и религіозный духъ сильнѣе и прочнѣе. А это все — крылья, съ помощью которыхъ народъ нашъ можетъ скорѣе достигнуть своей цѣли.“

„Изъ двухъ элементовъ, германскій былъ до сихъ поръ наиболѣе гибеленъ для нашего народа. Кому неизвѣстны нѣмецкія стремленія на Востокъ? а таковыя стремленія кого имѣли въ виду, если не нашъ народъ?“

Ускорить время всеобщаго освобожденія славянъ зависитъ отъ насъ самихъ, „отъ нашего сосласія, отъ нашего усердія ко всестороннему развитію нашего народнаго просвѣщенія, отъ нашей отважности помѣряться съ остальными европейскими народами, а особенно отъ того патріотическаго духа, который можетъ оживить умерщвленные члены, исцѣлить кости, уже подвергшіяся гніенію, одушевить тѣло, обратившееся въ каменный столбъ.“

„Наша будущность не можетъ наступить сегодня или завтра, ибо мы еще не познали себя, какъ слѣдуетъ: мы лишены общаго руководителя; наши жизненныя силы потрачены; мы раздроблены на множество членовъ; духъ и сердце наши отравлены вліяніемъ чужой воли; кровь высосана изъ нашихъ жилъ, мозгъ выпитъ изъ костей; мы уснули, почти умерли.“

Но — продолжаетъ нѣсколько далѣе нашъ почтенный поэтъ — старанія патріотовъ къ пробужденію народности остались не безъ успѣха: „въ сердца началъ проникать голосъ природы; многія головы освѣтились мыслью, что нельзя быть своимъ и не поддерживать своихъ; многія души приготовлены уже на всякія жертвы, лишь бы добыть то право, которое Богъ далъ всякому народу на свѣтѣ.“

Подобныя же мысли проводятся Сундечичемъ и въ письмѣ его къ пріятелю „о восточномъ вопросѣ“, напечатанномъ въ „Орличѣ“ за 1867 годъ.

Восточный вопросъ былъ доселѣ, по мнѣнію Сундечича, вопросомъ о преобладаніи или господствѣ на Востокѣ той или другой изъ великихъ державъ. Въ силу вѣнскаго договора 1815 г., онѣ имѣли право распоряжаться на Востокѣ полными хозяевами, мѣнять и дѣлить между собою турецкія области, не спросясь жителей. Но съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ III провозгласилъ принципъ народности, получившій уже примѣненіе въ Италіи и Германіи, славяне имѣютъ полное право возвысить свой голосъ и протестовать противъ всякой попытки Европы распоряжаться ихъ судьбою безъ ихъ спроса. Хорваты и сербы своею грудью защитили „неблагодарную западную Европу отъ страшнаго натиска мусульманскаго варварства“, и въ награду за свои заслуги подпали нѣмецкому и мадьярскому гнету, въ немногомъ уступающему турецкому игу. Но „вопреки неограниченному господству, силѣ и самоволію чужеземцевъ, нашъ народъ сохранилъ свой языкъ, свои племенныя имена, свои обычаи, свои историческія воспоминанія и многія прекрасныя качества своего духа, души и сердца. Никакая сила и неволя, никакое лукавство и хитрость не можетъ уничтожить въ нашемъ народѣ народнаго самосознанія. Оно всегда, подобно углю подъ пепломъ, тлѣло въ груди народа и одушевляло его надеждою на Бога, постояннымъ терпѣніемъ, великодушнымъ пожертвованіемъ и твердою увѣренностью, что есть конецъ всякой муки....“

„Но народъ нашъ нетолько сохранилъ свою народность, но и удержался на собственной своей землѣ, въ собственномъ своемъ отечествѣ...“

„Кому же, какъ не намъ, болѣе всего пристойно защищать свой домъ и избавить его отъ рабства? Другіе могли бы спорить о какой-нибудь пустоши; но нашъ домъ не пустъ: мы на нашемъ порогѣ живы и многочисленны, и чувствуемъ всю тяжесть рабства, и взываемъ о помощи, и желаемъ быть свободны; но вмѣсто помощи получаемъ вредъ“.

„Освободиться отъ одного ярма, чтобы подставить шею подъ другое, хотя бы болѣе легкое, вовсе для насъ не утѣшительно. Скажу болѣе, мы имѣемъ явное доказательство того, что нѣмецкое болѣе легкое ярмо причинило народу болѣе *нравственнаго* вреда, чѣмъ турецкое непомѣрно тяжелое. И такъ намъ предстоитъ или стать независимыми или навѣкъ остаться рабами. А стать независимыми никто и никакая держава не можетъ намъ воспрепятствовать; но напротивъ, въ видахъ человѣчности, христіанства и образованности, всякая должна бы была искренно протянуть намъ руку, чтобы ускорить и облегчить намъ освобожденіе изъ-подъ чужаго ига“.

„Теперь рождается важный вопросъ: могутъ ли христіане сами собою освободиться изъ-подъ турецкой власти; а если не могутъ, кто бы болѣе всего могъ имъ помочь?“

„Подъ вышепомянутыми христіанами еслибы мы хотѣли разумѣть только нынѣшнюю турецкую *райю*, которая состоитъ изъ небольшаго числа грековъ и албанцевъ, потомъ большею частію изъ болгаръ и сербовъ и немногихъ хорватовъ, — тогда объ освобожденіи помощью собственныхъ ихъ силъ нечего говорить и надѣяться, такъ-какъ помянутые христіане до такой степени угнетены, что не могутъ и головой пошевельнуть, и потомъ лишены всякаго блага божьяго и всего, что необходимо для возстанія и сильнаго отпора. Но когда расширимъ это понятіе и будемъ имѣть въ виду страш-

ный для Турціи *четвероугольникъ*: съ одной стороны сербы и румыны, съ другой греки и черногорцы, и когда бы смѣли еще хорваты и сербы австрійскіе прійти къ намъ на помощь,—нѣтъ сомнѣнія, тогда пробилъ бы послѣдній часъ османліямъ въ Европѣ... Но, къ великому сожалѣнію нашему, еще теперь нужно смотрѣть какъ на неосуществимую фантазію общій союзъ всѣхъ этихъ христіанъ противъ общаго врага... Еще есть между нами гнусныя страсти и предубѣжденія и глубокіе корни братскаго раздора, и нельзя еще надѣяться на такую политическую зрѣлость и мудрость всѣхъ по Богу братій...."

„Если обратимъ еще вниманіе на великую безнравственность румынскаго народа, — на положеніе Греціи, которую должны болѣе всего занимать острова Архипелага,—на невозможность со стороны австрійскихъ хорватовъ и сербовъ хоть сколько-нибудь помочь ихъ братьямъ въ Турціи,—тогда увидимъ, что только Сербія и Черногорія призваны подвинуть рѣшеніе восточнаго вопроса и освободить своихъ страждущихъ братій..."

„Не отрицаю, что и ихъ собственныя силы слишкомъ слабы и ничтожны для такого громаднаго предпріятія. Но возможно ли, чтобы ихъ самихъ оставила та часть Европы, въ которой чтутся и защищаются свободныя начала? Ужели великій славянскій сѣверъ, вѣчный врагъ турецкаго полумѣсяца,—на томъ же самомъ основаніи, на какомъ Франція помогаетъ Италіи и дунайскимъ румынамъ, а Пруссія объединяетъ сѣверную Германію, т. е. на основаніи въ обширномъ смыслѣ взятой народности—не подастъ намъ искренней помощи, единственно для того чтобы мы *на нашемъ югѣ* сплотились въ великій и могущественный народъ и унаслѣдовали наши народныя права?"

„Свободная Европа, если Богъ дастъ, поспѣшитъ къ намъ на помощь; великая Россія вполнѣ исполнитъ обязанности, возлагаемыя на нее единокровностію; и только такимъ образомъ можетъ рѣшиться *восточный вопросъ*, и

то въ пользу не болѣе сильнаго, а тѣхъ, которые были доселѣ угнетены и которые имѣютъ *святѣйшее право* быть свободными хозяевами въ собственномъ своемъ домѣ....“

Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня за эти длинныя выдержки изъ статей Сундечича: въ нихъ лучше всего выразилось направленіе новой литературной дѣятельности въ Черногоріи; въ нихъ сведено въ систему то, что разбросано въ другихъ статьяхъ и стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ трехъ книжкахъ „Орлича“.

Не могу воздержаться, чтобъ не передать моимъ читателямъ, въ слабомъ переводѣ, далеко не передающемъ прелести подлинника, нѣсколько отрывковъ изъ стихотвореній Сундечича.

Вотъ напримѣръ—изъ превосходной оды „Ловченъ“—воззваніе поэта къ Европѣ:

„Прійди Европа!—ты славишься своими доблестями... Если тебя подлинно согрѣваетъ чувство человѣколюбія, если въ твоемъ сердцѣ есть еще мѣсто для Вѣры, обрати свой взоръ на эти скалы—голыя, но многоцѣнныя! склони чело и подивись на эту кровь и раны!“

„И спроси: кто эти духи?—Это блаженныя жертвы свободы,—жертвы за море этихъ скалъ,—жертвы, говорящія тебѣ съ укоромъ: „Посмотри, Европа, за что мы пали! за то только, чтобы избавиться отъ челюстей тираніи! У тебя есть Лондонъ, Парижъ, Петербургъ, Вѣна,—у насъ эти мрачныя скалы: за нихъ мы кипимъ местью, за нихъ мы живемъ, за нихъ и умираемъ“.

„Онѣ—святой уголокъ, который Юговичъ знаетъ за свой собсвенный, въ которомъ поетъ его вила, въ которомъ судитъ его шапка: остальнаго онъ ожидаетъ отъ твоихъ рукъ, перенося рабство, неволю, муку, доколѣ сердца твоего не коснется голосъ правды, взывающій къ Богу; Европа, не будь нами проклята: Да будетъ тебѣ свята Черная гора!“

А вотъ какъ говоритъ поэтъ устами вилы Равіолы посестримы королевича Марка:

„Турокъ, нѣмецъ—называютъ святымъ правомъ силу, и проклятымъ своимъ языкомъ поносятъ покоренныхъ и издѣваются надъ ними“.

„Но судъ Божій долженъ совершиться: сломятся цѣпи, сковывающія несчастныхъ рабовъ!“

„Воскреснетъ мой Марко, отмститъ за братскія раны, и согласіе соединитъ всѣ четыре южныхъ племени.“

„Въ согласіи будетъ счастлива моя родина, въ ней водворится законъ Божій и народный“.

„Сплотится одно тѣло изъ разрозненныхъ членовъ, и его гонители будутъ на вѣкъ поруганы.“

Такими же патріотическими чувствами одушевленъ и *князь Николай*. Въ заздравной пѣснѣ, напечатанной въ „Орличѣ“ за 1866 годъ (стр. 37—38), съ такими словами онъ обращается ко всѣмъ сербамъ:

„Пусть всякій возьметъ примѣръ *съ королевича Марка*...“ „Среди винныхъ паровъ не забывай, братъ, дивнаго царства пространнаго, которое попираетъ нынѣ турецкая нога.“

„Рѣшимся всѣ погибнуть: Призренъ долженъ быть нашъ; въ немъ сіяетъ золотой престолъ!... Да здравствуетъ будущій царь!...“

„Вотъ этотъ кубокъ во здравіе того, кто первый начнетъ сѣчу!... Выпьетъ онъ опять съ нами, когда всѣ достигнемъ Печа!“

„Кто изъ сербскихъ воиновъ не пожертвовалъ бы своею жизнію, чтобы повѣсить колоколъ на пустую дечанскую колокольню или поднять знамя?“

Еще лучше и воинственнѣе, не безъ основанія приписываемая князю черногорскому, пѣсня: „*Туда, туда*!“ напечатанная въ „Орличѣ“ за нынѣшній годъ:

„Туда, туда!... за этими горами, говорятъ, разоренъ дворъ моего царя; тамъ, говорятъ, собиралось нѣкогда *юнацкое* вѣче“.

„Туда, туда!... дайте взглянуть мнѣ на родной Призренъ. Милая сторона зоветъ меня: туда пойду я съ оружіемъ въ рукахъ!“

„Туда, туда!... съ развалинъ царскихъ дворовъ скажу

врагу: „Съ милаго моего огнища бѣги, чума! Настало время расплаты!“

„Туда, туда! гдѣ за этими горами, небо свиваетъ лазоревый сводъ.—на сербскія поля, на поля боевыя, туда, братья, направимъ стопы наши!“

„Туда, туда! — за этими горами, попранный конями, взываетъ Югъ: „На помощь, дѣти! на помощь, милые сыны! святой вашъ долгъ, отмстить за меня—старца!“

„Туда, туда!... о турецкія ребра иступимъ остріе сабли, мстя за его старыя ребра, ею же (саблею) разсѣчемъ узы, связывающія руки бѣдной райи.“

„Туда, туда!—за тѣми горами пребываетъ, говорятъ, Милошевъ гробъ: туда!... покой добуду душѣ, когда сербъ не будетъ больше рабомъ!“

Скорбь о погибели сербскаго царства, которою запечатлѣны приведенныя нами отрывки изъ пѣсней князя Николая, съ особенною силою выражена въ его трагедіи *Вукашинъ*, 2 явленіе III-го дѣйствія которой напечатано въ „Орличѣ“ за нынѣшній годъ (стр. 21—31).

И другіе сотрудники Сундечича, *Павлиновичъ*, *Ковачичъ* и *Бастіанъ*, настраиваютъ свою лиру на тотъ же ладъ: имъ недостаетъ только той силы, какою отличаются нѣкоторыя пѣсни черногорскаго князя и его секретаря; исключеніе составляетъ, по нашему разумѣнію, только пѣсня Павлиновича: „*Чего я желаю?*“

„Чего я желаю?... видѣть зарю лучшаго дня моего народа; видѣть, что чужая рука не отнимаетъ того, что Богъ намъ далъ.“

„Желаю, да процвѣтетъ славное имя наше и да пронесется оно изъ края въ край бѣлаго свѣта“.

„Желаю, да овладѣетъ нашимъ умомъ и сердцемъ языкъ моей матери; да познаетъ братъ мой своихъ и оставитъ чужіе дворы“.

„Желаю, да процвѣтетъ жизнь народная и воротитъ братское согласіе то, что отнялъ у насъ чужеземецъ“.

„Желаю, да украситъ голову моихъ братій красная

шапка; желаю, да вѣнчаетъ голову дѣвушки вѣнецъ изъ цвѣтовъ.“

„Желаю, да поведемъ мы хороводъ мѣрно, согласно, въ одинъ ладъ; да возлюбимъ другъ другъ друга мы братья отъ одной и *троединой* матери“.

„Желаю правды, Божіей славы, да исполнится святое его царство, да минуетъ проклятое рабство пустую славянскую голову“.

„Могутъ ли человѣческія очи глядѣть еще на бѣдствія братій? можетъ ли не скорбѣть сердце при видѣ этихъ смрадныхъ турецкихъ мерзостей?“ и т. д.

Рядомъ съ этимъ благороднымъ, патріотическимъ направленіемъ, замѣчаемъ въ „Орличѣ“ другое, далеко не похвальное: это—придворная лесть. Образцы ея мы видимъ уже въ „Кровавой рубахѣ“, изданной Сундечичемъ еще до переселенія его въ Черногорію, и въ предисловіи къ первой книжкѣ „Орлича“; затѣмъ онъ воспѣваетъ на всевозможные лады князей Николая и Даніила, княгиню Дариньку, княженъ Зорку и Милицу и наконецъ Мирка Петровича. Ему вторятъ какой-то личанинъ *Туричъ* въ стихахъ и архимандритъ *Дучичъ* въ витіеватой прозѣ. Этими придворными поэтами и панегиристами щедро раздаются эпитеты „безсмертныхъ“, „героевъ“, „отцовъ“ и „матерей“ Черногоріи.

Панегирическій тонъ и витіеватость много вредятъ дѣльнымъ и любопытнымъ статьямъ *Никифора Дучича*. Эти статьи знакомятъ насъ съ настоящимъ и прошлымъ Черногоріи, а потому я считаю не безполезнымъ изложить вкратцѣ ихъ содержаніе.

Въ „Орличѣ“ за нынѣшній годъ (стр. 32—56) напечатано начало „*Путевыхъ очерковъ*“ архимандрита Дучича.

26 сентября 1863 года князь Николай, въ сопровожденіи отца своего Мирка Петровича, вице-президента сената Николая (Крцо) Петровича, брата княгини Дариньки Николая Квекича, воеводъ—васоевичьскаго Миляна Вуковича и цекличьскаго Юрія Матановича и архи-

манрита Никифора Дучича, отправился изъ Цетинья въ отдаленнѣйшія нахіи Черногоріи, присоединенныя къ ней отъ Герцеговины въ 1858 году. Особу его свѣтлости охраняли избранные перяники и гвардейцы.

Отправившись изъ княжескаго дворца, они прошли черезъ все Цетинье (60 домовъ) и вышли на цетинское поле къ новой прекрасной гостинницѣ, а черезъ часъ были уже на горѣ, называемой „Граница", отдѣляющей катунскую отъ рѣчьской нахіи.

Съ вершины „Границы" въ хорошую погоду видна вся плодородная Зета съ городомъ Жаблякомъ, бывшимъ нѣкогда столицею Черноевичей, а съ XV вѣка находящимся въ рукахъ у турокъ; видно также скутарское озеро съ различной величины островами; виденъ и самый славный Скадаръ (Скутари) повыше Бояны; виденъ островокъ Вранина съ разрушеннымъ монастыремъ св. Николая, резиденціею зетскихъ митрополитовъ по завоеваніи Жабляка турками; видны хотскія и кастратскія, вѣчно покрытыя снѣгомъ, „Проклятыя" горы.

Съ вершины „Границы" до Добрскаго села болѣе получаса пути. Съ правой стороны Добрскаго села возвышается гора Вртѣлка, на которой погибъ прославленный народными пѣснями герой Байо Пивлянинъ съ дружиною изъ 30 человѣкъ, защищая дорогу въ Цетинье отъ Сулеймана, паши скадарскаго, въ 1690 году; съ лѣвой же стороны находится гора—еще выше Вртѣлки —Добрштакъ, съ которой видны вся рѣчьская и лѣшанская нахія, часть катунской и вся низменная Зета.

Положеніе Добрскаго села живописно и выгодно. Тутъ ростутъ различныя южныя деревья, какъ-то: виноградъ смоквы, гранаты, айва, яблоки, груши, черемши, вишни и шелковица. Дома, крытые черепицею, отличаются прочностью постройки. Посреди села бѣлѣется храмъ св. Петки. Кромѣ сельской церкви, здѣсь есть еще монастырь съ небольшимъ храмомъ Успѣнія Богородицы. Этотъ монастырь, называемый „Добрская келія," былъ всегда филіаломъ цетинскаго монастыря, который посы-

лалъ сюда на житье по одному или по два монаха.

Этотъ монастырь до временъ владыки Даніила Петровича былъ зимнею резиденціею цетинскихъ митрополитовъ. Нынѣ этотъ монастырь закрытъ по недостатку въ Черногоріи монаховъ. Передъ церковными вратами „Добрской келіи“ погребенъ черногорскій владыка Савва Очиничь (1692—1695 г.).

„Миновавъ Добрское село, мы пришли скорѣе чѣмъ черезъ полчаса въ село Стругаре. Но здѣсь слѣдуетъ мнѣ сказать, что, чрезъ какое бы село ни проходилъ князь, всюду выходилъ къ нему на встрѣчу народъ — взглянуть на него и поклониться ему, и каждый домъ выносилъ на дорогу полныя бутылки вина и крѣпкой виноградной водки, и всякій изъ княжевой свиты пилъ, что хотѣлъ. Этотъ древне-сербскій обычай называется „здравица“.

Немного далѣе по правую сторону виднѣется лучшее и самое богатое во всей Черногоріи село, Цеклинье, съ своею достаточно большою церковью св. великомученика Георгія, при которой находится высокая изъ прекраснаго тесаннаго камня колокольня съ тремя новыми колоколами. Почти всѣ жители этого села занимаются торговлею на Рѣкѣ Черноевича, преимущественно хлѣбомъ и рыбою. Отсюда происходятъ два старыхъ и извѣстныхъ въ Черногоріи рода Джюрашковичей и Пеіовичей.

Съ Кошчеловъ (*), подъ вѣтвистыми деревьями котораго обыкновенно отдыхаютъ всѣ путешественники, видна Рѣка Черноевича. По лѣвую сторону дороги на самой вершинѣ горы находится старая небольшая церковь Усѣкновенія Главы Іоанна Крестителя, въ которой совершается служба только разъ въ годъ въ храмовой

(*) *Кошчелами* называется эта мѣстность по особому роду деревьевъ, плоды которыхъ, продолговатой формы, темнозеленаго цвѣта, сладки на вкусъ. Они водятся въ Герцеговинѣ и Далмаціи; въ Сербіи ихъ нѣтъ; есть ли они у насъ и какъ мы ихъ называемъ, не знаю.

праздникъ 29 августа, когда собирается здѣсь народъ съ всего Цеклинья.

Съ Кошчеловъ нужно цѣлые полчаса спускаться по грудѣ камней до самой Рѣки Черноевича, вытекающей нѣсколько выше изъ одной необыкновенно высокой и большой пещеры. До переселенія сюда изъ Жабляка Ивана Черноевича, эта рѣка со всею ея окрестностью называлась *Ободъ*.

У самой рѣки находятся два дома — одинъ старый, построенный владыкою Петромъ II для изготовленія пороха, а другой новый—значительной величины—построенный въ 1865 году княземъ Николаемъ: въ немъ помѣщается оружейный заводъ, въ которомъ передѣлываютъ старыя ружья по новѣйшей системѣ. На этомъ заводѣ, подъ руководствомъ выписаннаго изъ Сербіи фабриканта, Владиміра Илича, работаютъ 15 молодыхъ черногорцевъ.

Извѣстно, что князь Николай, убѣдившись на опытѣ въ послѣднюю войну съ турками, что черногорскія ружья нынѣ ни къ чему не пригодны, выписалъ изъ Австріи штуцера (*) и пригласилъ (въ 1866 году) въ Черногорію изъ Сербіи артиллерійскаго капитана Іовановича, а также мастера для литія пушекъ, Панта Пеіовича, и офицера Алексу Джорджевича для обученія черногорцевъ военному дѣлу.

На пути отъ оружейнаго завода къ селенію Рѣка Черноевича находится мельница, построенная года три тому назадъ Миркомъ Петровичемъ.

Рѣка Черноевича расположена на лѣвомъ берегу рѣки подъ высокою горою Костадиномъ, на вершинѣ которой видны развалины укрѣпленія, сооруженнаго турками въ послѣднюю войну 1862 года.

(*) По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ мною изъ Цетинья, черногорцы имѣютъ уже 20.000 штуцеровъ. Недавно князь заказалъ еще 6.000 штукъ.

Въ Рѣкѣ отъ 40 до 50 прекрасныхъ, правильно построенныхъ домовъ, съ 500 душъ. Это селеніе въ послѣднюю войну было сожжено, но теперь вновь застроилось лучше прежняго. Въ ней открыта въ 1865 году двух-классная школа.

На первой сторонѣ рѣки супротивъ селенія видны развалины старой крѣпости Иван-бега Черноевича, извѣстной въ исторіи подъ именемъ Ободa, а нынѣ именуемой „Рѣчкій“ или „Црноевичь-градъ.“ Эта крѣпость была построена въ половинѣ XV вѣка Иваномъ Черноевичемъ для защиты отъ турокъ черногорскихъ купцовъ, имѣвшихъ здѣсь уже въ то время свои лавки. Тогда же была основана здѣсь и первая черногорская и въ то же время юго-славянская типографія. Когда умножились въ Черногоріи въ XVI вѣкѣ потурченцы, Ободъ перешелъ въ ихъ руки. Въ началѣ XVII столѣтія владыка Даніилъ Петровичъ истребилъ потурченцовъ въ Черногоріи и снова овладѣлъ Ободомъ.

На развалинахъ старой крѣпости построено въ новое время нѣсколько домовъ надъ самою рѣкою. Посреди крѣпости находится небольшой монастырь съ церковью св. Николая, построенною изъ тесаннаго камня, съ колокольнею надъ ея вратами. Этотъ монастырь, въ которомъ нѣтъ теперь ни одного монаха, а церковную службу отправляютъ два рѣчскихъ священника, былъ нѣкогда, если вѣрить народному преданію, филіаломъ вранинской митрополіи.

Изъ села въ крѣпость ведетъ каменный черезъ рѣку мостъ, сооруженный покойнымъ княземъ Даніиломъ въ память его отцу, воеводѣ Станку Степову Петровичу, котораго не разъ посылалъ владыка Петръ I въ Герцеговину для возбужденія тамошнихъ христіанъ противъ турокъ во время нашей войны съ Портою въ началѣ царствованія Императора Николая I-го.

По лѣвую сторону моста находится красивый одноэтажный домъ, построенный княземъ Даніиломъ I на случай пріѣзда въ Рѣку.

Въ рѣчьскомъ селеніи бываетъ два раза въ недѣлю базаръ, на который приходятъ съ товарами нетолько изъ рѣчьской, катунской, црничьской и лѣшанской нахій, но даже изъ Бѣлопавличей, Зеты и Скадра.

Главные предметы торговли: хлѣбъ, соль и рыба. Цеклинскіе рыболовы доставляютъ сюда въ изобиліи рыбу, называемую по-черногорски уклѣвами, а по-итальянски scoranzi: въ хорошій годъ (болѣе всего ловятъ въ октябрѣ и до марта) налавливаютъ этой рыбы до тысячи миліаровъ (1 миліаръ=1.000 литръ=333 оки и 1 литра); а какъ всякій миліаръ продается за 12 червонцевъ, а червонецъ стоитъ въ Черногоріи 4 гульдена, то продажа уклѣвовъ можетъ доставить Черногоріи до 50.000 гульденовъ серебромъ. Эту рыбу сбываютъ попреимуществу въ Которъ, откуда ее отправляютъ въ Италію.

Въ Скадарскомъ озерѣ ловятъ во всякое время года и другую различную рыбу (*).

Остатокъ дня князь и его свита провели на Рѣкѣ. Вечеромъ, когда все селеніе было иллюминовано, собрались къ князю бывшіе тутъ налицо главари; нашелся и гусляръ, пропѣвшій одну пѣсню о послѣдней черногорско-турецкой войнѣ. „И самъ князь,“ прибавляетъ Дучичъ, „на такихъ посидѣлкахъ (сѣдницима) часто возьметъ гусли и пропоетъ какую-либо избранную юнацкую пѣсню. Гусли испоконъ вѣка любимая вечерняя забава всѣхъ сербовъ, а особенно черногорцевъ и герцеговинцевъ: они оставятъ всякую другую забаву и съ величайшимъ вниманіемъ станутъ слушать хорошаго гусляра. „За всѣ забавы безъ гуслей, говоритъ владыка Петръ II въ своемъ „Горскомъ вѣнцѣ,“—я бы не далъ и турецкой пары (мелкая монета): гдѣ не слышно гуслей, тамъ и домъ и люди мертвы.“

(*) Особенно замѣчательна по своей величинѣ и вкусу форель (по-черногорски *пастрва*): ее солятъ и коптятъ.

На слѣдующій день въ 7 часовъ утра князь со свитою пустился въ дальнѣйшій путь.

Миновавъ село Лѣшковацъ, они поднялись на гору, что надъ рѣкою, и черезъ ¼ часа были въ деревнѣ Шинджонѣ. До этого мѣста доходили въ 1862 году турецкіе пароходы, подвозили подкрѣпленія и отвозили мертвыхъ и раненныхъ въ Скадаръ.

Отъ Шинджона до Метеризовъ часъ пути. По горамъ виднѣются черногорскіе и турецкіе шанцы (метеризи) 1862 года. Здѣсь всякій камешекъ окропленъ человѣческою кровью. Здѣсь погибъ, близъ Граба, црничьскій сенаторъ сердарь Туро-Пламенацъ.

Въ разстояніи часа отъ Метеризовъ, находится знаменитый въ черногорской исторіи *Царев-лазъ*, горный проходъ, въ которомъ погибло въ 1712 году 15.000 турокъ.

За Царевымъ-лазомъ, по правую сторону села Градца, находится зетская долина съ селомъ Крусы и горою Бусовникомъ, гдѣ погибъ въ 1796 году Махмудъ-визирь Бушатлія и съ нимъ 3.000 турокъ.

Съ лѣвой стороны возвышается надъ Градцемъ голая скала „Велья-гора,“ на вершинѣ которой бѣлѣется небольшая церковь пророка Иліи, построенная по обѣту, какъ гласитъ народное преданіе, воеводою ровачьскимъ Вуксаномъ, когда ему удалось бѣжать изъ скадарской темницы.

Лучшее во всей лѣшанской нахіи село Градацъ лежитъ по правую сторону дороги, ведущей въ Бѣлопавличи. Въ немъ въ 1863 г. открыта двух-классная школа.

„Путевые очерки“ архимандрита Дучича такъ живо рисуютъ передъ нами настоящее и прошлое Черногоріи, что я счелъ долгомъ своимъ поближе ознакомить моихъ благосклонныхъ читателей съ ихъ содержаніемъ.

Любопытныя свѣдѣнія о *Васоевичахъ и крещеніи васоевичьскихъ потурченцовъ отъ 1825 до 1857 года* сообщаетъ почтенный нашъ архимандритъ въ статьѣ, напечатанной въ прошлогоднемъ „Орличѣ“ (стр. 21—28).

Васоевичи лежать къ востоку отъ бердскихъ племенъ до Бихора. Наибольшая ихъ длина 16, а ширина 8 часовъ. Границы составляютъ съ З. Братоножичи и Кучи, съ В. Бихоръ и Сѣница, съ С. Колашинъ и Герцеговина, съ Ю. Албанія. Васоевичи иначе называются „Нахіею". Въ этой нахіи много прекрасныхъ полей и равнинъ, орошенныхъ несчетнымъ числомъ источниковъ и потоковъ. Горы, всѣ одинаковой высоты, покрыты сосновыми, еловыми и дубовыми деревьями. Высокая гора Комъ раздѣляетъ Васоевичи на Верхнихъ и Нижнихъ. Въ 1858 году Верхніе Васоевичи были присоединены къ Черногоріи, а Нижніе остались за турками. Во всей нахіи, т. е. въ обоихъ Васоевичахъ, насчитываютъ 1.800 домовъ чистой сербской крови. Въ Верхнихъ Васоевичахъ 7.400 душъ об. пола.

Родоначальникомъ Васоевичей былъ Васо. По черногорскому преданію, три брата, Оздро, Васо и Хото выселились въ Черногорію изъ Далмаціи, избѣгая турецкой неволи. Оздро поселился на Чевѣ въ катунской нахіи: отъ него произошли нынѣшніе Оздриничи, къ которымъ принадлежитъ и родъ Вукотичей, впороднившійся нынѣ съ Петровичами (нынѣшняя черногорская княгиня Милена—дочь воеводы Петра Стефанова Вукотича). Васо поселился въ селѣ Ножицахъ подъ горою Комомъ: отъ него прозвались Васоевичи. Потомки Хота, поселившагося повыше Хумскаго озера въ Албаніи между племенами Клименти и Кастрати, называются донынѣ Хоти: одни изъ нихъ потурчились, а другіе полатынились. Память объ этомъ первоначальномъ родствѣ живо сохраняется донынѣ у всѣхъ трехъ племенъ.

Васоевичи, какъ Верхніе, такъ и Нижніе, жили всегда въ согласіи и единеніи между собою и вмѣстѣ воевали съ турками. Въ 1852 году они перестали, по совѣту покойнаго князя Даніила, платить туркамъ дань и присоединились къ Черногоріи; но международная коммиссія, опредѣлявшая въ 1858 и 1859 г.г. границы

черногорскаго княжества, отдѣлила, какъ было уже, выше замѣчено, Нижнихъ отъ Верхнихъ Васоевичей.

Въ 1710 году одна бѣдная вдова, по имени Стоя изъ рода Міомановичей изъ села Дули-поля въ Васоевичахъ, соблазненная обѣщаніями турокъ, приняла съ тремя сыновьями исламъ. Ее переименовали въ Фату, и по этому имени и сыновья ея прозвались Фатичами. Потомки ихъ въ продолженіи 150 лѣтъ значительно размножились; но, исповѣдуя исламъ, они не забывали о томъ, что ихъ предки были христіане, и всегда жили въ дружбѣ и согласіи съ остальными христіанскими родами. Случалось, что подъ одною и тою же кровлею жили мирно и дружно два брата, одинъ христіанинъ, а другой мусульманинъ: отсюда родилась черногорская пословица: „отецъ кланя, мати крсти, а я се теке чудимъ, што се ради“ (отецъ кланяется, мать крестится, а я дивлюсь только, какъ дѣло дѣлается).

Въ 1825 году крестился Зула Фатичъ; его примѣръ былъ обаятеленъ: мало-по-малу обратились въ христіанство всѣ Фатичи, исключая одного старика, по имени Спаха, а въ 1857 году крестились и всѣ остальные васоевичьскіе потурченцы, около 400 душъ.

Любопытна также, какъ единственная въ своемъ родѣ, статья архимандрита Дучича *о граховской побѣдѣ 1 мая 1858 года.* (Орличь 1865 г., стр. 28—51), составляющая отрывокъ изъ его герцеговинской лѣтописи 1857 —1865 г. Хотя и нельзя ожидать отъ Дучича, герцеговинца, принимавшаго участіе въ возстаніи, а потомъ перешедшаго на службу въ Черногорію, безпристрастнаго и вполнѣ достовѣрнаго разсказа о дѣлахъ герцеговинскихъ и черногорскихъ, тѣмъ не менѣе было бы желательно, чтобъ онъ поскорѣе издалъ свою лѣтопись, такъ-какъ доселѣ мы не имѣемъ еще ни одного сочинененія по исторіи Герцеговины новѣйшаго времени; мы бы посовѣтовали только почтенному автору быть осторожнѣе въ сравненіяхъ (такъ онъ величаетъ Граховецъ Мараѳономъ, а князя Даніила I Душаномъ), воздержи-

ваться отъ лести и не обременять читателя риторическими фигурами, которыя, можетъ быть, и умѣстныя въ проповѣдяхъ, вредятъ живости историческаго разсказа. Граховскій округъ (длиною въ одинъ и шириною въ два часа) принадлежалъ Черногоріи de facto со временъ владыки Петра II; европейскія державы не хотѣли признать за Черногоріею право владѣнія этимъ округомъ, а Турція рѣшилась отнять его отъ черногорцевъ силою и съ этою цѣлію послала 15.000 отборнаго войска подъ начальствомъ Хусейнъ-паши, губернатора Герцеговины. Мирко Петровичъ съ 5.000 черногорцевъ окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзалъ имъ сообщеніе съ Клобукомъ, откуда они получали съѣстные припасы. Хусейнъ-паша, видя опасность своего положенія, рѣшился отступить къ Клобуку; но былъ настигнутъ и разбитъ на голову черногорцами 1 мая 1858 года: если вѣрить показаніямъ Дучича, погибло въ этомъ дѣлѣ 8.000 турокъ, и черногорцамъ достались въ добычу въ 8 пушекъ, 6.000 ружей, 2.000 коней, столько же палатокъ, 10.000 окъ амуниціи (муниціе) и множество мелкаго оружія. Въ числѣ убитыхъ былъ Кадри-паша.

Вслѣдствіе этой побѣды, граховскій округъ былъ присоединенъ навсегда къ Черногоріи.

Мы уже упомянули нѣсколько выше объ одномъ весьма полезномъ трудѣ архимандрита Дучича—о его *Степенникѣ*, т. е. степеняхъ родства, при коихъ дозволенъ или запрещенъ бракъ по церковнымъ правиламъ. Въ предисловіи составитель этой книги сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи православнаго духовенства въ Герцеговинѣ, Босніи и Черногоріи. Онъ говоритъ, что изъ 700 священниковъ въ этихъ краяхъ весьма немногіе учились богословскимъ наукамъ и знаютъ, на какихъ степеняхъ родства дозволенъ бракъ: слѣдствіемъ ихъ невѣдѣнія бываютъ многочисленныя семейныя нетолько неудовольствія, но и несчастія (случаются даже убійства!), для предотвращенія которыхъ на будущее время Дучичь и рѣшился издать свою книгу. Дѣло на-

роднаго просвѣщенія, по его словамъ, быстро подвигается впередъ какъ въ Черногоріи, такъ и въ Герцеговинѣ и Босніи. Кромѣ начальныхъ школъ, открывается въ монастырѣ Житомысличахъ православная семинарія для герцеговинцевъ и босняковъ, а въ Сараевѣ уже существуетъ полу-гимназія.... Нельзя не порадоваться такому успѣху!

Нельзя пройти молчаніемъ еще двухъ статей по исторіи Черногоріи—*Павлиновича*. Одна изъ нихъ (*Орличь* 1866 г. стр. 29—36) описываетъ вѣче, бывшее въ 1444 году въ албанскомъ городѣ Лешѣ, на которомъ Юрій Кастріотичь (Скендербегъ) и Стефанъ Черноевичь заключили союзъ противъ турокъ. Эта статья любопытна еще потому, что доказываетъ, какъ было сильно вліяніе славянское на скипетаровъ: на три слова въ ихъ языкѣ, по замѣчанію автора, приходится одно чисто славянское; народныя преданія, повѣрья и обычаи весьма сходны, а иногда и тождественны, у обоихъ народовъ.

Другая статья Павлиновича замѣчательна не столько по своему содержанію, сколько по своей формѣ: онъ излагаетъ исторію Черногоріи въ библейской формѣ (напечатано только начало: 1159—1490 г.—*Орличь* 1867 г., стр. 62—74). Ничего подобнаго я не знаю въ исторической литературѣ, а самое изложеніе мнѣ кажется до такой степени оригинальнымъ, что я рѣшаюсь перевести нѣсколько строкъ:

„Въ то время, когда Стефанъ Черноевичь приспѣлъ въ Зету, поклонилась ему Зета, четыре нахіи, и четыре Берда, и Подгорица, и Спужъ, и Жаблякъ."

„И поклонились Черноевичу скадарскіе острова, Подбарье и Приморье; Паштровичи, Браичи, Майны, Побори, Грбаль."

„На Вранину пришли млетчичи (венеціанцы) къ св. Николаю; и заключили миръ и уговоръ съ Стефаномъ Черноевичемъ и съ главарями."

„Зетчане млетчичамъ обѣщали, что они будутъ имъ

поборниками противъ турокъ до Задрима и Лѣша; а Млетчичи, что будутъ давать имъ желтыхъ дукатовъ."

„Стефанъ Черноевичь съ Божіею помощью воевалъ съ турками почти 24 года, помогая Албаніи и своему шурину Юрію Скендербегу."

„При жизни Стефановой турки не безпокоили Зету, но безпокоили сосѣди млетчичи," и т. д.

Послѣднія три страницы послѣдней книжки „Орлича" заняты пѣснею *Мирка Петровича о граховской битвѣ* 1858 года: это чисто народная пѣсня и по складу, и по содержанію. Предсѣдатель сената, великій воевода, Мирко Петровичъ не умѣетъ ни читать, ни писать; пѣсни свои онъ поетъ подъ звуки гуслей въ длинные зимніе вечера, когда соберутся около княжескаго очага воеводы и сенаторы съ трубками въ рукахъ. Онъ пропѣлъ уже много такихъ пѣсней о послѣднихъ бояхъ съ турками: онѣ были записаны и изданы архим. Дучичемъ подъ заглавіемъ „Црногорски споменикъ." Въ этихъ безискуственныхъ пѣсняхъ изложена исторія герцеговинско-черногорской войны; но будущій историкъ Черногоріи долженъ пользоваться ими съ осторожностью.

Зная, какую библіографическую рѣдкость составляютъ у насъ цетинскія изданія, я позволилъ себѣ поближе ознакомить читателя нетолько съ направленіемъ недавно пробудившейся въ Черногоріи литаратурной дѣятельности, но и съ содержаніемъ найболѣе замѣчательныхъ трудовъ.

Всякій, кому хоть сколько нибудь извѣстно положеніе Черногоріи, съумѣетъ оцѣнить только-что начавшуюся въ ней литературную дѣятельность: черногорскій мечъ страшенъ туркамъ; черногорское перо еще страшнѣе— и не однимъ туркамъ!... Съ вершинъ черногорскихъ скалъ раздается голосъ, призывающій братьевъ къ любви и единенію, — голосъ, будящій спящихъ братьевъ, напоминающій имъ о славномъ прошломъ и ненавистномъ настоящемъ... Голосъ этотъ взываетъ не къ тѣмъ

только изъ братьевъ, которые стонутъ въ турецкой неволѣ, но ко всѣмъ, на которыхъ иноплеменникъ наложилъ свою тяжелую руку...

„Славяне! славяне! Вы слуги народовъ! вы защитники царствъ, а друзья горя!“

„Вы чужіе рабы! вы чужіе воины! Гдѣ *ваши* поля? гдѣ *ваши* знамена!“

„Нигдѣ нѣтъ ничего своего, ни отъ кого любви: всѣ народы васъ презираютъ, всякій васъ попираетъ!“

„Подымитесь на ноги! Возьмите мечь въ руки! Да падетъ чужеземство, да господствуетъ славянство!“ (*).

ДАЛМАТИНЦЫ.

Въ февралѣ 1862 года я отправился изъ Тріеста въ Далмацію. Надъ нами разстилалось безоблачное ярко-лазоревое небо, которому мы привыкли давать эпитетъ *итальянскаго*. Солнце такъ сильно грѣло, что я нашелъ возможнымъ гулять по палубѣ парохода въ одномъ дорожномъ пиджакѣ. Съ гладкаго, какъ зеркало, моря вѣяло свѣжестью...

Какой благословенный край! какъ должны быть счастливы люди, живущіе подъ такимъ небомъ, на берегу такого моря! думалъ я про себя. Но мой восторгъ прошелъ, лишь только я поставилъ ногу на берегъ далматинскій: картина быстро смѣнилась, душа заговорила иначе. Начиная съ столичнаго города *Задра* (Zara) и оканчивая которскою бухтою, по всему далматинскому

---

*) Slavjanke od X-a. U Zagrebu. 1848.

берегу, изрѣзанному превосходными гаванями, тянется рядъ большею частію голыхъ, безплодныхъ скалъ сѣроватаго цвѣта; по всему этому берегу васъ поражаетъ бѣдность жителей, доходящая въ Шибеникѣ (Sibenicco) до ужаснаго нищенства; забитый народъ не смѣетъ и говорить съ вами на своемъ родномъ языкѣ, а эти мрачные, грязные города съ своими высокими стѣнами и узкими улицами походятъ на обширныя темницы, въ которыхъ томятся бѣдные далматинцы.... Таково было первое впечатлѣніе, произведенное на меня Далмаціею. Я прожилъ въ ней около четырехъ лѣтъ, и чѣмъ болѣе знакомился съ ея настоящимъ и прошлымъ, тѣмъ болѣе проникался скорбью о судьбѣ этого бѣднаго, загнаннаго, запуганнаго народа, тѣмъ сильнѣе я ненавидѣлъ его притѣснителей.... Я понялъ, сколько горькой правды въ пѣснѣ извѣстнаго хорватскаго патріота, *И. Кукулевича-Сакцинскаго*:

„О, море иллирское (адріатическое)! Благо далматинца, прежде чѣмъ онъ сталъ рабомъ нѣмца и латынянина!“

„Ты чудное ложе, которое прельщаетъ весь свѣтъ и на которомъ дѣлились царства и міры!“

„Ты всѣхъ надѣляешь благомъ, кто тебѣ помолится: однихъ далматинцевъ вѣкъ оставляешь голыми.“

„Смилуйся надъ твоими сынами, пошли имъ малый даръ, то. что иноземцы украли у нихъ.“ *).

Далмація, римская область въ первые вѣка нашей эры, подвергалась отъ V до VIII вѣка безпрерывнымъ нападеніямъ готовъ, свевовъ, гунновъ и аваръ, разорившихъ въ конецъ эту нѣкогда столь богатую страну и уничтожившихъ въ ней почти всѣ слѣды классической образованности. Въ VII вѣкѣ славяне, частію съ согласія византійскихъ императоровъ, частію вооруженною

---

*) Slavjanke od. X-a (IKS: Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій). U Zagrebu 1848, tiskom Franje Zupana, in 16. 88 str. (34 стих., 35—88 истор. примѣч.).

рукою, занимаютъ Далмацію, и остатки римскихъ колонистовъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома варваровъ, сливаются мало-по-малу съ пришельцами въ одинъ народъ. Въ концѣ XI вѣка являются въ Далмацію угры; въ первой половинѣ XII вѣка они уступаютъ свое мѣсто венеціанцамъ, но не надолго: войны угровъ съ Венеціею и Византіею за обладаніе Далмаціею оканчиваются въ исходѣ XII вѣка, по смерти Эммануила Комнена, ихъ побѣдою. Въ началѣ XIV вѣка снова овладѣваютъ Далмаціею венеціанцы и, послѣ упорныхъ войнъ съ уграми, генуэзцами и неаполитанцами, въ 1409 году окончательно утверждаются въ этой странѣ, ставшей съ тѣхъ поръ венеціанскою областью и вполнѣ подчинившейся иноземному вліянію и законамъ себялюбивой венеціанской республики. Въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда пала Венеція, Далмація временно досталась австрійцамъ, уступившимъ ее по пресбургскому миру 1806 года французамъ, во власти которыхъ она находилась до 1815 года, когда вѣнскій конгрессъ снова присудилъ ее Австріи *).

Кратковременное господство угровъ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ въ Далмаціи; о времени же французскаго владычества вспоминаютъ далматинцы съ признательностію: французы нетолько не угнетали славянъ, но даже всячески старались расположить ихъ въ свою пользу, и съ этою цѣлію предоставили православнымъ свободу вѣроисповѣданія, учредили высшія школы въ Задрѣ и Дубровникѣ и заботились объ улучшеніи путей сообщенія. Иначе поступали венеціанцы: тяжкимъ гне-

---

*) Самая подробная, хотя не всегда правдивая, исторія Далмаціи написана *Каталиничемъ* (Catalinich, Storia della Dalmazia. 4 vol. Zara 1834—35). Самое новое, сколько мнѣ извѣстно, сочиненіе по исторіи Далмаціи приписывается архіепископу задарскому, *Маупасу*: Prospetto cronologico della storia della Dalmazia con riguardo alle Provincie Slave contermini. Zara 1863. Изъ старыхъ сочиненій упомяну только *Энгеля*, Geschichte von Dalmatien und Kroatien. Halle, 1798.

томъ иноземной образованности они налегли на далматинцевъ, всячески стараясь италіянизировать ихъ. Они ввели въ Далмацію свои законы, свою администрацію и свой языкъ; вслѣдъ за войскомъ и чиновниками явились купцы-спекуляторы съ своими обычаями и своимъ нарѣчіемъ, доселѣ удержавшимся во всей Далмаціи, исключая Дубровника, который одинъ во время венеціанскаго господства на далматинскомъ поморьи сохранилъ независимость и народность, хотя и въ немъ замѣтно итальянское вліяніе на высшемъ и торговомъ классѣ. Извѣстно, какое вліяніе имѣетъ женщина на общество; а дубровничанкамъ, по свидѣтельству *Григорія Лето* *), было воспрещено знаніе италіянскаго языка (nemmeno gli è permesso di saperla): развиваясь подъ вліяніемъ матерей, не знавшихъ другаго языка, кромѣ роднаго, дубровничане умѣли дорожить имъ и охотно посвящали часы досуга усовершенствованію его. Этому обстоятельству должно приписать процвѣтаніе сербской литературы въ Дубровникѣ.

Австрія, пріобрѣвъ на вѣнскомъ конгрессѣ Далмацію, немедленно приняла сторону малочисленныхъ итальянцевъ-пришельцевъ противъ сильнаго числомъ кореннаго славянскаго народа; признавъ итальянскій языкъ офиціальнымъ въ Далмаціи, она старалась италіянизировать далматинцевъ, не будучи въ состояніи онѣмечить ихъ. Какъ будто по какому-то тайному предчувствію, что ея господство не прочно на берегахъ Адріатики, Австрія думала только о томъ, чтобъ укрѣпить важнѣйшіе стратегическіе пункты и обобрать народъ: богатые славянскіе роды систематически разорялись ею; сѣялись раздоры между поселянами и помѣщиками; подати и налоги съ каждымъ годомъ возвышались, а между тѣмъ благодѣтельное правительство ничего не дѣлало для страны: промышленность, торговля и мореходство—почти един-

*) Gregorio Leto, Italia Regnante 1676. P. III.

ственные источники существованія большею частію безплодной Далмаціи—все болѣе и болѣе падали; пути сообщенія проводились только между ближайшими укрѣпленіями; народное просвѣщеніе было ввѣрено итальянскимъ іезуитамъ, развращавшимъ юношество своими безнравственными правилами....

Такъ было до 1848 года. Въ этотъ многознаменательный годъ, вслѣдъ за своими соплеменниками въ Австріи, возвысили голосъ и далматинцы: Дубровникъ снова сдѣлался центромъ литературной дѣятельности въ Далмаціи. *Бизаро* своимъ *Incerto* и *Казначичъ* своимъ *Avvenire* стараются пробудить чувство народности въ италіянизированныхъ своихъ согражданахъ, а *Матвѣй Банъ* и *графъ Медо Пуцичъ* изданіемъ памятниковъ старо-дубровницкой образованности и рядомъ статей о дубровницкой республикѣ пытаются вдохновить своихъ согражданъ чувствами ихъ отцовъ и дѣдовъ.

Но надежды далматинцевъ, какъ и всѣхъ ихъ соплеменниковъ въ Австріи, не исполнились: славянскій конгрессъ въ Прагѣ былъ разогнанъ силою; кровь славянъ безплодно для нихъ проливалась на поляхъ угорскихъ; лучшіе народные дѣятели погибли.... Началась реакція, и Далмація жестоко поплатилась за свою минутную вспышку: сильнѣе прежняго налегъ на бѣдныхъ далматинцевъ гнетъ иноземцевъ, и далматинскіе патріоты, униженные и запуганные, безмолвно ждали перемѣны обстоятельствъ. Прошли цѣлые годы въ терпѣливомъ выжиданіи, пока наконецъ снова не заблисталъ для нихъ лучь надежды: Австрія получила конституцію, основанную на народной равноправности. Лучшаго случая нельзя было и ожидать, и далматинскіе патріоты поспѣшили протестовать противъ порабощенія болѣе 400.000 кореннаго славянскаго народонаселенія 20.000-ми итальянцевъ-пришельцевъ *).

---

*) Считаю не безполезнымъ сообщить болѣе обстоятельныя статистическія свѣдѣнія о Далмаціи на основаніи изданной въ 1863 году дал-

Прежде всего далматинскіе патріоты стали домогаться равноправности сербскаго языка съ итальянскимъ: они поставили на видъ правительству, что простой народъ въ Далмаціи, особенно въ мѣстахъ, болѣе удаленныхъ отъ административныхъ центровъ, не знаетъ итальянскаго языка, на которомъ производится судъ, и что слѣдствіемъ этого обстоятельства были повсемѣстныя злоупотребленія чиновниковъ, единственное средство для прекращенія коихъ состоитъ въ введеніи сербскаго языка въ мѣстные суды; также настойчиво доказывали правительству далматинскіе патріоты необходимость замѣнить въ нормальныхъ школахъ итальянскій языкъ сербскимъ. Удовлетвореніе этихъ законныхъ требованій на-

---

матинскимъ сеймомъ книги: „Statistica generale della Dalmazia, edita dalla Giunta Provinciale.“

Населеніе Далмаціи (232 кв. м.) состояло въ 1860 году изъ 427.600 душъ, изъ числа которыхъ было 20.000 итальянцевъ, 1.000 скипетаровъ (подъ Задромъ), около 400 жидовъ и сербовъ 406.200. Масса народонаселенія принадлежитъ къ католической церкви (333.800 чел. въ 1857 г.); православныхъ 77.144 челов., уніатовъ 341, моисеева закона 318, лютеранъ 17 и реформатовъ 8. Далмація раздѣлена на 4 округа съ главными городами Задромъ, Сплѣтомъ, Дубровникомъ и Которомъ. Въ задарскомъ округѣ было 30.038 домовъ, 104.235 католиковъ, 45.418 православныхъ, 263 уніата, 10 протест., 11 жидовъ, 146.225 туземцевъ и 2.301 иностранецъ. Въ сплѣтскомъ округѣ было 37.071 домъ, 170.215 катол., 7.209 правосл., 74 уніата, 2 протест., 174 жида, 171.501 тузем. и 1609 иностр. Въ дубровницкомъ округѣ 9.913 домовъ, 54.503 катол., 189 правосл., 5 уніат., 4 протест., 121 жидъ, 50.848 туземц. и 1263 иностр. Въ которскомъ округѣ 7.919 домовъ, 24.257 правосл., 9.421 католикъ, 10 протест., 12 жидовъ, 29.345 тузем. и 1880 иностр. Населеніе главныхъ городовъ: Задаръ (Zara) 7580, Шибеникъ (Sibeniссо) 3037, Сплѣтъ (Spalatro) 3361, Корчула (Curzola) 1905, Дубровникъ 4089 и Которъ 2078 душъ.

По *„Шематизму православне восточне епархіе цѣле Далмаціе и Истріе за годину 1862“* число православныхъ жителей Далмаціи простиралось до 84.461 человѣкъ, подвѣдомственныхъ восьми протопресвитерствамъ: 1) задарскому (15 приходовъ, 12.449 челов.), 2) скрадинскому (10 прих., 11 927 чел.), 3) книнскому (15 прих., 19.172 чел.), 4) шибеницкому (17 прих., 5.765 д.) 5) имоскому, къ которому приписанъ Дубровникъ 353 д. (9 прих., 8155 д.), 6) кастельновскому (19 прих., 12.897 д.), 7) которскому (14 прих., 7.861 д.) и 8) будвинскому (11 прих., 5.207 душъ).

неслобы рѣшительный ударъ существовавшей дотолѣ системѣ управленія, а потому неудивительно, что мѣстныя власти не замедлили заявить, что далматинскій языкъ (такъ онѣ съ умысломъ называютъ сербское нарѣчіе, на которомъ говоритъ народъ въ Далмаціи и которое въ сущности ничѣмъ не отличается отъ языка сербовъ, черногорцевъ, герцеговинцевъ и босняковъ) далеко еще не достигъ той степени развитія, на которой возможно введеніе его въ администрацію и школы, — что этотъ языкъ, о предоставленіи которому правъ гражданства такъ усердно хлопочутъ славянскіе патріоты, служитъ имъ только средствомъ для достиженія иныхъ цѣлей,—и вотъ передъ правительствомъ снова предсталъ призракъ панславизма! Все это говорилось отъ имени бывшаго далматинскаго намѣстника, барона Мамулы, серба по происхожденію и православнаго по вѣроисповѣданію; но престарѣлый и слабохарактерный Мамула, постоянно боявшійся лишиться милости при дворѣ, былъ намѣстникомъ Далмаціи только по имени, вся же власть сосредоточивалась въ рукахъ его помощника, барона Рознера, человѣка не далекаго ума и не высокаго образованія, но искуснаго интригана. Происхожденіе его весьма сомнительно, и онъ мало дорожитъ имъ: славянину онъ доказываетъ свое славянское происхожденіе и заявляетъ о своей преданности славянскому дѣлу; передъ мадьяриномъ или нѣмцемъ онъ распинается въ своей ненависти къ славянамъ и хвастаетъ своимъ чисто-мадьярскимъ или чисто-нѣмецкимъ происхожденіемъ.... Это человѣкъ безъ убѣжденій и безъ чести, заклятый врагъ нововведеній, могущихъ повредить его карьерѣ. Вся Далмація его ненавидѣла и проклинала: одни только его кліенты превозносили его, какъ человѣка умнаго, дѣятельнаго и пекущагося о благѣ ввѣренной его управленію страны.

Когда наступило время выборовъ депутатовъ на далматинскій сеймъ, Рознеръ разослалъ по всей области своихъ кліентовъ и агентовъ, поручивъ имъ всячески

стараться о предоставленіи перевѣса итальянской партіи—консервативной надъ славянскою, требовавшею реформъ. Интрига Рознера несовсѣмъ удалась: хотя большинство голосовъ на сеймѣ (1863 г.) было за итальянцами, но зато славяне далеко превосходили ихъ и образованностью, и знаніемъ края, и ораторскимъ искуствомъ, и наконецъ самоотверженіемъ, а потому они успѣли добиться нѣкоторыхъ необходимыхъ преобразованій, какъ-то: уничтоженія майоратовъ, отмѣны ненавистнаго закона о бракосочетаніи католиковъ съ православными *) и введенія сербскаго языка въ нормальныя школы. Далматинскіе патріоты дѣйствовали съ такимъ же знаніемъ дѣла, съ какимъ самоотверженіемъ: они осмѣлились даже потребовать отъ намѣстничества отчета въ его дѣйствіяхъ.... Такого удара не могъ перенести правительственный комиссаръ на сеймѣ, Рознеръ, и онъ поспѣшилъ телеграфировать въ Вѣну, что продолженіе сеймовыхъ засѣданій угрожаетъ спокойствію государства.... На другой день депутаты получили повѣстки о закрытіи сейма на неопредѣленное время. Затѣмъ началось преслѣдованіе наиболѣе ревностныхъ защитниковъ народнаго дѣла: д-ръ Михаилъ Клаичъ и попъ Иванъ Даниловъ были отставлены отъ должностей, которыя они занимали въ задарской гимназіи, а директоръ этой гимназіи д-ръ Юрій Пуличъ былъ переведенъ въ Тироль; наконецъ поэтъ Сундечичъ, лишился, безъ всякаго вознагражденія, каѳедры въ православной семинаріи, которую онъ занималъ десять лѣтъ.

Приступили къ новымъ выборамъ депутатовъ на далматинскій сеймъ. Мамула и Рознеръ, епископы и окружные начальники предприняли объѣздъ подвѣдомственныхъ имъ провинцій, епархій и округовъ, и угрозами и обѣщаніями вербовали сторонниковъ правительства

*) Бракосочетаніе католиковъ съ православными признавалось законнымъ только тогда, когда было утверждено папою.

на предстоявшій сеймъ. Вопреки закону, въ число избирателей были допущены лица, находившіяся подъ судомъ, банкроты и умалишенные; за патріотами полиція имѣла строжайшій надзоръ, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ день выборовъ были приставлены жандармы къ ихъ жилищамъ; свобода выборовъ была стѣснена еще тѣмъ, что голосованіе было произведено устно и письменно въ присутствіи мѣстныхъ властей; однимъ словомъ, были приняты всѣ возможныя мѣры для предоставленія побѣды правительству. Въ концѣ августа новаго стиля 1864 г. окончились повсюду выборы депутатовъ на далматинскій сеймъ, и за исключеніемъ трехъ или четырехъ (въ томъ числѣ Баямонти въ Сплѣтѣ и Клаича на Корчулѣ и Пелешцѣ) были избраны повсюду сторонники правительства.

Тѣмъ не менѣе народная партія не унывала: она видѣла свою побѣду въ удаленіи Рознера и Мамулы и въ назначеніи намѣстникомъ дубровницкаго бригаднаго генерала Филипповича, серба-католика, пользовавшагося большею милостію при дворѣ и имѣвшаго большія связи: она расчитывала, что онъ, какъ человѣкъ еще не старый и честолюбивый и заявившій уже о своемъ намѣреніи примирить враждующія между собою партіи, будетъ дѣйствовать осмотрительнѣе стараго Мамулы и не попустить, чтобы кліентъ Рознера, Лапенна, назначенный правительственнымъ комиссаромъ на сеймѣ, поступалъ самоуправно и безъ его согласія. Кромѣ того, народная партія, пользуясь неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на всю страну внезапнымъ и противузаконнымъ закрытіемъ сейма, успѣла произвести расколъ во враждебной ей партіи итальянской и достигнуть нѣкотораго съ нею соглашенія. Наконецъ автономисты (требовавшіе самоуправленія для Далмаціи) согласились съ анексіонистами (хлопотавшими о присоединеніи Далмаціи къ Хорватіи) дѣйствовать единодушно въ вопросахъ внутренней политики. Нельзя также не сознаться, что послѣдняя война Австріи съ Пруссіею и

Италіею также немало способствовала уступчивости правительства въ пользу далматинцевъ. Объ успѣхахъ славянской партіи въ Далмаціи меня такъ извѣщаетъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ далматинскихъ патріотовъ, въ письмѣ отъ 18 февраля нын. года: „Въ Далмаціи мы сдѣлали шагъ впередъ введеніемъ славянскаго языка въ преподаваніе. Законъ Божій, географія, исторія и филологія *обязательно* должны будутъ впредь преподаваться въ средне-учебныхъ заведеніяхъ на славянскомъ языкѣ (In Dalmazia abbiamo fatto un passo-avanti coll' introduzione della lingua slava nell' istruzione. La relegione, la geografia, la storia e la filologia obligatoriamente dovranno trattarsi da ora innanzi nelle scuole medie in lingua slava).“

Несмотря на все противодѣйствіе мѣстныхъ властей, несмотря на всѣ козни нѣмцевъ и итальянцевъ, кое-что уже сдѣлано въ Далмаціи для народнаго возрожденія: основана, по примѣру другихъ славянскихъ странъ, *матица* (въ 1862 году)—общество для поощренія народной словесности, заведены во всѣхъ окружныхъ и нѣкоторыхъ преторіальныхъ городахъ сербскія *читальни* (читаонице, штіонице), въ которыхъ получаются славянскіе и иностранные журналы и газеты и даются зимою балы и концерты; преподаваніе наукъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уже начато или воспослѣдуетъ вскорѣ не сербскомъ языкѣ... Конечно, многаго еще остается желать, и прежде всего введенія сербскаго языка въ суды, учрежденія сельскихъ народныхъ училищъ и изданія книгъ для народа, а затѣмъ поощренія мѣстныхъ промышленности, торговли и мореходства и проведенія хорошихъ дорогъ. Только при такихъ условіяхъ улучшится бытъ народа и разовьется народное самосознаніе.

Далматинецъ, дубровничанинъ и бокезъ не имѣютъ досселѣ никакого понятія о своей народности. Языкъ, на которомъ они говорятъ, они называютъ *нашкимъ*, и, если вы спросите, что это за языкъ, отвѣтятъ вамъ: дал-

матинскій, дубровницкій и т. д. Напрасно вы будете толковать ему, что это языкъ сербскій или хорватскій, какъ утверждаютъ загребскіе патріоты *): онъ васъ не пойметъ и останется при своемъ мнѣніи, что онъ не знаетъ другаго языка, кромѣ далматинскаго или дубровницкаго. Только учрежденіемъ сельскихъ школъ и распространеніемъ грамотности въ народѣ можно пробудить въ немъ чувство народности.

Нѣкоторые писатели увѣряютъ, что итальянщина заразила весь далматинскій народъ и исказила его бытъ и нравы; но такое мнѣніе неосновательно. Села, находящіяся вблизи городовъ, дѣйствительно приняли и много словъ и много обычаевъ итальянскихъ, но чѣмъ дальше въ глубь страны, къ турецкой границѣ, тѣмъ чище сохранилась славяно-сербская народность. Между далматинцемъ, живущимъ не на берегу моря, а въ горахъ, и сосѣднимъ герцеговинцемъ нѣтъ никакой разницы: тотъ же языкъ, почти та же одежда, тѣ же нравы и обычаи, тѣже пѣсни. Это подмѣтилъ и нашъ извѣстный путешественникъ, писатель и дипломатъ, *Е. П. Ковалевскій*: не можемъ лишить себя удовольствія напомнить читателямъ искусно начерченный имъ образъ такъ называемаго *морлака* **).

„Есть, однако, въ Далмаціи типъ, на которомъ нельзя не остановиться, типъ, который вы часто встрѣтите въ городахъ, каторый господствуетъ внутри края. Это типъ человѣка высокаго, стройнаго, съ блестящими глазами—карими или черными, съ бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами, съ темно-каштановыми, иногда черными волосами, прядями висящими назадъ изъ-подъ маленькой круглой шапочки,—человѣка худаго, загорѣлаго, задум-

*) Хорватскіе патріоты утверждаютъ, что нѣтъ сербовъ, что въ Далмаціи, Герцеговинѣ, Босніи и даже въ Сербіи и въ Черногоріи живутъ хорваты! Забавное увлеченіе!

**) Путевыя записки о славянскихъ земляхъ, гл. III. (*Русская Бесѣда* 1858, т. I. Смѣсь, стр. 24—26).

чиваго и нерѣшительнымъ шагомъ бродящаго въ толпѣ, въ грязной изорванной рубахѣ съ широкими рукавами, съ открытой грудью, мощной, покрытой густыми волосами, въ верхней одеждѣ, въ родѣ жилета, большею частію краснаго цвѣта, съ рядомъ блестящихъ пуговицъ, подпоясаннаго широкимъ краснымъ шерстянымъ кушакомъ, нѣсколько разъ обвивающимъ станъ, въ опанкахъ, подобныхъ черногорскимъ, вмѣсто всякой обуви,—и эти опанки онъ еще снимаетъ во время дождя, чтобы ихъ не скоробило. Спросите самаго нищаго горожанина, что это за человѣкъ?—и онъ съ презрѣніемъ отвѣтитъ вамъ: это, это морлакъ! Рядомъ съ нимъ вы увидите женщину, также бѣдно одѣтую, съ огромною ношею дровъ на спинѣ, изъ-подъ которой не видно ея сгорбленнаго стана, ни лица, изнуреннаго работой: это морлачка, издалека принесшая на себѣ беремя дровъ, чтобы выручить за нихъ какихъ-нибудь десятокъ крейцеровъ и купить соли, которая составляетъ уже предметъ лакомства въ морлацкомъ хозяйствѣ.“

„Отчего съ такимъ презрѣніемъ отзываются въ Далмаціи о морлакахъ? отчего самое это слово составляетъ какъ-бы бранное слово на прибрежьи? оттого, что морлаки живутъ почти какъ звѣри въ горахъ! Но ихъ ли эта вина? Вы видѣли морлака, его прекрасную внѣшность: при самыхъ грубыхъ нравахъ, при совершенной необразованности или, правильнѣй, дикости, онъ все еще сохранилъ правоту души, которая низачто не унизится до неправды и которая служитъ основою великихъ добродѣтелей.“

„Вмѣсто того чтобы безусловно презирать морлаковъ, ими слѣдовало бы заняться: они вполнѣ заслуживаютъ этого. Число морлаковъ простирается до 150.000 душъ, что составляетъ болѣе трети населенія всей Далмаціи: изъ нихъ въ настоящее время только одна треть осталась православными,—остальные католическаго исповѣданія. Невѣжество ихъ священниковъ выше всякаго описанія: есть такіе, которые не умѣютъ писать; мѣсто,

гдѣ совершается богослуженіе—и то очень рѣдко—не имѣетъ и малѣйшаго подобія церкви или даже часовни. Суевѣріе, можно сказать, замѣняетъ всякую вѣру у морлаковъ. Живутъ они въ лачугахъ, кое-какъ сложенныхъ изъ окрестныхъ камней, безъ печи и оконъ: небольшое отверстіе вверху и открытая дверь служатъ для выхода дыму; лавки и столы составляютъ всю мебель; семья помѣщается и спитъ на полу, гдѣ кромѣ ея нѣсколько овецъ и телятъ, если семья позажиточнѣй. Можно себѣ вообразить, каково здѣсь зимой, которая въ горахъ довольно сурова!!...“

Слабость развитія въ далматинцахъ народнаго самосознанія должно приписать двумъ обстоятельствамъ: 1) Далмація въ средніе вѣка дѣлилась на множество независимыхъ и часто враждовавшихъ между собою общинъ: отсюда проистекла та мелочная особность, которая такъ бросается въ глаза путешественнику на всемъ далматскомъ поморьи, и 2) итальянское духовенство, такъ усердно искоренявшее православіе въ Далмаціи, относилось всегда непріязненно къ народу и его языку и всячески старалось подавить народное самосознаніе, которое живо сохранилось только тамъ, куда не заходили католическіе патеры и фратры. Католицизмъ извращаетъ природу славянина, который теряетъ много прекрасныхъ своихъ качествъ, забываетъ свои обычаи и преданія, дѣлается равнодушнымъ ко всему, что такъ дорого каждому народу, и пріучается ненавидѣть своего единокровнаго брата изъ-за различія вѣроисповѣданій. Сравните, напримѣръ, православнаго новлянина (жителя Кастель-Ново) съ католикомъ дубровничаниномъ. и вы увидите, какая между ними разница: первый васъ встрѣтитъ съ свойственнымъ славянину радушіемъ и гостепріимствомъ, съ сочувствіемъ будетъ говорить вамъ о сосѣднихъ герцеговинцахъ и черногорцахъ и не преминетъ назвать Русскаго Царя *своимъ* Царемъ; второй же съ презрѣніемъ, а иногда и злобою, заговоритъ о единоплеменныхъ братьяхъ своихъ, отъ которыхъ онъ отдѣленъ только

горами, выскажется недоброжелательно о Россіи (если онъ не знаетъ, что вы русскій) встрѣтитъ и проводитъ васъ холодно, если не расчитываетъ на вашъ карманъ.... Дѣло католическихъ фратровъ и патеровъ приходится нынѣ передѣлывать далматинскимъ патріотамъ: *Казали*,, *Пуцичъ и Сундечичъ* проповѣдуютъ вѣротерпимость и союзъ православныхъ съ католиками для защиты общей имъ народкости, попранной иноземцами! *)

---

*) Желающимъ познакомиться поближе съ Далмаціею рекомендую сочиненіе *Цеттера* Dalmatien in seinen verschiedenen Beziehungen (Gotta 1857): недостатокъ этого сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ нѣмецъ, и смотритъ на далматинцевъ съ нѣмецкой точки зрѣнія. Новыя путешествія иностранцевъ представляютъ вообще мало важныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній; изъ старыхъ же укажу на два: Abbate Fortis, Viaggio in Dalmazia 2 vol. Venezia 1774 и Voyage en Moree, à Constantinople, en Albanie et dans plusieurs autres parties de l'empire Ottoman, pendant les annèes 1798—1801, par F. C. H. L. Pouqueville. Paris 1805. Изъ русскихъ сочиненій стоитъ упоминанія только *Е. П. Ковалевскаго*, Путевыя записки по славянскимъ землямъ (Рус. Бес. 1858 г. т. I). Что же касается до „Замѣтокъ о Далмаціи" г. *Троицкаго* (Русск. Вѣстн. 1863 г. №№ 11 и 12), то въ нихъ нѣтъ вѣрной характеристики страны и народа, а множество грубыхъ ошибовъ вводитъ читателя ежеминутно въ заблужденіе.

ОЧЕРКИ ДУБРОВНИКА.

I

Положеніе Дубровника. Основаніе его епидавро-салонитанскими выходцами. Отношеніе славянской стихіи къ романской. Государственное устройство дубровницкой республики. Очеркъ исторіи торговли и мореплаванія дубровичанъ. Промыслы. Состояніе наукъ и искуствъ. Политика Дубровника. Описаніе дубровника въ концѣ XVI вѣка Сер. Рацци. Причины паденія Дубровника: внѣшнія и врутреннія. Очеркъ исторіи сношеній Дубровника съ Россіею. Присоединеніе Дубровника къ Австріи.

Узкою полосою отъ неретвинскаго канала (Canale di Narenta) до которской бухты (Bocche di Cattaro) по берегу адріатическаго моря тянется округъ Дубровника (Ragusa, около 397 ит. миль), существовавшаго около 1.500 лѣтъ въ видѣ независимой республики: длина его 150, найбольшая ширина 15 миль. Дубровникъ, составляя нынѣ одинъ изъ округовъ Далмаціи, отдѣленъ отъ нея двумя узкими полосками турецкой земли—Клекомъ на С. (5 миль) и Суториною на Ю. (4 мили); такимъ образомъ Дубровникъ—родъ оазиса въ Далмаціи, къ которой онъ причисленъ впервые французами въ 1808 г. Дубровникъ не принадлежалъ къ Далмаціи ни при венгерскомъ, ни при венеціанскомъ владычествѣ, и доселѣ дубровничанинъ считаетъ для себя унизительнымъ называться далматинцемъ. Когда венеціанцы передъ заключеніемъ пожаревацкаго мира (1718 г.) овладѣли смежными съ Дубровникомъ турецкими землями, дубровничане умолили австрійскаго и турецкаго пословъ спасти ихъ отъ такого опаснаго сосѣдства, угрожающаго имъ конечною гибелью; ибо, говорили они, Дубровникъ

составлялъ для венеціанцевъ ab immemorabili лакомую добычу. Ихъ мольба была услышана, и Дубровникъ остался отдѣленнымъ отъ венеціанскихъ владѣній двумя вышеупомянутыми узкими полосами турецкой земли *).

Во всю длину дубровницкаго округа, по турецкой границѣ тянется цѣпь горъ, не достигающихъ нигдѣ 1500 высоты: онѣ защищаютъ Дубровникъ отъ герцеговинскихъ морозовъ, съ наступленіемъ которыхъ тысячи птицъ прилетаютъ изъ-за нихъ къ морю, погибая здѣсь во множествѣ отъ дубровницкихъ охотниковъ. Защищенный горами отъ холодныхъ вѣтровъ, открытый для южныхъ, Дубровникъ пользуется такимъ благодатнымъ климатомъ, которому могутъ позавидовать многія даже южнѣе расположенныя страны: здѣсь растутъ на открытомъ воздухѣ апельсины, лимоны, абрикосы, персики, даже пальмы, не говоря уже о виноградѣ, маслинахъ и тутовыхъ деревьяхъ; въ январѣ мѣсяцѣ цвѣтутъ въ садахъ розы, олеандры и миндальныя деревья. Но періодическіе дожди зимою и невыносимые жары лѣтомъ не понутру русскому человѣку. Для жителя южныхъ странъ — иное дѣло: „L'aria e le stagioni, говоритъ венеціанецъ *Лука Линда* **), corrono molto temperate, onde produce homini di sangue dolce e d'ottimi ingegni da riuscire segnalati in ogni scienza et arte, in cui s'applicarono ***). Извѣстный нашъ д-ръ Мандтъ, прожившій нѣкоторое время въ Дубровникѣ, находилъ его климатъ особенно полезнымъ для чахоточныхъ и изнуренныхъ продолжительными болѣзнями. Я бы могъ назвать по именамъ двухъ моихъ соотечественниковъ и

*) Memorie storiche di Ragusa di Matteo Bassich. Libro IX, § 37. (Рукоп. франц. библ. въ Д-кѣ, № 891).

**) Le relationi et descritioni universali et particolari del Mondo. Venetia. 1664. p. 640

***) Благорастворенный климатъ Дубровника производитъ людей мягкаго характера и способныхъ ко всѣмъ наукамъ.

и товарищей по службѣ, страдавшихъ чахоткою и въ короткое время оправившихся въ Дубровникѣ.

Къ дубровницкому округу принадлежитъ еще нѣсколько островов, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Городъ Дубровникъ расположенъ на двухъ скалахъ, соединенныхъ уже въ 1100 г. Первоначально была заселена скала, обращенная къ морю: съ половины третьяго вѣка сюда стекаются бѣжавшіе отъ преслѣдованія варваровъ жители Епидавра (нынѣ Цавтатъ, Ragusa Vecchia, около 3 часовъ разстоянія отъ Дубровника); до половины VII вѣка сюда прибыло четыре колоніи епидавританъ; одновременно съ послѣднею приходятъ сюда салонитяне, по разрушеніи ихъ города славянами. Эти новые поселенцы вмѣстѣ съ прежними построили правильный городъ 4-хъ стадій въ окружности и укрѣпили его со стороны моря. *) Городъ былъ названъ по скалѣ *Lausa*, — названіе, измѣненное впослѣдствіи въ Rausa—Rachusa—Ragusa. Основатели Дубровника были *романскаго* происхожденія: они принесли съ собою уже готовую образованность и христіанскую вѣру, въ которой были просвѣщены, вѣроятно, ап. Павломъ **) и окончательно утверждены, по народному преданію, записанному въ лѣтописяхъ, св. Илларіономъ (365 г.). Къ концу VII вѣка лѣтописи относятъ первыя поселенія въ Дубровникѣ *славянъ*. Съ тѣхъ поръ приливъ новыхъ поселенцевъ изъ сосѣднихъ славянскихъ краевъ продолжается непрерывно нѣсколько вѣковъ. Славянскій элементъ въ Дубровникѣ постоянно усиливается еще другимъ путемъ — путемъ пріобрѣтенія новыхъ земель, заселенныхъ славянами: въ 1050 году король Хорватіи и Далмаціи, Степанъ Крешимировичъ, даритъ ду-

---

*) Ser. Cervae, In Sacram Metropolim Ragusinam Prolegomena. Cap. I, pp. 11—15 рукоп. французск. библ., № 228.

**) Ign. Giogi, Ricerche anticritiche sul naufragio di S. Paolo. Venezia. 1730.

бровничанамъ Жупу (Breno), Гружъ (Gravosa), Рѣку (Ombla) и Затонъ (Malfi); въ 1080 году далматинскій король Сильвестръ уступаетъ имъ острова Колочепъ (Calamota), Лопудъ (Mezzo) и Шипань (Giupana); въ 1100 году король Бодинъ отказалъ по завѣщанію бенедиктинцамъ Кромы (островъ супротивъ Дубровника), долину Шуметъ (Gionchetto); въ 1151 г. пріобрѣтенъ островъ Млѣтъ (Meleda); въ 1310 г. жители острова Ластова (Lagosta) добровольно подчинились Дубровнику; въ 1333 г. куплены отъ Босніи Пелешацъ (Sabioncello) и Стонъ (Stagno); въ 1399 г. Остоя Христичъ даритъ дубровничанамъ Приморье; въ 1410 году они пріобрѣтаютъ о-ва Корчулу (Curzola), Хваръ (Lesina) и Брачь (Brazza); въ 1419 — 1429 г. они покупаютъ Конавле отъ Сандала Гранича и Радослава Павловича. Такимъ образомъ область Дубровника, заключавшая въ себѣ первоначально 16 стадій въ длину и 4 въ ширину, увеличилась къ началу XV вѣка до тѣхъ размѣровъ, какіе имѣетъ понынѣ.

Все населеніе Дубровника за первоначальными его предѣлами было—*славянское*; въ самомъ же городѣ славянскій элементъ былъ весьма слабъ, и долженъ былъ подчиниться болѣе многочисленному и болѣе развитому элементу греко-романскому, который постоянно усиливался новыми пришельцами изъ Италіи и Греціи. Славянская народность для достиженія преобладанія въ Дубровникѣ должна была преодолѣть много затрудненій: вновь присоединяемымъ областямъ предоставлялось право самоуправленія, но правителями назначались дубровницкіе чиновники романскаго происхожденія, которые могли представлять сенату о необходимости тѣхъ или другихъ измѣненій въ мѣстныхъ законахъ, сообразно государственнымъ потребностямъ республики: такимъ образомъ проникалъ сюда чужой элементъ; тогда какъ напротивъ жителямъ этихъ присоединенныхъ славянскихъ областей позволено было заниматься только мѣстными, и то второстепенными, дѣлами,—къ участію же въ общемъ го-

сударственномъ управленіи они не допускались. При такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ славянскій элементъ въ Дубровникѣ получаетъ преобладаніе не ранѣе конца XIV вѣка; слѣдующіе вѣка представляютъ Дубровникъ уже ославянившимся: законы республики измѣняются въ славянскомъ духѣ, дѣлается попытка ввести сербскій языкъ въ управленіе, наконецъ появляется сербская литература... Здѣсь было бы неумѣстно доказывать несостоятельность общепринятаго мнѣнія о томъ, что Дубровникъ ославянился будто бы уже въ X вѣкѣ: разборъ этого мнѣнія представленъ мною въ особомъ изслѣдованіи. Но и ославянившись Дубровникъ остался романскимъ по образованности: всѣ памятники искусства принадлежатъ итальянской школѣ; юношество воспитывается итальянскими профессорами; языкъ науки, образованнаго общества и правительства—латинскій и итальянскій; для сербскаго же языка оставлены только домашній очагъ и поэзія.

Государственное устройство Дубровника было заимствовано, какъ извѣстно, у Венеціи, подъ вліяніемъ которой былъ составленъ Статутъ 1272 года.

Дубровницкіе законы различаютъ три *сословія: властели* (patritii, nobili), *горожане* (cives seu populares, cittadini) и *поселяне* (artifices, villani, districtuales). Послѣдніе не принимали никакого участія въ государственномъ управленіи; горожане могли быть избираемы только въ должности письмоводителей (scribae); вся власть была въ рукахъ властелей. Всякій властелинъ, достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, вступалъ въ *Большой Совѣтъ* (Majus s. Generale Consilium, Consiglio Maggiore): здѣсь избирались чиновники (разъ въ годъ, 15 декабря,—ректоръ ежемѣсячно 25 числа), утверждались законы и рѣшались уголовныя дѣла. 20 членовъ Большаго Совѣта составляли *Сенатъ* (Consilium Rogatroum, Consiglio dei Pregati). Сначала 11, а потомъ (съ 1667 г.) 7 сенаторовъ образовали *Малый Совѣтъ* (Consilium Minus, Consiglio Minore)—нѣчто въ родѣ ве-

неціанскаго Cons. decemvirum. Главою Республики былъ *Ректоръ* (съ 1308 г., первоначально титуловался Prior, а потомъ Comes), не имѣвшій никакой власти, но отличавшійся отъ другихъ сенаторовъ одеждою и особыми почестями. Онъ избирался первоначально на годъ, потомъ на 6 мѣсяцевъ и наконецъ на 1 только мѣсяцъ. Остроумный французскій путешественникъ *Пуквиль* *) справедливо замѣчаетъ, что „le gouvernement de Raguse ressemble en quelque sorte à celui de l'ancienne Venise, avec cette différence qu'il offre la caricature des nobili, qui regnaient dans les Lagunes (p. 293)".

Государственное устройство Дубровника, изложенное въ статутѣ 1272 года, не потерпѣло никакихъ измѣненій въ послѣдующіе вѣка, тогда какъ остальныя части дубровницкаго законодательства подверглись многозначительнымъ перемѣнамъ сообразно славянскому духу: введены *очная ставка* или *састанакъ* (мірская сходка), *судъ по поротъ*, допущены *народныя собранія* въ славянскихъ областяхъ, уничтожено наконецъ *рабство* и *торгъ рабами* (въ 1416 и 1466 г.).

Недостатокъ земли и безплодіе почвы уже рано заставили дубровничанъ подумать о необходимости снискивать пропитаніе внѣ родины: моремъ они были отдѣлены отъ богатой Италіи, горами отъ хлѣбородныхъ славянскихъ областей. Торговыя сношенія съ этими странами начались вѣроятно вскорѣ по устроеніи Дубровника. Если лѣтописи сообщаютъ намъ о существованіи у дубровничанъ уже въ VIII вѣкѣ военнаго флота, который въ IX в. былъ уже столь значителенъ, по словамъ Константина Порфиророднаго, что на немъ можно было перевести въ Апулію войско хорватовъ и далматинцевъ, союзниковъ Византіи, то нельзя предположить, чтобы прежде того у нихъ не было вовсе кораблей, которые

---

*) Voyage en Morée, à Constantinople, en Albanie et dans plusieurs autres parties de l' empire Ottoman, pendant les années 1798 — 1801, par F. C. H. L. Pouqueville. P. 1805

могли бы перевозить ихъ въ Италію. Съ другой стороны, изъ лѣтописей видно, что, по договору, заключенному въ 831 г. съ Светиміромъ, жупаномъ боснійскимъ, дубровничане получили права гражданства въ Босніи (li Ragusei dover esser trattati in Bossina, come se fossero nativi di quel paese): нельзя допустить, чтобы дубровничане, при первомъ же столкновеніи съ босняками, стали домогаться такого важнаго права, а босняки предоставлять имъ таковое; необходимо предположить давнее ихъ знакомство: по лѣтописямъ и ученымъ изслѣдованіямъ, начало сношеній Дубровника съ Босніею относится къ 690 г., когда нѣкоторые изъ спутниковъ Павлиміра поселились на скалѣ, занятой епидавро-салонитанскими выходцами.

Съ самаго основанія до паденія, главною заботою Дубровника было развитіе торговли и мореплаванія: онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, и, когда нужно было, не щадилъ издержекъ для расширенія своихъ торговыхъ сношеній и для пріобрѣтенія новыхъ привиллегій; онъ старался обезпечить свою торговлю договорами, которые заботливо возобновлялъ при истеченіи срока; въ договорахъ онъ старался поставить своихъ купцовъ въ исключительное положеніе въ странѣ, въ ущербъ даже мѣстнымъ жителямъ (въ славянскихъ краяхъ), а гдѣ того нельзя было достичь, по крайности сравнять ихъ въ правахъ съ туземцами (въ Византіи, Венеціи, Анконѣ, Мессинѣ, Сиракузахъ и Генуѣ); въ договорѣ, заключенномъ въ Бруссѣ съ султаномъ Орханомъ II въ 1365 г., дубровичане выговариваютъ себѣ право свободной торговли не только во всѣхъ земляхъ, которыми въ то время владѣли турки, но даже и въ тѣхъ. которыми они могли завладѣть впослѣдствіи. Было бы утомительно перечислять всѣ торговые договоры Дубровника—упомяну только о важнѣйшихъ: послѣ договора съ Босніею 831 г., первый по времени — съ Апуліею и Сициліею 871 г.; въ 980 году дубровничане. вступивъ подъ покровительство византійскаго императора, полу-

чили подтвержденіе *прежнихъ* привиллегій, и 80 дубровницкихъ моряковъ и 3 патриція поступили на службу Византіи; около 1000 года дубровничане получили право безпошлинной торговли въ Болгаріи, а въ 1078 г. въ Венгріи; въ 1114 г. жупанъ боснійскій, Грубиша, дозволилъ дубровничанамъ построить близь нынѣшняго Сараева крѣпость Дубровникъ для защиты купцовъ, занимавшихся разработкою золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ (эта промышленность доставляла имъ 250%); въ 1170 г. императоръ Эммануилъ Комненъ даровалъ дубровничанамъ право гражданства въ Византіи и приказалъ принимать на казенный счетъ ихъ дѣтей въ тамошнія школы; въ 1186 г. заключенъ торговый договоръ съ великимъ жупаномъ Рассіи, Неманею; въ 1192 г. Исаакъ-Ангелъ дозволилъ дубровничанамъ торговать безпошлинно въ Романьи и Болгаріи; къ этому же году относится начало сношеній съ Англіею; въ 1220 г. заключенъ договоръ съ египетскими мамелюками; въ 1283 г. дубровничане получили право гражданства въ Мессинѣ и Сиракузахъ; въ 1332 г. учреждены дубровницкія консульства въ Босніи, Сербіи и Рассіи; въ 1358 г. дубровничане получаютъ право гражданства въ Венеціи; въ 1378 г. заключенъ торговый договоръ съ Генуею, въ 1385 г. съ Франціею, а въ 1423 г. съ Черногоріею; въ 1441 г. деспотъ Сербскій Юрій отдалъ дубровничанамъ на откупъ золотые и серебряные рудники Янова, Кратова и Новаго Берда; въ 1442 г. султанъ Амуратъ подтвердилъ извѣстный договоръ съ Орханомъ II 1365 г.; въ 1494 г. Фердинандъ I даровалъ дубровничанамъ обширныя торговыя привиллегіи въ испанскихъ владѣніяхъ (подтверждены Карломъ V въ 1535 г.); во второй половинѣ XV вѣка учреждены дубровницкія консульства въ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря; въ 1510 г. Абунасаръ, султанъ мамелюковъ, дозволилъ дубровничанамъ свободно торговать въ Египтѣ и Сиріи... Такимъ образомъ въ началѣ XVI вѣка дубровничане скрѣпили договорами торговыя связи

почти со всею Европою, съ частью Азіи и Африки; они заходили также и въ испанскія владѣнія въ Америкѣ. Палладій Фуско, падуанецъ, учитель извѣстнаго дубровницкаго поэта Элія Ламбридія Червы, говоритъ, что *нѣтъ въ Европѣ столь сокровенной и столь непріязненной къ иностранцамъ страны, въ которой нельзя бы было найдти дубровницкихъ купцовъ* *). Павелъ-Ангелъ, архіепископъ диррахійскій, современникъ Скендербега, восклицаетъ: *По какимъ морямъ дубровницкіе купцы не плаваютъ, по какимъ землямъ они не путешествуютъ, въ какія мѣста, наиболѣе сокровенныя и удаленныя, они не проникаютъ* **)? Упомянутый уже нами однажды Лука Линда, говоря о важности и обширности дубровницкой торговли съ Востокомъ, называетъ Дубровникъ Porta dell' Oriente (p. 643), а Пуквиль даетъ ему прозвище *Венеціи и Голландіи въ миніатюрѣ* (une Venise et une Hollande en miniature, p. 301) — во времена паденія Республики. Во всѣхъ странахъ, съ которыми торговали дубровничане, они старались получить осѣдлость, и съ этою цѣлью избирали особо важные пункты, строили въ нихъ факторіи, а при нихъ храмы и консульства. Такія факторіи были разсѣяны повсюду; но важнѣйшія изъ нихъ были: Софія для балканскаго полуострова, Бруcса для Малой Азіи, Александрія для Африки, Венеція (гдѣ доселѣ существуетъ Riva dei Schiavoni—на мѣстѣ дубровницкой факторіи, процвѣтавшей преимущественно въ XV вѣкѣ) для сѣверной Италіи и Венгріи, Флоренція (съ начала XV ст., неподалеку отъ города Strada dei Ragusei) для средней, а Мессина и Сиракузы для южной Италіи. Въ Палермо, по сказанію арабскаго географа

---

*) Nulla Europae pars adeo abdita est, ita advenis infesta, ut in ea Ragusinos non invenias negotiantes. De situ orae Illyrici. Apud Lucium, p. 454 по амстерд. изд.

**) Quae maria Ragusini marcatores non navigant, quas terras ii non permeant, quae loca tam abdita et remotissima, ad quae non accedunt et penetrant? Apud Cervam Prolegom. Мs. № 228. p. 167.

Якута (+1229), былъ особый *славянскій* (т. е. дубровницкій) кварталъ, а на островѣ Сициліи доселѣ существуетъ городъ *Рагуза.* Генуа съ 1378 г. стала главною факторіею дубровничанъ въ Средиземномъ морѣ. Центрами ихъ торговли въ Испаніи были Барцеллона и Валенція, а во Франціи—Марсель.

Скажу два слова о предметахъ торговли. Въ Дубровникъ привозили: а) Сухимъ путемъ: лошадей и домашній скотъ, медъ, воскъ, рыбу, строительный лѣсъ, уголь, мѣха, золото, серебро, олово и нѣк. др.; б) моремъ: хлѣбъ, оливки, плоды, соленое мясо и рыбу, кофе, сахаръ, ароматическія и медицинскія растенія, мануфактурныя издѣлія, посуду, желѣзо, драгоцѣнные каменья и корабельный лѣсъ. Изъ Дубровника отпускали: а) сухимъ путемъ: соль (одна изъ главныхъ статей), мануфактурныя издѣлія, вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, посуду и пр., и б) моремъ: золото, серебро, олово, воскъ, мѣха, кораллы, доски и нѣк. др.

Мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы опредѣлить цифру торговыхъ оборотовъ Дубровника: она должна быть громадна, если вѣрить преданію, что купцы, жившіе въ одномъ только кварталѣ Прѣки, имѣли капиталъ въ 20 милліоновъ дукатовъ.

Одновременно съ расширеніемъ торговли Дубровника развивалось его *мореходство.* Мы уже видѣли, что въ IX в. дубровничане перевозятъ на своихъ корабляхъ союзниковъ Византіи, хорватовъ и далматинцевъ, а въ X вѣкѣ византійскій императоръ проситъ у добровничанъ 80 моряковъ для своего флота; гораздо позже французскій король Карлъ IX выписываетъ изъ Дубровника кораблестроителей... Дубровницкіе корабли отличались громадными размѣрами и совершали отдаленныя плаванія: извѣстно, что дубровничане помогали испанцамъ въ завоеваніи Америки, и Охмучевичи-Гргуревичи, Долисти-Тасовичи и Машибрадичи за военные подвиги въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ были возведены въ достоинство грандовъ Испаніи. На службѣ у Карла V

состояло болѣе 300 дубровницкихъ кораблей. Петръ Великій также обратилъ вниманіе на искуство дубровницкихъ мореходцевъ, и въ нашемъ флотѣ служило немало дубровничанъ, изъ которыхъ Петръ Стулли дослужился до адмиральскаго чина. Мореходство и кораблестроеніе обогащали всѣ сословія Дубровника: гордый властелинъ отдавалъ свой излишекъ на построеніе корабля, бралъ акціи и получалъ хорошіе проценты; горожанинъ строилъ корабль и былъ его шкиперомъ, а поселянинъ шелъ съ малолѣтства въ матросы и во время своей многотрудной жизни сколачивалъ копѣйку, на которую бралъ паи въ построеніи кораблей,—а тамъ и самъ дѣлался судохозяиномъ. Мореходство и торговля соединяли между собою всѣ сословія и способствовали общему благосостоянію.

Уже въ началѣ XII вѣка дубровничане занимались разработкою золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Босніи, и съ тѣхъ поръ завелись въ Дубровникѣ *ювелиры*, которые, по прибыльности ремесла, стали столь быстро распространяться, что около 1400 г. ихъ находимъ во всѣхъ людныхъ селеніяхъ дубровницкой республики. Съ 1254 года дубровничане начали заниматься *варкою соли* на Неретвѣ, и этотъ промыселъ былъ столь прибыточенъ, что венеціанцы вздумали въ концѣ XVII вѣка оспаривать у нихъ право владѣнія этими солеварнями. Вызовъ во Францію при Карлѣ IX изъ Дубровника *фабрикантовъ суконъ* показываетъ, на какой степени совершенства находилась здѣсь эта промышленность, введенная въ 1490 г. флорентійцемъ Петромъ Пантеллою. Въ 1530 г. Николай Лукаричъ завелъ первыя въ Дубровникѣ *фабрики шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій*. Кромѣ того, дубровничане извлекали большія выгоды отъ ловли коралловъ въ Адріатикѣ и Архипелагѣ, отъ выдѣлки оливковаго масла, чеканки монетъ, литья пушекъ, приготовленія пороха, выдѣлки свѣчей (болѣе 20 заводовъ), приготовленія стеколъ, постройки кораблей, обра-

ботки желѣза и и зготовленія папучъ (родъ лаптей) для сосѣднихъ славянскихъ областей.

Подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, какъ-то: общаго довольства и мирной жизни, свободно и широко развились въ Дубровникѣ *науки* и *искуства*. У дубровничанъ была своя *Академія* (Accademia degli Oziozi), процвѣтавшая особенно въ XVI вѣкѣ и считавшая между своими членами знатнѣйшихъ гражданъ. Она имѣла огромное вліяніе на науку и литературу. Многіе изъ дубровницкихъ ученыхъ пріобрѣли громкую европейскую извѣстность; упомянемъ, ради краткости, только о нѣсколькихъ, наиболѣе замѣчательныхъ. *Иванъ Стойковичъ* (I. Stoicus) прославился защитою католицизма противъ гуситскаго ученія на базельскомъ соборѣ, а его же соотечественникъ, *Матвѣй Франковичъ* (Mattheus Flaccus Illyricus, 1520—1575) былъ ревностнѣйшимъ послѣдователемъ Лютера и основателемъ школъ антіадіафористовъ и субстанціалистовъ. Епископъ Стона (съ 1551 г.) *Петръ Гучетичъ* (Gozze) считался во Франціи, гдѣ провелъ большую часть жизни, *чудомъ ума*. Энциклопедистъ *Стефанъ Градичъ* (1613—1682), ватиканскій библіотекарь при папѣ Александрѣ VII, былъ оракуломъ современнаго ему литературнаго міра. *Игнатій Джіорджичъ* (1675—1737), извѣстный во всемъ славянскомъ мірѣ своими поэтическими произведеніями и учеными изслѣдованіями, считался въ свое время однимъ изъ первыхъ католическихъ богослововъ и въ этомъ качествѣ обезсмертилъ себя сочиненіемъ: Ricerche anticritiche sul naufragio di S. Paolo. — *Р. І. Божковичъ* (1711—1787), членъ Bureau de longitudes при Людовикѣ XIV, былъ творцомъ особой системы натуральной философіи, названной по его имени. Знаменитый дубровницкій математикъ, *Марино Гетальдичъ* (1566—1627), прозванный Павломъ Сарпи „Angelo di costumi e demonio in matematica“, ученикъ Вьеты и другъ Декарта, первый сдѣлалъ примѣненіе алгебры къ геометріи. *Георгій Бальиви* (1668—1707), прозванный *римскимъ Гиппо-*

кратомъ (Ippocrato Romano), произвелъ своими сочиненіями переворотъ въ медицинѣ. Наконецъ, кому неизвѣстно имя *Ансельма Бандури*, комментатора Константина Порфиророднаго, который былъ избранъ, по личному желанію Людовика XIV, въ первые почетные члены (изъ иностранцевъ) французской Академіи наукъ вмѣстѣ съ кардиналомъ Пуалтеріо и Куперомъ?

Дубровницкая *историческая литература* весьма богата, но, къ сожалѣнію, доселѣ мало извѣстна. Лѣтописи существовали въ Дубровникѣ уже въ VIII вѣкѣ; съ XI число лѣтописцевъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ XVI вѣку; въ первыхъ годахъ слѣдующаго вѣка лѣтописаніе прекращается: мѣсто его занимаютъ мемуары. Первоначально лѣтописи писались по-латыни; къ началу XIV вѣка, если не ошибаюсь, слѣдуетъ отнести первое переложеніе лѣтописи на итальнскій языкъ, на которомъ сохранились всѣ дошедшіе до насъ списки. Лѣтописцами были то духовные, то свѣтскіе люди. Имена ихъ неизвѣстны. Начало историческимъ запискамъ (мемуарамъ) положилъ *Черварій Туберонъ*, написавшій Commentaria de temporibus suis 1490—1522, произведеніе весьма важное для исторіи Турціи, Венгріи и нѣкоторыхъ другихъ странъ, но сообщающее весьма мало любопытнаго о Дубровникѣ. *Фр. Гундуличъ* († 1588) описалъ свои посольства—два въ Римъ и одно въ Неаполь—въ недошедшемъ до насъ сочиненіи Commentaria rerum a se in tribus Legationibus gestarum. Для исторіи Дубровника въ концѣ XVII вѣка весьма важны записки *Николая Бунича* (Bona, † 1678) и *Ст. Градича* († 1682). Эпоха паденія Дубровника описана *М. Басичемъ*, а осада его нашими войсками—въ двухъ мемуарахъ, изданныхъ мною въ прошлом году въ „Матеріалахъ для исторіи сношеній Россіи съ Дубровникомъ“.

Обработка дубровницкой исторіи начата очень рано. Первыя попытки, какъ и вездѣ, были, конечно, слабы: сюда относятся труды *Милеція* (послѣ 1272 г.), *Іоанна Равеннскаго* (1347), *Николая Раньины* (1545), *Евсевія*

Кабоги († 1594) и *Ив. Гундулича* († 1650). Несравненно выше стоятъ сочиненія *Рацци* (1587), *М. Орбинича* († 1614), *Луккарича* (1615) и *Растича* (Resti, † 1735). Произведенія *Игн. Джіорджича* († 1737), *Червы* († 1759) и *Себ. Дольчи* (Сладковичъ) заслуживаютъ названія историческихъ изслѣдованій.

Съ дубровницкою *поэзіею*, поистинѣ классическою, считаю читателей достаточно знакомыми послѣ труда г. Пыпина. Скажу только, что одного *Гундулича* достаточно было бы для славы и не такой малой страны, какъ Дубровникъ.

Между дубровничанами были также замѣчательные *художники* (напр. Бенедиктъ Стойковичъ=Stay, Петръ Маттеи, Петръ Катушичъ и Григ. Иванелли; скульпторъ Фр. Раделья, архитекторъ Пасквале Михалевъ), *музыканты* (напр. Гавр. Тампарицца † 1575, Бенед. Бабичъ † 1591, Фр. Гучетичъ † 1658 г. и нѣк. др.) и *типографщики* (Bonino de Boninis и Martinus de Ragussa—одни изъ первыхъ по времени).

Своею промышленною и торговою дѣятельностію дубровничане внушали къ себѣ уваженіе въ другихъ народахъ, съ которыми старались жить въ мирѣ и согласіи, не щадя на то никакихъ средствъ. Слабые сами по себѣ, они всегда заискивали покровительства сильныхъ, оказывая имъ разныя мелкія услуги или платя извѣстную сумму денегъ; покровителей они мѣняли сообразно съ обстоятельствами, переходя отъ болѣе слабаго къ болѣе сильному: оттого и прозвали ихъ „nazione di sette bandiere“ (народъ, мѣняющій 7 флаговъ въ день). Предусмотрительные дубровничане умѣли обезопасить себя на случай войны и голода устройствомъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и складовъ вина и оливковаго масла. Не менѣе войны боялись дубровничане чумы, которая нерѣдко посѣщала ихъ городъ. Для огражденія себя отъ этого опаснаго врага, они уже въ XIV в. завели *карантины*. Въ Дубровникѣ были приняты мѣры нетолько противъ общественныхъ, но и

противъ частныхъ бѣдствій: здѣсь существовали уже въ XIV — XV в. *воспитательный домъ* для подкидышей и сиротъ, *больницы*, *богадѣльни*, *инвалидный домъ* и *заемный банкъ* (monte di pietà), учрежденія, дѣлающія честь дубровничанамъ.

Любопытно описаніе Дубровника въ концѣ XVI вѣка, составленное *Серафимомъ Рацци* въ его „Storia di Raugia“ (Lucca 1595. Libro III): „Въ Дубровникѣ, какъ сказываютъ, около 10.000 огнищъ: отсюда, полагая по обыкновенію на каждое огнище покрайней-мѣрѣ 3 души, будемъ имѣть около 30.000 душъ народонаселенія. Ворота постоянно охраняются венгерскими солдатами, а ночью національная гвардія изъ горожанъ и поселянъ ходитъ дозоромъ кругомъ стѣнъ города, стражу же на площади содержитъ отрядъ вышепомянутыхъ венгерцевъ. Сенатъ къ нимъ весьма снисходителенъ за ихъ вѣрность и выдаетъ имъ въ половинѣ мѣсяца полное жалованье. Почти всѣ зданія построены изъ квадратныхъ камней и отличаются удобствомъ помѣщенія. Всѣ улицы мощены, и, за исключеніемъ двухъ, изъ коихъ одна ведетъ отъ собора къ площади, а другая отъ однихъ воротъ къ другимъ, весьма узки, такъ что, встрѣтившись въ извѣстномъ часу на нѣкоторыхъ изъ нихъ, двѣ барыни (gentil' donne), въ своихъ пышныхъ и широкихъ платьяхъ съ обручами около ногъ (con quei cerchi alle vestimenta da piedi), съ трудомъ могутъ дать одна другой дорогу. Есть одна улица, по дорогѣ изъ собора въ монастырь св. Ѳомы, вся крытая построенными на ней домами съ ихъ крышами и сводами; въ случаѣ погребенія лица, проживающаго на этой улицѣ, называемой въ просторѣчьи Пустьерна, оставляютъ всѣ кресты на соборной площади, по невозможности пронести ихъ по такой низкой улицѣ. Въ Дубровникѣ весьма мало садовъ внутри города: онъ весь наполненъ зданіями; зато за городомъ на берегу моря—прекрасные сады и дворцы съ фонтанами и апельсиновыми рощами, въ чемъ Дубровникъ соперничаетъ съ Генуею и Неаполемъ. Ректорскій дво-

рецъ очень красивъ и великолѣпенъ: съ площади ведетъ въ него грандіозная галлерея; другія галлереи и бельведеры выходятъ въ портъ, на море; на обширномъ дворѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщаются пріемныя комнаты Малаго Совѣта. Зала Большаго Совѣта обширна и убрана по-царски. Неподалеку отъ этого дворца, на той же площади, построенъ весьма замѣчательный большой фонтанъ прѣсной воды, проведенной сюда изъ живописной долины Шумета. Другой фонтанъ, но еще большій, находится у западныхъ воротъ. И тотъ и другой служатъ большимъ украшеніемъ для города и приносятъ огромную пользу народу. Въ Дубровникѣ 47 церквей, хотя въ строгомъ смыслѣ можно назвать этимъ именемъ 4—6 изъ нихъ, остальныя же столь малы, хотя и хорошо построены и убраны, что заслуживаютъ только названія часовни или молельни. Въ Дубровникѣ только два мужскихъ монастыря: одинъ св. Франциска, у западныхъ воротъ, въ которомъ живутъ padri osservanti zoccolanti, и другой св. Доминика, у восточныхъ, въ которомъ помѣщается 25—30 монаховъ также osservanti (строгихъ). Оба красивы и удобны; при нихъ фонтаны, сады или апельсиновыя рощи, прекрасныя церкви и богатые алтари. Женскихъ монастырей въ Дубровникѣ 8: 5 ордена св. Бенедикта, подъ надзоромъ архіепископа, 2 св. Франциска и 1 св. Доминика, управляемые (governati) монахами этихъ орденовъ. Внѣ города, но неподалеку отъ него, находятся два аббатства св. Бенедикта Чернаго: одно на островѣ Кромѣ занято итальянскими монахами, а другое на материкѣ, на берегу моря, св. Якова, — славянами. Нѣсколько далѣе отъ города на западъ еще два монастыря: францисканскій на скалѣ Даксѣ и доминиканскій въ Гружѣ. Въ Дубровникѣ нѣтъ гостиницъ; не въ обычаѣ также у дубровничанъ давать у себя квартиры иностранцамъ, хотя бы они были и друзья; но доставляютъ имъ все необходимое въ особо приготовленномъ домѣ. Путешественники, большею частію мореходцы, спятъ на своихъ корабляхъ; монахи отправ-

ляются въ тотъ или другой монастырь; турки изъ простонародія спятъ на открытомъ воздухѣ за городскими воротами, при хорошей погодѣ, а въ ненастную въ построенныхъ для нихъ по распоряженію сената низенькихъ хижинахъ; но почетные турки помѣщаются въ городѣ въ приличномъ зданіи, близь ректорскаго дворца, и получаютъ все содержаніе отъ казны. Для помѣщенія посланниковъ христіанскихъ державъ, отправляющихся въ Константинополь или другія страны, предназначенъ нижній, не имѣющій сообщенія съ кельями, этажъ доминиканскаго монастыря, и сенатъ также принимаетъ на себя издержки по ихъ содержанію... Жители Дубровника раздѣляются на три сословія: властелей, горожанъ и поселянъ. Властели, въ числѣ 29 домовъ, одни принимаютъ участіе въ государственномъ управленіи: они носятъ длинные флорентійскіе плащи и круглыя венеціанскія шапки. Разсказываютъ въ народѣ, что властели отправили депутацію во Флоренцію, чтобы перенять тамошнія моды; депутаты сняли фасонъ плащей, а о шапкахъ вспомнили только на возвратномъ пути, когда были уже въ Венеціи; потому чтобы не ѣздить снова во Флоренцію, переняли шапки у венеціанцевъ. Сенаторы Малаго Совѣта въ торжественныхъ случаяхъ одѣваютъ венеціанскія тоги. Ректоръ постоянно носитъ красную одежду изъ дорогихъ тканей, подбитую зимою цѣнными мѣхами. Онъ не иначе выходитъ изъ дворца, какъ въ сопровожденіи двѣнадцати сенаторовъ Малаго Совѣта, избираемыхъ ежегодно; ему предшествуютъ нѣсколько паръ слугъ въ красныхъ одеждахъ и музыканты. Въ случаѣ смерти дворянина или дворянки, ректоръ обязанъ сопровождать въ черной тогѣ покойника до могилы; если же по старости или какой-либо другой причинѣ онъ не въ состояніи исполнить самъ этого обряда, то посылаетъ вмѣсто себя одного изъ членовъ Малаго Совѣта въ ректорской черной тогѣ и со всѣми регаліями... Нѣтъ въ Дубровникѣ шумныхъ собраній адвокатовъ, прокуроровъ и нотаріусовъ, нѣтъ суда присяж-

ныхъ, нѣтъ дворца подесты; но изъ среды самаго сената избирается ежегодно нѣсколько властелей для вѣданія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ... Въ случаѣ возмущенія или народнаго бунта, или же пожара, охраненіе двухъ главныхъ воротъ поручается монахамъ ближайшихъ монастырей св. Франциска и св. Доминика, причемъ они получаютъ отъ сената оружіе и все необходимое; караулы у воротъ, ведущихъ въ портъ, содержатъ въ подобныхъ случаяхъ каноники и духовенство собора. Разставивъ такимъ образомъ духовенство на стражу, властели имѣютъ болѣе досуга дѣлать необходимыя распоряженія для оказанія нуждающимся помощи или для усмиренія мятежа... Въ случаѣ прибытія въ дубровницкій портъ значительнаго иностраннаго лица, сенатъ отправляетъ къ нему депутацію съ подарками, состоящими изъ стеариновыхъ свѣчей, барановъ, вина и т. п., смотря по личности путешественника"...

Паденіе Дубровника обыкновенно приписываютъ однимъ внѣшнимъ причинамъ, каковы: соперничество Венеціи, гоненія на дубровничанъ въ Венгріи и Герцеговинѣ, нападенія ускоковъ, бури, отъ коихъ много пострадалъ дубровницкій флотъ, болѣзни (чума въ 1520 году истребила болѣе 20.000 чел.; возобновлялась съ особою силою въ Стонѣ въ 1734 г. и въ Конавлѣ въ 1784 г.), голодъ (1539—1540 г., умерло 4500 чел. съ голоду), пожары (особенно сильные въ 1463 и 1667 г.) и наконецъ частыя землетрясенія, изъ коихъ послѣднее въ 1667 г. разрушило почти весь городъ и въ развалинахъ погребло большую часть жителей.

Изученіе неизданныхъ литературныхъ памятниковъ дубровничанъ убѣждаетъ насъ, что зачатки паденія Дубровника заключались въ немъ самомъ. Своеволіе привиллегированнаго властельскаго сословія уже въ концѣ XVI вѣка не знало границъ, какъ видно изъ исторіи Сер. Рацци и сатиры Маріо Кабоги, дубровницкаго властелина († 1582) „Contro la nobiltà di Ragusi." Властельское юношество воспитывалось дурно: вмѣсто не-

преложныхъ истинъ наукъ, ему внушалось, что оно принадлежитъ къ привеллегированному сословію, которое одно распоряжается судьбою республики, что прочія сословія поставлены въ отношеніи къ нему въ служебное положеніе, что учиться не нужно для того, чтобы занять принадлежащее ему по праву рожденія мѣсто въ Большомъ Совѣтѣ, что тамъ онъ изучитъ всю государственную науку... Серафимъ Рацци съ ужасомъ смотритъ на эту язву Дубровника, вошедшую уже въ поговорку: „Dalle mosche di Zara e dai putti di Raugia cara, salvaci, Signore" (Избавь насъ, Боже, отъ мухъ Задра и дѣтей возлюбленнаго Дубровника). По его словамъ, прибить горожанина, присвоить себѣ чужую вещь, издѣваться надъ духовенствомъ и храмами — все было позволено принадлежавшему къ властельскому сословію юношеству. Съ такимъ воспитаніемъ вступалъ 18-ти лѣтній юноша въ Большой Совѣтъ: все его знаніе ограничивалось тѣмъ, что онъ властелинъ, и потому все ему дозволено. И вотъ съ сознаніемъ своей силы и безнаказанности, онъ обижалъ и грабилъ горожанина, тяжкимъ гнетомъ ложился на поселянина, лишая его послѣдняго куска хлѣба, для того чтобы построить себѣ палаццо или сшить модное платье... Страсть къ роскоши и иностраннымъ обычаямъ отъ властельскаго сословія перешла быстро къ болѣе зажиточнымъ горожанамъ; законы, изданные противъ роскоши, оставались безъ исполненія; а между тѣмъ настали для республики времена испытанія; прежнихъ средствъ не было, а потребностей явилось больше, чѣмъ прежде; результатомъ такого положенія дѣлъ было паденіе нравственности: всякій думалъ о себѣ, а не объ отечествѣ, торговалъ своею совѣстію... Поэты и историки сравниваютъ Дубровникъ съ Римомъ временъ Катилины. Властели интриговали при иностранныхъ дворахъ, а дома соперничали и ссорились между собою, оставляя страну на произволъ судьбы посреди безначалія (такъ было въ 1763 году вслѣдствіе соперничества Пучичей и Градичей). Народъ не всегда безропотно сно-

силъ иго властельское, и возстанія на Ластовѣ (1602—1607) и въ Конавлѣ (1798) могли быть подавлены только при помощи Турціи, не желавшей усиленія Венеціи и Австріи насчетъ Дубровника. Деморализаціи общества содѣйствовали не мало *іезуиты*, утвердившіеся въ Дубровникѣ въ половинѣ XVII вѣка и въ продолженіе цѣлаго столѣтія воспитывавшіе юношество въ духѣ своего ордена. Лучшіе люди бѣжали заграницу или запирались въ монастырскихъ кельяхъ; немногіе рѣшались вступать въ борьбу съ внутренними врагами родины; но было поздно...

Вслѣдствіе своекорыстныхъ видовъ властелей, внѣшняя политика Дубровника измѣняется: оставлена прежняя система строгаго невмѣшательства, и дубровничане принимаютъ участіе въ войнахъ великихъ державъ, участіе, стоившее имъ очень дорого: въ испанскихъ войнахъ они теряютъ 300 большихъ кораблей; несоблюденіе вмѣшательства въ войнахъ Россіи съ Турціею и Франціею нанесло послѣдній ударъ отживавшей свой вѣкъ республикѣ... О послѣднемъ скажемъ нѣсколько подробнѣе.

Начало сношеній нашихъ съ Дубровникомъ относится ко временамъ Петра Великаго. Извѣстный герцеговинецъ Савва Владиславичъ, величавшій себя графомъ Рагузинскимъ, оставляя службу въ Россіи и желая поселиться въ Дубровникѣ близь своей родины, испросилъ у Петра Великаго письмо къ дубровницкому сенату о дозволеніи ему, Владиславичу, построить въ саду купленнаго имъ въ Дубровникѣ палаццо православную церковь для его семейства. Фанатическій сенатъ, искоренившій православіе въ дубровницкой области, отказалъ Владиславичу въ его просьбѣ. Такое невниманіе къ русскому царю осталось безъ послѣдствій, и дубровничане, по примѣру Флоріо Беневени, бывшаго нашимъ посланникомъ въ Персіи, продолжали служить въ Россіи и пользоваться почестями (Натали, Водопичъ, Стулли, Альтести). Во время войны Россіи съ Оттоманскою Портою

при Екатеринѣ II, дубровничане продали много своихъ кораблей туркамъ-дульциньотамъ, занимались снабженіемъ турецкаго флота съѣстными припасами, дубровницкіе моряки управляли артиллеріею Короны при осадѣ ея нашими войсками, и два корабля подъ дубровницкимъ флагомъ сражались противъ насъ при Наполи-ди-Романія. Графъ А. Орловъ потребовалъ отъ Республики немедленнаго удовлетворенія, а въ іюнѣ 1775 года предписалъ ей слѣдующія условія: 1) соблюдать впредь строгое невмѣшательство, 2) принять русскаго консула и 3) дозволить нашему консулу построить при собственномъ его домѣ православную церковь. Въ 1788 г. прибылъ въ Дубровникъ первый нашъ генеральный консулъ графъ Джика; но дозволенія на построеніе церкви онъ не получилъ. Въ 1798 г. дубровничане нарушили первое условіе конвенціи 1775 года, занимаясь перевозкою съѣстныхъ припасовъ изъ Архипелага на Мальту, занятую французами, и на угрозы нашего двора отвѣчали пустыми обѣщаніями. Третье условіе конвенціи 1775 г. было исполнено только въ въ 1804 году, вслѣдствіе нашихъ угрозъ и настоятельныхъ требованій генеральнаго консула нашего Фонтона. Не прошло двухъ лѣтъ, и мы имѣли случай снова убѣдиться въ вѣроломствѣ дубровничанъ: вопреки декларація начальника нашей эскадры въ которской бухтѣ, обязывавшей дубровничанъ къ строгому нейтралитету, вопреки конвенціи, заключенной съ адмираломъ Сенявинымъ, дубровничане дозволили французскому генералу Лористону занять ихъ городъ 27 мая 1806 года. Вслѣдствіе такого вѣроломнаго поступка дубровничанъ, наши войска въ союзѣ съ черногорцами и бокезами вступили 30 числа того же мѣсяца въ Конавле и обложили Дубровникъ со всѣхъ сторонъ. Двадцатидневная осада (17 іюня—6 іюля) его нашими войсками стоила дубровничанамъ и французамъ 2000 человѣкъ и 8.655.000 франковъ. Убытки, понесенные Дубровникомъ, возрастутъ до громадной цифры (полагаютъ 16—18 милліоновъ франковъ), если вспомнимъ, что

французы еще до 1806 г. заняли у него болѣе милліона франковъ, а во время осады ограбили не только государственную казну и общественный банкъ, но и всѣ монастыри и церкви. 2 августа прибылъ въ Дубровникъ генералъ Мармонъ, а 31 января 1808 года онъ отдалъ слѣдующій лаконическій приказъ: „Le gouvernement et le Sénat de Raguse sont dissous." Мармонъ съ титуломъ герцога Рагузскаго (Duc de Raguse) управлялъ Дубровникомъ нѣсколько лѣтъ. Во время засѣданій вѣнскаго конгресса (1815 г.) генералъ Милутиновичъ предложилъ дубровничанамъ *добровольное признаніе* (soumission volontaire) надъ собою власти Габсбурговъ, которые уже съ 1684 года смотрѣли на Дубровникъ, какъ на свою добычу, и, по выраженію инструкцій, данныхъ нашимъ правительствомъ генеральному консулу Палладоклису (1800 г.), *разными происками старались привлечь рагузейцевъ подъ свое иго*. Съ тѣхъ поръ Дубровникъ благоденствуетъ подъ крылами габсбургскаго орла.

II.

Статистическія свѣдѣнія о народонаселеніи Дубровника. — *Католики*: духовенство, монастыри и церкви. — *Православные*: искорененіе православія въ дубровницкой области; современное положеніе православныхъ въ Дубровникѣ. — *Сельское народонаселеніе*: языкъ, бытъ, повѣрья, постройки, одежда; отношенія поселянъ къ помѣщикамъ; занятія. — *Среднее сословіе*. — Остатки *аристократія* временъ республики. — Нѣмецко-итальянская *бюрократія*. — *Политическое управленіе*. — *Консульскій корпусъ*: исторія русскаго консульства; англійскій консулъ (Paton) — писатель. — *Военное управленіе*. — *Школы* во времена республики и нынѣ. — Современные дубровницкіе *писатели*. — *Общественная жизнь*. Народный праздникъ св. Власія. — Старинныя постройки.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, изданнымъ далматинскимъ сеймомъ (Statistica generale della Dalmazia, edita dalla Giunta Provinciale), въ дубровницкомъ округѣ было въ 1863 г. 9.913 домовъ, на которые приходится жителей: 54.503 католика, 189 православныхъ, 5 уніатовъ, 4 протестанта, 121 жидъ и 263 иностранцевъ. Въ административномъ отношеніи дубровницкій округъ раздѣленъ на 9 уѣздовъ (distretti), управляемыхъ преторами. Число жителей по мѣстопребываніямъ преторовъ раздѣлялось такъ: Супетаръ на Брачѣ (Brazza) 1602 чел., Хваръ (Lesina) 1764, Вись 2814, Метковичи 1011, Корчула 1905, Оребичь на полуостровѣ Пѣлешцѣ (Sabioncello) 491, Стонъ (Stagno) 209, Цаптатъ (Ragusa Vecchia) 677 и Дубровникъ (окружной городъ) 4084 чел. Уѣзды подраздѣлены на общины (commune) числомъ 21. Въ мѣстопребываніяхъ общинныхъ управленій (кромѣ 9 вышеупомянутыхъ) жителей было: въ Блатѣ 3341 чел., на Ластовѣ (Lagosta) 1113, въ Трапани 655, въ Кунѣ 352, въ Янинѣ 572, въ Сланомъ 466, на Млѣтѣ (Meleda) 1318, въ Рѣкѣ

(Ombla) 2237; въ Затонѣ 447, на Лопудѣ (Mezzo) 426, на Шипани (Giuppana) 1136 и въ Жупѣ (Breno) 3763 чел. Сравнивая эти цифры съ сообщенными профессоромъ *Петтеромъ* въ сониненіи „Dalmatien in seinen verschiedenen Beziehungen (Gotha 1857)“, мы убѣждаемся въ невѣрности его показаній: такъ напр. общее число жителей дубровницкаго округа у него показано почти то же (54.000 чел.), между тѣмъ какъ распредѣленіе ихъ по городамъ и мѣстечкамъ у него значительно больше: дубровникъ 5.500, Корчула 2.210, Стонъ 380, Цаптатъ 860 чел. и т. д. Любопытно также сравненіе новыхъ статистическихъ данныхъ съ свѣдѣніями, обнародованными въ 1808 г. по приказанію начальника Дубровника и Котора, Д. Гараньина: въ 1807 году число жителей Дубровницкой области простиралось до 31.245 чел., изъ коихъ 14.629 м. п. и 16.616 ж. п.; въ самомъ городѣ было 4175 чел., въ предмѣстьяхъ Пилахъ 1165 и Плочѣ 365; православныхъ считалось 68 ч. м. п. и 40 ж. п., а жидовъ 109 м. п. и 118 ж. п. *). Еще любопытнѣе сравненіе нашихъ цифръ съ показаніемъ Сер. Рацци: въ его время (1587—1589) въ Дубровникѣ (городѣ) было по крайней мѣрѣ 30,000 жителей т. е. въ шесть разъ болѣе, чѣмъ теперь; предполагая, что въ другихъ мѣстахъ дубровницкой области народонаселеніе не было такъ сгущено, мы все-таки получимъ въ общемъ итогѣ не менѣе 150.000 чел.; какіе страшные перевороты должны были потрясти республику, въ теченіе двухъ столѣтій, чтобы низвести это число до 31.000 въ 1807 г!...

Масса народонаселенія принадлежитъ къ католической церкви. Духовный глава Дубровника носитъ титулъ епископа Дубровника и Мерканы и апостольскаго админи-

---

*) Tavola statistica generale della città di Ragusa e tutto il suo antico stato per l'anno 1807, eseguita d'ordine del s. Amministratore Generale di Ragusa e Cattaro, Domenico Garagnin, e compilata sotto li 30 Aprile dell'anno 1808.

стратора Требинья (въ Герцеговинѣ, Vescovo di Ragusa e di Mercana ed Amministratore Apostolico della diocesi di Trebinje). Во времена республики здѣсь былъ архіепископъ (съ половины VIII вѣка,) которому были подчинены епископы Корчулы, Стона, Мерканы и сосѣднихъ славянскихъ областей. Онъ былъ руководителемъ католической пропаганды на балканскомъ полуостровѣ и зависѣлъ отъ одного папы. Законъ возбранялъ избирать въ архіепископы дубровничанина, а потому всѣ дубровницкіе архіепископы были итальянцы. Хотя архіепископъ не получалъ большаго жалованья, но жилъ пышно, о чемъ свидѣтельствуетъ уцѣлѣвшій донынѣ огромный архіепископскій дворецъ; вѣроятно, онъ пользовался большими доходами, ибо дубровницкое духовенство было богато и владѣло большими капиталами, изъ которыхъ уцѣлѣлъ только одинъ—братства священниковъ св. Петра и св. Маріи (La congregazioni dei sacerdoti di S. Pietro in Cattedra e S. Maria Maggiore) въ 170.000 гульд.

Быть каноникомъ считалось у дубровичанъ большею честію, и имъ могъ быть, по законамъ республики, только властелинъ. Церкви и монастыри обогащались богатыми вкладами и владѣли населенными землями. Самый богатый монастырь въ Дубровникѣ былъ бенедиктинскій на островѣ Млѣтѣ: онъ пользовался доходами со всего острова, а аббатъ его игралъ политическую роль. Ему были подчинены монастыри кромскій и св. Якова: первый изъ нихъ, основанный въ XI вѣкѣ, славился собраніемъ первопечатныхъ книгъ; онъ разрушенъ нашими войсками въ 1806 году. Мексиканскій императоръ Максимиліанъ, бывши эрц-герцогомъ, купилъ Крому и началъ возобновлять монастырь, обративъ его во дворецъ. Монастырь св. Якова на Вышницѣ, въ четверти часа разстоянія отъ Дубровника, разрушенъ одновременно съ кромскимъ; въ немъ жилъ и трудился знаменитый дубровницкій поэтъ и ученый, аббатъ Игнатій Джіорджичъ; здѣсь онъ и погребенъ. Отъ его богатой библіотеки и

слѣдовъ не осталось. Доминиканскій монастырь основанъ въ XIII вѣкѣ. Нынѣшнее монастырское зданіе, весьма замѣчательной архитектуры, съ аркадами и галлереями, построено въ XV вѣкѣ дубровничанами Фра Степаномъ и Посквалемъ Михалевымъ. Въ церкви св. Доминика сохраняется драгоцѣнная сербская древность—серебряный крестъ, сдѣланный по приказанію сербскаго короля Уроша, отца царя Душана, около 1310 года; на немъ вычеканена сербская надпись. Здѣсь же хранится замѣчательное произведеніе искуства — образъ Маріи Магдалины, Тиціана. Въ доминиканскомъ монастырѣ была нѣкогда замѣчательная библіотека; но во время французскаго занятія, помѣщенный въ ней отрядъ солдатъ истребилъ почти всѣ рукописи, и только чудомъ уцѣлѣлъ автографъ сочиненій Червы (†1759): Metropolis Sacra Ragusina, Vitae illustrium Ragusinorum и Monumenta congregationis S. Dominici de Ragusa O. P. ab. anno 1225 usque 1728,—сочиненій, весьма важныхъ не только для церковной, но и для политической исторіи Дубровника. Особенно чувствительна для науки потеря хранившагося здѣсь автографа хроники Николая Раньины (1545). Францисканскій монастырь, основанный также въ XII вѣкѣ, построенъ въ XV по образцу доминиканскаго. Несмотря на то что во время великаго землетрясенія 1667 г. и слѣдовавшаго за нимъ пожара онъ потерялъ до 7.500 рукописей и книгъ, его библіотека самая богатая въ Дубровникѣ: въ ней болѣе 2000 рукописей, важныхъ для исторіи Дубровника. Кромѣ мужскихъ монастырей были и женскіе; изъ нихъ уцѣлѣлъ только одинъ св. Клары въ предмѣстьи Пилахъ: въ немъ обучаются дѣвушки (Conservatorio delle ragazze, съ 1829 г.).

Соборная церковь св. Маріи первоначально построена въ 1050 году хорватско-далматинскимъ королемъ Стефаномъ: съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ перестроивалась; въ 1667 году она была разрушена землетрясеніемъ, но въ 1713 году возобновлена архитекторомъ Ангеломъ Бьянки, Она обширна и свѣтла, но архитекту-

ра не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Она славится огромнымъ количествомъ мощей, въ числѣ которыхъ находится рука св. Іоанна Крестителя, привезенная въ XV вѣкѣ изъ Іерусалима боснійскимъ фратромъ Юріемъ Драгишечемъ. Въ соборной ризницѣ хранится замѣчательное произведеніе дубровницкаго золотыхъ дѣлъ мастера Ивана Прогоновича (половины XV вѣка)—серебряный позолоченный рукомойникъ съ кувшиномъ. Онъ былъ заказанъ дубровницкимъ архіепископомъ Тимоѳѣемъ Маффеи для венгерскаго короля Матвѣя Корвина; но не дошелъ по своему назначенію по причинѣ смерти Маффеи. Этотъ рукомойникъ, въ видѣ глубокаго круглаго блюда, замѣчателенъ по своей отдѣлкѣ: на немъ изображены различныя морскія животныя, а подъ ними трава; когда нальютъ въ него воды, животныя кажутся движущимися, какъ живыя. Кувшинъ украшенъ различными миѳологическими изображеніями посреди листьевъ и плодовъ. Соборъ украшенъ образами замѣчательной работы итальянскихъ и дубровницкихъ мастеровъ: упомянемъ только объ Успеніи Богородицы—Тиціана, Мадоннѣ della Seggiola—Рафаэля, Торжествѣ Христіанской вѣры—Петра Маттеи, и Маріи съ Іисусомъ—Бенедикта Стойковича (Stay).

Гораздо замѣчательнѣе архитектура храма св. Власія: онъ построенъ въ итальянскомъ вкусѣ венеціанцемъ Мариномъ Гропелло, на мѣстѣ разрушенной землетрясеніемъ 1667 года церкви, сооруженной въ 1348 году. Первоначальную постройку церкви св. Власія лѣтописи относятъ къ 971 году, разсказывая при этомъ слѣдующее:

„Въ 971 году пришелъ подъ дубровникъ венеціанскій флотъ (35 galere, navi 35, barcasi 30, fuste 12). Показывая видъ, будто отправляются на Востокъ для завоеваній и обращаясь весьма дружелюбно съ дубровничанами, венеціанцы высматривали слабыя позиціи съ тѣмъ, чтобы ночью овладѣть городомъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Однажды ночью является священнику церк-

ви св. Стефана, по имени Стойку, мужу добродѣтельной жизни, св. Власій въ образѣ старца-епископа и говоритъ: „Скажи дубровничанамъ, что я до сихъ поръ охранялъ ихъ отъ козней венеціанцевъ; пусть и впредь остерегаются ихъ“. Правительство, узнавъ объ этомъ, разставило стражу, и однажды ночью многіе изъ венеціанцевъ, пришедшихъ въ городъ по обыкновенію, были убиты, а остальные бѣжали на корабли, которые немедленно отплыли на Востокъ. Съ тѣхъ поръ дубровничане приняли св. Власія за своего покровителя и въ честь его построили на площади церковь, стоившую 13.000 перперовъ (мелкая серебряная монета)“.

Дубровницкое духовенство никогда не играло политической роли и не принимало никакого участія въ государственномъ управленіи: оно служило послушнымъ орудіемъ правительству, которое, изъ видовъ политическихъ, искореняло православіе на своей территоріи и распространяло католицизмъ на Востокѣ. Вѣря въ предсказаніе св. Франциска, посѣтившаго Дубровникъ въ 1219 году, что республика падетъ одновременно съ утвержденіемъ въ ней иновѣрческаго исповѣданія, дубровничане ревностно обращали въ католицизмъ православныхъ жителей Жупы, Приморья, Стона и Конавля, и, по ихъ законамъ, право гражданства имѣли только католики: этимъ достигалось также единство между разнородными стихіями народонаселенія и разрывалась связь съ сосѣдними славянскими племенами, которыя жили болѣе свободною жизнію, и къ которымъ естественно тяготѣли жупляне, приморцы, стонцы и конавляне. Съ другой стороны, обращая въ католицизмъ балканскихъ славянъ, съ которыми находились въ торговыхъ сношеніяхъ, дубровничане пріобрѣтали себѣ друзей въ странѣ имъ чужой и отдаленной, а потому не щадили издержекъ на постройку при своихъ факторіяхъ церквей и на содержаніе при нихъ священниковъ и проповѣдниковъ. Пользуясь исключительными правами и привиллегіями въ Турціи, они покровительствовали совращен-

нымъ въ католицизмъ славянамъ и защищали ихъ отъ угнетеній турецкихъ властей) Почти до самаго паденія Республики (именно до 1804 г.), православное вѣроисповѣданіе не было терпимо въ Дубровникѣ. Французы оказывали православнымъ особое покровительство и предлагали имъ лучшую церковь въ городѣ; но малочисленные и забитые наши единовѣрцы не посмѣли принять ихъ предложеніе. Подъ австрійскимъ владычествомъ они вздохнули свободнѣе; но недостатокъ средствъ и энергіи былъ причиною того, что до послѣдняго времени они должны были довольствоваться молельнею, устроенною еще въ 1790 году за городомъ на горѣ. Только года два тому назадъ православная община купила мѣсто въ городѣ, на которомъ намѣрена построить приличную церковь. Православное духовенство въ Дубровникѣ (всего два священника: парохъ или жупникъ и капелланъ) бѣдно, забито и заподозрѣно въ привязанности къ Россіи, тогда какъ католическое живетъ въ довольствѣ и ведетъ себя неприлично своему сану. Но въ этомъ многочисленномъ католическомъ деховенствѣ господствуетъ вмѣстѣ съ бенравственностью бездарность и невѣжество: тѣмъ сильнѣе оттѣняются здѣсь такія личности, какъ ученый каноникъ Арбанасъ, почтенный старецъ, посвятившій себя воспитанію дѣтей, и приходскій священникъ, Матвѣй Водопичъ, знатокъ народа и даровитый романистъ.

За исключеніемъ итальянскихъ чиновниковъ и нѣмецкаго гарнизона, почти всѣ жители славянскаго происхожденія, *сербскаго* племени. Языкомъ и образомъ жизни они почти вовсе не отличаются отъ сосѣднихъ герцеговинцевъ (говорю о простомъ народѣ); но какъ послѣдніе примѣшиваютъ въ свою рѣчь турецкія слова и даже цѣлыя выраженія, такъ дубровничане, особенно тѣ, которые поближе къ городу, не могутъ обойдтись безъ итальянщины: непріятно слышать изъ устъ серба такія слова, какъ „дивертишкатисе“ (divertirsi — веселиться, забавляться), „финестра“ (окно), „бира“ (пиво),

„вапоръ“ (пароходъ) и т. п.; но еще непріятнѣе бываетъ, когда такой поитальянившійся сербъ поетъ итальянскія слова на сербскій манеръ: bonà sera, bonà notte и т. п.

Семейный бытъ дубровничанъ тотъ же, что и у другихъ южныхъ славянъ: семьи живутъ нераздѣльно, и старшій въ семьѣ признается общимъ главою. Каждая семья живетъ отдѣльно. Память объ общемъ родоначальникѣ поддерживается празднованіемъ во многихъ семьяхъ одного общаго родоваго святаго-покровителя. Свадебные и похоронные обряды здѣсь тѣ же, что и на всемъ славянскомъ югѣ. Тѣ же суевѣрія: безъ *тетки вилы*, одѣтой непремѣнно въ бѣлое платьѣ и научающей знахарству, не можетъ также обойдтись дубровничанинъ, какъ и всякій сербъ; посвященныя вилою въ таинства знахарства называются *виленицами:* онѣ лечатъ людей отъ болѣзней, которыми поражаютъ ихъ *вѣдьмы;* вѣдьмы, въ противоположность виламъ, олицетворяютъ начало зла: онѣ дѣйствуютъ въ союзѣ съ дьяволомъ; ихъ сборы происходятъ на гумнахъ; онѣ могутъ обращаться въ животныхъ и птицъ. Дубровничане крѣпко вѣрятъ въ *заговоры* и чудодѣйственную силу нѣкоторыхъ *травъ.* Дома строютъ (изъ квадратныхъ камней), по старославянскому обычаю, съ двумя выходами, и, желая сберечь матеріалъ и трудъ, дубровничанинъ старается прилѣпить свой домъ къ скалѣ: отъ этого домъ имѣетъ обыкновенно на улицу два, а въ виноградникъ или огородъ одинъ этажъ, такъ что входишь въ горницу по лѣстницѣ, а оттуда въ садъ прямо, не спускаясь. Дома кроютъ большею частію черепицами. Одеждою дубровничанинъ мало отличается отъ герцеговинца: на ногахъ — папучи (башмаки), затѣмъ длинные до колѣнъ бѣлые чулки и широкіе синіе шаровары; сверхъ бѣлой рубахи красный шитый золотомъ жилетъ или куртка. Красные плащи все болѣе и болѣе вытѣсняетъ практическая *струка* (родъ пледа). На головѣ феска или тюрбанъ. Женскій нарядъ весьма несложенъ: онъ состоитъ изъ бѣ-

лой рубахи, цвѣтной юбки (большею частію синей) и куртки. Голову покрываютъ платкомъ только замужнія. На шеѣ ожерелье изъ старыхъ монетъ или бусъ. Одежда разнообразится по селеніямъ. Красивые и рослые жупляне и жуплянки отличаются щеголеватостью. Мрачные конавляне носятъ одноцвѣтную черную одежду. Женщины на Пелешцѣ отличаются пестротою одежды и высокими шапками, украшенными разноцвѣтными лентами и цвѣтами: въ ихъ нарядѣ проглядываетъ что-то неславянское (не изъ Испаніи ли занесены сюда эта страсть къ пестротѣ и эти высокія шапки? Дѣло возможное: Охмучевичи и Тасовичи были родомъ съ Пелешца).

Дубровницкіе поселяне всегда пользовались полною свободою. Ихъ отношенія къ помѣщикамъ опредѣлены еще въ XIV—XV в. Обыкновенно помѣщикъ, оставляя для собственнаго своего пользованія участокъ земли, называемый *царином*, все остальное ея пространство раздроблялъ на участки между поселянами (coloni): за одни изъ этихъ участковъ они приносятъ ему условленное количество пшеницы (это называется *уевтъ*), а за другіе (*stima*) вносятъ $^2/_3$ поземельной подати; за право пользованія хозяйственными постройками, они отрабатываютъ 90 дней *барщины*, а за сады, прилежащіе къ домамъ, каждая семья приноситъ въ опредѣленные сроки *поклонъ*, состоящій изъ козъ, куръ и яицъ. Помѣщикъ, недовольный поселяниномъ, можетъ прогнать его съ своей земли, заплативъ ему за всѣ сдѣланныя имъ улучшенія (miglioramenti); но какъ эти улучшенія обыкновенно оцѣниваются выше стоимости земли, то помѣщикъ бываетъ принужденъ сносить всѣ неисправности своихъ поселянъ. Зная, съ какою небрежностью отрабатывается барщина, помѣщикъ обыкновенно отдаетъ царину на аренду богатому земледѣльцу, обязывая его платить ему $^1/_3$ или $^1/_4$ дохода или же предоставлять ему всѣ маслины.

Маслины **составляютъ самую доходную статью дубров-**

ницкихъ помѣстій: въ хорошій годъ весь округъ производитъ 10.000 боченковъ оливковаго масла, изъ числа коихъ $^{2}/_{3}$ потребляются въ странѣ и $^{1}/_{3}$ отпускается въ Тріестъ. Лучшія маслины родятся въ Орашцѣ (Val di-Noce) и Затонѣ (Malfi); добротою онѣ не уступаютъ итальянскимъ. За маслинами по степени доходности слѣдуетъ *вино;* въ прежнее время дубровницкій округъ производилъ его значительное количество, но съ тѣхъ поръ, какъ появилась критогама (болѣе 15 лѣтъ), дубровничане нетолько не могутъ отпускать вино за границы своего округа, но даже сами закупаютъ этотъ продуктъ въ далматинскихъ городахъ, особенно Шибеникѣ. Знаменитая дубровницкая мальвазія, продававшаяся 10—30 гульд. за эймеръ (всего производилось 200 эймеровъ), не существуетъ болѣе. Лучшія вина дубровницкаго округа слѣдующія: вугава (темно-желтаго цвѣта, сладковатое, но крѣпкое, на о-вѣ Брачѣ), просекко (свѣтлѣе вугавы, крѣпкое,—на Хварѣ и Пелешцѣ), гркъ (родъ мадеры) и печено (родъ краснаго хереса — оба на Корчулѣ, послѣднее и на Пелешцѣ). Масличными деревьями и виноградниками занято почти все пространство способной къ обработкѣ земли.

Фруктовые сады не производятъ достаточнаго для мѣстнаго потребленія количества плодовъ, а потому приходится прибѣгать къ вывозу ихъ изъ Апуліи. Каменистая почва Дубровника не годна для хлѣбныхъ растеній, а потому эта отрасль сельскаго хозяйства совсѣмъ заброшена.

Скотоводство, вслѣдствіе недостатка пастбищъ, никогда не процвѣтало въ Дубровникѣ, а теперь въ совершенномъ упадкѣ: оно ограничивается разведеніемъ козъ, овецъ и свиней, и то въ столь незначительныхъ размѣрахъ, что ихъ недостаетъ для мѣстнаго потребленія; крупный рогатый скотъ пригоняется изъ Герцеговины.

Приморскія селенія извлекаютъ большія выгоды изъ *рыболовства*, которое, какъ было во времена республи-

17*

ки, такъ и теперь свободно. Слѣдующія породы рыбъ наиболѣе распространены: зубацъ или dentale (sparus dentex, Zahnbrasser) branzino (lobrux lupus, Wolfsbarsch), cefali (mugil caelphalus, Meerüsche) и barboni mullus barbatus, rothe Meerberbe). Кромѣ того, ловится въ морѣ много омаровъ, а въ Стонѣ устрицъ огромной величины. Во времена республики отпускалось ежегодно заграницу 3.500 бочекъ соленой рыбы (преимущественно сардинокъ), нынѣ же, сколько мнѣ извѣстно, весь уловъ потребляется въ самой странѣ.

Дубровничане всегда славились *мореходствомъ*, и доселѣ значительная часть поморскаго народонаселенія снискиваетъ себѣ пропитаніе на морѣ. Мокошица въ Рѣкѣ считается разсадникомъ дубровницкихъ моряковъ. Кромѣ того, славятся своимъ искусствомъ мореплаванія жители Корчулы и Пелешца. Но въ прежнее время дубровничане плавали на своихъ корабляхъ, а теперь на чужихъ: въ 1806 году они имѣли еще 363 корабля; число это уменьшилось въ 1815 до 61, а въ настоящее время едва ли существуетъ болѣе 30. *Кораблестроеніе* въ упадкѣ вслѣдствіе недостатка средствъ: верфь Гружа стоитъ праздно; только на Корчулѣ строятъ еще изрѣдка корабли долгаго плаванія.

Торговля Дубровника ничтожна, и еслибы не было въ сосѣдствѣ такой страны, какъ Герцеговина, совсѣмъ бы заглохла: можно сказать, Герцеговина кормитъ Дубровникъ. Изъ нея получаются предметы первой необходимости для жизни, взамѣнъ коихъ отпускаются мануфактурные и колоніальные товары, выписываемые большею частію изъ Тріеста. Привозная торговля дубровницкаго округа не достигаетъ 700.000, а отпускная 800.000 гульд. среднимъ числомъ. Почти вся торговля находится въ рукахъ православныхъ купцовъ, родомъ изъ Герцеговины и Босніи. Между ними есть люди не только зажиточные, но даже богатые; жаль только, что они слишкомъ тщеславны и стараются всячески показать себя передъ ненавидимымъ ими обнищавшимъ дворянствомъ:

лишь только купецъ перемѣнитъ свои широкія шаровары на узкіе панталоны, какъ тотчасъ же появляется у него страсть къ роскоши, а тамъ, смотришь, какъ изъ земли выросло палаццо, расписанное портретами великихъ людей, между которыми непремѣнно отыщутся родственники разбогатѣвшаго купца. Торговое сословіе не вмѣшивается въ политическія дѣла и заботится только о сохраненіи и увеличеніи своихъ привиллегій.

Другое дѣло—*дворянство:* лишенное своего прежняго положенія въ обществѣ, оно живетъ только воспоминаніемъ о прошломъ и мечтами о будущемъ. Австрійское привительство никакъ не можетъ забыть того, что нѣкогда сильное властельское сословіе оказало ему на первыхъ же порахъ сопротивленіе, а потому систематически разоряетъ и унижаетъ его. Отъ общаго крушенія уцѣлѣли только графы Пуцичи (Pozza) и Кабога и баронъ Гундуличъ; остальные же властели обнищали и, такъ сказать, выродились. Но бѣдность не изгнала изъ нихъ духа тщеславія и гордости: подобно римскимъ гусямъ, они трубятъ повсюду о своемъ происхожденіи, гнушаются общества болѣе здороваго сословія — торговаго, проводятъ цѣлые дни въ кофейныхъ домахъ въ праздности и сплетнякъ, утверждая, что имъ позорно служить Австріи, въ дѣйствительности же это дѣлается просто изъ лѣни, и политическія убѣжденія тутъ не играютъ никакой роли: между этими выродившимися властелями рѣдко найдете человѣка съ душею, человѣка прямаго и честнаго, для большей же части изъ нихъ честь и добродѣтель не существуютъ. Изъ всей этой фаланги праздношатающихся, развратныхъ графовъ, маркизовъ, барововъ и патриціевъ едва можно указать на двухъ-трехъ, сохранившихъ доблести своихъ предковъ: любовь къ родинѣ, стойкость характера и трудолюбіе: это графы Медо и Нико Пуцичи и Мариница Джіорджичъ. Разложеніе этой республиканской аристократіи идетъ быстро, и уже недалеко время окончательнаго ея исчезновенія.

Связывающимъ звѣномъ между аристократiею и среднимъ сословiемъ служитъ *нѣмецко-итальянская бюрократiя*. Множество пивныхъ и колбасныхъ свидѣтельствуютъ если не о многочисленности, то о влiянiи австрiйскихъ культуртрегеровъ. Получающiй какихъ-нибудь 15 рублей въ мѣсяцъ, австрiйскiй офицеръ требуетъ вездѣ своего нацiональнаго напитка, своихъ сосисекъ съ хрѣномъ, своего супу за обѣдомъ, угрожая въ противномъ случаѣ не посѣщать болѣе не покорившагося его требованiямъ, а такъ какъ всѣ нѣмцы составляютъ въ Дубровникѣ особую корпорацiю, и неудовольствiе одного изъ ея членовъ принимается къ сердцу всѣми, то несчастный содержатель гостинницы или кофейнаго дома, хотя-не-хотя, долженъ плясать по ихъ дудкѣ. Нѣтъ ничего пошлѣе австрiйскаго нѣмца, обыкновенно весьма сомнительнаго происхожденiя, надутаго своимъ всезнайствомъ, хвалящагося тѣмъ, что принадлежитъ къ *великой австрiйской нацiи* и съ презрѣнiемъ говорящаго о славянскихъ варварахъ. Но во сто разъ хуже австрiйскаго нѣмца славянинъ-чиновникъ, изъ кожи лезущiй, чтобы превзойдти нѣмца ненавистью и презрѣнiемъ ко всему славянскому и способный на всякую мерзость, чтобы только не заподозрили его въ славянофильствѣ.

Гораздо сноснѣе нѣмецкихъ культуртрегеровъ итальянскiе цивилизаторы, доказывающiе дубровничанамъ и далматинцамъ необходимость удержать итальянскiй языкъ въ школахъ и администрацiи, потому будто бы, что славянскiй языкъ еще не обработанъ до такой степени, чтобы могъ служить органомъ науки и правительства, а на самомъ дѣлѣ потому, что въ противномъ случаѣ они не удержатся на своихъ мѣстахъ при незнанiи мѣстнаго языка. Есть между ними и такiе люди, которые сулятъ Дубровнику и Далмацiи золотую будущность подъ итальянскимъ владычествомъ. Какъ бы то ни было, итальянское влiянiе весьма сильно на всемъ австрiйскомъ приморьи: 20.000 итальянцевъ господствуютъ надъ

416.000 славянъ. Итальянская стихія въ Далмаціи развилась во времена венеціанскаго владычества, а въ Дубровникѣ подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ. Знаніе итальянскаго языка считается въ Дубровникѣ признакомъ образованности: многіе изъ дубровничанъ говорятъ по-итальянски лучше, чѣмъ по-сербски, а правильно писать на своемъ родномъ языкѣ мало кто знаетъ: такое знаніе правительство считаетъ излишнимъ, а потому на обученіе сербской грамматикѣ не обращаетъ никакого вниманія. Замѣчательную особенность Дубровника составляетъ то, что здѣсь употребляется тосканское нарѣчіе, тогда какъ во всей Далмаціи — венеціанское.

Жиды постоянно пользовались въ Дубровникѣ особымъ покровительствомъ: они издавна имѣли въ самомъ городѣ свою синагогу, тогда какъ православнымъ почти до самаго паденія республики не было дозволено строить церковь даже въ предмѣстьи. Въ рукахъ жидовъ находятся самыя выгодныя торговыя дѣла, какъ-то: продажа сигаръ и табаку и галантерейныхъ вещей, а также разнаго рода денежныя операціи.

Административная власть сосредоточивается въ рукахъ окружнаго начальника (Capitano Circolare), которому подчинены три коммиссара и нѣсколько преторовъ въ городахъ и мѣстечкахъ. Онъ слѣдитъ также за положеніемъ дѣлъ въ смежныхъ герцеговинскихъ округахъ, свѣдѣнія о коихъ доставляетъ ему консульскій агентъ въ Требиньи и пограничный коммиссаръ. Во время послѣдняго возстанія въ Герцеговинѣ, начальникъ дубровницкаго округа, Решетарь, неоднократно вмѣшивался въ дѣла нашихъ единовѣрцевъ и предлагалъ имъ свое посредничество къ примиренію ихъ съ турецкими властями: расточая имъ щедрыя обѣщанія, онъ подъ рукою дѣйствовалъ въ пользу турокъ и сѣялъ раздоры и несогласія между главарями, прибѣгая нерѣдко къ силѣ золота. Стараясь объ утвержденіи австрійскаго вліянія въ пограничныхъ округахъ, онъ своимъ двусмысленнымъ

поведеніемъ возбудилъ противъ себя и своего правительства ненависть нашихъ единовѣрцевъ. Во время возстанія черезъ Дубровникъ проходили въ Герцеговину турецкія войска и провозили провіантъ и военные снаряды, а дубровницкіе купцы, подъ руководствомъ турецкаго консула Персича (также дубровницкій купецъ), поставляли хлѣбъ для герцеговинской арміи.

Важность положенія Дубровника въ политическомъ отношеніи была причиною учрежденія здѣсь иностранныхъ консульствъ. По конвенціи графа А. Орлова, было учреждено русское генеральное консульство въ 1775 году съ цѣлію „доставлять сюда (въ Спб.) вѣрныя и точныя свѣдѣнія о всемъ, что токмо можетъ заслуживать здѣсь вниманіе со стороны политическаго состоянія Земскаго Правленія и *связей онаго съ сосѣдними областями, особливо же съ Портою Оттоманскою* и землями оной, ко владѣніямъ Республики Рагузской прилежащими; а равномѣрно *не упускать изъ виду и происковъ Вѣнскаго Двора, клонящихся къ привлеченію Рагузейцевъ подъ иго Австрійское* (инструкціи ст. сов. Палладоклису 1800 г.).“ Въ 1788 году прибылъ въ Дубровникъ первый русскій генеральный консулъ *графъ Джика;* при немъ сношенія наши съ Республикою были весьма натянуты: на его глазахъ дубровничане явно нарушали конвенцію графа Орлова, а онъ не принималъ никакихъ энергическихъ мѣръ по старости лѣтъ и по нежеланію ссориться съ сенаторами. Мѣсто графа Джики занялъ въ 1800 г. ст. сов. *Палладоклисъ*, о дѣйствіяхъ котораго намъ ничего неизвѣстно. Въ январѣ 1803 г. мы находимъ уже въ Дубровникѣ *Фонтона*, который съ самаго вступленія своего въ должность генеральнаго консула потребовалъ отъ Сената строгаго исполненія конвенціи графа Орлова: поддержанный министерствомъ, онъ настоялъ на томъ, что православнымъ было дозволено свободно отправлять ихъ богослуженіе. Также энергически онъ дѣйствовалъ и въ другихъ случаяхъ: онъ заставилъ Республику признать наше покровительство Іоническимъ

островамъ и вознаградить русскаго судохозяина за убытки, понесенные имъ отъ разграбленія конавлянами „Африканки,“ претерпѣвшей крушеніе у Молонты. Дубровничане, которымъ не нравился энергическій Фонтонъ, старались через своихъ агентовъ при вѣнскомъ дворѣ (графъ Аяла и Кабога) оклеветать его, но безуспѣшно. Когда Дубровникъ перешелъ подъ власть австрійцевъ, русское консульство было ввѣрено мѣстному уроженцу *Гагичу*: онъ не отличался ни особою энергіей, ни высокимъ образованіемъ, ни дипломатическими способностями, но исправлялъ свою должность ревностно. Его долголѣтняя консульская дѣятельность, его общительность и мягкость характера пріобрѣли ему общее расположеніе какъ католиковъ, такъ и православныхъ. Въ 1856 году генеральнымъ консуломъ въ Дубровникъ былъ назначенъ *П. Н. Стремоуховъ* (нынѣ директоръ азіатскаго департамента М. И. Д.). Его кратковременное пребываніе въ Дубровникѣ ознаменовалось разрывомъ съ Черногоріей. Дубровничане вспоминаютъ о немъ, какъ о „persona distinta.“ По отъѣздѣ изъ Дубровника П. Н. Стремоухова въ 1857 г., управленіе дѣлами консульства было поручено его секретарю, *Петковичу*, утвержденному впослѣдствіи консуломъ: при немъ совершились послѣднія важныя событія въ Черногоріи (граховская побѣда 1858 г., международная коммиссія разграниченія 1859—1860 г. и герцеговинско-черногорская война 1861—1863 г.). Петковичъ родомъ болгаринъ изъ Велеса (род. въ 1826 г.), воспитывался въ Россіи и въ 1853 г. поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Петковичу, со времени вступленія его въ управленіе консульствомъ, пришлось бороться съ французскимъ вліяніемъ въ Черногоріи, которое, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ усиливается: князь Николай, совершенно поддавшись этому гибельному вліянію, отклонился отъ политики, завѣщанной ему предками.

Со времени пресоединенія Дубровника къ Австріи, существованіе въ немъ иностранныхъ консульствъ объяс-

няется только сосѣдствомъ Герцеговины и близостью Черногоріи, дѣла коихъ собственно и составляютъ предметъ занятій консуловъ. Кромѣ Россіи, имѣютъ здѣсь своихъ агентовъ Англія (со времени послѣдней черногорской войны), Турція, Греція, Мексика и Римъ; прусское консульство переведено годъ тому назадъ въ Скутари (въ Албаніи); консульскій корпусъ будетъ, вѣроятно, увеличенъ учрежденіемъ французскаго и итальянскаго консульствъ. Изъ всѣхъ, пребывающихъ въ Дубровникѣ, консуловъ замѣчательна только оригинальная личность англичанина Петона (Paton): сынъ разорившагося купца, онъ долгое время странствовалъ по Европѣ и Египту въ качествѣ корреспондента „Таймса"; скитальческая жизнь его кончилась назначеніемъ его консуломъ въ Любекъ, откуда онъ былъ переведенъ въ 1863 году въ Дубровникъ. Съ молодости литература сталадля него ремесломъ: онъ писалъ по заказу о всемъ, что угодно, какъ-то: о музыкѣ (которой онъ считалъ себя знатокомъ), живописи, литературныхъ произведеніямъ разныхъ народовъ, о мадьярахъ, арабахъ и славянахъ (извѣстное сочиненіе его о Далмаціи: Highlands and Islands of the Adriatick, London 1849, наполнено бреднями); онъ писалъ и романы и, несмотря на то, что его книгопродавецъ и издатель замѣтилъ ему, по собственному его признанію, что онъ плохой романистъ,— онъ даже теперь на старости продолжаетъ заниматься беллетристикою. Едва выучивъ два-три сербскія выраженія, онъ уже задумалъ написать исторію образованности сербовъ! Простодушный чудакъ, онъ всякому разсказываетъ свои похожденія, свои литературные успѣхи и неудачи; скряга, онъ задаетъ музыкальные и литературные вечера, посѣтители которыхъ должны питаться духовною пищею, не помышляя о вещественной; онъ успѣлъ уже имѣть скандальныя приключенія въ Дубровникѣ, гдѣ онъ служитъ, какъ самъ онъ признался однажды на офиціальномъ обѣдѣ, предметомъ сарказмовъ. Это такая оригинальная личность, пройдти молчаніемъ

которую невозможно тому, кто желалъ бы представить характеристику Дубровника; къ тому же, онъ—писатель: вотъ почему и я счелъ нужнымъ остановиться на немъ.

Въ военномъ отношеніи дубровницкій округъ соединенъ съ которскимъ подъ начальствомъ бригаднаго генерала, имѣющаго пребываніе въ Дубровникѣ. Года полтора тому назадъ эту должность занималъ генералъ Филипповичъ, нынѣшній губернаторъ Далмаціи, человѣкъ недальняго ума и невысокой образованности, щеголяющій свѣтскими манерами, которыя пріобрѣлъ, бывши флигель-адъютантомъ Франца Іосифа. До него бригаднымъ генераломъ былъ баронъ Родичъ (православный), запятнавшій себя разрушеніемъ построенныхъ Вукаловичемъ въ Суторинѣ шанцевъ.

Школами завѣдуетъ духовенство. Хотя до половины XV вѣка не было въ Дубровникѣ общественныхъ школъ, и юношество воспитывалось или дома, или въ Италіи и Греціи, тѣмъ не менѣе уровень образованія дубровничанъ уже въ XIV вѣкѣ былъ относительно сосѣднихъ славянскихъ краевъ столь высокъ, что сербскій царь Стефанъ Душанъ отправилъ въ 1351 г. особое посольство въ Дубровникъ съ просьбою прислать къ его двору 20 благородныхъ юношей, а нѣсколько позже послалъ сюда на воспитаніе наиболѣе способныхъ къ наукамъ дѣтей изъ лучшихъ фамилій и основалъ здѣсь библіотеку, для которой пріобрѣлъ дорогою цѣною множество рукописей латинскихъ и греческихъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Дубровникъ былъ разсадникомъ просвѣщенія для сосѣднихъ славянъ: кромѣ мальчиковъ, здѣсь получали образованіе въ шести бенедиктинскихъ монастыряхъ дѣвушки изъ боярскихъ семействъ. Въ 1434 г. итальянецъ Филиппъ де-Диверсисъ устроилъ первую въ Дубровникѣ общественную школу для обученія юношества „in scientia et urbanis moribus.“ Съ тѣхъ поръ дубровничане постоянно выписывали учителей изъ Италіи до 1625 года, когда распространеніе съ каѳедры кальвинскаго ученія вынудило Сенатъ воспретить на буду-

щее время вызовъ иностранныхъ преподавателей. Въ концѣ XVII вѣка воспитаніе юношества было ввѣрено іезуитамъ, мѣсто коихъ, по уничтоженіи ихъ ордена въ1773 г., заняли піаристы; когда же Дубровникъ былъ присоединенъ къ Австріи, іезуиты были вновь вызваны. Содержимая ими гимназія служитъ разсадникомъ цезаризма и фанатизма. Дубровницкіе іезуиты, почти исключительно итальянцы, относятся непріязненно ко всему славянскому, и только въ послѣднее время, вслѣдствіе требованій далматинскаго сейма, введено преподаваніе сербскаго языка, которое идетъ однако весьма слабо, по причинѣ неудачнаго выбора преподавателя. Въ доминиканскомъ монастырѣ помѣщаются элементарная и реальная школы, директоромъ которыхъ ученый каноникъ Арбанасъ. Благодаря его познаніямъ и любви къ своему дѣлу, преподаваніе въ обѣихъ школахъ весьма успѣшно. Высшее образованіе получаютъ дубровничане по большей части въ падуанскомъ университетѣ, а нѣкотовые и въ вѣнскомъ; имѣющіе намѣреніе поступить на службу во флотъ обучаются въ морской академіи въ Тріестѣ. Сельскихъ школъ мало.

Вслѣдствіе низкаго уровня образованія, а также по недостатку средствъ, нѣтъ любви *къ литературнымъ занятіямъ*, и типографія Мартеккини ограничивается печатаніемъ казенныхъ бланковъ, афишъ и тощенькаго календаря „Epidauritano.“ Въ 1848 году, обѣщавшемъ столь много славянамъ, Дубровникъ временно пробудился изъ летаргическаго сна, въ который былъ погруженъ австрійцами. Бизаро своимъ „Incerto (Неизвѣстное)“ и д-ръ Казначичъ своимъ „Avvenire (Будущность)“ стараются пробудить чувство народности въ объитальянившихся своихъ согражданахъ, а Мато Банъ и графъ Медо Пуцичъ изданіемъ памятниковъ стародубровницкой образованности стараются вдохновить павшихъ своихъ соотечественниковъ чувствами предковъ: дѣло трудное, по сознанію самихъ издателей. „Найдите мнѣ поэта“, говоритъ графъ Пуцичъ (*Дубровникъ* 1849. I кн., стр. 7),

„очи котораго, при созерцаніи общественной жизни или собственной своей души, не оросились бы слезами, не прервалась бы на гусляхъ веселая пѣсня, не облилось бы сердце желчью, не закипѣло бы оно безнадежностью, проклятіемъ? Братья, мы пали глубоко, особенно же мы, дубровничане, такъ упали, что между нами и отцами нашими болѣе разницы, чѣмъ между ними и людьми древности.“ За этимъ минутнымъ увлеченіемъ послѣдовала прежняя апатія, Дубровникъ заснулъ еще глубже, и едва ли мы дождемся его пробужденія... Дѣятели 1848 года устарѣли и слишкомъ измяты жизнью, чтобъ ожидать отъ нихъ энергіи; въ молодомъ поколѣніи нѣтъ и стремленій къ литературнымъ занятіямъ: быть можетъ, Пуцичъ, Казначичъ, Банъ, Водопичъ и Будмани — послѣдніе дубровницкіе писатели... (*)

Графа Медо Пуцича (Conte Orsatto Pozza di Zagorie), потомка древняго властельскаго рода, переселившагося въ Дубровникъ изъ Котора около 800 г., бывшаго воспитателя великаго герцога тосканскаго, слѣдуетъ поставить во главѣ дубровницкихъ писателей нашего времени. Онъ можетъ служить типомъ дубровницкаго властелина временъ республики: въ его поэмѣ „Цвѣта“ (изъ осады Дубровника) оплакивается преимущественно лишеніе властельскаго сословія „прирожденнаго“ ему „господства“, затѣмъ разореніе „господскихъ дворцовъ,“ бѣдствія же родины стоятъ на второмъ планѣ; въ его ненависти къ намъ и нашимъ союзникамъ, „ястребамъ, залетѣвшимъ въ голубиное гнѣздо“, „неразумнымъ животнымъ, отъ которыхъ нельзя надѣяться ничего хорошаго“, слышенъ голосъ католика-фанатика. Хорваты (католики) считаютъ Пуцича ревностнымъ патріотомъ и од-

(*) Такъ я думалъ въ прошломъ году, когда была написана эта статья. Въ нынѣшнемъ году снова пробудилась въ Дубровникѣ литературная дѣятельность, свѣдѣнія о которой читатель найдетъ въ послѣдней статьѣ этого сборника.

нимъ изъ лучшихъ своихъ поэтовъ; стихотвореніе „Петербургу“ какъ бы оправдываетъ это мнѣніе.

«Онлје барем славски цар столује!
Слава Богу! Славян господује!»

(Здѣсь возсѣдаетъ на престолѣ славянскій Царь! Слава Богу! Славянинъ господствуетъ!)

Стихотвореніе это написано подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ гостепріимства, оказаннаго поэту въ бытность его въ Россіи... Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ выразился, какъ мы видѣли, совершенно иначе о насъ и нашихъ союзникахъ. Лучшія стихотворенія Пуцича — лирическія: его сонеты—образцовы. Онъ переводилъ и съ русскаго (напр. изъ Некрасова), но болѣе съ итальянскаго. Его „Споменици Србски из Аркиве Дубровачке (2 т.: Сербскіе памятники изъ дубровницкаго архива)“ представляютъ мало важнаго для исторіи Дубровника.

Д-ръ *Иванъ. Казначичъ* — сынъ престарѣлаго адвоката Антона Казначича, прославившагося своими колядными пѣснями шутливаго содержанія, — писалъ въ прежнее время хорошія лирическія пѣсни; но его муза давно уже замолкла; а въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ его назначили директоромъ больницы, онъ совсѣмъ перестадъ писать. Его рецензіи и политическія статьи разбросаны по журналамъ и газетамъ. Въ 1848 году онъ былъ редакторомъ газеты „L' Avvenire“ съ еженедѣльными прибавленіями „La Settimana (Недѣля).“

Матвѣй Банъ, лекторъ французскаго языка въ Бѣлградскомъ лицеѣ, издалъ 1849—1852 г. три книжки литературно-ученаго сборника „Дубровникъ,“ въ которомъ напечаталъ нѣсколько статей по дубровницкой исторіи.

Матвѣй Водопичъ, приходскій священникъ въ Гружѣ, занимался беллетристикою. Его романъ „Марія“ изъ быта конавлянъ, по отзыву знатоковъ, единственное въ своемъ родѣ явленіе въ сербской литературѣ: къ сожа-

лѣнію, изданъ доселѣ небольшой отрывокъ, по которому трудно судить о цѣломъ произведеніи.

Наконецъ намъ слѣдуетъ упомянуть о филологѣ *Будмани*, написавшемъ сербскую грамматику для итальянцевъ по послѣднимъ результатамъ современной науки. Трудъ этотъ, можетъ быть, въ настоящее время уже напечатанный, мнѣ еще не извѣстенъ: я знаю о немъ только по слухамъ, а сужу объ его достоинствахъ по извѣстнымъ мнѣ занятіямъ автора.

Дубровничане, по своей бѣдности, ведутъ жизнь замкнутую, обмѣниваясь визитами въ церковные и семейные праздники. Православное купечество справляетъ дни святыхъ покровителей ихъ рода: собираются послѣ обѣдни; угощеніе состоитъ изъ чернаго кофе, ликеровъ и сластей (наиболѣе извѣстны: *cotognata* — варенье изъ айвы и *mantala* — миндальныя лепешки, извѣстныя у итальянцевъ подъ именемъ *pane schiavone*). О званныхъ обѣдахъ, завтракахъ и ужинахъ не имѣютъ и понятія. Гостепріимства болѣе у православныхъ, чѣмъ у католиковъ. Большая часть горожанъ и чиновниковъ питается зеленью и чернымъ кофе; мясо и домашняя птица, по своей дороговизнѣ, подаются рѣдко. Рыба появляется на столѣ дубровничанина, когда большой ловъ, а дичь во время охоты. Такое воздержаніе происходитъ единственно отъ бѣдности: на 30 гульденовъ въ мѣсяцъ иному приходится содержать огромное семейство, —получающихъ до ста гульденовъ ежемѣсячно можно перечесть по пальцамъ. Дубровничанинъ, а особенно дубровничанка, обращаютъ болѣе вниманія на одежду, чѣмъ на пищу: ихъ желудки, подобно страусовымъ, перевариваютъ все; главная ихъ забота одѣться получше: къ нимъ вполнѣ примѣнима извѣстная русская поговорка. Удивляешься дамскимъ нарядамъ на гуляньяхъ и балахъ: зная, что мужъ получаетъ какихъ-нибудь 30 гульденовъ въ мѣсяцъ, не постигаешь, какъ ухищряются ихъ жены, чтобы принарядиться въ шелкъ или бархатъ; но стоитъ только пожить въ Дубровникѣ, чтобы разгадать эту за-

гадку. Чиновничьяго жалованья хватаетъ едва на квартиру и пищу; на взятки гуляетъ и одѣвается глава семейства, а жена промышляетъ сама о себѣ: она въ отсутствіе мужа принимаетъ своихъ доброжелателей, на счетъ которыхъ она одѣвается. Это дѣло столь обычное, что нетолько не таится, но даже служитъ предметомъ хвастовства. Добрые мужья не обращаютъ вниманія на продѣлки женъ, а иногда даже и сами устраиваютъ свиданія и сводятъ съ людьми, полезными для дома.

Дубровничане страстно любятъ музыку. Высшая почесть, какую можно оказать дубровничанину или дубровничанкѣ,—серенада. Дубровничанинъ, желая почестить заѣзжаго гостя, задаетъ ему серенаду; будь это губернаторъ, или православный епископъ, или же турецкій паша, все равно: серенада неизбѣжна. И лишь только раздастся музыка, и старый и малый спѣшитъ присоединиться къ шествію, особенно если оно совершается съ факелами. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ весь городъ высыпаетъ на музыку, и можно было бы подумать, что живешь въ большомъ европейскомъ городѣ: то же стеченіе народа, также блестящи наряды; но зато въ будни рѣдкую даму встрѣтишь на улицѣ или на гуляньѣ, а если заглянешь въ домъ, то застанешь ее, особенно лѣтомъ, чуть-ли не въ одеждѣ прародительницы Еввы. Кромѣ музыки, развлекаются дубровничане и театромъ. Благодаря предпріимчивости графа Бонды, Дубровникъ имѣетъ порядочный театръ; что касается до труппы, то многаго нельзя требовать отъ странствующихъ по бѣдной Далмаціи итальянскихъ артистовъ. Прелесть театра теряется отъ конкуренціи баловъ, даваемыхъ здѣшнимъ клубомъ (Casino nobile) и гарнизономъ: на балы входъ безплатный, по приглашенію, а въ театры нужно платить, а потому предпочитаютъ балы театру. Въ карнавалъ, когда даются балы, театры пустѣютъ. Карнавалъ самое бурное время въ Дубровникѣ: онъ справляется по-итальянски. Въ это время бываетъ даже народный балъ, извѣстный подъ именемъ *ballo brenese*, по-

тому что лучшіе танцоры и танцовщицы происходятъ изъ Brenо или Жупы, селенія, находящагося въ 2-хъ часахъ отъ города: подъ монотонный звукъ гуслей или мѣшницы (мѣхъ) отплясываютъ до упаду свое *коло*, общій сербскій танецъ, изображающій объясненіе въ любви. Коло только разъ въ годъ пляшутъ въ городѣ; зато часто въ деревняхъ, въ приходскіе праздники. Лѣтомъ, когда не бываетъ ни театровъ, ни баловъ, устроиваются болѣе зажиточными людьми прогулки по окрестностямъ и пикники. Любимыя мѣста для такихъ partite di piacere: Каноза съ своими пресловутыми платанами, Рѣка съ своимъ каскадомъ и мельницы Жупы. Само собою разумѣется, что такіе пикники устроиваются крайне экономически.

Единственный народный праздникъ въ Дубровникѣ бываетъ 3-го февраля, въ день памяти св. Власія. Наканунѣ вывозятъ изъ города въ предмѣстье Пилы двѣ пушки и помѣщаютъ ихъ на берегу моря. Утромъ собираются въ городъ окрестные поселяне съ хоругвями изъ мѣстныхъ церквей; подходя къ городу, они стрѣляютъ изъ доморощенныхъ длинныхъ ружей; имъ отвѣчаютъ пушечными выстрѣлами; оставивъ оружіе у воротъ города, направляются къ церкви св. Власія, въ которой выслушиваютъ обѣдню, а потомъ идутъ крестнымъ ходомъ по городу; послѣ обѣда—лотерея на главной улицѣ Stradone, а вечеромъ—ballo brenese. Во времена республики праздникъ св. Власія севершался съ особенною торжественностію. Еще наканунѣ весь городъ приходилъ въ движеніе. Дружины селеній Жупы и Рѣки, трижды обходя кругомъ города, трижды салютуютъ ректору и его совѣтникамъ, сидящимъ подъ арками дворца. Пушечными выстрѣлами и барабаннымъ боемъ встрѣчаютъ зарю слѣдующаго дня. Въ 8 часовъ утра 12 поселянокъ исполняютъ въ присутствіи ректора, передъ дворцомъ, танецъ, аллегорически изображающій миръ и изобиліе. Адмиралъ дубровницкаго флота, водружая знамя Республики на Роландовой площади, произноситъ слѣдую-

щее пожеланіе: „Во имя св, Троицы и т. д., во имя славнаго св. Власія, нашего покровителя и. т. д., во имя всѣхъ святыхъ, да здравствуетъ славная наша Республика, да ниспошлетъ ей Господь побѣду, миръ и изобиліе и да сохранитъ ее на многіе годы на море и на сушѣ! Ура св. Власій!“ Въ это время распорядитель праздника (il gran-capitano della festa), которому предшествуетъ пажъ и за которымъ слѣдуютъ 4 знаменосца и множество слугъ въ парадныхъ одеждахъ, при барабанномъ боѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ, направляется изъ главной гауптвахты къ ректору, передъ которымъ онъ и вся его свита нѣсколько разъ кланяются по-испански. Остатокъ утра проходитъ въ слушаніи миссы и въ крестномъ ходѣ, участіе въ которомъ принимаютъ Большой Совѣтъ и все духовенство. Послѣ обѣда устраивается турниръ, на которомъ il gran-capitano побѣждаетъ своего противника, il contro-capitano, послѣ чего возвѣщаетъ ректору: „наши побѣдили, и все обстоитъ благополучно“! Ректоръ даритъ распорядителя праздника, который задаетъ веселую пирушку друзьямъ и роднымъ.

Въ заключеніе считаю нелишнимъ упомянуть о *старинныхъ постройкахъ*, уцѣлѣвшихъ отъ землетрясенія 1667 года. Построеніе городскихъ стѣнъ со стороны моря лѣтописи относятъ къ 681 году; Castello di S. Giovanni въ Пустьернѣ (Posterula, позднѣйшее поселеніе) было построено въ 781 году; стѣны со стороны горы св. Сергія возведены въ 1100 году, по разрушеніи башни короля Бодина, 7 лѣтъ осаждавшаго Дубровникъ; тогда же былъ засыпанъ морской каналъ, бывшій на мѣстѣ нынѣшней Stradone, и начали застроивать Прѣки; стѣны были перестроиваемы въ 1266 и 1348 годахъ, нынѣшній же ихъ видъ относится къ 1570 году, когда были возведены новыя укрѣпленія инженеромъ Сапорозо Маттеучи, урожендемъ города Фермо. Стѣны украшены изображеніями св. Власія. Укрѣпленіе Минчетта построено въ 1318, а Rivelino или Fortezza Pia

(сооружено на деньги, пожертвованныя папою Піемъ II) въ 1460 году. *Фортъ св. Лаврентія* (San Lorenzo) на скалѣ въ предмѣстьи Пилахъ построенъ въ 1038 г. и возобновленъ въ 1460 г. *Ректорскій дворецъ* (нынѣ окружное управленіе) въ итальянскомъ вкусѣ съ колоннами, украшенными барельефами, построенъ 1435—1464 г. *Таможня* (Dogana Maggiore) въ готическо-арабскомъ вкусѣ сооружена 1516—1520 г. Въ 1540 г. окончена постройка *церкви св. Вознесенія* у Западныхъ воротъ. Въ 1435 г. итальянецъ изъ Луки, Онуфрій Іорданъ, провелъ въ городъ воду изъ долины Шумета, а въ 1438 г. построилъ два изящныхъ *фонтана*, одинъ близь дворца, а другой насупротивъ францисканскаго монастыря. О церквахъ и монастыряхъ было говорено выше. Эти старинныя постройки, отличающіяся отъ новыхъ своею грандіозностью, наглядно показываютъ путешественнику разницу между нынѣшнимъ и прежнимъ Дубровникомъ.

О ЛИТЕРАТУРНОМЪ ВОЗРОЖДЕНІИ ДУБРОВНИКА.

Въ нынѣшнемъ году возобновилась въ Дубровникѣ литературная дѣятельность въ такихъ размѣрахъ, какихъ она еще не достигала со времени паденія республики.

Литературная дѣятельность дубровничанъ въ 1848 году ограничивалась изданіемъ газеты „Будущность (L'Avvenire)" и небольшаго сборника „Дубровникъ." Издатели помышляли только о пробужденіи народнаго самосознанія въ объитальянившихся далматинцахъ и о сосредоточеніи, какъ бывало встарину, литературной дѣятельности всей Далмаціи въ ихъ отечествѣ Дубровникѣ. Несмотря на усиленіе австрійскаго гнета послѣ 1848 года, несмотря на противодѣйствіе итальянской партіи и интриги нѣмецкихъ культуртрегеровъ, славянское народное дѣло въ Далмаціи подвигалось съ каждымъ годомъ впередъ: въ главныхъ городахъ были основаны славянскіе клубы подъ названіемъ „читаоницъ" или „штіоницъ", года четыре тому назадъ учреждено общество для поощренія народнаго просвѣщенія—„Далматинская матица;" нѣсколько лѣтъ уже издается въ Задрѣ органъ славянской народной партіи — „Il Nazionale"... Въ то же время повсемѣстные успѣхи славянскаго народнаго самосознанія и событія послѣднихъ годовъ въ Италіи, Германіи и на балканскомъ полуостровѣ не могли не отозваться и на дубровничанахъ и не расширить программы ихъ новой литературной дѣятельности: мѣсто узкаго областнаго патріотизма занялъ патріотизмъ всеславянскій. Съ такимъ характеромъ является изданный дубровницкою народною „штіоницею"

сборникъ „*Дубровникъ*“ за 1867 годъ (У Сплѣту, брзотискомъ Антуна Заннони 1866 г. in 8° 522 стр.)

Вѣротерпимость, народное самосознаніе и братскій союзъ уже нѣсколько лѣтъ проповѣдуются далматинскими патріотами. Въ этомъ смыслѣ высказывается и дубровницкій властелинъ, *графъ Медо Пуцичъ*, въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи „*Пома* (Пальма)“, напечатанномъ въ сборникѣ „*Дубровникъ*“ (стр. 3—5). Сравнивая пальму сахарскихъ оазисовъ съ пальмою адріатическаго приморья, поэтъ говоритъ:

„Стройная пальма! благочестивая рука пересадила тебя и въ сербское приморье, и, хотя сѣверный вѣтеръ часто охлаждаетъ тѣснины, ты растешь у насъ по склонамъ скалъ; но твой ростъ не величественъ, но твой плодъ не можетъ дозрѣть, но пользы отъ тебя нѣтъ никому... Простое украшеніе суроваго края!“

„Много такого заморскаго зелья легло въ тебя, родная земля: оно высосетъ твои соки, оно вытянетъ твои жилы... Какая польза отъ того, что въ вербную недѣлю оно украшаетъ алтарь и ложе? Какая польза тебѣ, у которой нѣтъ куска хлѣба, отъ того, что цвѣты твои издаютъ ароматъ?“

„О, оставь ненавистное чужеземство! Всякой землѣ Богъ даровалъ способъ, размѣряя влагу и жаръ, питать свой народъ своею пищею. Свое зерно желудка не портитъ, домашнее платье никогда не старѣется, а кто гонится за соколомъ, тотъ не цѣнитъ изысканную кухню и бархатъ.“

„Всевышній надѣлилъ тебя умомъ, красою, силою, звучною рѣчью, чтобъ ты была намъ, сербская земля, нашею гордостью, но только смотри за собою; не ищи ты египетскихъ оазисовъ, итальянскихъ дивъ, нѣмецкихъ хитросплетеній, но принеси плодъ своего лона, покажи свѣту свой *юнацкій* родъ!“

„Безумцы посѣяли раздоръ, издѣвались надъ совѣстью, грекъ и латинянинъ попрали вѣру, французъ и нѣмецъ честь и науку; но у тебя божья вѣра чиста, душа твоя

блеститъ, какъ золото, внемли только голосу своего сердца, и Богъ, всеобщій судья, не оставитъ тебя!"

Въ посланіи *Матвѣя Ивичевича* къ извѣстному далматинскому поэту Ивану Сундечичу (тамъ же, стр. 299—302), проникнутомъ духомъ вѣротерпимости и братской любви, высказывается надежда на перемѣну въ судьбѣ южныхъ славянъ въ близкомъ будущемъ, „когда братья, не обращая вниманія на то, какъ кто крестится, станутъ пить изъ одной чаши, будутъ одушевлены однимъ духомъ, встанутъ на ноги, пойдутъ въ сваты къ бѣдной райи и счастливо дойдутъ до ея двора вмѣстѣ съ милымъ, Богомъ суженымъ, роднымъ, желаннымъ. Бѣдная райя силою насилуется, тяжко стонетъ подъ рукой немилою, плачетъ, стонетъ въ одиночествѣ"...

Но бѣдная райя, страждущая подъ тяжелымъ игомъ турка (поэтъ исчисляетъ всѣ ея страданія), „живетъ надеждою, что ея милый прійдетъ со сватами, разовьетъ знамя на ея дворѣ, приведетъ коней на ея дворъ, побьетъ волковъ и медвѣдей, острижетъ и обрѣетъ *аге* (турецкихъ помѣщиковъ), острижетъ и укоротитъ имъ ногти, уплатитъ долги, разрушитъ *кулы* (зáмки) и минареты, солью посолитъ имъ землю, чтобъ не процвѣтало то, что дышетъ проклятіемъ, чтобъ не дышало то, что не крестомъ пахнетъ."

„Милый райю, единственную дочь у матери, обнимаетъ, цѣлуетъ и, какъ слѣдуетъ, нѣжитъ,—милому райя угождаетъ и съ нимъ ладитъ, орловъ кормитъ — соколовъ питаетъ, рождаетъ дѣтей—молокомъ ихъ питаетъ, молокомъ питаетъ — духомъ воодушевляетъ, молокомъ укрѣпляетъ ихъ перси—духомъ ихъ оживляетъ, за персями мышцы крѣпнутъ, духъ освѣщаетъ совѣсть, по совѣсти дѣло дѣлается, а по дѣламъ и награда принимается"...

Поэтъ заключаетъ пожеланіемъ, „чтобы все ѣли и пили въ согласіи, чтобъ не возобновились грѣхи дѣдовъ, чтобъ не застигла ихъ буря, чтобы буря не покрыла

ихъ развалинами домовъ и чтобы съ ними не погибло и самое ихъ имя“...

„Грѣхи дѣдовъ,“ отъ которыхъ предостерегаетъ сербовъ Ивичевичъ въ посланіи къ Сундечичу, изображены въ трагедіи *Матвѣя Бана* „*Царь Лазарь.*“

Дубровничанинъ *Матвѣй Банъ* (р. 1818 г.), поселившійся съ 1844 года въ Бѣлградѣ, принадлежитъ безспорно къ плодовитѣйшимъ сербскимъ писателямъ: онъ издалъ книгу „о женскомъ воспитаніи“ (1847), составилъ руководство къ военной наукѣ (1848), занимался исторіею Дубровника (1849—1851), наконецъ писалъ стихотворенія (ихъ собраніе издано въ 1855 г.). Въ послѣднее время онъ посвятилъ себя попреимуществу драмѣ, и имѣлъ большой успѣхъ: его трагедіи „Мейрима“, „Урошъ V“ и „Царь Лазарь“ — суть лучшія драматическія произведенія сербовъ.

Предметъ напечатанной въ „Дубровникѣ“ (стр. 25—144) его новой трагедіи „Царь Лазарь“—паденіе сербскаго царства вслѣдствіе раздоровъ властелей. Позволимъ себѣ поближе ознакомить читателя съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, которое заслуживаетъ быть нетолько переведеннымъ на русскій языкъ, но и передѣланнымъ для нашей сцены: въ Прагѣ даются оперы Глинки, а постановка оперы стоитъ несравненно больше, чѣмъ драматическаго произведенія; мы же, располагая громадными въ сравненіи съ чехами средствами, не поставили доселѣ на нащу сцену, вообще бѣдную хорошими драматическими произведеніями, ничего славянскаго, а между тѣмъ такія трагедіи, какъ напр. „Самозванецъ Степанъ Малый (выдававшій себя въ Черногоріи за императора Петра III)“ владыки Петра II или „Царь Лазарь“ Бана могли бы оживить нашу сцену. Передъ нашимъ обществомъ раскрылся бы новый, неизвѣстный міръ, съ которымъ однако мы состоимъ въ кровномъ родствѣ, судьба котораго тѣсно связана съ нашею судьбою. Постановка славянскихъ пьесъ на нашей сценѣ и изданіе переводовъ лучшихъ произведеній

литературъ чешской, сербской и т. д.. способствовали бы развитію у насъ „русскаго народнаго самосознанія" гораздо болѣе, чѣмъ самыя блестящія разсужденія.

„Грозныя вѣсти дошли до насъ, братья: Силистрія пала, палъ Шишманъ; онъ предался туркамъ и сгубилъ голову, а сынъ его защитилъ свою алкораномъ... Старый дворецъ терновскій, столица болгарскихъ королей, сожженъ. Древняя арпадова держава стерта на вѣки съ лица земли... Теперь турки опоясываютъ насъ съ юга и востока. Все болѣе обвивается около насъ лютая змѣя." Такъ начинается трагедія.

Сербскіе властели совѣщаются во дворцѣ царя Лазаря въ Призренѣ о защитѣ родины. Входитъ Лазарь съ тѣми же вѣстями:

„Король несчастный и несчастный народъ! Итакъ Богъ во гнѣвѣ отвратилъ свое лице отъ грѣшныхъ христіанъ и даровалъ невѣрному силу казнить ихъ за ихъ злочинства. О чемъ снилось только Душану, то исполняетъ Муратъ, и исполнитъ! Вѣнецъ славы, предназначенный сербамъ, украситъ голову османлія."

„Врагъ сталъ на порогѣ нашего царства!" Этихъ словъ было достаточно для убѣжденія властелей въ необходимости войны: одинъ только Вукъ Бранковичъ, зять Лазаря и будущій измѣнникъ, предлагаетъ войдти въ сношенія съ турками и признать себя вассаломъ султана... Дубровничанинъ Пуцичъ подаетъ царю два письма: въ одномъ говорится, что, кромѣ Силистріи, еще держатся всѣ дунайскія крѣпости, что Шишманъ, повѣривъ ложнымъ слухамъ о завоеваніи всего его царства турками, предался имъ въ надеждѣ сохранить жизнь и вѣнецъ.

„И потерялъ и вѣнецъ и жизнь! (восклицаетъ Лазарь). Весьма сожалѣю его, но и охуждаю; ибо, когда дойдетъ до того, что все гибнетъ, король долженъ пасть послѣднимъ въ своей землѣ: онъ никогда не отдаетъ своей короны, но вмѣстѣ съ нею падаетъ на могилѣ своихъ ви-

тязей. Такъ, а не иначе, я погибну, если Богомъ суждено!“

Второе письмо гласитъ, что король боснійскій, Твртко, убѣжденный своимъ секретаремъ Пупичемъ, согласился послать 20.000 войска на помощь Лазарю.

Царь и властели уходятъ въ церковь св. Михаила; на площади передъ нею появляются два турецкихъ лазутчика въ одеждѣ монаховъ (паши Евреносъ и Аджибегъ). Они уже успѣли подкупить одного изъ властелей, Драшко, и вручили ему подложное письмо королевича Марка (передавшагося уже туркамъ) къ Вуку Бранковичу. Мало-по-малу собираются властели на площадь, на которой стоятъ два престола, одинъ для царя, другой для патріарха. Лазарь открываетъ *скупштину* слѣдующею рѣчью:

„Витязи! поклонъ вамъ отъ меня. Я хотѣлъ собрать васъ сегодня именно *здѣсь*, предъ гробницею Душана, чтобы посовѣтоваться о важномъ дѣлѣ и принять такое рѣшеніе, какое достойно сербамъ надъ ковчегомъ великаго царя, и какъ онъ однажды съ этого самаго мѣста спросилъ собранныхъ бояръ, куда они хотятъ обратить оружіе, на нѣмецкую или на греческую страну, такъ и я, о славные вельможи, воеводы и жупаны мои, спрашиваю васъ теперь, готовы ли вы явиться съ оружіемъ въ рукахъ по моему царскому призыву?“

Царю отвѣчаетъ старецъ *Богданъ-Югъ*:

„О царь мой, увы, какія времена ты вспомнилъ! Я уже не вижу здѣсь ни одного изъ тогдашнихъ героевъ! Всѣ почіютъ въ славныхъ могилахъ! Я одинъ остался, чтобъ повѣдать сыновьямъ, какъ тогда отцы ихъ отозвались на зовъ царя-героя. Всѣ мы тогда единодушно воскликнули: веди насъ, куда хочешь.“

„Государь (говоритъ воевода *Радичъ*), на запросъ, какой ты предложилъ, сербское дворянство всегда одинаково отвѣчало своимъ царямъ, и возможно ли дать другой отвѣтъ тебѣ? невзгоды не сломили нашей старой храбрости.“

„И не унизятъ себя дѣти (подхватываетъ *Топлица*) на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ отцы показали себя столь великими; ибо тогда сильный Душанъ,—я полагаю,—всталъ бы изъ гроба и, разгоняя насъ, воскликнулъ бы: Прочь, бѣгите, малодушные, не оскверняйте моего праха!“

„О, Топлица,“ отвѣчаетъ ему Лазарь, „мнѣ видится будто на яву тѣнь Душана, грозно смотрящая на насъ и громовымъ голосомъ взывающая къ намъ: Гдѣ мое столь великое царство? что вы съ нимъ сдѣлали? куда отошла отъ васъ прекрасная Романія, куда Ѳессалія и Македонія, Албанія, Эпиръ и Болгарія? куда дѣлись греческія и боснійскія земли? Я вамъ оставилъ огромное наслѣдство, и его вырвали у васъ изъ рукъ; я оставилъ свой царскій скипетръ, высоко поднятый на востокѣ, сломили его у васъ, какъ у дѣтей, и въ рукѣ у вашего царя я вижу только обломокъ отъ него, да и тотъ чтобъ удержать, онъ долженъ подкупать начальниковъ дикой орды, которую я столько разъ гналъ передъ собою. Все, что я пріобрѣлъ дорогою сербскою кровью, вы или потеряли или держите силою золота. Будьте прокляты!“.. Бояре приносятъ въ жертву царю свою жизнь и свое имущество, и онъ такъ продолжаетъ:

„До сихъ поръ голова моя была согнута подъ этою короною, отягченною не столько золотомъ, сколько стыдомъ; но теперь я могу поднять ее и гордо взглянуть на свой народъ. Да будетъ вамъ отъ меня хвала, а отъ свѣта вѣчная слава, сербскіе властели, вѣчно храбрые, вѣчно разумные, вѣчно великодушные! Когда вы меня посадили на престолъ, я нашелъ отечество наше подѣленнымъ между тѣми, которые должны были охранять его цѣлость; единодержавнаго царя не было, Боснія сама избрала себѣ государя, Болгарія отпала, а вельможи въ другихъ областяхъ всѣ стали совершенно независимы, и я смотрѣлъ съ моего опустѣлаго престола, осталось ли надъ чѣмъ царствовать. Но съ божьею помощью и вашею я сталъ мало-по-малу собирать камень за камнемъ отъ разрушеннаго Душанова зданія. Я укротилъ строп-

тивость многихъ отщепенцевъ, сломилъ силу злаго Альтомана, разорилъ гнѣздо Мрнявчевичей, власть угорскую отодвинулъ къ сѣверу, и третью часть царства воротилъ. Я далъ отдыхъ народу, чтобы потомъ, собравшись съ силами, идти далѣе; но какъ тутъ. посреди нашего пути, мы встрѣтились съ азіатцемъ. Скрестились мечи, нашъ былъ сломленъ, его цѣлъ остался. Нужно было или возобновить опасную борьбу, или поклониться ему. Молодыя силы были уморены, держава еще не окрѣпла, и я избралъ послѣднее. Я платилъ дань, выжидая, когда буду мочь послать ему острую саблю вмѣсто дани. Теперь снова пришелъ ко мнѣ его посолъ за этою постыдною искупительною данью, но, клянусь вамъ Пресвятою Тройцею, не дамъ ему ни гроша.“

При этихъ словахъ Лазаря встаетъ патріархъ и говоритъ:

„Вѣнчанная глава сербства, я намѣстникъ Божій между вами принимаю твою клятву и попранное это знамя человѣческаго искупленія подымаю къ небу. Да будетъ проклятъ всякій, кто не собрался бы около него и попустилъ бы невѣрной рукѣ низвергнуть его опять въ прахъ!“

Выслушавъ мнѣнія различныхъ воеводъ, Лазарь говоритъ:

„Возвѣщаю вамъ, что уже заключенъ союзъ угнетенныхъ народовъ. Какъ только падишахъ ударитъ на Сербію, возстанетъ вся Караманія, съ тылу нападутъ на него греки, а съ боковъ болгаре и албанцы, а подъ моимъ знаменемъ пойдутъ ему навстрѣчу боснякъ и сербъ. Сто тысячь храбрѣйшаго войска я выведу на Косово поле.“

Ему возражаетъ срѣмскій банъ:

„Въ этотъ союзъ я не имѣю никакой вѣры. Грекъ не посмѣетъ поднять и головы, а караманъ, только что покоренный, безсиленъ, о другихъ и говорить не хочу. Но, царь, если ты поведешь войско на косово, то и я прійду туда; но оттуда мы больше не вернемся.“

Лазарь объявляетъ войну туркамъ:

„Итакъ, съ согласія всего дворянства, я, царь сербскій Лазарь, отказываю падишаху въ дани и объявляю ему вѣчную рать.“

Патріархъ провозглашаетъ войну священною и призываетъ благословеніе небесъ на оружіе сербовъ.

Отъ этихъ словъ Лазаря, срѣмскаго бана и патріарха вѣетъ современностью. И въ настоящее время готовится въ Турціи священная война, и въ настоящее время пылкіе сербы возлагаютъ большія надежды на союзы съ Греціею и Румыніею; но не дай Богъ, чтобы во второй разъ исполнилося грозное предсказаніе срѣмскаго бана и чтобы повторилось для сербовъ Косово.

Второе дѣйствіе начинается интригами Драшка и турецкихъ лазутчиковъ. Бранковичъ ссорится съ Милошемъ и Лазаремъ, и въ тоже время получаетъ письмо отъ Марка королевича, сына Вукашина, изгнаннаго изъ царства Лазаремъ. Марко пишетъ ему, что султанъ рѣшился низложить съ престола Лазаря и предложить корону ему. Бранковичу, съ тѣмъ чтобы онъ призналъ себя турецкимъ васаломъ; самъ же Марко отказывается отъ престола, опасаясь будто бы мести бояръ изъ-за отца его Вукашина, и довольствуется спокойною жизнію въ Прилипѣ. Бранковичъ колеблется:

„Гробъ иль престолъ!... одно изъ двухъ. Но на гробѣ сіяетъ благословенный вѣнецъ мученика, а на престолѣ чернѣется корона измѣнника, навѣки осрамленная проклятіемъ. Правда, я нѣкогда помышлялъ о царской багряницѣ, и сильно помышлялъ; но чтобъ до нея дойдти такимъ путемъ?!.. Нѣтъ, не хочу... Не хочу? Но кому и изъ-за кого я останусь вѣренъ? Слабому тестю изъ-за полуумнаго дѣверя!“ и т. д.

Въ то время, когда онъ колеблется между престоломъ и вѣрностью подданнаго, входитъ Евреносъ и Аджибегъ, переодѣтые монахами, и открываютъ ему тайну: врагъ его, Милошъ Кобиличъ, измѣнилъ Лазарю и продалъ себя туркамъ. Бранковичъ поселяетъ въ Лазарѣ

недовѣріе къ Милошу и наконецъ повѣряетъ ему узнанную отъ лже-монаховъ тайну. Лазарь не поддается обману; но подложное письмо отъ пловдивскаго жупана, Райка, увѣряетъ его въ измѣнѣ Милоша... Драшко разсѣеваетъ и послѣднюю тѣнь сомнѣнія.

Третье дѣйствіе начинается открытіемъ турецкихъ лазутчиковъ. Лазарь приказываетъ казнить ихъ, но ихъ спасаетъ Бранковичъ и Милошъ. На допросѣ они продолжаютъ увѣрять въ измѣнѣ Милоша; еще одно письмо изъ Пловдива удостовѣряетъ въ томъ же. Лазарь уже не сомнѣвается болѣе, что Милошъ дѣйствительно измѣнникъ, и рѣшается отослать его изъ войска въ Крушевацъ къ царицѣ и дѣтямъ. Милошъ сопротивляется приказанію Лазаря, но тотъ напоминаетъ ему, что уже многимъ строптивымъ боярамъ онъ согнулъ гордую выю...

При поднятіи занавѣса въ четвертомъ дѣйствіи сербскіе бояре ужинаютъ. Озабоченный Лазарь ни ѣстъ, ни пьетъ; еще не всѣ воеводы собрались; но онъ не откладываетъ боя:

„Мы уже рѣшили быть бою завтра, и будетъ! Поджиданіе мало принесло бы намъ пользы, а невзгоды возрасли бы. Видовъ (св. Вита) день пусть рѣшитъ судьбу и останется вѣчно памятнымъ или по окончательному пораженію сербовъ, иль по побѣдѣ, какихъ было мало. Наканунѣ этого суженаго дня, не удивительно, что я озабоченъ. Сегодня вечеромъ вижу я около себя блестящій кругъ славнихъ витязей; но увижу ли я и сколько изъ нихъ завтра вечеромъ? Еще сегодня вечеромъ сербы тысячами спокойно спятъ на этомъ полѣ, а сколько ихъ завтра будетъ спать непробуднымъ сномъ?“ На это замѣчаетъ ему *Милошъ*:

„Мы родились, чтобъ жить и умереть за народъ. Благо всякому, кто честно исполнитъ свой долгъ. Царь Лазарь, о такихъ ненужно сожалѣть.“

Лазарь перебиваетъ его:

„Я то же говорю: благо такому! Но тяжко грѣшной ду-

шѣ того, изъ-за кого жены и дѣти тысячами одѣнутъ трауръ, изъ-за кого скованная цѣпями горько застонетъ вся родина, на кого цѣлые вѣка будутъ сыпаться проклятія поколѣній!“

Властели требуютъ у царя объясненія его загадочныхъ словъ, и онъ обвиняетъ Милоша въ измѣнѣ. Милошъ встаетъ, беретъ поднесенный ему, какъ измѣннику, кубокъ и говоритъ:

„О, несчастный, обманутый царь! Хотя и щемитъ мнѣ сердце, но я беру твердою рукою предназначенную измѣннику чашу и пью ее передъ народомъ сербскимъ и всевидящимъ и праведнымъ Богомъ, тебѣ во здравіе, а себѣ во причащеніе... Удерживаю эту злосчастную чашу. Ты всю ее налилъ мнѣ ядомъ, ворочу ее тебѣ завтра наполненною моею праведною кровью. Пусть упьется ею мой клеветникъ. Прощай, царь! Завтра Видовъ день, и ты увидишь, кто тебѣ вѣренъ и кто измѣнникъ.“

Милошъ, чтобъ оправдать себя, задумалъ опасный подвигъ—собственноручно убить султана въ его шатрѣ. Онъ пишетъ прощальное письмо женѣ Вукосавѣ и дѣтямъ и плачетъ, какъ дитя, онъ, закаленный въ бояхъ воинъ. Вѣрные друзья его, Топлица и Косанчичъ, рѣшаются погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, и всѣ трое на зарѣ отправляются въ турецкій лагерь.

Въ началѣ пятаго дѣйствія Милошъ является къ султану Мурату и жалуется ему на своего тестя и предлагаетъ свои услуги. Султанъ обѣщаетъ ему большія почести и даетъ поцѣловать свою руку, а Милошъ въ это время поражаетъ его кинжаломъ. Въ страшной битвѣ съ турками гибнутъ три побратима.

Побѣда склоняется на сторону сербовъ; но Вукъ Бранковичъ съ своею конницею измѣняетъ и гибнетъ царь, а съ нимъ и всѣ его воеводы. Радичъ, запоздавшій къ битвѣ, прокалываетъ себя саблею и умираетъ со словами: „Прощайте! Легъ я рядомъ съ братьями на развалинахъ Лазарева царства, на могилѣ сербской свободы!“

Такъ оканчивается эта замѣчательная и по мысли и

по языку (она писана стихами) трагедія Матвѣя Бана. Единственный, по нашему мнѣнію, недостатокъ этой трагедіи—слишкомъ большое число дѣйствующихъ лицъ (25 сербовъ и болѣе 10 турокъ), между которыми, нужно замѣтить, нѣтъ ни одной женщины.

Страданія христіанъ въ Герцеговинѣ подъ турецкимъ управленіемъ изображены въ исторической повѣсти *П. Франасовича*, *„Ази-бегъ,“* (*Дубровникъ* стр. 6—24). Имя Петра Франасовича, католическаго священника на островѣ Корчулѣ, не ново въ сербской литературѣ: во II-ой книгѣ „Дубровника (1850 г.)“ напечатана любопытная статья его о народныхъ обычаяхъ въ Дубровникѣ, а въ „Народномъ календарѣ“ далматинской Матицы за 1864 годъ изданъ отрывокъ изъ его корчуланской исторіи. Повѣсть Франасовича переведена въ „Литературной Библіотекѣ“ 1867 г. № 6.

Съ герцеговинцами знакомитъ насъ и австрійскій консульскій агентъ въ Требиньи, *Вукъ Врчевичъ*. Онъ напечаталъ въ „Дубровникѣ (стр. 145—156)“ нѣсколько народныхъ герцеговинскихъ *приповѣдокъ*. Нѣкоторыя изъ нихъ столь характеристичны, что мы рѣшаемся познакомить съ ними читателей.

„Отчего райя всегда горюетъ?“

„Когда жиды распинали Христа, спросилъ Христосъ апостоловъ: знаете ли, что вѣрные народы теперь думаютъ и дѣлаютъ?—„Знаемъ,“ отвѣчали они ему; „греки мудрствуютъ, какъ бы тебя мудростью избавить.“ Пусть дастъ имъ Господь всегда мудрости! — „Русскіе собираютъ сильное войско, чтобъ отнять тебя силою.“ — И пусть всегда его имѣютъ.—„Латыняне собираютъ деньги, чтобъ тебя выкупить.“ — И пусть всегда ихъ имѣютъ!—А что дѣлаютъ христіане (райя)? спросилъ онъ.— „Все горюютъ и плачутся о тебѣ: *горе намъ нынѣ и до вѣка.*“ —И пусть Богъ дастъ, чтобъ они всегда горевали и плакались!—Такъ это и понынѣ.“

„Побратимство турка и христіанина.“

„Въ одной корчмѣ сидѣли рядомъ турокъ и христіанинъ, и каждый пилъ свое. Когда они напились, насидѣлись и наговорились вдоволь, турокъ сказалъ: „Давай, влахъ, *), побратимимся на зло нашему врагу, который говоритъ:

«О, турокъ, кумъ по неволѣ!
О влахъ, силою побратимъ.»

Христіанинъ не могъ отказаться, и они побратимились. Взялъ турокъ стаканъ и выпилъ на здоровье христіанину, приговаривая: „Дай Богъ тебѣ здравствовать, побратимъ! сколько жертвъ заколото на байрамѣ, столько бы погибло влаховъ, нашихъ враговъ.“ Тогда взялъ стаканъ христіанинъ и выпилъ на здоровье турку, приговаривая: „Будь здоровъ, побратимъ! да Богъ дастъ, чтобы сколько въ пасху слюмилось крашенныхъ и бѣлыхъ яицъ, столько бы погибло турокъ!“ „Что, ты уже и разсердился!“ закричалъ турокъ, „черезъ годъ не было бы ни одного турка въ этихъ краяхъ; ты въ самомъ дѣлѣ заклинаешь, а я только пошутилъ!“

„И я также, побратимъ, изъ любви къ тебѣ сказалъ такое же пожеланіе, какъ и ты,“—отвѣчалъ ему христіанинъ.

„Французъ и нѣмецъ.“

„Гуляли однажды два задушевныхъ пріятеля, французъ и нѣмецъ, и видятъ неподалеку отъ дороги свинью съ 8 поросятами, кричащими: вуй, вуй, вуй; —и говоритъ въ шутку нѣмецъ французу: „посмотри, какіе французята!“ А французъ отвѣчаетъ: „правда твоя, что они французы, пока малы, но, состарѣвшись, разжирѣвъ и излѣнившись, они обращаются въ нѣмцевъ, такъ-какъ тогда они не пищатъ: вуй, вуй, вуй, а басятъ: я, я, я!“

Любопытна, особенно для спеціалистовъ, статья цетинскаго архимандрита *Никифора Дучича* о празднованіи *Божича* (Рожества Христова) въ Черногоріи (стр. 161—172).

Божичь,—главный, самый торжественный праздникъ у

*) Т. е. христіанинъ.

сербовъ. Обстановка этого празднества чисто языческая: христіанство только освятило разные языческіе обряды, совершаемые народомъ понынѣ, но уже безсознательно. Народные праздники всѣхъ вообще славянскихъ племенъ представляютъ богатый матеріалъ для нашихъ археологовъ,—но особенно тѣхъ изъ племенъ, которыхъ менѣе коснулась образованность. У задунайскихъ славянъ, и попремуществу у черногорцевъ, народный бытъ сохранился въ гораздо большей чистотѣ и неприкосновенности, чѣмъ у другихъ родственныхъ имъ племенъ, а потому слѣдуетъ желать побольше такихъ обстоятельныхъ описаній народныхъ празднествъ и обычаевъ, каково напечатанное Дучичемъ въ „Дубровникѣ": каждое изъ нихъ составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ науку, и чѣмъ оно безхитростнѣе, тѣмъ полезнѣе. При современномъ состояніи славянской археологіи, собираніе матерьяловъ представляется насущною потребностью: время окончательныхъ выводовъ еще не настало. Имѣя въ виду съ одной стороны относительную скудость собранныхъ уже и обнародованныхъ матерьяловъ по славянской археологіи, а съ другой чрезвычайную рѣдкость у насъ такихъ изданій, какъ „Дубровникъ", считаю небезполезнымъ передать вкратцѣ содержаніе статьи Дучича.

На праздникѣ Божича играютъ главную роль *баднякъ* и *пециво*. Въ Черногоріи кладется только одинъ главный и большой баднякъ (въ Герцеговинѣ же три), а маленькихъ—баднячичей—столько, сколько въ домѣ мужчинъ. Баднячичи начинаютъ рубить и носить домой за нѣсколько дней до Божича, большой же баднякъ рубятъ не ранѣе, какъ въ сочельникъ утромъ, почему и этотъ день называется *бадњимъ* (бадни данъ) нетолько въ Черногоріи, но у всѣхъ сербовъ. Большой баднякъ рубитъ и несетъ домой глава семейства. При рубкѣ бадняка наблюдаются слѣдующіе обряды: дойдя до бадняка, заранѣе намѣченнаго, *домачинъ* (хозяинъ дома, глава семьи) скидаетъ шапку, поворачивается на востокъ, крестится и Богу молится; затѣмъ начинаетъ рубить бад-

някъ съ одной стороны, приговаривая: „помози ми Боже и Божичу!“ Дорубивъ до половины съ одной стороны, начинаетъ рубить съ другой, но нѣсколько выше, приговаривая то же самое, что и прежде; съ этой стороны баднякъ не рубится такъ глубоко, какъ съ первой, затѣмъ чтобы онъ не упалъ на землю. Надрубивъ немного, домачинъ бросаетъ топоръ и валитъ баднякъ собственноручно съ той стороны, съ которой началъ его рубить. Когда баднякъ уже свалился на землю, хозяинъ съ молитвою на устахъ осматриваетъ, какъ переломился баднякъ, и по этому угадываетъ о наступающемъ годѣ: если переломъ ровенъ, то годъ будетъ счастливъ, и наоборотъ. Въ противномъ случаѣ продолжаютъ рубить баднякъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сломится ровно.

Перекрестившись и помолившись еще разъ Богу, *домачинъ* взваливаетъ баднякъ на плечи и несетъ домой— корнемъ внизъ. Прислонивъ его къ стѣнѣ, домачинъ входитъ въ горницу, на порогѣ которой встрѣчаетъ его *домачица* съ пшеничнымъ *колачемъ* въ одной рукѣ и съ чашею вина въ другой. Домачинъ привѣтствуетъ ее пожеланіемъ „добраго утра и хорошаго бадняго дня“, а домачица ему отвѣчаетъ: „добра ти (тебѣ) среча (счастье)!—и съ тобомъ заедно и ови и сваки други!“ Домачинъ беретъ колачъ въ руки и съ трехъ сторонъ откуситъ по кусочку, съѣстъ откушенное и выпьетъ вина изъ чаши.

Въ сочельникъ до вечера ѣдятъ мало. Весь день проходитъ въ приготовленіяхъ къ наступающему празднику. На *печиво* (печеное) домачинъ закалываетъ наилучшаго ягненка, а въ иныхъ мѣстахъ поросенка, нарочно откармливаемаго для Божича и называемаго *божура*. Баднякъ и двери дома украшаютъ зеленью и, гдѣ могутъ, масличными и лавровыми вѣтвями.

Пастухи на бадній день пригоняютъ овецъ позже обыкновеннаго, въ сумерки. При приближеніи овецъ къ дому, выходитъ домачинъ съ двумя восковыми свѣчами

и двумя гребнями, поставляемыми имъ по обѣимъ сторонамъ воротъ: между ними должны пройти всѣ овцы. Пастухъ становится съ одной стороны воротъ и считаетъ овецъ новымъ прутомъ, а домачинъ—съ другой и молится. За этимъ обрядомъ слѣдуетъ другой: домачинъ беретъ огниво и подаетъ его пастуху; пастухъ, стискивая его зубами, приговариваетъ: „сколько ущерба нанесъ я этому огниву, столько бы злодѣй нашему дому и волкъ овцамъ.“ Потомъ входятъ въ домъ, и домачица даритъ пастуха пшеничнымъ колачемъ и печеньями.

Разводятъ огонь, заготовляютъ соломы и жита и начинаютъ вносить бадняки. Домачинъ встаетъ, скидаетъ шапку, зажигаетъ свѣчи, которыя держатъ два человѣка у дверей дома, когда вносятъ бадняки, молится Богу, выходитъ изъ дому съ сыновьями и братьями, беретъ большой баднякъ, а остальные мужчины баднячичи, и затѣмъ всѣ возвращаются въ горницу, приговаривая: „добрый вечеръ! поздравляемъ васъ съ баднимъ вечеромъ!“ На порогѣ дома встрѣчаетъ ихъ домачица и посыпаетъ всѣхъ житомъ, приговаривая всякому: „будь счастливъ! а съ тобою и баднiй вечеръ, и Божичь, и всякiй праздникъ!“ Другая женщина, самая старая въ домѣ, становится насупротивъ домачицы и держитъ пшеничный колачъ, а на немъ чашу вина. Домачинъ кладетъ на огонь баднякъ и баднячичи крестообразно, дѣлаетъ на немъ зарубку ножемъ, куда кладетъ кусокъ колача и поливаетъ виномъ, причитая: „да здравствуетъ баднякъ-веселякъ! мы тебѣ вина и хлѣба (погаче), а ты намъ здоровья, мира, сыновей, рода, плода и всякаго добраго счастья!“ Тогда всѣ по старшинству отпиваютъ по глотку вина изъ чаши. Вслѣдъ за этимъ стрѣляютъ изъ ружей передъ домомъ или изъ оконъ дома.

По окончанiи этихъ обрядовъ приступаютъ къ ужину. Ужинаютъ не на обычномъ мѣстѣ, а вокругъ огня, на которомъ горитъ баднякъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ вся семья проходитъ между двумя огнями, приговаривая: „я прошелъ между двумя огнями, а третьяго не боюсь.“

Прошедшій между двумя огнями, по народному повѣрью, не боится лихорадки. Въ другихъ домахъ мальчики прыгаютъ черезъ огонь, чтобы родились и плодились мужское колѣно и домашній скотъ.

На огнѣ, на которомъ горитъ баднякъ, домачинъ печетъ на вертелѣ *пециво*. Игры, пѣсни и веселье не умолкаютъ до тѣхъ поръ, пока не испечется ягненокъ или поросенокъ.

На другой день прежде всѣхъ встаетъ домачица, мѣситъ тѣсто и въ него кладетъ серебряную монету. Кому достанется кусокъ съ этою монетою, тотъ будетъ счастливъ весь годъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ замѣшиваютъ вмѣстѣ съ монетою соль, которую даютъ овцамъ, чтобъ онѣ росли и множились. Хлѣбъ (*чесница*), приготовленный изъ этого тѣста, въ однихъ домахъ ѣдятъ въ Рождество, а въ другихъ (нетолько въ Черногоріи, но и въ Герцеговинѣ) на новый годъ, называемый „Малымъ Божичемъ".

Литургія отходитъ до зари. Во время литургіи всѣ присутствующіе въ церкви „*мирбожатся*", т. е. цѣлуются, при чемъ одинъ говоритъ: „миръ Божій, Христосъ родился!" а другой отвѣчаетъ: „воистину родился! поклонимся Христу и Христову Рожеству!"

При возвращеніи изъ церкви домой возобновляются тѣ же пожеланія, какъ и въ бадній вечеръ. Домачинъ подходитъ къ огню, беретъ головню отъ бадняка и высѣкаетъ изъ него искры, причитая: „о, баднякъ-веселякъ! въ добрый часъ да Богъ дастъ! столько намъ (т. е. сколько искръ) здоровья, мира, рода, плода, веселья, мужскихъ дѣтей и всякаго благополучія!" Потомъ мирбожится со всѣмъ домомъ.

Затѣмъ садятся обѣдать. Въ *чесницу* или въ сосудъ съ житомъ втыкаютъ свѣчу (а въ Герцеговинѣ столько свѣчь, сколько людей въ домѣ). Въ половинѣ обѣда встаетъ домачинъ и поетъ: „Во славу святаго Рожества Христова, которое мы встрѣчаемъ такъ дивно и весело! Дай Богъ, чтобы много лѣтъ мы встрѣчали его здраво

и весело! Да подастъ онъ помощь намъ и всякому брату христіанину!“ Чаша съ виномъ переходитъ отъ него ко всѣмъ обѣдающимъ.

Послѣ обѣда приходитъ *гость (полазникъ)*. Повторяются тѣ же пожеланія и обряды, какъ при возвращеніи домачина изъ церкви. Полазника угощаютъ на славу.

Въ общеславянскомъ отдѣлѣ „Дубровника“ перепечатана изъ моихъ „Матеріаловъ для дипломатическихъ сношеній Россіи съ рагузскою (дубровницкою) республикою (стр. 74—89)“ превосходная ода іезуита *Игнатія Градича* въ честь Петра Великаго, подъ заглавіемъ „Пламъ сѣверскій“ (1710 года), найденная мною въ рукописи францисканской библіотеки въ Дубровникѣ № 15. Игнатій Градичъ уподобляетъ въ этой одѣ Петра Великаго всесокрушающему пламени, не встрѣчающему на пути своемъ никакихъ препонъ, и высказываетъ надежду, что русскій царь освободитъ страждущихъ подъ турецкимъ игомъ славянъ (подробнѣе см. у меня стр. 15—16). Вмѣстѣ съ этою одою были изданы мною тогда же еще двѣ другія подобныя же Степана Ружича и неизвѣстнаго автора. Какъ эти оды, такъ и многія другія историческія стихотворенія дубровничанъ, на которыя я указываю въ „Изслѣдованіяхъ объ сторическихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (стр. 239—280)“, имѣющихъ въ скоромъ времени выйдти въ свѣтъ, доказываютъ, „какъ давно и какъ глубоко въ славянахъ сознаніе общаго ихъ происхожденія и какъ тверда въ нихъ вѣра въ общую ихъ будущность.“ Значительное количество найденныхъ мною въ одномъ католическомъ Дубровникѣ стихотвореній съ панславистическимъ направленіемъ убѣждаетъ насъ, какъ нельзя лучше, въ неосновательности ученія г. Пыпина, отрицающаго, „что мысль о славянскомъ единствѣ была сильна во многихъ сильныхъ умахъ, которые еще въ старину сознавали солидарность племенъ, составляющую предметъ стремленій новѣйшаго панславизма (*Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ*, стр. 26)“. Редакторъ

сборника, указавшій по своей добросовѣстности источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ оду Градича, сознавался мнѣ, что при переводѣ стараго правописанія на новое онъ не могъ прочесть нѣкоторыхъ стиховъ. Въ то же время онъ писалъ мнѣ слѣдующія, вылившіяся изъ его патріотической души, строки: „Какъ увидите, я упомянулъ объ источникѣ, изъ котораго мною заимствована ода, съ цѣлію показать моимъ соотечественникамъ, что *иностранцы* (i foresti) *знаютъ наши произведенія лучше насъ самихъ*".

Чтобъ покончить съ этимъ первымъ-общеславянскимъ или, какъ онъ названъ редакторомъ, народнымъ-отдѣломъ, слѣдуетъ упомянуть еще о стихотвореніи *И. Сундечича* „Султанъ Мехмедъ и Скендербегова сабля", сюжетъ котораго заимствованъ изъ народной легенды: султанъ, услышавъ, что у Скендербега есть чудная сабля, разсѣкающая однимъ махомъ коня и всадника и еще на цѣлый локоть проникающая въ землю, пишетъ къ нему письмо съ просьбою прислать ему эту саблю; Скендербегъ исполняетъ просьбу Мехмеда, но, къ удивленію, чудная сабля въ рукахъ султана не производитъ чудесъ; раздраженный Мехмедъ пишетъ гнѣвное письмо къ Скендербегу и проклинаетъ его за обманъ; Скендербегъ отвѣчаетъ ему, что онъ самъ виноватъ въ неудачѣ произведеннаго имъ опыта и что сабля ни къ чему не послужитъ, когда мышцы слабы.

II и IV отдѣлы сборника посвящены Дубровнику: въ нихъ есть много любопытнаго для спеціалистовъ и важнаго для науки.

Записка *Бетеры* о политическомъ и гражданскомъ устройствѣ бывшей дубровницкой республики, написанная по порученію австрійскаго генерала Милутиновича и переведенная съ французскаго Николаемъ Путицею, не представляетъ ничего новаго послѣ статей М. *Бана* въ „Дубровникѣ" 1849—1852 гг. и первой главы I части диссертаціи *А. Майкова*, *Исторія сербскаго языка въ связи съ исторіею народа* (М. 1855), дополненіемъ къ

которымъ можетъ служить I-я глава моихъ „Изслѣдованій объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“.

Баро Бетера (1770—1852) принадлежалъ къ старому дубровницкому роду. Учился у піаристовъ на родинѣ. Въ 1770 году отправился въ качествѣ переводчика къ отцу своему, бывшему консуломъ въ Смирнѣ. Въ 1803 году ѣздилъ по дѣламъ республики въ Вѣну. 1811—1819 г. былъ секретаремъ муниципіи и degli istituti di beneficenza e degli ospici. 1820—1842 былъ политическимъ преторомъ въ Дубровникѣ. Онъ хорошо зналъ латинскій и итальянскій языки, занимался политико-экономическими науками и писалъ стихотворенія на латинскомъ и сербскомъ языкахъ. Его литературные труды никогда не были изданы.

Профессоръ богословія въ дубровницкой іезуитской коллегіи, *Лаврентій Кукулица*, представилъ первый опытъ сербской народной эпиграфики (стр. 214—225) и написалъ любопытную статью о дубровничанинѣ *Иванѣ Стойковичѣ*, извѣстномъ въ исторіи котолической церкви подъ именемъ *Joannes Stoicus* или *Joannes a Ragusio* (стр. 280—298).

Иванъ Стойковичъ родился въ Дубровникѣ въ концѣ XIV вѣка. Первоначальное воспитаніе получилъ на родинѣ въ доминиканскомъ монастырѣ. Въ 1424 году находимъ его въ Парижѣ въ Сорбоннѣ, гдѣ онъ ознакомился съ ученіемъ Жерсона. Прибывъ въ 1426 году въ Римъ, онъ былъ назначенъ прокураторомъ доминиканскаго ордена (Procurator generalis toiius ordinis praedicatorum). Въ 1431 году въ качествѣ намѣстника кардинала Цезарини онъ открываетъ базельскій соборъ, на которомъ защищаетъ Жерсонову теорію, ставившую соборную власть выше папской. На базельскій соборъ, какъ извѣстно, были приглашены чешскіе калишники и табориты. Представитель первыхъ, Иванъ Рокицанскій, защищалъ въ продолженіе трехъ дней ученіе о причащеніи подъ обоими видами (sub utraque specie). Ему возра-

жалъ въ теченіе 8 дней Иванъ Стойковичъ. Его рѣчь, находящаяся между соборными писаніями, поразительно сходна съ рѣчью на тотъ же предметъ знаменитаго Босюета: Кукулица полагаетъ, что это сходство не случайно, и что Босюетъ заимствовалъ содержаніе своей рѣчи у Стойковича. Стойковичъ позволялъ себѣ выражаться очень рѣзко о калишникахъ (онъ называлъ ихъ еретиками), на что жаловался вождь таборитовъ Прокопій: „*conterraneus iste noster* injuria nos afficit, haereticos subinde nos vocans (*этотъ землякъ нашъ* оскорбляетъ насъ, называя насъ еретиками)". Стойковичъ отвѣчалъ ему: *quia conterraneus vester sum lingua et natione*, propterea tam avide cupio vos ad matrem Ecclesiam redire (*будучи родственъ вамъ по языку и народности*, я тѣмъ сильнѣе желаю вашего возвращенія на лоно матери церкви *).

На базельскомъ соборѣ было рѣшено домогаться соединенія церквей греческой и латинской. Стойковичъ предложилъ совратить сначала въ католицизмъ южныхъ славянъ, православныхъ и богумиловъ. Его предложеніе было принято соборомъ, по порученію котораго онъ обратился къ дубровницкому правительству съ просьбою оказать свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Дубровничане отправили пословъ къ боснійскому королю Степану Твртковичу, къ герцеговинскимъ вельможамъ Сандалу Хранічу и Радославу Павловичу и къ деспоту сербскому, Юрію Бранковичу, но безуспѣшно. Дубровницкая республика черезъ своихъ пословъ, Мартола Джорджича и Лавра Сѣрковича, извѣстила соборъ о неудавшихся ея стараніяхъ склонить юго-славянскихъ владѣтелей къ соединенію съ Римомъ и въ то же время ходатайствовала о дозволеніи дубровничанамъ торговать съ невѣрными. Соборъ, по настоянію Стойковича (ferventi sollecitudine), исполнилъ просьбу дубровничанъ особою буллою отъ

---

*) Что скажетъ г. Пыпинъ противъ этого заявленія Прокопія и Стойковича, сохраненнаго намъ *Энеемъ Сильвіемъ* (Historia Bohem. c. 3), котораго нельзя заподозрить въ славянофильствѣ?

12 декабря 1433 года. Благодарная республика предлагала Стойковичу сначала аббатство кромское (1431), а потомъ (1436) епископство требинское; но онъ отказался отъ этой чести.

Въ 1435 году Иванъ Стойковичъ былъ отправленъ соборомъ въ Царьградъ склонить императора Іоанна Палеолога къ соединенію съ римскою церковью. Изворотливый Стойковичъ, владѣя греческимъ языкомъ, вкрался въ довѣріе многихъ знатныхъ людей, и особенно патріарха Іосифа II, родомъ болгарина, знавшаго хорошо сербскій языкъ. Быть можетъ, Стойковичъ успѣлъ бы въ стараніяхъ къ соединенію церквей, еслибы ему не помѣшали послы папы Евгенія IV, враждовавшаго съ базельскимъ соборомъ (они подсылали даже убійцъ къ Стойковичу). Усердію своего соотечественника дубровничане обязаны торговымъ договоромъ съ Византіею 1437 г. По возвращеніи изъ Царьграда Стойковичъ былъ возведенъ сначала въ санъ епископа страсбургскаго (1439 г.), а потомъ (1440 г.) пожалованъ въ кардиналы. Умеръ въ Базелѣ въ 1442 году. Нѣкоторыя сочиненія богословскія и политическія Стойковича находятся въ собраніи писаній базельскаго собора (Labboeus), многія другія въ рукописи.

Не менѣе любопытна статья *Богишича* о другомъ знаменитомъ дубровничанинѣ, *Стефанѣ Градичѣ* и его перепискѣ съ дубровницкою республикою (стр. 303—321). Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Ст. Градича читатель найдетъ въ моихъ „Изслѣдованіяхъ объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (стр. 224—231, 253—255)“.

Въ дубровницкомъ архивѣ хранится 436 писемъ Ст. Градича 1642—1683 г. Онѣ важны и для біографіи Градича и для исторіи Дубровника. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Градичъ прожилъ на родинѣ съ декабря 1643 до ноября 1648 г., что съ этого времени пять лѣтъ онъ провелъ, вѣроятно, въ Задрѣ въ своемъ аббатствѣ св. Кузьмы и Даміана и что съ 1653 года до своей смерти онъ

покидалъ Римъ только дважды, и то не надолго, а именно въ 1664 и 1679 годахъ, когда онъ ѣздилъ къ Лудовику XIV—въ первый разъ по порученію папы, а во второй въ качествѣ посланника дубровницкой республики. О второмъ путешествіи въ письмахъ Градича сохранились любопытныя свѣдѣнія: цѣлью ею посольства было испросить помощь Лудовика XIV противъ турокъ; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ представиться королю, церемоніймейстеръ французскаго двора, Girault, предъявилъ ему приказъ о немедленномъ удаленіи его изъ Франціи. Какая была тому причина, самъ Градичъ не зналъ и въ письмахъ своихъ передаетъ только дошедшіе до него слухи о томъ, что іезуиты обвинили его передъ королемъ въ янсенизмѣ. Такой слухъ заслуживаетъ вѣроятія, ибо Градичъ не задолго передъ тѣмъ имѣлъ въ Римѣ литературный споръ съ іезуитомъ Гоноріемъ Фабри (De opinione probabili 1678).

Письма Градича весьма важны для исторіи дипломатическихъ сношеній Дубровника. Въ папѣ дубровничане видѣли перваго своего защитника и благодѣтеля; но, угождая ему, они умѣли отстаивать свои интересы. Стараясь жить въ мирѣ съ венеціанцами, дубровничане не довѣряли имъ и зорко слѣдили за всѣми ихъ дѣйствіями: опасаясь ихъ интригъ, дубровницкій сенатъ строго воспретилъ всѣмъ, кто имѣлъ малѣйшее вліяніе на народъ, имѣть какія бы то ни было сношенія съ венеціанскимъ правительствомъ; въ то же время дубровничане ревниво охраняли свою независимость и свободу, отказываясь салютовать венеціанскому адмиралу и отстаивая свои права но неретвинскія солеварни. Изъ торговыхъ интересовъ дубровничане поддерживали хорошія сношенія съ турками, умѣя въ то же время ладить со всѣми христіанскими державами. Въ письмахъ Градича есть также любопытныя свѣдѣнія о внутреннихъ дѣлахъ Дубровника.

Подъ псевдонимомъ *Никши Пресличича* издалъ редакторъ сборника, *Маркизъ Іосифъ Буничъ* (Bona), нѣсколько

пѣсенъ отца своего, *Маркиза Перка Бунича*, извѣстнаго въ свое время поэта и патріота, о которомъ доселѣ мы не имѣли никакихъ свѣдѣній. Читатели, а особенно спеціалисты, надѣюсь, не посѣтуютъ на меня за ознакомленіе ихъ съ этою замѣчательною личностію на основаніи краткой ея біографіи, напечатанной въ „Дубровникѣ“ (стр. 258—262).

Перко родился въ концѣ прошлаго столѣтія. Во время возстанія противъ французовъ (1813—1814 г.) онъ съ небольшою дружиною очистилъ отъ непріятеля Гружъ и Пилы, но въ одной схваткѣ съ французами былъ раненъ въ грудь. Когда рана, послѣ продолжительной болѣзни, зажила, Перко не хотѣлъ оставаться долѣе на опостылѣвшей ему подъ чужеземнымъ игомъ родинѣ и отправился на Востокъ. Изъ Каира онъ намѣревался ѣхать въ Америку; но судьба рѣшила иначе: на пути онъ женился и возвратился съ молодою женою на родину. Несмотря на свою бѣдность, онъ отказывался отъ даровъ и почестей, на которые были такъ щедры австрійцы въ началѣ своего господства въ Дубровникѣ. Единственною его утѣхою была поэзія, и отъ него осталось въ рукописи множество пѣсенъ, калéндъ, маскарадныхъ стихотвореній, комедій и драмъ: отличаясь чистотою языка, онѣ свидѣтельствуютъ въ то же время объ его поэтическомъ, а особенно комическомъ, талантѣ, и непорочности души его.

Въ то время, когда его соотечественники пресмыкались предъ чужеземною властью и заискивали ея благорасположенія непристойными хвалами, Перко написалъ одну только оду, и то не докончилъ ея и не послалъ по назначенію, въ честь Михаила Обреновича, учредившаго Общество сербской словесности. „Вѣсть о такомъ благородномъ дѣлѣ“, говоритъ онъ, „разнеслась далеко. Всякое сердце тебѣ благодарно, ты снискалъ всеобщую любовь... Подъ пепломъ тлѣется искра; чужеземецъ не погаситъ ея, пока намъ жива Сербія и съ нею Михаилъ“.

Намѣреваясь образовать хорошую труппу сербскихъ

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
1	6 сн.	Slavansky	Slovansky
2	10 св.		Послѣ слова *впадающая* проп. *въ Дунай*.
8	11 сн.	царь	великій жупанъ
13	6 —	Фильмерайеръ	Фальмерайеръ
15	9 —		послѣ словъ *въ Истріи* пропущено *и Далмаціи*.
31	17 —	Свиланна	Свилаина
32	13 сн.	ствою	свою
45	7 сн.	Връбасбмъ	Връбасомъ
46	15 —	народившихся	находившихся
49	14 —	ремесла	ремеслъ
50	7 св.	бо	но
64	6 —	непринимавшая	не принимающая
66	1 —	1856 г.	1865 г.
75	1 св.	Кракуевца	Крагуевца
91	2 —	уничтожалъ	унижалъ
106	15 сн.	вооруженіе	возстаніе
109	— —	Петковита	Петковича
115	2 —	укрѣплелія	укрѣпленія
120	9 св.		Передъ словами *былъ воскресный день* пропущено *5 сентября*.
130	15 сн.	нѣгушинскаго	нѣгушскаго
131	12 —	1860	1861
133	4 св.		Послѣ *это* пропущено *назначеніе:*
135	6 —	зеведена	заведена
188	10 —	книжки	книжка
—	11 —	поэмы	поэма
203	7 —	черемши	черешна
209	16 —	впороднившійся	породнившійся
211	18 св.	въ 8 пушекъ	8 пушекъ
228	— сн.	ддріатическаго	адріатическаго
229	8 св.	1500	1500′
230	2 сн.	Giogi	Giorgi
232	3 —	Rogatroum	Rogatorum
233	6 —	перевести	перевезти
—	3 —	Alb1nie	Albanie
267	4 св.	сониненіи	сочиненія
268	17 св.	congregazioni	congregazione
271	4 сн.	фикторіяхъ	факторіяхъ
272	18 сн.	деховенствѣ	духовенствѣ
276	4 св.	caelphalus	caephalus
287	17 сн.	кефе	кофе
288	6 сн.	возрождаетъ	возражаетъ

Нумерація страницъ 16 и 17-го листовъ обозначена ошибочно: вмѣсто 241, 242 и т. д. до 272 включительно,—поставлено: 257, 258 и т. д. до 288.